

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

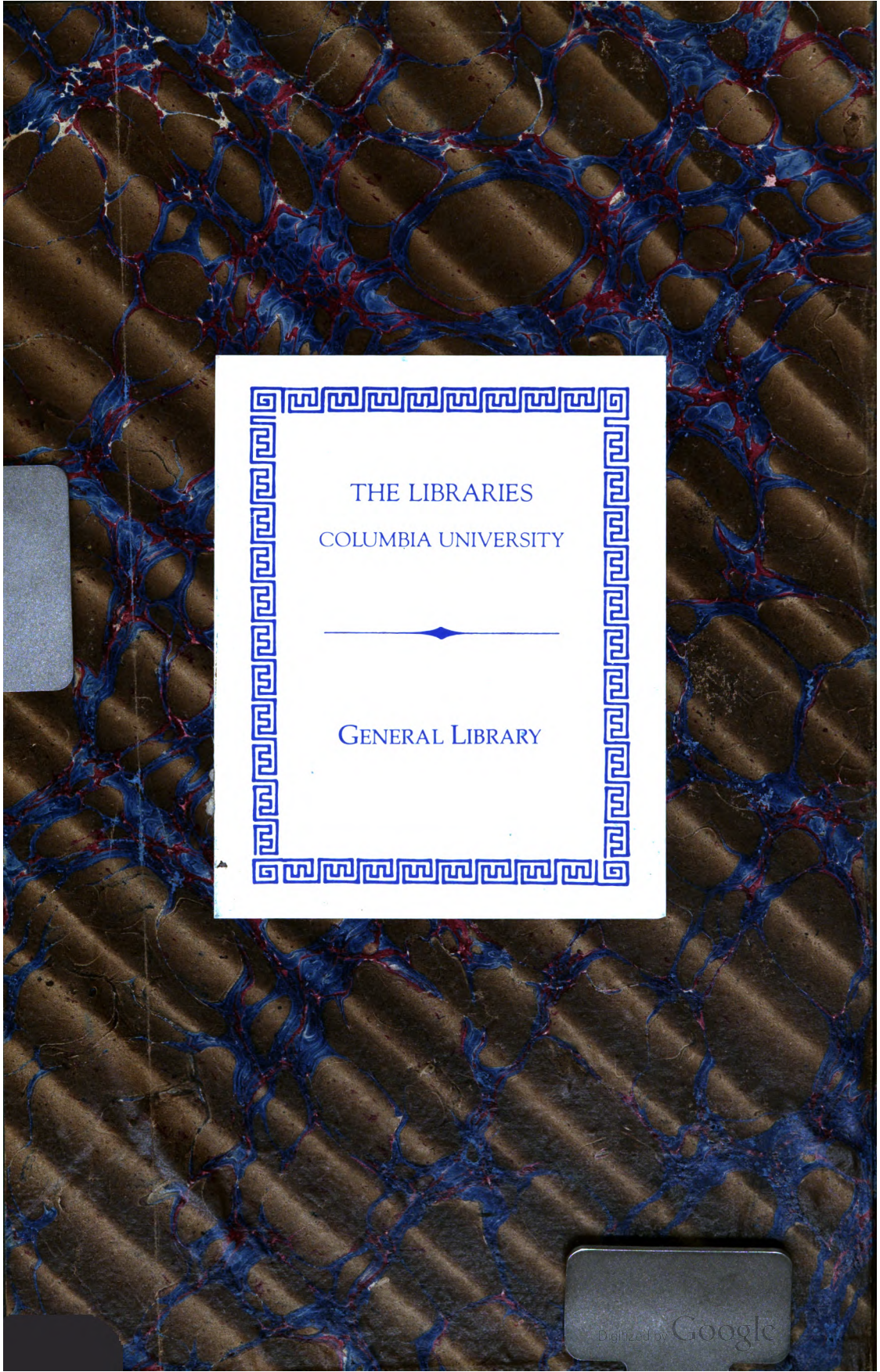
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

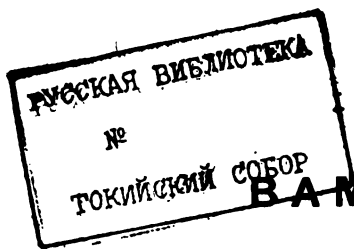
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

GENERAL LIBRARY

В А М Б Е Р И

Нот, you
231

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ

ВОСТОЧНЫХЪ ПРАВОВЪ.

ST. VLADIMIR'S SEMINARY LIBRARY

575 SCARSDALE ROAD

CRESTWOOD, TUCKAHOE, N. Y. 10707

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

Больш. Подъяч., № 39.

1877.

Внѣстѣх

DS

328.2

.V35

18778

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 декабря 1876 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	1
I. Домъ и дворъ	3
II. Семейная жизнь	12
III. Женщины	20
IV. Одежда и украшенія	45
V. Пища	64
VI. Попойка	71
VII. Табакъ и наркотическія вещества	79
VIII. Баня и омовенія	98
IX. Школы	108
X. Образованіе	123
XI. Праздники	132
XII. Пилигримы и пилигримство	141
XIII. Дервиши	157
XIV. Высокая Porta въ Константинополѣ и ея столпы	172
XV. Караваны	189
XVI. Базары и базарная жизнь	201
XVII. Христіане и евреи	208
XVIII. Типы мусульманскихъ народовъ	229
XIX. Современные мусульманскіе цари	241
XX. Пословицы и поговорки	255

КАРТИНЫ ВОСТОЧНЫХЪ ПРАВОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ интересѣ, напечатанныхъ мною до сихъ поръ очерковъ изъ жизни мусульманской Азіи, подлежащія страницы должны были бы появиться не *послѣ*, но *до* изданія моего «Ислама въ девятнадцатомъ столѣтіи». Почти половина моихъ этюдовъ набросана была болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, отчасти даже во время моего пребыванія на Востока, но я долго откладывалъ полное изданіе отдѣльныхъ этюдовъ¹⁾, такъ какъ думалъ отказать, въ виду моего незначительнаго описательнаго таланта, отъ обработки сюжета, за который бралось уже не одно перо.

Если все таки я рѣшился на эту попытку, то тому содѣйствовали слѣдующія обстоятельства. Во первыхъ дружеское приглашеніе, исходящее съ компетентной стороны, дѣйствовало слишкомъ поощряющимъ образомъ, чтобы я могъ противустоять этой попыткѣ. Во вторыхъ, я давно работаю надъ корнесловіемъ тюрко-татарскихъ нарѣчій и, хотя это занятіе — анатомическое разчлененіе самыхъ замѣчательныхъ изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ языковъ — способно сильно приковать къ себѣ вниманіе, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что небольшая прогулка изъ сферы теоріи въ область практики благотворна для ума и души, такъ какъ ничто такъ не укрѣпляетъ и не придаетъ столько силъ, какъ освѣжающее вліяніе пріятной перемены. Въ третьихъ, всякій, кто въ теченіи своихъ юныхъ и зрѣлыхъ лѣтъ долго жилъ въ Азіи и въ точности изучилъ страну и людей, возмимѣетъ желаніе изобразить тѣ нравы и обычаи, которые нѣкогда питали его любознательность и возбуждали къ себѣ высокій интересъ своимъ страннымъ, нер-

¹⁾ Изъ нихъ три или четыре напечатаны въ венгерскихъ англійскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ.

обычнымъ характеромъ, особенно, если воспоминаніе о нихъ сохранилось и въ позднѣйшіе годы во всей своей свѣжести.

Такова краткая исторія происхожденія моихъ «Картинъ нравовъ», и согласно ей я прошу судить мою книгу. Поставивъ своей задачей избѣгать всего тяжеловѣснаго, я передавалъ въ своихъ новѣйшихъ очеркахъ воспріятыя въ свое время впечатлѣнія въ возможно неподкрашенной и правдивой формѣ, и если мнѣ приходилось обращаться два или три раза въ цѣлой книгѣ къ чужимъ источникамъ, то лишь въ такихъ случаяхъ, когда новыя изслѣдованія дополняли мои собственные наблюденія. Вѣрный своему девизу: *utile dulci*, я старался и въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ моихъ сочиненіяхъ, заинтересовать популярнымъ изложеніемъ возможно большій кругъ читателей. — Азія, повидимому, въ скоромъ времени сдѣлается тою частью земнаго шара, гдѣ жаждущей дѣятельности Европѣ предстоитъ разрѣшить въ высокой степени важныя историческія, культурныя и соціальныя проблемы, почему необходимое разсѣивать туманъ и расширять болѣе и болѣе знакомство съ восточными нравами и обычаями.

Буда-Пештъ, 15 Апрѣля 1876.

Г. В.

I.

Домъ и дворъ.

«Дворецъ калифовъ сіялъ золотомъ и мраморомъ, великолѣпная мозаика украшала стѣны и полъ, непрерывно бьющіе фонтаны и каскады распространяли пріятную прохладу, располагая своимъ журчаніемъ къ освѣжающей дремотѣ. Роскошныя вьющіяся растенія и тѣнистыя деревья служили мѣстопробываніемъ безчисленному множеству пѣвчихъ птицъ. Потолки комнатъ, испещренные мозаикой, блестяли золотомъ и красками, богато одѣтые рабы въ ярко-цвѣтныхъ шелковыхъ тканяхъ наполняли дворецъ, а во внутреннихъ покояхъ жили красивѣйшія женщины въ мірѣ». Такъ описываетъ А. Ф. Кремеръ, остроумный и ученый авторъ «Исторіи Культуры Востока», калифскій дворецъ омеядовъ въ Дамаскѣ. Въ подобномъ или еще болѣе живонисномъ свѣтѣ выставляются блескъ и великолѣпіе дворцовъ знаменитыхъ мусульманскихъ царей древности, и въ этомъ нѣтъ нисколько преувеличенія, такъ какъ роскошныя постройки мавровъ въ Испаніи, аббасидовъ въ Багдадѣ и тимуридовъ въ центральной Азіи и Индіи—единственны въ своемъ родѣ и вполне достойны глубокаго изумленія со стороны потомства. Но ошибочно, однако, заключать, при видѣ прошлаго величія и роскоши востока, о всеобщности этихъ признаковъ благосостоянія и богатства, и еще ошибочнѣе судить о состояніи современнаго востока по этимъ древнимъ памятникамъ роскоши. Нынѣ востокъ есть лишь историческое понятіе, и какъ гордо возвышаются внушительныя еще въ своихъ развалинахъ памятники архитектуры Сулейманіи, Герать, Самаркандъ, Агра, надъ окружающими ихъ жалкими хижинами, иллюстрируя печальное сказаніе о «царѣ и нищемъ», такъ рѣзокъ контрастъ

★

между прежнимъ и нынѣшнимъ востокомъ, такъ широка пропасть между созданіемъ нашей вскормленной въ юности на арабскихъ сказкахъ фантазіи и грустною дѣйствительностью, представляемой настоящимъ востокомъ.

Обыкновенно говорятъ, когда рѣчь заходитъ о легкихъ тонкихъ деревянныхъ зданіяхъ Стамбула, что турки лишь раскинулись лагеремъ въ Европѣ. Я полагаю, что можно идти далѣе и, обобщивъ эти слова, сказать, что всѣ жители Азіи располагаются лагеремъ, ибо жилища ихъ, даже въ главныхъ городахъ магометанскихъ странъ, выстроены ли они изъ дерева или изъ кирпича и булыжника, не могутъ быть названы «домами» въ евронеискомъ смыслѣ этого слова. Въ западныхъ магометанскихъ странахъ, именно тамъ, гдѣ архитектура и комфортъ византийцевъ оказывали сильное вліяніе на мусульманскихъ завоевателей, тамъ, по крайней мѣрѣ, внѣшній видъ дома соотвѣтствуетъ нѣсколько европейскому понятію этого слова. Этажи со множествомъ большихъ, близко отстоящихъ другъ отъ друга оконъ, выходящихъ на улицу, крыши, балконы, ворота, — все напоминаетъ западъ, но, повторяю, только по наружному виду, ибо, при входѣ во внутренность жилища, мы снова увидимъ передъ собой голый оріентализмъ. Вездѣ страшная пустота, но чѣмъ просторнѣе помѣщеніе, чѣмъ больше въ немъ пустоты, тѣмъ лучше чувствуетъ себя его обитатель, вкусъ котораго въ этомъ отношеніи рѣзко выразился поговоркой: «Лучше получать побои въ удобномъ, просторномъ жилищѣ, чѣмъ хорошую пищу въ узкой комнатѣ». Вся мебель, даже у самыхъ богатыхъ людей, состоитъ изъ одного дивана, примыкающаго къ тремъ стѣнамъ, и если бы иногда полъ не покрывался тонкими коврами, то подобное жилище показалось бы европейцу совершенно необитаемымъ. «Вы европейцы», часто приходилось мнѣ слышать, «до такой степени переполняете свои комнаты мебелью, что вамъ почти негдѣ двигаться». Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы восточный житель свободнѣе двигался въ своемъ жилищѣ, чѣмъ мы. Онъ сидитъ, скорчившись, въ углу своего дивана, и только глазъ его любитъ просторомъ громадной комнаты. Подобнаго рода жилище не можетъ назваться ни уютнымъ, ни удобнымъ, ни красивымъ, и даже гигиеническимъ условіямъ соотвѣтствуетъ оно лишь въ извѣстномъ отношеніи. Если лѣтомъ оно представляетъ много пріятныхъ сторонъ, то зимой оно невыносимо, и еще теперь меня охватываетъ ужасъ, когда я вспомню о тѣхъ холодныхъ зимнихъ дняхъ и вечерахъ, которые я проводилъ въ Стамбулѣ въ домахъ бывшихъ министровъ. Тепло, рас-

пространное мангаломъ (жаровней), достаточно лишь 'для одѣтаго въ шубу восточнаго жителя, но, оно быстро выходитъ чрезъ тонкія деревянныя стѣны, и не разъ случалось мнѣ утромъ собирать съ своего одѣла сѣгъ, проходившій чрезъ стѣнныя щели и окно, подлѣ котораго стояла моя кровать. Только въ новѣйшее время, напимъ западной культуры вызвалъ нѣкоторыя переѣны въ домахъ знатныхъ турокъ. Появились кушетки, стулья, кресла и столы, но больше, однако, ради моды, чѣмъ для употребленія, ибо мягкое сидѣнье миндера, (матрацъ дивана, приблизительно въ 4 фута ширины), служить для восточнаго жителя гораздо болѣе удобнымъ мѣстомъ отдохновенія, чѣмъ стулъ, сидя на которомъ онъ не можетъ поджать подъ себя ногъ, но долженъ свѣсить ихъ, а это утомляетъ и держитъ его въ напряженномъ состояніи, отчего стулъ и получилъ названіе «франкскій колъ».

Но мѣръ удаленія отъ Турціи внутрь Азіи, наружный видъ дома теряетъ красоту и пріобрѣтаетъ, наконецъ, характеръ той намѣренной занущенности, которая вызвана съ одной стороны гаремнымъ бытомъ, а съ другой, необходимостью вѣчно дрожать предъ произволомъ властей. Тамъ, гдѣ, вслѣдствіе преувеличенной и ложно понятой нравственности, женскій полъ боязливо избѣгаетъ чужаго взора и гдѣ богатство и довелиство служатъ главными поводами къ притѣсненіямъ, тамъ легко понять, почему жилище снаружи представляетъ лишь голыя, грязныя и размытыя дождемъ глиняныя стѣны, тогда какъ внутри часто убрано роскошно и съ большимъ блескомъ. Такой особенностью отличаются преимущественно нѣкоторые города Сиріи и Персіи, отвѣчающіе до извѣстной степени господствующему на западѣ представленію о древневосточной роскоши и комфортѣ. Поражаешься уже при самомъ входѣ чрезъ узкія мрачныя ворота на первый широкій дворъ, по срединѣ котораго обыкновенно находится продолговатый резервуаръ съ водой. Особенно пріятное впечатлѣніе производятъ маленькіе сады, и хотя въ комнатахъ, расположенныхъ по тремъ сторонамъ двора, замѣчается по прежнему пустота, но за то, нерѣдко, богато изукрашенныя стѣны съ изображеніями цвѣтовъ и птицъ, а въ Персіи и женскихъ фигуръ, носятъ печать истинно восточнаго орнаментальнаго искусства. Старинная мода покрывать потолокъ позолотой и украшать его великолѣпными арабесками и вставными зеркальными стеклами удержалась только внутри Азіи, и какъ въ древнія времена, такъ и нынѣ персы не имѣютъ соперниковъ въ этомъ искусствѣ. Европейца поразитъ также употребленіе въ громадномъ количествѣ раскрашенныхъ гравюръ, прилагае-

нихъ въ нашихъ модныхъ журналахъ, для украшенія персидскихъ салоновъ. Впоследствии я узналъ, что эти гравюры составляютъ предметъ особой торговли.

У сирійцевъ и жителей Туркестана за дворомъ открывается галлерея, называемая *айванъ*, соответствующая персидскому *талару*, большому, устланному коврами залу съ раскрытымъ всю зиму и лѣто окномъ въ передней стѣнѣ, которое со вкусомъ украшено искусной рѣзбой и изъ котораго видны сады и резервуаръ. Здѣсь принимаются гости, исполняются обиденныя дѣла и здѣсь же обыкновенно отдѣлываются отъ всѣхъ заботъ, созерцая по цѣлымъ часамъ зеленый лугъ и волнистую поверхность бассейна, въ духѣ арабскаго двустипіа:

«Se lasetun jerilu' min el Kalb el harn».

«El Mai dschari el hadhravat ve sedschih ul husn».

Три предмета выгоняють тоску изъ сердца:

Текущая вода, зеленый лугъ и красивое лицо.

Значеніе воды и луга лѣтомъ равносильно значенію огня зимой. «El nar fakihat esch schita» (огонь есть плодъ зимы) говоритъ арабъ, разумѣя, конечно, огонь въ восточномъ смыслѣ этого слова, ибо этотъ огонь въ нашемъ болѣе суровомъ климатѣ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы отвѣчать своему назначенію. Сидитъ ли европеецъ у мангала или одчака. (каминъ), онъ всегда мерзнетъ съ одного бока въ то время, какъ другой на половину превращается въ жаркое, если только онъ не въ шубѣ и не одѣтъ, какъ всѣ восточные жители, въ толстое платье, и если онъ не сидитъ, подобно имъ, по цѣлымъ часамъ на одномъ и томъ же мѣстѣ безъ всякаго движенія,—мука, конечно, еще болѣе невыносимая для европейца, чѣмъ всякій холодъ. Не менѣе страннымъ можетъ показаться для насъ употребленіе *тандура*,—приспособленія, посредствомъ котораго теплота жаровни сосредоточивается на толстомъ, ватномъ одѣялѣ, за которымъ прячется все общество такимъ образомъ, что иногда видны только головы и руки. Тандуръ, тепловой аппаратъ, употребляемый специально женщинами, представляетъ поп plus ultra восточнаго комфорта въ суровое время года. О рукодѣльяхъ или другихъ какихъ либо занятіяхъ не можетъ быть при этомъ и рѣчи; весь день проходитъ въ пѣніи, разговорахъ, снѣнѣ или въ слушаніи сказокъ и рассказовъ о жизни святыхъ.

Хотя на востокѣ домъ, по своему наружному виду и внутреннему

устройству, не может имѣть ни малѣйшихъ притязаній на роскошь и красоту, но нельзя отрицать, что онъ удовлетворяетъ въ большей степени цѣлямъ комфорта и извѣстнымъ гигиеническимъ условіямъ, чѣмъ у насъ на западѣ. Уже одно то обстоятельство, что по всей магометанской Азіи каждый живетъ въ особомъ домѣ, есть громадное преимущество предъ казарменной системой большихъ европейскихъ городовъ. Въ этому присоединяются еще другіе выгоды, между прочимъ просторные дворы и изобиліе воды повсюду, гдѣ это только возможно; но особеннаго вниманія заслуживаетъ повсемѣстный на востокъ обычай устраивать лѣтнія помѣщенія. Перемѣна жилища составляетъ потребность какъ для горожанина, такъ и для бѣднаго обитателя степей. Вездѣ, даже у народовъ, говорящихъ на иранскимъ языкѣ, существуетъ различіе между *яйлакомъ* и *кишлакомъ* (лѣтнимъ и зимнимъ помѣщеніемъ), что лучше всего указываетъ на туранское происхожденіе этого обычая. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ настоящее время, турки стоятъ выше всѣхъ народовъ въ дѣлѣ выбора мѣста для своихъ дачъ, равно какъ и ихъ устройства. Хотя отъ восхитительныхъ кіосковъ тимуридовъ въ Зарафшанѣ и Мургабѣ остались лишь историческія воспоминанія и великолѣпныя развалины, но и нынѣ ялисы на берегахъ Босфора единственны въ своемъ родѣ и несравненны по своему изяществу. Отдалившись менѣе, чѣмъ на часъ пути, отъ суматохи и спертаго между цѣлымъ моремъ зданій воздуха, гдѣ, среди томительнаго зноя, почти не колыхнется паутина, вы наслаждаетесь въ ялисѣ свѣжестью сѣвернаго бриза и иногда для защиты отъ него должны одѣться даже въ теплое платье. Но какъ прелестны вечера, что за чудесныя лѣтнія ночи! Нѣтъ болѣе высокаго наслажденія, какъ любоваться въ іюньскій или іюльскій вечеръ съ просторнаго балкона, находящагося у самаго берега моря, волшебною картиною ночи на Босфорѣ. Сіянье высокаго звѣзднаго неба соперничаетъ съ искрометнымъ отблескомъ небесныхъ тѣлъ, глубоко погружившихся въ свѣтлую поверхность моря. Трудно отдѣлаться отъ сладкой дремоты, — дремоты, которая лишь изрѣдка прерывается глухо отдающимися въ глубокой ночной тишинѣ ударами руля убѣгающаго вдалѣ каяка или унылыми восклицаніями муэциина, призывающаго къ ночной молитвѣ. «*As salatu chair min al naum*» (молитва полезна сна), раздается со стройнаго минарета. Но добрый муэциинъ, кто сомкнетъ здѣсь глаза, когда и на яву видишь прелестнѣйшіе сны! Если небо облачно, то за отсутствіе звѣзднаго свѣта вознаграждаетъ нѣсколько морское населеніе. Каждая крошечная рыба оставляетъ за собой свѣт-

луду полосу на своемъ пути по волнамъ, содержащимъ въ изобиліи фосфоръ. Движеніе рыбъ видно, какъ въ акваріумѣ. Кто могъ бы изобразить вѣрными красками картину охоты дельфина или мечарыбы? Съ самаго начала появляется нѣсколько зубчатыхъ свѣтовыхъ лучей; это—движущіяся впередъ острия иглы цѣлой группы убѣгающихъ рыбъ, за которыми слѣдуетъ масса свѣта, какъ бы заливающегося изъ безчисленнаго множества звѣздъ, и, наконецъ, за ними съ быстротою стрѣлы движется колоссальная свѣтовая полоса какой нибудь хищной рыбы, впереди которой повсюду видны дрожащія звѣздочки отъ огромной стаи убѣгающихъ маленькихъ рыбокъ. По цѣлымъ часамъ любовался я этимъ любопытнымъ зрѣлищемъ и причисляю свое пребываніе на Босфорѣ (я жилъ лѣтомъ въ теченіи многихъ лѣтъ въ одной виллѣ въ Канлидшіѣ, на азіатскомъ берегу) къ самымъ сладкимъ воспоминаніямъ моей богатой приключеніями и странствованіями жизни.

Отъ пріятныхъ свѣтлыхъ сторонъ нашей картины мы должны теперь обратиться къ сторонамъ мрачнымъ. Я разумѣю господствующее на всемъ востокѣ, особенно въ мусульманскомъ мірѣ, рѣзкое разъединеніе между двумя полами и связанное съ нимъ раздѣленіе дома на двѣ половины. *Гаремъ*¹⁾ и *саламкъ* (особенное, запретное мѣсто и мѣсто для свиданія), какъ говорятъ турки, или *эндерунъ* и *бирунъ* (тамъ и здѣсь), какъ выражаются персы, суть слова, смыслъ которыхъ глубоко чувствуется восточнымъ обществомъ, такъ какъ въ самомъ домѣ они составляютъ камень преткновенія, на который ежеминутно натапливаешься. У бѣдныхъ людей двѣ половины дома раздѣлены просто перегородкою, а у богатыхъ многими промежуточными комнатами, называемыми *мабейнъ*, которыя считаются какимы то преддверіемъ святилища, куда закрыть доступъ для постороннихъ. Только въ случаяхъ болѣзни врачу или другу дозволяется перешагнуть чрезъ этотъ барьеръ, но и въ этомъ случаѣ впереди идущій внукъ долженъ громко возглашать: «*Kimse olmazsin*» (прочь съ дороги). Это значитъ *vaive qui reut* для женщинъ, которыя случайно попались бы на дорогѣ. Лишь только раздастся этотъ возгласъ, какъ все внезапно, какъ будто отъ преслѣдованія неумолимаго врага, бросается къ дверямъ или къ какому нибудь потайному мѣсту, и если какой либо женщинѣ не удастся скрыться, то она со страхомъ закрываетъ лицо

¹⁾ Слово гаремъ значитъ женская комната, а въ болѣе широкомъ смыслѣ—міръ женщинъ, женщина. Таковъ же и характеръ нѣмецкаго слова *Frauenzimmer* женщина.

руками и, присѣвъ въ уголъ, оборачивается къ пришельцу спиною. Женская половина дома по своему внутреннему устройству мало отличается отъ селамлика, за исключеніемъ развѣ нѣкоторой, вывезенной изъ Европы, мебели и другихъ «франскихъ» нововведеній, которыми болѣе консервативный прекрасный полъ до сихъ поръ старается преграждать доступъ. Хотя эта половина дома требуетъ значительныхъ издержекъ, — ибо гаремъ у лицъ высшаго класса имѣетъ особую кухню, особые кладовыя, особую прислугу, и т. д., что и затрудняетъ главнымъ образомъ вступленіе въ бракъ у мусульманъ, — но она представляетъ сравнительно незначительныя выгоды. Такъ напр., благодаря гарему, можно избѣгнуть посѣщенія какаго либо непріятнаго лица, легко ускользнуть отъ грозныхъ поплзновеній дрожащей половины, не покидая дома или не подвергаясь преслѣдованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ гаремъ удобенъ въ отношеніи религіознаго притворства, напр. при соблюденіи строгаго поста во время рамазана, когда гдѣ нибудь въ тиши можно хорошо поѣсть, безъ нарушенія приличія и не являясь предъ мужскою прислугою богоотступникомъ. Быть можетъ, гаремъ представляетъ еще другія, для меня неизвѣстныя, преимущества, но все они, конечно, ничтожны въ сравненіи съ тою дисгармоніею, которая порождена этимъ неестественнымъ обычаемъ и которая уничтожаетъ всякую возможность дамашняго быта въ нашемъ смыслѣ, всякую внутреннюю связь между супругами и все блага семейной жизни.

Общій характеръ безпорядочнаго, лишоннаго содержанія и связи дамашняго быта выражается въ громадномъ штатѣ прислуги, которую держитъ богатый восточный человѣкъ съ цѣлью окружить себя почотомъ, благоговѣніемъ и комфортомъ. Въ обществѣ, гдѣ все пресмыкается и основной тонъ котораго есть подчиненность, трудно указать границу, гдѣ начинается роль слуги. У турокъ во главѣ прислуги стоятъ *кафтанъ алази* и *кайя*. Обязанности перваго, хранителя верхняго платья, какъ показываетъ самое слово, носятъ болѣе служебный характеръ, между тѣмъ какъ послѣднему, управителю по смыслу слова, порученъ высшій надзоръ за домохъ. Оба они также мало лакеи, какъ майордомъ или дворецкіе на западѣ, хотя оба нажились отъ щедротъ своего господина; часто они даже богаче его и носятъ званіе слугъ больше изъ благодарности, или подъ личиною скромности или приличія, обнаруживая зависимое положеніе свое въ рѣдкихъ случаяхъ тѣмъ, что подадутъ иной разъ трубку или стаканъ воды. Непосредственно за ними въ Турціи стоятъ хранители трубокъ, бѣлья, гардероба, а также лица, заботящіеся

о кофе; имъ подчинены другіе слуги, которые въ совокупности составляютъ, даже при самыхъ скромныхъ условіяхъ, весьма значительный штатъ. Но и этого недостаточно для притязательнаго турецкаго комфорта; кромѣ всѣхъ этихъ слугъ, существуютъ еще вольноотпущенные невольники, которые, въ качествѣ приемышей, получаютъ пожизненное содержаніе, и хотя на старости лѣтъ они уходятъ отъ своего господина, но зато въ молодости слѣдуютъ за нимъ неотступно, какъ тѣни, такъ что онъ, — какъ, по крайней мѣрѣ, было въ обычаѣ 20 лѣтъ тому назадъ, — отправляется даже на прогулку въ сопровожденіи 5—8 лѣниво переваливающихся за нимъ слугъ.

Тѣмъ не менѣе турки, въ отношеніи численности прислуги, всегда были скромнѣе и менѣе требовательными, чѣмъ персы, у которыхъ господинъ имѣетъ не только позади, но и впереди себя цѣлую свиту, между тѣмъ какъ люди съ вѣсомъ положительно составляють для себя авангарды изъ оборванныхъ, грязныхъ и неполучающихъ жалованья слугъ, которые передъ мирзою или ханомъ шествуютъ въ двѣ шеренги. «Искать счастья» значитъ въ Иранѣ применить къ свитѣ какого нибудь господина. Это слѣдуетъ понимать буквально, такъ какъ въ городѣ господинъ, находясь между своими слугами иногда въ теченіи цѣлой недѣли, не знаетъ и половины ихъ, не говоря уже о томъ, что онъ не содержитъ ихъ и не платитъ имъ. Драбанты этого сорта идутъ такъ сказать на биржу лишь съ одними своими собачьими наклонностями; по цѣлымъ днямъ стараются они уловить взоръ господина, и если удастся привлечь на себя его вниманіе, то уже является надежда на полученіе опредѣленнаго мѣста. Само собою разумѣется, что жатва соответствуетъ многотрудному посѣву, прогулкѣ съ пустымъ желудкомъ и долгимъ ожиданіямъ. Наемный слуга иногда вѣренъ своимъ обязанностямъ и не чуждъ преданности, но онъ всегда готовъ обогатиться незаконнымъ путемъ на счетъ своего хозяина. Уже на Востокѣ страннымъ кажется, какъ можетъ хозяинъ совершенно хладнокровно переносить, чтобы его слуга, получающій сотни, проживалъ тысячи и, кромѣ того, строилъ себѣ дома и пріобрѣталъ имѣнія. Но въ Персіи распущенность въ этомъ отношеніи достигла еще большихъ размѣровъ; такъ здѣсь слуга при самомъ наймѣ совершенно свободно и открыто уговаривается насчетъ предстоящаго медахила (незаконнаго дохода). У господина по совѣсти спрашиваютъ, сколько можно у него украсть въ мѣсяцъ? Онъ назначаетъ опредѣленную сумму, но при этомъ также имѣетъ въ виду обмазуть своего слугу.

Если мы спросимъ, какую пользу и какія удобства извлекаетъ хозяинъ изъ этого громаднаго числа оплачиваемыхъ и неоплачиваемыхъ слугъ, то на это въ сущности трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Вообще толпа этихъ дармоѣдовъ содержится не столько для личныхъ удобствъ, сколько изъ желанія блистать многочисленностью свиты и прислуги. При этомъ разсчитывается такъ же на то, чтобы пріобрѣсти репутатцію покровителя и кормильца голодныхъ и нуждающихся, но не принимается во вниманія, что преслѣдованіе такихъ гуманныхъ цѣлей возможно было въ эпоху матеріальнаго благосостоянія мусульманскаго общества и не совмѣстно съ его современнымъ состояніемъ, съ всеобщей бѣдностью и національнымъ упадкомъ. Общество и государство страдаютъ однимъ и тѣмъ же недугомъ: оба набираютъ больше, чѣмъ надо, рабочихъ силъ для своихъ нуждъ, оба дурно содержатъ и оплачиваютъ своихъ наемниковъ и оба поэтому одинаково, по мѣрѣ своего собственнаго упадка, плодятъ паразитовъ ¹⁾.

¹⁾ О прислугѣ въ высшемъ константинопольскомъ обществѣ я подробно говорю въ главѣ: «Высокая Порта и ея столин».

II.

Семейная жизнь.

Въ дополненіе къ нарисованной въ предыдущей главѣ картинѣ мы присоединяемъ картину по вседневной и семейной жизни, картину, которая относится къ первой, какъ оболочка къ тѣлу. Одно приспособлено къ другому. Если домъ съ своими принадлежностями иногда поражаетъ, но всегда производитъ непріятное впечатлѣніе на европейца, то впечатлѣніе это при видѣ семейной жизни, если только о ней можетъ быть рѣчь на востокѣ, принимаетъ угнетающій характеръ. Какъ при посѣщеніи большихъ и пустыхъ комнатъ, такъ и здѣсь закрадывается въ душу какое-то не пріятное, холодное чувство, не согрѣваемое ни малѣйшимъ проблескомъ любви, дружбы и взаимной нѣжности. Столь восхитительная картина семейной жизни на западѣ, покрыта на востокѣ какимъ то таинственнымъ флеромъ и дышетъ страшнымъ холодомъ.

Да послѣдуетъ за мною, читатель, рано утромъ въ турецкій домъ въ Константинополь.

Вотъ слышатся глухіе удары въ *долабъ*, — круглый вертящійся ящикъ, — служащіе сигналомъ для лакеевъ и преимущественно для тѣхъ членовъ дома, которымъ запрещено переступать черезъ порогъ гарема. Удары постоянно усиливаются, затѣмъ раздаются тяжелые шаги лакея, которому невольница дѣлаетъ важное сообщеніе, что глава дома всталъ съ постели, взялъ ванну и собирается осчастливить своимъ присутствіемъ селамликъ, гдѣ выкурить свою утреннюю трубку. Наступаетъ небольшая пауза. Вскорѣ разносится вѣсть, что паша, бей

или эфенди «вышелъ», т. е. переключалъ изъ женской половины на мужскую. Возгласъ: «онъ вышелъ» поднимаетъ на ноги всю прислугу. Лакей, завѣдувшій трубкой или наргилемъ, направляется тяжелой поступью къ комнатѣ своего господина, то протирая на ходу полусонныя глаза, то раздувая изъ всей мочи огонь, долженствующій оживить наркотическій ядъ. За нимъ слѣдуетъ лакей съ кофе или чаемъ; ибо хотя глава дома вкусилъ уже отъ этихъ напитковъ въ гаремѣ, но въ селамникѣ онъ обязанъ снова испробовать ихъ. Все, что совершилось тамъ, здѣсь считается недействительнымъ; разъ проснувшись онъ долженъ здѣсь такъ сказать еще разъ проснуться. Не кланяясь и не получая поклоновъ,—ибо, согласно восточному этикету, слуга никогда не привѣтствуетъ своего господина, равно какъ и самъ не привѣтствуется имъ,—садится онъ за трубку и, медленно втягивая въ себя дымъ, пьетъ чай или кофе. Едва отдѣлался онъ отъ этой обязанности, какъ къ нему приближается уже *секимъ харджъ* (майордомъ) или *казинедаръ* (казначей), поднося на аршинномъ листѣ бумаги счетъ съ просьбой разрѣшить сдѣлать расходъ на ту или другую домашнюю надобность или же подписать счетъ, т. е. приложить къ нему печать, для полученія денегъ у семейнаго банкира. Вообще всѣ обязанности хозяйки дома у магометанъ возложены на главу дома. Съ полусоннымъ, кислымъ видомъ пробѣгаетъ повелитель длинныя столбцы домашнихъ издержекъ и съ неудовольствіемъ хватается за шелковый, висящій на голой груди мѣшечекъ, въ которомъ находятся различныя печати и который прячется отъ собственныхъ дѣтей и даже ночью не снимается съ груди. Счетъ находится правильнымъ и выдается разрѣшеніе на полученіе денегъ, при чемъ, однако, восточный глава дома не преминетъ испустить нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что половина или треть издержекъ, показанныхъ въ счетѣ, выдумана, онъ знаетъ, что человекъ, который находится у него въ домѣ 10 или 15 лѣтъ, дерзко обкрадываетъ его и впредь будетъ обкрадывать; все это для него не тайна, такъ какъ лакей этотъ, получая жалованья 200—250 піастровъ въ мѣсяцъ, издерживаетъ 500, а иногда и 1,000 піастровъ. Другихъ занятій у него нѣтъ, слѣдовательно, откуда можетъ онъ брать эти деньги, если онъ не воруетъ? Турокъ тяжело вздыхаетъ, но онъ ничего не можетъ измѣнить тутъ. Онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что тайное воровство якобы не чувствительно и считая за лучшее «предоставить мухъ, до сыта напившейся его кровью, со-

оать дальѣ, тѣмъ, согнавъ или убивъ ее, приготовить мѣсто для новой, болѣе голодной».

Те же самое имѣетъ мѣсто и въ сферѣ государственной. Чиновники, получающіе въ мѣсяцъ 500 піастровъ жалованья, проживаютъ 1,000 и т. д. Султанъ или шахъ видятъ, какъ тотъ или другой, не занимаясь ни торговлей ни промышленностью, живя только на свое скудное содержаніе, составляетъ громадное состояніе. Случается, особенно на дальнемъ востоцѣ, что иная такая муха, усѣившая насосаться, свивается и ей сразу выпускаютъ всю собранную ею по каплямъ кровь, но на Востокѣ такіе приемы считаются варварствомъ, а турецкая поговорка даже гласитъ: «*Radischahin mali deniz, Jemejen domuz*». (Вотство падишаха—море, кто изъ него не пьетъ, тотъ свинья).

Но довольно объ этой своеобразной государственной экономіи! Посмотримъ дальѣ, что творится въ домѣ. Исполнивъ трудную обязанность уплаты старыхъ и заключенія новыхъ долговъ, глава для отдыха выкуриваетъ вторую трубку. Снова раздаются удары въ далабъ. Звенный, дѣтскій голосъ зоветъ слугу, обыкновенно самаго стараго и пользующагося наибольшимъ расположеніемъ, требуя, чтобы онъ подаль руку молодому бѣю, желающему также выйти изъ гарема, и велъ бы его къ отцу. Слуга идетъ къ занавѣскѣ, висящей предъ гаремной дверью, просовываетъ туда руки и извлекаетъ оттуда ребенка, а иногда и нѣсколькихъ дѣтей заразъ, которые, одѣвъ чистыя платья, представляются отцу, при чемъ, не смотря на 4 или 5 лѣтній возрастъ, они могутъ садиться только послѣ многократнаго приглашенія, такъ какъ ребенокъ изъ почтенія долженъ стоять передъ отцомъ, изъ почтенія которое, правда, часто замѣняется любовью, но которое, тѣмъ не менѣе, съ раннихъ поръ внушается ребенку.

Послѣ ухода дѣтей, начинается собственно рабочее время, продолжающееся до 11 часовъ, т. е. до завтрака или, если угодно, до обѣда; это самая оживленная пора дня въ домѣ восточнаго человѣка. Малѣйшій трудъ скоро утомляетъ его и для того, чтобы заниматься съ должной бодростью и живостью, онъ принужденъ избирать для этого первые утренніе часы. Въ Константинополѣ, Тегаранѣ и гдѣ бы то ни было, хозяина въ эту пору можно на вѣрное застать дома. Если онъ чиновникъ, какъ почти каждый восточный человѣкъ, принадлежащій къ высшему классу, то въ эти часы онъ принимаетъ своихъ подчиненныхъ.

Передняя селамлика переполнена толпами слугъ входящихъ и уходящихъ гостей, а въ комнатѣ носятся густыя клубы табачнаго дыма.

Однако 20 или 30 гостей, собравшись вмѣстѣ, едва ли обнаруживаютъ такую живость и производятъ столько шума своими разговорами, какъ двое или трое еврейцевъ, особенно уроженцевъ юга. Горячность для восточнаго человѣка самое ненавистное душевное движеніе, онъ избѣгаетъ его, какъ избѣгаетъ всякаго чрезвычайнаго физическаго напряженія. Въ противоположность нашимъ воззрѣніямъ, онъ считаетъ физическій и душевный покой главнымъ условіемъ здоровья. Довольно странно, что эти господа, столь тяжелые на подъемъ, неподвижно проминаясь въ одномъ и томъ же положеніи въ теченіи многихъ часовъ, обнаруживаютъ богатѣйшій аппетитъ за завтракомъ, за который садятся всѣ присутствующіе безъ приглашенія. Какъ было бы неумѣстнымъ, даже неслыханнымъ, не принимать участія въ ѣдѣ, оставаясь въ комнатѣ, гдѣ обѣдаютъ другіе, такъ точно считается неприличнымъ, не пообѣдавъ, оставить домъ послѣ продолжительнаго утренняго визита.

По приглашенію лакея, объявляющаго, что «кушанье подано», общество принимается за ѣду. Завтракъ, достойный, впрочемъ, судя по количеству блюдъ, имени обѣда, оканчивается въ сравнительно весьма короткое время. Каждый, безъ сомнѣнія, сильно будетъ изумленъ, подобно мнѣ, что восточные жители, вообще ненавидящіе всякую поспѣшность, за столомъ обнаруживаютъ странную торопливость, хотя и признаютъ вредъ этого обычая; что люди, которые такъ медленно ходятъ, такъ медленно говорятъ и такъ медленно дѣйствуютъ, только за ѣдой проявляютъ живость и быстроту. Я долго думалъ надъ причиною этого явленія и пришелъ къ тому заключенію, что этотъ противуестественный, повсемѣстно господствующій обычай порожденъ однообразнымъ складомъ мужскаго общества. Еслибы жители востока, какъ и мы европейцы, допустили въ свою среду дамъ, которыя съ умѣлибы сдѣлать ихъ разговорчивыми, даже противъ ихъ воли; еслибы они чувствовали побужденіе быть вѣжливыми съ какой либо остроумной и любезной женщиной, то тогда паузы между отдѣльными блюдами были бы болѣе продолжительны и, что самое главное, всѣ пришли бы къ единодушному убѣжденію, что пріятная бесѣда, совершенно не имѣющая мѣста у восточныхъ жителей, возвышаетъ матеріальныя удовольствія обѣденнаго стола. Поелотивъ менѣе, чѣмъ въ четверть часа 10 или 15 блюдъ, значить превратить желудокъ въ растянутый, наскоро набитый мѣшокъ; и дѣйствительно, наши восточные братья послѣ ѣды совершенно походятъ на существа, которыя всѣмъ даютъ знать, что они носятъ внутри себя подобнаго рода мѣшокъ. Они дѣлаются еще болѣе вялыми и утомленными,

и по истинѣ нужно обладать большимъ искусствомъ, чтобы побудить турка или перса встать тотчасъ послѣ обѣда за какое нибудь серьезное дѣло. На Босфорѣ, впрочемъ, господа обыкновенно уходятъ въ свои канцеляріи послѣ обѣда, продолжающагося приблизительно до 11¹/₂ часовъ. Тогда селамликъ пустѣетъ и домъ принимаетъ другой видъ.

Занавѣсъ, скрывающій гаремную дверь, начинаетъ быстро колебаться и изъ за него выглядываютъ болѣе рѣзкія мыши; убѣдившись, что котъ ушелъ, онѣ начинаютъ свободно двигать головками. Невольницы и другія молодыя дамы находятъ это время самымъ удобнымъ для взаимныхъ шутокъ и поддразниваній. Раздается стукъ и крики, зовущіе того или другаго лакея; но опять все вдругъ утихаетъ, и только слышится недружелюбный обмѣнъ, порой самыхъ рѣзкихъ словъ, причемъ видны только небольшой уголокъ лба и перебранивающихся лицъ или одинъ или два пальца. Въ это же время дамы сносятся въ селамликъ съ наружнымъ міромъ, не опасаясь соглядательства, и пускаются съ оставшеюся дома прислугой въ невнимныя шутки, въ которыхъ нѣтъ и тѣни чего либо, оскорбляющаго нравственность. Крайне рѣдко честь дома пачается тѣмъ, кто ѣлъ въ немъ хлѣбъ-соль. Лакеи, проведеніе всю свою жизнь въ одномъ домѣ, никогда не видятъ въ лицо женщинъ, хотя и говорятъ съ ними, и ничего не можетъ быть страннѣе, какъ видѣть человека съ опущенными внизъ глазами, погруженнаго въ бесѣду съ стоящей передъ нимъ женщиной. Мнѣ стоило всегда большаго труда соблюдать это правило приличія, и всякій разъ, когда по забывчивости я поднималъ глаза на собесѣдницу, въ отвѣтъ мнѣ раздавалось суровое «Edebli ol!» (Будь приличенъ!), и я снова долженъ былъ опустить взоръ.

Эта вынужденная и неестественная стыдливость, это столь рѣзко уклоняющееся отъ европейскихъ понятій обращеніе съ женскимъ поломъ есть та черная точка, которая замѣчается во всѣхъ слояхъ общества, въ самыхъ сокровенныхъ уголкахъ семейной жизни. Вотъ передъ отцомъ, бесѣдующимъ въ кругу мужскаго общества, является съ какимъ то извѣстіемъ трехлѣтній ребенокъ. Отецъ боязливо наклоняетъ голову къ ребенку, который шепчетъ ему что-то на ухо, робко и съ краской въ лицѣ озираясь на присутствующихъ. Онъ принесъ извѣстіе отъ матери, одно напоминаніе о которой считается оскорбленіемъ приличія, какъ и вообще отецъ, упоминая о своихъ дочеряхъ или другихъ членахъ женскаго персонала, выбираетъ такіа выраженія, которыя лишь

слегка указывали бы на genus femininum, или же онъ старается со-
всѣмъ избѣгать подобныхъ разговоровъ. О семейныхъ праздникахъ, о
семейныхъ вечерахъ, словомъ, о семьѣ вообще не можетъ быть, при та-
кихъ условіяхъ, и рѣчи. Возьмемъ напр. праздникъ *хатемъ*, т. е. день
окончанія изученія корана. Въ камнатѣ,—я говорю здѣсь о семьѣ въ
среднемъ классѣ,—собрались мужчины. Мальчикъ отличается въ сво-
ихъ познаніяхъ, отецъ обливается слезами радости, но напрасно ищетъ
онъ существа, которое способно было бы раздѣлить съ нимъ это ду-
шевное волненіе. Напрасно! мать сидитъ во второй или въ третьей кам-
натѣ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ дозволяется ей глядѣть вкось отъ
слезъ глазами чрезъ щель, образуемую двумя полевниками занавѣса;
такихъ же унылымъ характеромъ замечательна свадьба, конфирмація
и другіе поводы къ семейнымъ радостямъ и печалямъ. Подъ вліяніемъ
тѣхъ социальныхъ понятій, согласно съ которыми мужчина представ-
ляется стоящимъ внѣ всякаго отношенія къ другому полу, семья не
рѣдко является въ общественной сферѣ въ комическомъ видѣ. Я дол-
женъ замѣтить, что собственно масса не раздѣляетъ этихъ противу-
естественныхъ воззрѣній, но высшіе классы въ Турціи и Персіи вѣрно
держатся за нихъ. N. N. эфенди или бей, ханъ или мирза отправляется
на базаръ съ женой, сивовьями и дочерьми, чтобы сдѣлать нѣкоторые
покупки. Мужской персоналъ группируется около отца, мать же съ
дочерьми стоитъ отъ нихъ, какъ этого требуетъ приличіе, въ разсто-
яніи 5 или 10 шаговъ. Если поэтому *pater familias* пожелаетъ посовѣ-
товаться насчетъ чего либо съ своей дрожащей половиной, то онъ го-
воритъ на удачу въ толпу, а мадамъ N. N. должна догадаться, что эти
слова обращены къ ней. Тоже самое происходитъ съ соответственными
варіаціями при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, какъ я имѣлъ случай
наблюдать во время моихъ продолжительныхъ и интимныхъ сношеній
съ мусульманскимъ обществомъ. Меланхолически унылый семейный бытъ
востока всегда напоминалъ мнѣ однообразную жизнь въ уединенныхъ
кельяхъ монастырей на западѣ.

Если, пристально всмотрѣвшись въ восточный семейный бытъ, мы
составимъ себѣ общую картину его, то на ней можно отмѣтить слѣдую-
щіе, особенно выдающіеся для европейскаго глаза черты. Во первыхъ,
европеецъ нигдѣ не находитъ на востокѣ того тѣснаго сожителства,
той искренней дружбы и любви, которыя составляютъ существенный
характеръ семьи. Изолированность и внутренний разладъ ледяными
нитями проходятъ чрезъ всю ткань мусульманскаго семейнаго

быта, все цѣпенѣетъ отъ ихъ вліянія, и даже самое зданіе семьи кажется колеблющимся. Вслѣдствіе того, что мужъ и жена проводятъ большую часть дня отдѣльно, они не только не дѣлаютъ вѣсть радостей и горя, не только не поддерживаютъ въ жизни другъ друга, но составляютъ въ домѣ двѣ партіи, между которыми религіозный и гражданскій законъ воздвигъ высокую стѣну и которыя, при самомъ искреннемъ желаніи, не могутъ слиться и стремиться къ одной и той же цѣли. Жена, несмотря на свою бѣдность, окружена множествомъ родственниковъ и служанокъ, которыя, отъ недостатка серьезныхъ занятій, приходятъ на умъ капризы самого вреднаго свойства, и если глава дома вздумаетъ воспротивиться одному изъ этихъ капризовъ, то противъ него тотчасъ вооружается весь женскій персоналъ, въ томъ числѣ верѣдко и его родныя дочери. Это раздѣленіе на партіи иногда обнаруживается тотчасъ послѣ вступленія въ бракъ, иногда же спустя нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ. Если хозяинъ дома не дастъ себя обкрадывать со всѣхъ сторонъ или не переноситъ спокойно интригъ и сплетенъ, то гаремъ скоро надобѣдаетъ ему, и онъ охотно избѣгаетъ его по цѣлымъ днямъ, ища спокойствія въ селамликѣ. Здѣсь онъ, конечно, не одинокъ. Вокругъ него образуется кружокъ изъ старшей по возрасту мужской прислуги и нѣсколькихъ родственниковъ, но хотя его партія рѣшительно сильнѣйшая, однако счастье семейной жизни совершенно чуждо его дому.

Затѣмъ, поразительно не только у магометанъ, но и на востокѣ, отношеніе дѣтей къ родителямъ, основанное больше на почтеніи, чѣмъ на любви. Мы уже замѣтили, что на востокѣ ребенокъ не смѣетъ сѣсть въ присутствіи отца до тѣхъ поръ, пока не получитъ на это позволенія. Сынъ не смѣетъ въ присутствіи отца ни говорить громко, ни курить трубку, ни вообще дѣлать чего либо, что указывало бы на его самостоятельность. Обычай этотъ обыкновенно нравится европейцу, который желаетъ видѣть въ немъ доказательство высокаго уваженія, оказываемаго дѣтми своимъ родителямъ. Но такой взглядъ ошибоченъ. Уже при поверхностномъ наблюденіи, здѣсь видѣнъ лишь холодный этикетъ, а не любовь, такъ какъ вышеупомянутое почтеніе оказывается только отцу, а не матери. Я часто спрашивалъ себя о причинѣ этого неестественнаго и необъяснимаго положенія вещей. То, что прежде я только предчувствовалъ, теперь для меня стало яснымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ душѣ ребенка, который является въ гаремѣ свидѣтелемъ всѣхъ интригъ и всѣхъ тайныхъ козней, устраиваемыхъ противъ его отца, служащаго для всѣхъ предметовъ страха, подавляются съ юныхъ

лѣтъ всѣ чувства истинной привязанности и искренней любви къ виновнику его жизни. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще и то, что ребенокъ, какъ мальчикъ, такъ и дѣвочка, до десяти лѣтъ и даже долѣе, живетъ въ гаремѣ, покидая его лишь въ сопровожденіи няньки, но обыкновенно, евнуха или невѣжественнаго лакея. Но не придетъ ли кому на мысль, что дѣти питаютъ больше любви къ своимъ матерямъ? Безусловно утвердительнаго отвѣта я не могу дать на этотъ вопросъ, потому что хотя огромное большинство дѣтей дѣйствительно сильнѣе любятъ матерей, тѣмъ не менѣе я не могу не указать на то обстоятельство, что матери, которыя прежде были невольницами, не всегда раздѣляютъ одинаковую судьбу съ своими свободнорожденными дочерьми; невольницъ же очень много въ домахъ знатныхъ магометанъ. При всей любви къ этимъ невольницамъ, однако часто напоминаютъ, какъ дорого стоила ихъ покупка, какъ бѣдно и просто были онѣ одѣты, какъ невѣжественны и грубы онѣ были, когда ихъ приняли въ домъ. Если это говорится даже въ шутку, то понятно, какъ глубоко уязвляетъ это ребенка, при видѣ такого обращенія съ его матерью. Большею частью дѣтская любовь беретъ верхъ надъ гордостью, но случается и на оборотъ, и мнѣ припоминается одинъ эпизодъ, который можетъ служить тому печальнымъ доказательствомъ. Однажды я видѣлъ двухъ мальчиковъ ровесниковъ изъ которыхъ одинъ былъ столь же миролюбивъ, послушенъ и прилеженъ, какъ другой сварливъ, упрямъ и небреженъ. Одинъ тотчасъ повиновался своей матери, тогда какъ другой вѣчно огорчалъ свою непослушаніемъ. Они были дѣти одного отца, но различныхъ матерей, и когда я старался упряма наставить на путь истинный и привелъ ему въ примѣръ послушанія его брата, то злой мальчикъ дерзко возразилъ: «Развѣ ты хочешь, чтобы я также слушалъ мою мать, какъ мой братъ свою? Но вѣдь его мать стоила 40,000 піастровъ, а моя только 20,000.»—Я охотно допускаю, что законы природы вездѣ одни и тѣ же, и что приведенный случай относится къ рѣдкимъ исключеніямъ; тѣмъ не менѣе, никто не станетъ отрицать, что семья на западѣ въ своихъ существенныхъ основахъ представляетъ столь же рѣзкій контрастъ съ семьей восточной, какой вообще существуетъ между культурой вялаго, готоваго превратиться въ развалины востока и все болѣе и болѣе разцвѣтающей культурой запада, распространяющейся по всему земному шару и освѣщающей спасительнымъ свѣточемъ просвѣщенія всѣ поясы земли.

III.

ЖЕНЩИНЫ.

Много было писано и говорено о женщинѣ мусульманской Азіи, много расточено на ея счетъ критическихъ соображеній, похвалъ и поэтическихъ красокъ, и тѣмъ не менѣе мы мало знаемъ эту женщину или же представляемъ ее себѣ не въ настоящемъ свѣтѣ. Здѣсь я ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ соперничать съ принцессою Бельджюзо, авторомъ книги «30 лѣтъ въ гаремѣ», или съ знаменитой англійской гувернанткой бывшей вице-королевы египетской, — дамами, которыя такъ всесторонне высказались объ этомъ предметѣ. Я имѣю, однако, нѣкоторое право сказать по этому поводу и свое безхитрое слово, такъ какъ въ свое время у меня было много случаевъ наблюдать вблизи гаремную жизнь, и я имѣлъ даже счастье обучать королевскую принцессу начальнымъ основаніямъ французскаго языка. Это было, конечно, весьма странное обученіе. *Madame la princesse F*, дочь-султана и сноха великаго визиря, сидѣла въ своемъ бѣломраморномъ дворцѣ, между Бебекомъ и Эмирджіаномъ, за толстой ковровой занавѣскою, между тѣмъ какъ я, стерегомый сердитыми взорами евнуха, съ нѣмецко-французской грамматикой Ана въ рукахъ, поучалъ, обратившись къ занавѣсѣ: *mon père est bon*, на что нѣжный женскій голосъ отвѣчалъ: «*benim babam eji dir*». Учитель и ученица хотя и слышали, но не видѣли другъ друга. Въ такихъ же отношеніяхъ я стоялъ и къ другимъ дамамъ не царской крови. Въ теченіи многихъ лѣтъ я жилъ въ верхнемъ этажѣ дворца моего богатаго и могущественнаго покровителя, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ гаремной занавѣски, и такъ какъ меня принимали не

въ одномъ, а во многихъ семействахъ, какъ своего и считали за человека, умѣющаго чтить святость обычая, то мой взоръ могъ гораздо безпрепятственнѣе заглядывать въ различные уголки, чѣмъ это возможно было бы при иныхъ условіяхъ, въ виду различія моего пола и моей національности.

На основаніи моихъ наблюденій на Босфорѣ и впечатлѣній, вынесенныхъ изъ Персіи и Средней Азіи, я пришелъ къ убѣжденію, что при обсужденіи положенія мусульманскихъ женщинъ мы въ Европѣ впадаемъ во все тѣ ошибки, которыя происходятъ и должны происходить отъ стремленія окружать извѣстную таинственностью внутреннія стороны семейной жизни на востокѣ. Мы заблуждаемся главнымъ образомъ относительно соціальнаго положенія женщины которая, вслѣдствіе ли связывающихъ ее тяжелыхъ гаремныхъ путъ или негуманныхъ положеній религіи, представляется намъ существомъ вполнѣ подчиненнымъ, угнетаемымъ, безправнымъ, лишеннымъ свободной воли и всецѣло находящимся во власти своего господина. Это рѣшительно несправедливо. Въ низшихъ слояхъ народа между мусульманской и европейской женщиной мало или вовсе нѣтъ никакого различія; я полагаю даже, что въ свободномъ, просвѣщенномъ и могущественномъ Альбіонѣ полиція гораздо болѣе приходится имѣть дѣло съ тѣми супругами, которые въ принадлежъ ярости или въ хмѣлю по скотски обращаются съ своими женами, чѣмъ надѣ на востокѣ. Я не отрицаю, что турецкая крестьянская женщина ходитъ за домомъ и за дворомъ, между тѣмъ какъ мужъ бездѣлничаетъ или предается развратной игрѣ, но въ этомъ отношеніи не менѣе дурно поставлено и большинство европейскихъ замужнихъ работницъ. И онѣ рано старѣются, подвергаются всевозможнымъ невзгодамъ и, вдобавокъ, лишены тѣхъ благотворныхъ попеченій, которыя, при строго патріархальной организаціи семьи на востокѣ, выпадаютъ обыкновенно на долю женщинъ. Въ среднемъ и высшемъ классахъ гнетъ, о которомъ у насъ кричать съ такою злобой, носить болѣе характеръ нажимающаго стѣсненія, чѣмъ дѣйствительнаго посягательства на свободу, какъ это мы покажемъ ниже. Полигамія, это во всякомъ случаѣ печальное явленіе въ мусульманскомъ обществѣ, не на столько, однако, повсемѣстна, какъ полагаютъ въ Европѣ. Въ извѣстныхъ имъ мусульманскихъ странахъ, — я не пугаюсь смѣлост и этого утвержденія, — изъ тысячи семействъ едва найдется одно, которое испрашиваетъ легальнаго разрѣшенія обзавестись многими женами. Въ турецкомъ народѣ, а также въ персидскомъ, афганскомъ и татарскомъ многожен-

ство есть неслыханное и даже немислимое явление, такъ какъ оно требуетъ веденія хозяйства на большую ногу, большихъ средствъ и издержекъ. Столь жерѣдко и исключительно оно въ среднемъ классѣ, гдѣ лишь эксцентрическія личности позволяютъ себѣ это нравственное безобразіе, но имъ въ послѣдствіи приходится тяжело расплачиваться за это. Мнѣ припоминается въ Константинополѣ одинъ мелкій чиновникъ, о которомъ ходила молва, что въ концѣ каждаго мѣсяца, когда изсякало его жалованье, четыре туфли аккуратно обрабатывали его фizioномію, ибо, какъ извѣстно, турецкія женщины, желая фактически выразить свой гнѣвъ, пользуются для этой цѣли туфлями, быстро срываемыми съ ногъ. Бѣдный Кемаль эфенди! онъ былъ постоянной мишенью для насмѣшекъ и остротъ своихъ друзей, что, впрочемъ, имѣло бы мѣсто и независимо отъ его четырехъ женъ, такъ какъ идиотизмъ свѣтился въ его глазахъ. Неоспоримо, конечно, что въ аристократическихъ и въ самыхъ высшихъ сферахъ это социальное зло принимаетъ страшные размѣры, но это не столько дозволенная закономъ полигамія, сколько послѣдствіе вольностей, лично присвоиваемыхъ главою дома, благодаря обычаю набирать невольницъ для комфорта и снисканія почета. Невольницы рѣдко переходятъ въ разрядъ женъ, и когда это бываетъ, то отношеніе ихъ къ «боюкъ-ганимъ» или «бегумъ», какъ называется первая жена, рѣдко бываетъ сноснѣе, чѣмъ на западѣ отношеніе какой нибудь терпимой родственницы къ хозяйкѣ дома. Законъ, правда, беретъ подъ свое покровительство послѣдующихъ женъ, но обычаи отдастъ боюкъ-ганимъ преимущество, которое никогда не можетъ быть оспорено у ней. Я припоминаю случаи изъ турецкой и персидской жизни, гдѣ первая жена, престарѣлая, утратившая всѣ прелести, сварливая и упрямая, тѣмъ не менѣе тираннически обращалась съ своимъ всемогущимъ въ общественномъ мірѣ супругомъ. Ф.... наша, человекъ веселаго нрава, по крайней мѣрѣ, извѣстный съ этой стороны въ Европѣ, дерзнулъ какъ-то позволить себѣ роскошь обзавестись другимъ гаремомъ вдали отъ своего дома и въ помѣщеніи одного изъ своихъ преданнѣйшихъ слугъ. Но вѣсть объ этомъ дошла до слуха мадамъ Ф...., и вновь прибрѣтенныхъ красавицъ пришлось съ величайшею поспѣшностью переправить въ Александрію. Какъ я уже замѣтилъ раньше, невольницы (называемыя въ Турціи халаиками) составляютъ предметъ роскоши самихъ женъ, и чѣмъ красивѣе и многочисленнѣе первая тѣмъ лучше. Халаики употребляются для домашнихъ услугъ, какъ женщинами, такъ и мужчинами, но горе намъ или его сыну, когда, привле-

ченный магнетизмомъ блестящихъ глазъ дѣвушки, онъ оступится на этомъ скользкомъ пути!—Въ Персiи, гдѣ нравственность болѣе шатка и гдѣ существованіе зигага и никіага, т. е. временнаго и постояннаго брака, представляетъ обширное поприще для порока, положеніе женщинъ въ высшемъ кругѣ часто бываетъ плачевно и оно было бы даже безнадежно отчаяннымъ, если бы не скрашивалось живымъ участіемъ родственниковъ къ судьбѣ женскаго персонала семьи. Это печальное обстоятельство встрѣчается, впрочемъ, болѣе у кавдаронъ, чѣмъ въ настоящихъ персидскихъ семействахъ, между тѣмъ, какъ въ Средней Азiи, въ ханствахъ, болѣе богатые таджики чаще платятъ дань полигаміи, чѣмъ узбеки. Но, вообще, положеніе персидскихъ женщинъ незначительно уклоняется отъ положенія мусульмановой женщины, т. е. и онѣ во всемъ пользуются свободой и часто весьма осязательно даютъ чувствовать свои капризы супругу; бывали даже прикѣры ихъ дѣятельнѣйшаго участія въ политическихъ и религіозныхъ переворотахъ послѣдняго десятилѣтія, когда ихъ вмѣшательство принимало характеръ опасной для государства интриги.

Все сказанное о полигаміи относится и къ брачнымъ разводамъ, которые хотя сравнительно легче совершаются по мусульманскимъ законамъ, но едва ли чаще бываютъ на востокѣ, чѣмъ въ протестантской Англіи и Америкѣ. Причина этого поразительнаго явленія заключается единственно и исключительно въ томъ ореолѣ святости, которымъ, для виду или сознательно, окружена семья и окрачить который не рѣшится ни одинъ порядочный человѣкъ. Въ обществѣ, гдѣ отецъ принимаетъ своего будущаго зятя съ нѣкоторой застѣнчивостью и въ первый день послѣ свадьбы едва осмѣливается заглянуть ему въ лицо, тамъ, гдѣ мужа бросаетъ въ краску, когда ему приходится быть съ женою въ чужомъ обществѣ, причемъ она стоитъ позади его на нѣсколько шаговъ, тамъ человѣку не легко съ спокойной совѣстью допустить, чтобы женщиною, которую онъ называлъ своей, обладалъ другой. Въ Персiи въ самыхъ высшихъ сферахъ — государи составляютъ въ этомъ случаѣ исключеніе, не говорящее въ ихъ пользу — а также въ мірѣ улемовъ разводы происходятъ чаще, и судьба разведенной жены, если у нея нѣтъ своего состоянія, по истиннѣ достойна сожалѣнія; но, я повторю, подобные случаи сравнительно рѣдки, и рисовать себѣ мрачныя картины на эту тему неослословительно.

Что въ особенности отличаетъ женщину восточную отъ ея сестеръ на западѣ, это крайне низкое развитіе ея ума и сердца, низкое въ та-

кой степени, что на христіанскомъ западѣ ни не были бы ничего недобнаго даже въ эпоху средневѣковой грубости. Не существуетъ даже представленія о томъ, что такое специально женское образованіе не говоря уже о сознаніи его необходимости. Преобладающее болышинство не умѣетъ ни читать ни писать, и тѣ не многія, которыя выучиваются тому и другому, останавливаются на той же ступени, какъ у насъ челоѣкъ, окончившій элементарную школу. Это печальное положеніе вещей слѣдуетъ, впрочемъ, приписать не столько минному требованію религій, сколько тому курьезному убѣжденію, что знаніе необходимо только для тѣхъ, кто вступаешь въ сношенія съ вѣншимъ міромъ. Едва ли нужно говорить, что такое убѣжденіе тяжко грѣшитъ противъ челоѣческихъ правъ. Какъ часто угадаешь вслѣдствіе этого жить души въ нѣжный періодъ его распусканія, ибо въ пользу необыкновенной даровитости женскаго пола въ Азіи лучше всего свидѣлствуетъ то обстоятельство, что многія женщины, безъ всякой поддержки и постороннихъ указаній, достигали блестящихъ успѣховъ на умственномъ поприщѣ и что путемъ самообученія вырабатывались писательницы, творенія которыхъ не уступали произведеніямъ лучшихъ умовъ своего времени.

Однако, я слишкомъ теряюсь въ общихъ замѣчаніяхъ, которыя, какъ бы ни были мѣткі, не могутъ быть столь убѣдительными, какъ описи, заимствованныя изъ практической жизни. По этому да позволено мнѣ будетъ, для нагляднаго изображенія жита-бытѣ женщинъ въ мусульманской Азіи, развернуть предъ мои благосклонныя читатели нѣкоторыя изъ тѣхъ картинъ, на которыя я самъ въ свое время смотрѣлъ то съ удовольствіемъ, то съ отвращеніемъ, но всегда съ интересомъ.

I.

Начало утра. Въ набейнѣ (преддверіи гарема) замѣтно необычайное движеніе. Это часы, когда предъ гаремной дверью появится коммиссіонеръ по торговлѣ невольницами въ сопровожденіи черкеса-продавца, чтобы заключить съ хозяйкою дома свою отвратительную сдѣлку. На Босфорѣ, какъ вездѣ на востокѣ, женщины считаютъ прибыльнымъ ремесломъ покупать молодыхъ, еще не развившихся невольницъ, чтобы затѣмъ, воспитавъ ихъ, перепродать въ двадцать и сорокъ разъ дороже. Богачи и высокопоставленные лица не чуждаются этой торгов-

ли, возбуждающей въ нихъ помыслъ къ наживѣ, и даже императорскій гаремъ не составляетъ отсюда исключенія. Изъ числа появляющихся на рынкѣ невольниковъ и невольницъ пятая часть приобретаетъ коммиссіонерами, а остальные четыре пятыхъ остаются для надежныхъ покупателей. Зѣвроки выглядывавшій съ явнѣе чересъ, въ своей чудовищной, высокой, мѣховою шапкѣ, съ ульяниной патронами грудью, вѣчно нося съ собою пороховъ и свинецъ, въ ривалѣ своему суровому и дикому нраву, тихо скользятъ по передней въ изорванной одеждѣ и въ кавказскихъ сафьяновыхъ сапогахъ, таща за собою двухъ измученныхъ голодомъ и холодомъ малютокъ. Онѣ пожимаются предъ заставою, за которыми находится хозяйка дома вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатоками дѣла, бросающими на товаръ пытливые взоры. Начинается торгъ; дѣти дрожатъ отъ стужи и восторгенія; стуча зубами, онѣ поглядываютъ то на безсардечнаго отца, то на стоящихъ за перегородкой женщинъ. Вдвѣи, они не знаютъ, къ кому обратиться имъ въ этотъ критическій моментъ, къ тому ли, кто привелъ ихъ какъ товаръ, или къ той, которая присвоитъ ихъ какъ покупку. Я часто бывалъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, и онѣ всегда глубоко потрясали меня.

Послѣ продолжительныхъ, ведущихся тихимъ голосомъ, переговоровъ, въ теченіи которыхъ покупатель и продавецъ не видятъ другъ друга въ лицо, сдѣлка заключается.

Жестокій, гнусный чересъ, котораго въ Европѣ прозвали въ герезъ свободы, схватываетъ блестящее золото. Вотъ онъ уже спустился по одной лѣстницѣ, какъ вдругъ поспѣшно вбѣгаетъ назадъ и съ шумомъ требуетъ отдать ему платокъ прадажнаго ребенка, которое, по его словамъ, не входило въ счетъ товара. Завязываются новыя переговоры, но наконецъ, ему бросаютъ локмоты саттуна или намоннаго хонста, облекавшаго его ребенка. Они не стоятъ самаго дешеваго недоудка на европейской лошади, охотно оставляемаго покупщику, но и эти локмоты онъ жадно подбираетъ и быстро удаляется съ ними. Вотъ образцовый экземпляръ народа, для котораго въ Европѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ собирались пожертвованія *sub titulo*: «мученикамъ за свободу». По истинѣ, грубая вронія! Покупщикъ, конечно, оказывается всегда благороднѣе продавца, и еще не замечали шаги удаляющагося бездушнаго чудовища—отца или дяди, какъ ребенокъ изъ глубокаго варварства и нищеты переходитъ къ роскоши и всевозможнымъ удобствамъ, пользуясь въ большинствѣ случаевъ лѣбанинъ, мягкимъ ух-

домъ. Учительница, хозяйка дома, всё съ состраданіемъ обращаются къ бѣдному ребенку, котораго начинаютъ учить, наставлять на путь истины, приучать къ утонченнымъ обычаямъ и приличію, и, если бы только при этомъ свѣжій, благоухающій воздухъ кавказскихъ горъ не мѣнялся на постоянное пребываніе въ спертый, душный атмосферѣ гарема, то новоприбывшій въ сущности не имѣлъ бы никакихъ причинъ сѣтовать на перемѣну своей участи.

Къ какой роли готовятся эти невольницы, это во всякомъ случаѣ весьма загадочно.

Одной, быть можетъ, удастся снискать благоволеніе молодаго барина и въ такомъ случаѣ счастливая звѣзда готовитъ ей въ будущемъ роль хозяйки дома; другая изъ царскаго гарема можетъ попасть даже во дворецъ и, если счастье поблагонпріятствуетъ ей, стать царницей и повелительницей многихъ милліоновъ. Кто могъ бы вообще предсказать судьбу, ожидающую эти существа, справедливо называемыя халамками? Одно только несомнѣнно: онѣ гораздо менѣе заслуживаютъ сожалѣнія, чѣмъ вообще думаютъ на западѣ. Возмутителенъ только процессъ купли и продажи, въ остальныхъ же отношеніяхъ участь невольницъ сносна и даже удовлетворительна. Служать ли онѣ украшеніемъ своей госпожи, или предметомъ спекуляціи, въ обоихъ случаяхъ ихъ не только кормятъ и роскошно одѣваютъ, но и даютъ имъ сравнительно хорошее образованіе; онѣ обучаются слегка чтенію и письму, пѣнію, играмъ, танцамъ и женскимъ рукодѣльямъ, и при гибкости и хорошихъ задаткахъ ихъ природы, на нихъ въ послѣдствіи начинаютъ свотрѣть, какъ на членовъ семьи. Я сказалъ, что невольницы служатъ украшеніемъ, и долженъ къ этому добавить, что во всё время знатныя дамы обращали вниманіе на качество и количество окружающихъ ихъ невольницъ. По этому-то послѣднія всё одинаково красивы и молоды, одинаково хорошо одѣты и пользуются равно хорошимъ обращеніемъ, такъ что иностранецъ съ запада считаетъ ихъ за женъ пани, хана или бей. Въ свое время разсказывалось, что у Абдуль-Меджида было отъ 2 до 4 тысячъ женъ. Весьма возможно, что въ императорскихъ дворцахъ жило приблизительно такое число женщинъ, но онѣ ни въ какомъ случаѣ не были женами. Въ гаремѣ султана Махмуда въ Эскисераѣ, и въ гаремѣ царствующаго ресудара въ Бешикташѣ находится множество бывшихъ женъ, тетокъ, племянницъ, прежнихъ должностныхъ дамъ и т. д., изъ которыхъ каждая имѣла по 4 или по 5 спутницъ или невольницъ, а у каждой изъ послѣднихъ, въ свою очередь, было по одной или

по двѣ горничной. Если, сложивъ число бывшихъ женскихъ кади и бывшихъ чиновницъ султана Махмуда съ числомъ дочерей и ближайшихъ родственницъ царствующаго султана, умножить произведение на 5 или на 8 (число невольницъ у каждой изъ этихъ дамъ), то произведение выразитъ то страшное число женщинъ, которымъ славятся гаремы высокопоставленныхъ лицъ. Я принялъ число 5 за минимумъ, хотя я хорошо помню, что у одной только хазинадарши (казначейши) матери умершаго султана Абдуль-Меджида было 50 невольницъ, изъ которыхъ всѣ знамениты были своей красотой. Если присоединить къ этому почетному числу женщинъ громадную свиту балтаджиевъ (мужской прислуги серала) и евнуховъ, то можно составить себѣ понятіе о размѣрахъ домашняго хозяйства у знатныхъ лицъ на Босфорѣ.

Послѣ этого краткаго отступленія въ сферу торговыхъ дѣлъ, общелюбимыхъ съ такою любовью дамами высшаго круга, возвратимся къ ихъ утреннимъ занятіямъ. Въ это время, обыкновенно, онѣ берутъ ванну,—о чемъ рѣчь впереди,—или ждутъ европейскаго доктора, который, въ сопровожденіи евнуха или какого либо члена семейства, посѣщаетъ больныхъ въ гаремѣ и осведомляется о состояніи здоровья женщинъ. Подъ непроницаемымъ покровомъ принимаютъ онѣ того, предъ которымъ, въ гигиеническихъ видахъ, раскрываются сокровеннѣйшія тайны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда врачъ не владѣлъ мѣстной рѣчью, я сопутствовалъ ему при этихъ визитахъ, имѣвшихъ больше комическій характеръ, чѣмъ серьезный. Всѣ турчанки сильно заботятся о своей вѣншности, и часто, послѣ врачебнаго осмотра женъ, мы находили, выходя изъ гарема, весь штатъ черныхъ и бѣлыхъ невольницъ, ожидавшихъ доктора. Всѣ онѣ стояли съ высунутыми языками и вытянутыми руками, приглашая осмотрѣть первыя и ошупать пульсъ на послѣднихъ,—зрѣлище чрезвычайно потѣшное. Около этого же времени обитательницы гарема отправляются на базаръ. Турецкая дама съ своими субретками, сопровождаемая лавсемъ или стыдливымъ смикомъ знойной Африки, идетъ по улицѣ медленно, съ нахвѣренной беззачетностью. Поэты сравнили ее съ луной, окруженной спутниками, и такъ какъ размѣренныя шаги повредили бы этой поэтической картинѣ, то восточныя дамы стараются придать своимъ движеніямъ благородную, по ихъ мнѣнію, небрежность. На базарѣ имъ, собственно, не особенно много дѣла, но за малѣйшей покупкой онѣ отправляются туда раза три или четыре въ день. Въ этомъ отношеніи свѣтъ вездѣ одинаковъ! Люди лондонскаго high life'a просиживаютъ по цѣлымъ часамъ, даже въ дурную погоду,

въ фешенебельныхъ магазинахъ Бондстрита, турчанка же скользятъ въ своей легкой обуви по базару. Кто изъ нихъ разсудительнѣе, трудно, конечно, рѣшить.

II.

Пятница, послѣ обѣда. Въ гаремѣ господствуетъ необыкновенное оживленіе; овнухи съ праздничными, натянутыми физиономіями, помахивая неизбѣжными хлыстами, стоятъ на гаремномъ дворѣ, наѣзжаясь сѣть на коней. Окончивъ, послѣ продолжительныхъ операцій, свой туалетъ, явились, по одиночѣ, младшія жены (hanım), и дѣло стояло только за божь-ганимъ (хозяйкой дома), чтобы сѣсть въ готовую карету и отправиться на обычную по пятницамъ прогулку. Наконецъ, является и повелительница, въ сопровожденіи громадной свиты женщинъ и дѣвушекъ; между послѣдними только близко стоящія къ особѣ хозяйки принимаютъ участіе въ прогулкѣ. Въ первую, богато украшенную карету садится повелительница съ одной или съ двумя изъ своихъ молодыхъ подругъ, а иногда еще съ одной пожилой компаньонкой или горничной. Вторую и третью кареты занимаютъ, обыкновенно, младшія жены, между тѣмъ, какъ въ послѣднія кареты садятся веселыя и игривыя халаяки. Такой рядъ каретъ аристократическаго гарема мѣрно движется по улицамъ, подъ непрестаннымъ прикрытіемъ гаремнаго атасси (овнуха), который, видимо, старается отстранять христіанъ-селядоновъ, смотря въ тоже время сквозь пальцы на кивки и шутки правовѣрныхъ друзей красоты. Эти кивки и шутки рѣдко обращаются къ молодымъ ганимамъ, но очень часто къ рѣзвымъ халаякамъ, у которыхъ едва достаетъ рукъ, чтобы вести бесѣду на такъ называемомъ языкѣ цвѣтовъ съ помощью пестрыхъ платковъ или лентъ, заранее приготовленныхъ въ каретѣ для этой цѣли.

Поездъ направляется въ одинъ изъ сейровъ (загородное гулянье), вторыми такъ богаты окрестности Константинополя. Отправимся вслѣдъ за этимъ маленькимъ обществомъ. По измѣнчивымъ законамъ моды, для каждаго дня назначено особое сейръ-йери (мѣсто для прогулки). По понедѣльникамъ все отправляются, обыкновенно, въ Медабурну (модный мысъ), по вторникамъ въ Кадикей, по средамъ и четвергамъ въ Канлидшію, а въ пятницу весь elegantный міръ долженъ находится въ Кіагадханъ или въ Кандили. Достигнувъ соотвѣтствующаго мѣста, общество выходитъ изъ каретъ; халаяки разстилаютъ ши-

рокіе ковры по зеленому лугу, всѣ усаживаются и, въ мгновеніе ока, предъ глазами зрителя является живописная группа въ самыхъ пестрыхъ краскахъ и своеобразнѣйшихъ позахъ. Мы, европейцы, ходимъ гулять, восточный же житель, такъ сказать, сидитъ, гуляя, потому что эти дамы, на ковры, могутъ по цѣлымъ часамъ оставаться безъ движенія, созерцая красоту природы, или же, какъ уже было замѣчено, объясняться съ толпящимися вокругъ нихъ молодыми людьми посредствомъ цвѣтныхъ носовыхъ платковъ и нальцовъ. Престарѣлыя дамы сидятъ, обернувшись лицомъ въ центръ круга, и наслаждаются куреніемъ трубки, находясь подъ прикрытіемъ чернокожихъ служанокъ, которыя, въ случаѣ необходимости, защищаютъ ихъ своими распростертыми мантильями. Даже въ томъ случаѣ, когда время уничтожило послѣдній слѣдъ прежней красоты глубокими бороздами и морщинами, добронравная матрона опасается проявить, обнаженіемъ своихъ минныхъ прелестей, ихъ грѣхонувпритягательную силу. Старыя дамы вообще жеманнѣе молодыхъ, и имъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть благодарными строгому религіозному закону, предписывающему закрывать лица фатой, что это предохраняетъ ихъ отъ случайности сдѣлаться предметомъ горькихъ разочарованій. Въ группѣ младшихъ жемъ, открыто курящихъ почти нѣтъ. Онѣ всѣ заняты оживленной бесѣдой; тотъ, кто не посвященъ въ тайны восточной мишкы, едва ли догадается, что собраніе фаты подъ глазами двумя, тремя или четырьмя пальцами, или образованіе складки на передней сторонѣ легкой шелковой мантильи выражаютъ извѣстные знаки. Тамъ, въ отдаленіи, повидимому беззаботно прогуливающийся эфенди или бей очень хорошо понимаетъ эти знаки, потому что онъ отвѣчаетъ на нихъ соответствующими жестами. Какъ нельзя запретить розѣ цвѣсти, такъ невозможно удержать женщинъ отъ мимическихъ изъясненій, и великолѣпныя окрестности Константинополя и другихъ городовъ Турціи въ послѣобѣденные часы лѣтомъ представляютъ зрѣлище неутомимыхъ любовныхъ похаживаній, въ которыхъ такъ располагается восхитительная красота природы.

Турецкіе сейръ-Мери замѣляются въ Персіи прогулками верхомъ. Здѣсь развлеченіе и благочестіе идутъ рука объ руку. Общество отправляется къ недалеко находящимся отъ города гробницамъ святыхъ, которыми Персія чрезвычайно богата, и которыя, будучи расположены среди тѣнистаго сада, особенно удобны для свиданія влюбленныхъ. Прекрасный полъ Тегерана отдаетъ предпочтеніе Шахъ-абдуль-Азиму, женщины же Испани посѣщаютъ огромное, тѣнистое кладбище. Культъ

покойниковъ и культъ любви представляются намъ совершенно разнородными, но на востокѣ мирная обитель мертвыхъ пользуется неизмѣнно любовью живущихъ. Такъ мѣста для гулянья въ Ширазѣ, Кумѣ, Нишабурѣ и Гератѣ всегда выбираются вблизи могилы какого нибудь давно погребеннаго святаго. Только въ Средней Азіи существуютъ чихаръ-баги, общественные сады съ текучей водой или стоячимъ бассейномъ, но женщины, однако, не пускаютъ туда.

Вотъ группа всадникъ, направляющихся изъ современной столицы Ирана, черезъ ворота Шахъ-Абдуль-Азима, къ гробницѣ святаго того же имени. Если бы не маленькія туфли въ стремени и не огненный блескъ глазъ, свѣтящихся черезъ узкую щель фаты, читатель принялъ бы сидящихъ на разукрашенныхъ коляхъ за неуклюжіе мѣшки темноголубого цвѣта. И въ самомъ дѣлѣ, это—мѣшки, но въ нихъ скрыты кокетливыя, веселыя дщери Ирана, которыя, какъ истые потомки парфянскихъ предковъ, чрезвычайно искусно держатся на сѣдлѣ. Но вотъ на всемъ скаку промесса всадникъ; какъ молнія пролетѣлъ онъ мимо закутанныхъ красавицъ, но какъ молнія, однако, которая бросила искру, потому что, въ моментъ встрѣчи, произошелъ обмѣнъ словъ. Нѣсколько времени спустя, вдали снова поднимается облако пыли, снова появляется прежній всадникъ, и опять происходитъ обмѣнъ словъ. Это повторяется множество разъ, пока, наконецъ, искусный селадонъ не примыкаетъ къ свитѣ своихъ красавицъ и не завязетъ разговора, двигаясь мѣрной рѣсью подлѣ нѣсколько болѣе широкаго голубого мѣшка, — тетей или субретки избранной красавицы. Последняя продолжаетъ ѣхать во главѣ кавалькады, но она, повидимому, все слышитъ и видитъ, потому что бросаетъ назадъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя вызываютъ, по временамъ, всеобщее оживленіе. Такъ ухаживаютъ въ Персіи во время верховой прогулки, и такъ приносится одновременная дань святому и богу любви. Рѣзвыя дочери Ирана не предчувствовали, конечно, въ свое время, что ѣхавшій, позади нихъ на скромномъ ослѣ дервишъ, подсматривалъ за ними, чтобы описать франкамъ всѣ ихъ проказы. Безвѣстный, не обращая на себя ничьихъ взоровъ, а часто бывалъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, всегда всецѣло приковывавшихъ мое вниманіе; и можетъ ли быть, въ самомъ дѣлѣ, что либо занимательнѣе, какъ наблюдать человека въ различныхъ поясахъ и въ различныхъ странахъ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ и поступкахъ, въ горѣ и радости, въ веселыхъ играхъ юности и въ серьезномъ спокойствіи старости?

III.

Совершенно иначе развлекаются женщины дома и бесѣдуютъ въ четырехъ стѣнахъ. Въ этомъ случаѣ онѣ, обыкновенно, ничѣмъ не стѣсняются и отступаютъ отъ всякаго приличія. Непріятно, часто отвратительно поведеніе этихъ невѣжественныхъ, почувствовавшихъ себя свободными отъ всякаго надзора, существъ. Если уже въ мужскомъ мусульманскомъ обществѣ бесѣда, вслѣдствіе отсутствія женщинъ, лишена всякой прелести и носить банальный или чудовищно-разнузданный характеръ, то это имѣетъ мѣсто въ большей еще степени въ гаремѣ. Надъ выборомъ предмета для разговора тамъ не останавливаются, и нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ слушать старыхъ матронъ и молодыхъ дѣвушекъ, бесѣдующихъ на тему, которая въ Европѣ бросила бы въ краску самую отверженную изъ ихъ пола. Уставъ разговаривать, онѣ принимаютъ за танцы, которые на востокѣ повсюду носятъ характеръ сценическихъ представленій, изображающихъ пластически чувственные ощущенія. Танцы эти, по своему смыслу, еще болѣе циничны, чѣмъ рѣчи неумныхъ языковъ. Въ персидскомъ и турецкомъ гаремахъ знатныхъ лицъ танцовщицами бывають, обыкновенно, специально выдрессированныя для этой цѣли невольницы. Съ кастаньетами и бубнами въ рукахъ, онѣ часто съ изумительною легкостью совершаютъ свои эволюціи, хотя послѣднія скорѣе напоминають фокусы вольтижѣра, чѣмъ тѣ ритмическія движенія, посредствомъ которыхъ хореографическое искусство современной Европы умѣетъ такъ прелестно выражать веселую возбужденность и жгучее душевное настроеніе. Изъ нашихъ замѣчаній ясно, почему восточный человѣкъ считаетъ танцы такимъ занятіемъ, которое ниже достоинства образованнаго, свободного человѣка, какъ это поясняетъ анекдотъ объ одномъ персидскомъ дипломатѣ, прибывшемъ на берега Босфора. Европейскіе товарищи встрѣтили его торжествами и дали въ честь его балъ, во время котораго иранскій царедворецъ сидѣлъ на возвышеніи. Заиграла музыка, закружились, по очереди, веселыя пары, великій же персъ считалъ все это за особую оказываемую ему честь, но когда и хозяинъ дома, его сіятельство N. N. пригласилъ какую то красавицу на веселый вальсъ, персъ соскочилъ со стула и, бросившись къ его свѣтлости, воскликнулъ: «Сударь, ты оказываешь мнѣ много, слишкомъ много чести, я никакъ не могу согласиться, чтобъ и ты пустился предо мною въ плясъ!»

Танцы въ публичныхъ мѣстахъ, какъ само собою разумѣется, исполняются переодѣтыми въ женское платье безбородыми парнями, которые называются въ Турціи ченги и, странно, набираются только изъ среды евреевъ и цыганъ. Нѣсколько столѣтій тому назадъ ченги были въ большой модѣ, но въ настоящее время ихъ стало меньше въ Константинополѣ и въ другихъ большихъ городахъ. Въ Персіи танцы пользуются еще большою любовью, но съ особенною страстью предаются имъ въ средней Азіи, гдѣ какъ напр. у талжиговъ, каждое убогое село держитъ одну или нѣсколько труппъ артистовъ и гдѣ танцовщики выходятъ изъ лучшихъ семействъ.

Но возвратимся, однако, къ гаремнымъ развлечениямъ.

Танцы и разговоры сѣняются общими играми и рассказываніемъ сказокъ. У женщинъ какъ и у мужчинъ, имѣются также свои меддахи, которые хранятъ въ своей памяти громадный запасъ самыхъ разнообразныхъ и фантастическихъ сказокъ, хорошо умѣютъ рассказывать ихъ и для развлечения прочитываютъ одну или нѣсколько главъ изъ кулзумъ-нене (женскій катехизисъ)—книги, излагающей положенія ислама сообразно направленію женскаго ума, но мимоходомъ трактующей также о талисманахъ и алексирахъ, сохраняющихъ красоту, любовь мужа и т. д.

Нѣтъ недостатка на востокѣ и въ театральныхъ представленіяхъ, но они стоятъ на самой первобытной ступени, что въ высшей степени странно, такъ какъ мистеріи, вообще сильно способствующіе развитію драматическаго искусства, въ Персіи въ большемъ ходу въ теченіи уже двухъ столѣтій и исполняются съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ христіанскія мистеріи на западѣ. Я присутствовалъ на мистеріяхъ въ Тироли и могу сказать, что таинъ въ Иранѣ, относительно сценической обстановки, мимики и изложенія, далеко превосходятъ западно-европейскія представленія этого рода, даже знаменитыя представленія въ Оберъ-Аммергау. Главною причиною застоя драматическаго искусства на востокѣ слѣдуетъ считать замкнутость и строгую изолированность женщины. Во всѣхъ случаяхъ, когда пьеса исполняется только мужчинами, игръ недостаетъ тонкости, правдивости, и самый интересъ къ пьесѣ слабѣетъ. На востокѣ, собственно драматическія представленія замѣняются или такъ называемою орта-юну или хаяламъ, карагецомъ, т. е. китайскими тѣнями. Первая дается на площадяхъ, причежь актеръ, окруженный густою толпою зрителей, импровизируетъ какой нибудь неестественный, но забавный рассказъ, пересыпанный крѣпкими словами. Последнее есть представленіе intra muros. Хаяльджи (лицо, показывающее

тѣни) устанавливаетъ свою лавочку въ углу комнаты и, загасивъ свѣчи, заставляетъ прыгать свои неуклюжія фигуры по освѣщенному полотну, при чемъ каждая фигура произноситъ, съ помощью, конечно, хаяльджи, циническіе монологи на разные голоса. Дѣйствіе и рѣчь обыкновенно такъ безвкусны и безприветливы, что европейцу остается только удивляться, какъ можно восхищаться такою отвратительною безмыслицею; но всего замѣчательнѣе, что отцы берутъ съ собою на это зрѣлище своихъ женъ и дочерей и еще за это платятъ деньги. Увертюра болѣею частью состоитъ изъ гнусливой пѣсни карагеца, въ которой онъ жалуется на бренность всего земнаго, на непрочность человѣческаго могущества, на распущенность своего вѣка, короче на все, но только не на свои собственные грязныя рѣчи. Этотъ циническій карагецъ всегда выступаетъ въ роли моралиста и проситъ у публики терпѣнія и снисходительности. Послѣ увертюры внезапно раздается адскій крикъ, шумъ и брань, и на сцену, т. е. собственно на полотно, является тѣнь истерзаннаго и длиннобородаго перса въ высокой шапкѣ, высунавшаго языкъ до самаго пояса, между тѣмъ какъ по немъ прогуливаются мыши, крысы и всякіе гады. Иранецъ, любимая мишень для насмѣшекъ турокъ, начинаетъ восхвалять высокопарными фразами преимущества своей націи и красоты своей страны, но не успѣлъ онъ войти еще въ пафосъ, какъ вдругъ является, сопутствуемая рѣзкимъ ударомъ, тѣнь турка, которая сваливаетъ однимъ ударомъ перса и долго заставляетъ его хрипѣть. За этимъ слѣдуютъ всеобщіе аплодисменты и величайшее одушевленіе. Карагецъ снова начинаетъ гнусить и жаловаться на бренность всего земнаго, и т. д. *ad infinitum*. Всѣ, малые и большіе, юноши и старцы обливаются слезами радости, между тѣмъ какъ европейскій зритель рѣшительно недоумѣваетъ, какъ можетъ общество, обнаруживающее въ другихъ отношеніяхъ и умъ, и вкусъ, восхищаться такою дѣтскою чепухою.

IV.

Намъ остается отмѣтить еще одну, но весьма мрачную сторону въ жизни женщинъ, сторону, которая бросаетъ тѣнь на всю общественную и государственную жизнь и справедливо считается причиной всѣхъ социальныхъ золъ. Это — вступленіе въ бракъ, которое у всѣхъ мусульманскихъ народовъ равно ненормально, равно бессмысленно и равно превратно. Во всѣхъ восточныхъ странахъ лица, вступающіе въ бракъ, всего менѣе принадлежатъ въ этомъ случаѣ рѣшающей голосъ.

Вездѣ родители, опекуны, тетки и дяди влюбляются вмѣсто новобрачныхъ, смотрятъ за нихъ, слушаютъ и рѣшаютъ, потому что, по всеобщему убѣжденію, личное сближеніе передъ вступленіемъ въ бракъ совершенно излишне, и благословеніе фатинъ считается вполне достаточнымъ, чтобы внести въ брачный союзъ согласіе и любовь. Въ цивилизованныхъ сословіяхъ молодому человѣку иногда удается бросить бѣглый взглядъ на свою будущую жену, иногда даже нарочно устраиваются подобныя встрѣчи, недозволяемыя, однако, религіей. Но, какъ мы замѣтили, женихъ бросаетъ только взглядъ на невѣсту; устные сношенія — неслыханная вещь, и все, что сваха (севиджи хатунъ) сочтетъ красивымъ, милымъ и умнымъ, должно приниматься женихомъ съ довѣріемъ. Въ болѣе восточныхъ странахъ бракъ заключается въ дѣтствѣ, и потому новобрачные знакомятся другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ, за играми. Въ сущности же это нисколько не измѣняетъ дѣла. Въ большинствѣ случаевъ брачныя узы связываютъ людей, между которыми взаимная склонность и дружное сожителство всегда проблематичны. Счастливый исходъ такихъ браковъ есть по истинѣ чудо.

Все это изображено въ довольно выразительной формѣ, въ переведенной мною турецкой «оригинальной комедіи», напечатанной въ концѣ 50 годовъ въ турецкой газетѣ «Dscheridei Hawadis» (Перечень новостей). Авторъ этой комедіи, являющейся нынѣ въ первый разъ въ переводѣ на европейскій языкъ, — Шинази эфенди, членъ комитета по дѣламъ просвѣщенія, одинъ изъ тѣхъ муллъ, которыхъ Ренидъ-Паша отсылалъ въ свое время въ Парижъ, чтобы сгладить ихъ мусульманскій фанатизмъ и освоить ихъ съ западно-европейской культурой. Шинази вернулся, какъ это обыкновенно бываетъ, атеистомъ; мусульманскіе нравы и обычаи, мусульманское общество и міровоззрѣніе возбуждали въ немъ отвращеніе, и такъ какъ онъ держался, приблизительно, тѣхъ же воззрѣній на бракъ, какъ и мой достопочтенный читатель, то онъ и обратился къ помощи веселой музы, избравъ его предметомъ своей сатиры. Какъ драматическое произведеніе, его одноактная комедія есть слабое упражненіе человѣка, принимающагося писать въ первый разъ, но она гораздо лучше рисуетъ отечественные нравы, чѣмъ самое обстоятельное описаніе.

ЖЕНИТЬБА ПОЭТА.

(Schair evlenmesi).

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мустагъ-бей, женихъ и возлюбленный Кумри-Ганимъ.

Гиеметъ эфенди, преданный другъ Мустагъ-бея.

Кумри-ганимъ, возлюбленная Мустагъ-бея и сестра Сакиме-ганимъ.

Сакиме-ганимъ, помолвленная за Мустагъ-бея.

Циба Дуду, сваха жениха.

Габбе Кадинъ, свать невесты.

Эбуль Лаеляватъ уль энфи, утверждаетъ брачный контрактъ Сакиме-Ганимъ.

Баталь эзе: ночной сторожъ въ городскомъ участкѣ.

Атавъ Кэзе, подметальщикъ улицы.

Соседи изъ ремесленного сословія. Мѣсто дѣйствія: въ домъ нѣвѣсты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Мустагъ-бей и Гиеметъ-эфенди.

Мустагъ-бей. Наконецъ, сегодня вечеромъ я вступаю въ бракъ. Какое счастье, что мой брачный контрактъ утвержденъ. Впрочемъ, по разсѣянности и изъ любви, я женился бы безъ всякаго контракта.

Гиеметъ эфенди. Возможно ли это?

Мустагъ-бей. Отчего же? Это было бы то, что називають бракомъ по страсти.

Гиеметъ. Странно.

Мустагъ. Конечно. По истинѣ много счастья желаю я тѣмъ, которые женятся не по любви и не по взаимной склонности, и все таки ухитряются жить вмѣстѣ. Я, съ своей стороны, никогда не избралъ бы Кумри-ганимъ своей женой, если бы ей не принадлежала моя любовь. развѣ по твоему, не благоразумно было съ моей стороны, что я такъ сильно влюбился въ нее.

Гиеметъ. Можетъ быть.

Мустагъ. Она также молода и добра, какъ и прекрасна. Въ самомъ дѣлѣ, я доволенъ ею во всѣхъ отношеніяхъ. О! если-бы только у моего голубка не было такой вороны, въ образѣ сестрицы.

Гиеметъ. Да, дѣйствительно. Какъ ее зовутъ?

Мустагъ. Если не ошибаюсь, ее зовутъ Сакиме-ганимъ. Бѣдняжка, даже имя ея не нравится мнѣ.

Гиеметъ. Почему же?

Мустагъ. Она не только стоитъ у насъ дорогѣ и не красива, но, просидѣвъ до 45 лѣтъ дома, утратила всю живость ума. Кромѣ страшнаго горба, у нея нѣтъ ничего, чѣмъ бы ея внѣшность могла привлечь вниманіе людей. Ахъ! мнѣ стыдно, что у меня такая свояченица.

Гиеметъ. Кто хочетъ сорвать розу, тотъ не долженъ бояться ея шиповъ.

Мустагъ. Хорошо, я дарю тебѣ ее, и даже по контракту. почему бы съ ней нельзя было ужиться? Или она будетъ умна или ты будешь глупцомъ.

Гиеметъ. Берегись, однако, какъ бы тебя не провели и не подсунули тебѣ ее, вмѣсто Кумри-ганимъ; таковъ ужъ свѣтъ. У насъ вовсе не въ обычаѣ выдавать за мужъ младшую, пока дома сидитъ еще старшая.

Мустагъ. Ого! я не люблю такихъ шутокъ; если это шутка, то она и останется шуткой.

Гиеметъ. И, однако, ты даришь мнѣ ее въ шутку?

Мустагъ. Что? въ шутку? нѣтъ, совершенно серьезно, любезный другъ.

Гиеметъ. Твое оправданіе возмутительнѣе твоего оскорбленія.

Мустагъ-бей. Кто тебѣ сказалъ, что я хотѣлъ оправдываться?

Гиеметъ. Вотъ какъ!

Мустагъ. Тсъ! Тише! Вотъ идетъ Циба Дуду, сваха жениха. Быть можетъ, съ нею и мой голубчикъ. Ступай въ другую комнату, скоро мы увидимся снова.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Мустагъ-бей и Циба Дуду.

Циба. Радостную вѣсть, мой сынъ, несу я тебѣ, радостную вѣсть! Идетъ невѣста; она уже въ дорогѣ.

Мустагъ. О, матушка! Если бы не ты, мои желанія не сбылись бы. Я не знаю, какъ вознаградить тебя за твою доброту.

Циба. О мой сынъ! что стала бы я дѣлать въ этомъ лукавомъ мірѣ, если бы я не занималась подобными благодѣяніями. Твоя доброта мнѣ извѣстна. Что лучшаго могла бы я сдѣлать въ этой жизни? Нѣтъ, нѣтъ я ничего не могу принять. Я ничего не желаю болѣе, какъ видѣть твоихъ дѣтей съ сѣдыми бородами, прежде чѣмъ я закрою глаза.

Мустагъ. Наконецъ-то, благодаря тебѣ, осуществились мои желанія. Желаю жить тебѣ, какъ можно долѣе! (Онъ скачетъ и танцуетъ отъ радости).

Циба. Будь по серьезнѣе, мой милый; ты уже вышелъ изъ жениховскихъ лѣтъ; постыдись немного.

Мустагъ. Развѣ жениться стыдно: Я думаю, напротивъ. Однако, уйди на время отсюда. Подожди тамъ невѣсту, а я между тѣмъ поуправляюсь здѣсь въ стыдливости.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Мустагъ-бей. (одинъ) Наконецъ, мой голубокъ влетитъ въ клетку. О, если бы я только могъ жить подъ ея крылышками.—Человѣческій родъ придумалъ кормъ, который зовется деньгами. Если она потребуешь его, какъ быть тогда? Все, что въ моей власти, она будетъ имѣть; но всего охотнѣе я могу предложить ей утѣшеніе. Однако, что будетъ съ брачными подарками? Я поднесу ей брачные стихи, и только.

П ѣ с н я.

Мой голубокъ, идеаль моей души,
Достойный, чтобы я свилъ твое гнѣздо въ своемъ сердцѣ;
Я люблю тебя всѣмъ сердцемъ и всей душою.
Ты достойна, чтобы я свилъ твое гнѣздо въ своемъ сердцѣ.
Это будетъ брачнымъ подаркомъ бѣднаго поэта, каковъ я.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мустагъ-бей. Циба Дуду. Габбе Кадинъ. Сакиме ганимъ

Циба. Мой сынъ, мы привели тебѣ невѣсту; приди, возьми ее за руку и посади въ углу.

Мустагъ (весело подпрыгивая идетъ на встрѣчу Сакиме ганимъ, которую Габбе Кадинъ ведетъ за руку) Ахъ!

Циба (обращаясь къ Габбе Кадинъ). Ахъ, мой другъ; господинъ женихъ едва увидѣлъ невѣсту, какъ уже лишился чувствъ отъ радости.

Мустагъ. Не отъ радости, отъ горя разрывается мое сердце.

Габбе Кадинъ. (къ Цибѣ Дуду). Ахъ, какъ дрожитъ невѣста. Поддержи ее, чтобы она не упала (онъ усаживаетъ Сакиме ганимъ на стулъ).

Мустагъ. Что это значить?

Циба. Вотъ твоя неразлучная до гроба спутница жизни, твоя любезная жена, Сакиме ганимъ.

Мустагъ. Прежде духъ мой отлетитъ отъ тѣла, чѣмъ она будетъ спутницей моей жизни.

Циба. (къ Габбе Кадинъ). Слышишь-ли? Господинъ женихъ начинаетъ выходить изъ себя; быть можетъ, онъ отъ радости лишается разсудка.

Габбе. (къ Цибе). Бѣдный; исполненіе его желаній свело его съ ума.

Мустагъ. (въ отчаяніи). Ахъ! ахъ! ахъ!

Циба. Не плачь, пусть плачутъ вмѣсто тебя твои враги.

Мустагъ. О, какъ смѣялись бы мои враги, еслибъ узнали о моемъ положеніи.

Циба. Ступай мой сынъ, раскрой лицо своей невѣсты и взгляни на нее, дабы развеселилось твое сердце.

Мустагъ. Къ чему? Чтобы лицо ея еще болѣе испугало меня?

Циба. Раскрой ее, мой сынъ, раскрой, чтобы ты не сомнѣвался, что это твоя избранная (она и Габбе Кадинъ заставляютъ Мустагъ-бей приподнять фату Сакины Ганимъ).

Мустагъ. Я не хочу (Въ то время какъ онъ отдергиваетъ руки, онъ задѣваетъ фату Сакиме ганимъ и ея фальшивые волосы, которые повисаютъ на его рукахъ). Что это такое?

Циба. О, горе, онъ вырвалъ у бѣдной дѣвушки клокъ прекрасныхъ золотистыхъ волосъ.

Мустагъ. Да, дѣйствительно, ея сѣдые волосы блестятъ какъ бѣлое золото; не такъ ли?

Циба. Твои рѣчи оскорбляютъ не ее, но меня и свата невѣсты. Я научу тебя, какъ говорить. (Обращается къ Габбе Кадинъ). Ступай свать, уведи скорѣе невѣсту и позови господина, который утвердилъ брачный контрактъ. Онъ сидитъ въ ближайшей кофейной; пусть приведетъ онъ съ собой сосѣдей, чтобы они привели въ чувство этого человека.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мустагъ-бей и Циба Дуду.

Мустагъ. Что? Сосѣди заставляютъ меня жениться?

Циба. Да, они заключатъ тебя въ тюрьму, или въ спальную новобрачныхъ.

Мустагъ. Въ тысячу разъ лучше быть въ тюрьмѣ, чѣмъ въ одномъ домѣ съ этой женщиной.

Циба. Ну, такъ иди въ тюрьму; тамъ узнаешь, каковы ея муки.

Мустагъ. Чтожъ, я бубу жить тамъ счастливо, напутствуемый благословеніями и добрыми пожеланіями правовѣрныхъ, которые, благодаря тебѣ, станутъ на мою сторону.

Циба. А если ты заболѣешь?

Мустагъ. И если мои правовѣрные не пришлютъ мнѣ врача, который вылечитъ меня?

Циба. Да; что станешь ты тогда дѣлать?

Мустагъ. Моимъ несчастіемъ начнутся ея незгоды.

Циба. Посмотримъ, какое зло постигнетъ ее.

Мустагъ. Пусть я ослѣпну, если моя смерть не будетъ ея бѣдой.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

**Мустагъ-бей. Циба Дуду. Габбе Кадинъ. Эбуль Лакля-
каты. Батадь эве и сосѣди.**

Эбульляклякаты (входитъ въ ночномъ калпакѣ; онъ коверкаетъ буквы ghain) и ö (Kaf). Что это значить, что вы поднимаете меня съ постели и зовете сюда? Посмотрите на мое одѣяніе,—какъ будто я собираюсь выйти на сцену. Скандалъ! Что за причина вашего шума.

Циба (прикрываетъ платьемъ лицо и палуеъ руку Лаклякаты). Прошу извиненія, сударь. Вотъ этотъ несчастный хочетъ быть женихомъ, но, вырвавъ у своей горячо любимой жены влокъ волосъ, онъ отталкиваетъ ее теперь. Не довольствуясь этимъ, онъ осыпалъ ее, свата неvěсты и меня такими ругательствами, что я стыжусь повторить ихъ.

Эбуль (къ Мустагу). О, дерзновенный!

Мустагъ. Позвольте мнѣ, сударь, рассказать правду, какъ я ее знаю.

Эбуль. Молчи! Сваха Цибу, которая годится тебѣ въ матери, эта бѣдная женщина не могла солгать.

Циба. Да, сударь, онъ долженъ жениться на этой дѣвушкѣ, во что бы то ни стало.

Эбуль. Непремѣнно. Если онъ не возьметъ ее, онъ опозоритъ ея честное имя. (къ сосѣдямъ). Не такъ ли, сосѣди?

Сосѣди. Да, конечно!

Мустагъ. Я не могу на ней жениться, сударь. Здѣсь произошла ошибка, потому что не она, но младшая ея сестра помолвлена за меня, и ее то я хочу избрать своею женою.

Эбуль Лаклякаты. Еще бы не хотѣть. Однако, за тебя помолвлена старшая.

Мустагъ. Увѣряю васъ, что нѣтъ.

Эбуль. Ты и меня намѣренъ сдѣлать лжецомъ? Какое безстыдство!

Батадь эве. Знаете ли что сударь? Я могу вамъ сообщить о немъ и кое что другое. Пойдите, я расскажу вамъ. Въ качествѣ ночного сторожа я обхожу участки. Однажды, во время такого обхода, я встрѣчаю его среди улицы и спрашиваю: откуда ты идешь? И знаете-ли, что онъ отвѣтилъ мнѣ: изъ таратра (театра). Что это, спрашивается, какъ не насмѣшка надо мною?

Мустагъ. О, какой ты мудрецъ.

Батадь. Смотрите вы на этого челоуѣка съ лошадиною кличкою. Скотина, если ты не перестанешь меня ругать, я проучу тебя.

Эбуль. Нашъ молодчикъ и дерзокъ и глупъ.

Батадь. Я думаю, его тотчасъ же слѣдуетъ упрятать въ тюрьму, а тамъ и въ сумасшедшій домъ.

Эбуль. Если вы желаете послѣдовать моему совѣту, то мы сначала предадимъ его суду за грубость, а потомъ изгонимъ изъ нашего участка. Намъ не нуженъ онъ болѣе.

Сосѣди. Намъ не нуженъ онъ, намъ не нуженъ онъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

**Мустагъ-бей. Циба Дуду. Габбе Кадинъ. Эбуль Лаклякатъ
Батадь эзе. Атакъ Кезе. Гиеметъ эфенди. Сосѣди.**

Атакъ (съ корзиной за спиною; въ одной рукѣ несетъ лопату, а въ другой метлу). Намъ не нуженъ онъ!

Гиеметъ (становясь позади Атака). Кого не нужно вамъ?

Атакъ. Почему я знаю? Сосѣди говорятъ: намъ не нуженъ онъ, и я повторяю тоже; они, конечно, правы, говоря это.

Гиеметъ. Да, но въ чемъ же сосѣди правы?

Атакъ. Что они правы, я это очень хорошо знаю; но по истинѣ я не знаю, въ чемъ они правы.

Гиеметъ. Зачѣмъ же ты вѣшиваешься въ дѣла, которыхъ не знаешь?

Атакъ. Отчего же не вѣшиваться? Развѣ я не принадлежу къ знатымъ гражданамъ этого участка?

Гиеметъ. Да кто ты таковой?

Атакъ. Какъ? ты еще не знаешь, кто я?

Гиеметъ. Говорю по правдѣ: не знаю.

Атакъ. Зачѣмъ же ты самъ вѣшиваешься въ то, чего не знаешь? О, какой ты невѣжда! Ну такъ я же скажу тебѣ, что въ крайнемъ участкѣ города я—арендаторъ, а въ этомъ—оберъ-подметальщикъ.

Гиеметъ. Ахъ, ты глупая голова!

Атакъ. Если бы у тебя было столько ума, сколько у меня, то и ты былъ бы такою же глупою головою, какъ я. Да что тутъ толковать! На, мети, посмотримъ, что ты смыслишь тутъ.

Эбуль (указывая на Мустага). Что? ты защищаешь такого грѣшника, какъ онъ? Оправданіе преступленія равносильно самому преступленію. Ты заслуживаешь поэтому такого же наказанія, какъ и онъ.

Гиеметъ. Простите, сударь. Я знаю свою вину, но не знаю, въ чемъ состоитъ его вина.

Эбуль. Нѣтъ болѣе тяжкой вины. Онъ отказывается жениться на помолвленной за немъ дѣвушкѣ и требуетъ ея младшую сестру. Какъ называется это.

Гикметъ. Не сердитесь, сударь. (Показываетъ ему потихоньку кошелекъ съ деньгами). Мы требуемъ отъ васъ младшей сестры.

Батакъ. Что это, сударь? Вы позволяете себя подкупать?

Эбуль (Батаку). Я? Совѣмъ нѣтъ! (Тихо Гикмету). Положи его въ мой боковой карманъ. (Гикметъ кладетъ кошелекъ съ деньгами въ карманъ Эбуля).

Атакъ. Вы сказали ему потихоньку: положи его въ мой карманъ.

Эбуль. Да нѣтъ же! Развѣ я ему такъ сказалъ? Я сказалъ ему: не стой подлѣ меня, чтобы вы не могли заподозрить меня.

Батакъ. Мнѣ кажется, что вы уже вложили деньги въ карманъ.

Эбуль. Сохрани Боже! Пусть отвалится моя рука, если она коснулась золота.

Гикметъ. Я прошу васъ, сударь, изложить дѣло, какъ оно есть, и затѣмъ дѣйствовать, согласно вашему достоинству.

Эбуль. Такъ какъ вы вложили свои желанія въ такой приличной формѣ, то въ моемъ сердцѣ, вмѣсто гнѣва, является участіе (сосѣдямъ). Да, въ самомъ дѣлѣ, сосѣди, мнѣ теперь только приходится на умъ новое важное обстоятельство.

Сосѣди. Въ чемъ же оно состоитъ?

Эбуль. Не правда ли, я говорилъ прежде, что я помолвилъ дѣвушку, которая больше?

Сосѣди. Да, это вѣрно.

Эбуль. Но подъ словомъ *больше* я не разумѣлъ, что она больше годами, но больше ростомъ, потому что старшая перешла уже за сорокъ лѣтъ и потому не годится для жениха. Это я вѣрно знаю, и всегда и вездѣ могу засвидѣтельствовать это самымъ искреннимъ образомъ.

Батакъ. Такое справедливое объясненіе и мы готовы подтвердить присягою.

Сосѣди. Разумѣется!

Эбуль (обращаясь къ Габбе Кадинъ). Сватъ невѣсты, ступай и приведи большую ростомъ, т. е. младшую сестру, настоящую невѣсту. Я передамъ ее собственноручно господину жениху, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній. (Гикмету) Если здѣсь кроется еще какая нибудь ошибка, то говорите, чтобы я могъ устранить ее, потому что я считаю за честь оказать такую благодѣтельную услугу.

Батакъ (Мустагъ-бею). Милостивый государь, все что я вамъ говорилъ больше ничего, какъ шутка. Мнѣ было скучно и я хотѣлъ посмѣяться и развеселиться.

Атакъ (Гикмету). Простите меня, сударь. Если я еще вмѣшаюсь во что нибудь, кромѣ метенія улицъ, то не буду я больше человѣкомъ.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Мустагъ-бей. Гиеметъ эфенди. Циба дуду. Габбе кадинъ Кумри ганимъ. Эбуль льялаватъ. Батакъ эзе. Атакъ кезе-Сосѣди.

Габбе Кадинъ (ведетъ Кумри-ганимъ, которая то вытираетъ глаза какъ будто плачетъ, то закрываетъ рукою лицо и черезъ пальцы смотритъ на Мустагъ-бея). Вотъ, сударь, настоящая невѣста.

Эбуль (обращаясь къ Габбе Кадинъ). Почему она плачетъ? Смотрите, она отталкиваетъ жениха!

Габбе (поговоривъ шепотомъ съ Кумри-ганимъ). Я спросилъ ее сударь, о причинѣ ея слезъ. Дѣло не такъ дурно, какъ вы полагаете.

Эбуль. Въ чемъ же состоитъ причина?

Габбе. Ахъ, мнѣ приходится возобновлять сворбь бѣдняжки. Прежде она плакала отъ горя, что не можетъ принадлежать жениху, теперь же она оплакиваетъ напрасно пролитыя прежде слезы.

Эбуль (тихо Кумри). Твои слезы такъ трогаютъ меня, что изъ одного сочувствія я вынужденъ принять на себя обязанность свата невѣсты. (Подводитъ Кумри ганимъ къ Мустагъ-бею). Сударь, прими ее и постарайся развеселить. Живите счастливо. Желаю вамъ этого отъ всего сердца и отъ всей души. (Обращаясь къ Гиеметъ). Нуженъ ли я вамъ еще зачѣмъ небудь?

Гиеметъ. О нѣтъ, мы просимъ только, чтобы вы увели съ собою всѣхъ присутствующихъ, кромѣ новобрачныхъ.

Эбуль. Что за просьбы! Приказывайте, милостивый госуды! (Къ сосѣдямъ). Сосѣди, вы можете уйти! (Цибѣ) Вонъ, сваха жениха! (Къ Габбе). Вонъ, сватъ невѣсты!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Мустагъ, Гиеметъ. Кумри.

Мустагъ (держитъ Кумри ганимъ за руку. Оба въ восхищеніи и нѣжно смотрятъ другъ на друга. Обращаясь къ Гиемету). Ты не идешь съ сосѣдями? У тебя есть здѣсь еще какое нибудь дѣло?

Гиеметъ. О нѣтъ, я бы хотѣлъ только сказать тебѣ два слова.

Мустагъ. Ахъ, милый другъ, приходи завтра; тогда говори хоть тысячу словъ, я охотно буду слушать тебя.

Гиеметъ. Нѣтъ, нѣтъ, я хочу теперь поговорить съ тобою.

Мустагъ. Ну, такъ говори же, да скорѣе. (Онъ обращается къ Кумри ганимъ и мало обращаетъ вниманія на слова Гиемета).

Гиеметъ. Ахъ милый другъ!

Мустагъ. Ты еще не окончилъ?

Гиеметъ. Подожди, я только еще начинаю.

Мустагъ. О, какъ ты скученъ!

Гиеметъ. Раскаиваешься ли ты, что ты хотѣлъ жениться безъ совѣта такого друга, какъ я?

Мустагъ. И ты еще хочешь меня исповѣдывать? Что это такое?

Гиеметъ. Видишь ли, какъ бываетъ съ тѣми, кто довѣряетъ такимъ посредникамъ, которые обращаютъ въ свою пользу свое посредничество въ дѣлахъ любви и дружбы.

Мустагъ. О, любезный другъ, иди, куда тебѣ нужно; иначе ты запоздаешь. Я не желалъ бы, чтобы ты упустилъ свои дѣла.

Гиеметъ. Видишь ли, сколько хлопотъ тебѣ стоило жениться, не смотря на то, что ты хорошо зналъ свою жену.

Мустагъ. Я желалъ передъ бракомъ, помечтать о своемъ счастьи, да скоро забылъ объ этомъ; теперь же, я снова вспомнилъ о своемъ желаніи.—Я лягу и если увижу сонъ, то расскажу его тебѣ.

Гиеметъ. Итакъ подумай о томъ, что должно быть съ тѣми, которые вступаютъ въ бракъ, не зная другъ друга.

Мустагъ (протирая глаза). О, какъ тяжело! Твои скучные совѣты нагнали на меня сонъ, отъ котораго я не могу отдѣлаться. Съ твоего позволенія, я немного сосну.

Гиеметъ. Я ухожу. Дѣлай что тебѣ угодно, но не забывай даннаго тебѣ урока.

Мустагъ. Могу ли я его забыть? Мало ли горя и хлопотъ причинилъ онъ мнѣ. Теперь я основательно изучилъ теорію брака и надѣюсь, что и на практикѣ не сдѣлаю ошибокъ.

IV.

Одежда и украшенія.

Если бы изъ центра Европы внезапно можно было перенестись внутрь Азии, то ничто не поразило бы насъ въ такой степени, какъ различіе въ человѣческой одеждѣ, причину котораго слѣдуетъ искать не только въ климатическихъ условіяхъ, но и въ культурно историческомъ отношеніи, а также и въ состояніи нравственности. То обстоятельство, что жители Азии отдають предпочтеніе яркоцвѣтной одеждѣ, должно приписать дѣтскому состоянію ихъ цивилизаціи, которая, не смотря на тысячелѣтія народной жизни, нигдѣ еще не достигла зрѣлости. На западѣ, въ средніе вѣка, преобладала одежда яркихъ цвѣтовъ, и еще нынѣ низшій классъ общества, подобно дѣтямъ, любитъ яркую пестроту. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что курду, узбеку или арабу менѣе нравится скромный лиловый или пепельный цвѣтъ, чѣмъ ярко-красный и пурпуровый. У всѣхъ народовъ востока господствуетъ убѣжденіе, что темное платье омрачаетъ духъ и нагоняетъ хандру, между тѣмъ какъ веселый, яркій цвѣтъ веселитъ глазъ и сердце. Только дервишъ, это ходячее воплощеніе брѣнности и ничтожества, обязанъ носить платье блѣдныхъ цвѣтовъ, если онъ не желаетъ — что было бы еще похвальнѣе — ходить совершенно нагимъ; блескъ его добродѣтелей долженъ также отличать отъ его невзрачнаго одѣянія, какъ и сладкіе звуки соловья отъ невеселой, пепельной окраски его перьевъ. Замѣчательно, что цвѣтъ одежды тѣмъ ярче, чѣмъ далѣе мы подвигаемся на востокъ. На берегахъ Босфора давно уже исчезли ярко-красныя дшуббы

чорбаджіевъ¹⁾ янычаровъ, а также и желто-шафраннаго цвѣта костюмъ придворныхъ пажей, въ которыхъ жилъ духъ и нравы янычаръ. Только Накибъ-Эль-Этрефъ, глава потомковъ пророка, и шерифъ Мекки имѣютъ право, какъ предполагаемые родственники пророка по первой линіи, щеголять въ ярко-зеленой чалмѣ и въ своихъ костюмахъ, равно какъ и остальные сеиды, какъ бы ни было скромно ихъ жизненное поприще. Пророкъ любилъ зеленый цвѣтъ, и хотя уваялъ послѣдній побѣгъ на могилѣ могущественнаго прародителя, тѣмъ не менѣе, его отпрыски еще и нынѣ, не смотря на жалкое состояніе ислама, утѣшаютъ себя исключительно цвѣтомъ надежды. Невинныя иллюзіи! Да, наши путешественники правы, жалуясь на постоянно исчезающій живописно-романтический колоритъ востока. Только когда соберется въ Константинополѣ значительная масса народа, припоминаются прежнія живописные костюмы востока, при видѣ яркоцвѣтныхъ фереджей (женскихъ плащей), а также употребляемыхъ среднимъ и низшимъ классами, вмѣсто пояса, шалей или шальваровъ странствующихъ, фанатически преданныхъ старинѣ муллъ или эснафовъ (ремесленниковъ). Обыкновенно, населеніе носитъ черную или темную одежду; это господствующая въ городахъ мода. Какъ это ни странно, но въ Турціи существуетъ уже значительный классъ людей, которые считаютъ яркую и пеструю одежду *кабалокомъ* (грубостью нравовъ) или, что все равно, *тюрьлюкомъ* (туркофильствомъ). Такой же взглядъ господствуетъ и въ Персіи. Здѣсь во времена Сефевидовъ, ярко-красный цвѣтъ былъ любимымъ цвѣтомъ; нынѣ же онъ вытѣсненъ изъ всѣхъ слоевъ населенія, и хотя одноцвѣтнымъ матеріаломъ отдается предпочтеніе, но всѣ онѣ окрашиваются въ скромный зеленый, желтый или голубой цвѣтъ. Только номады остались вѣрны старому обычаю; онъ, какъ и его осѣдлые соплеменники и единовѣрцы въ Средней Азіи, любитъ лишь одежду рѣзкихъ цвѣтовъ. Большая часть кочующихъ курдовъ, являющихся на базарѣ въ Эрзерумѣ, Харпутѣ, Діарбекирѣ и Мосулѣ, носятъ ярко-красные плащи и такого же цвѣта сапоги и штаны; а въ высшихъ чиновничьихъ сферахъ въ Средней Азіи считается за особую честь получить отъ хана огненнаго краснаго цвѣта чапанъ или чогу, и щеголять въ ней въ публичныхъ мѣстахъ. Ханъ хивинскій ежегодно тратитъ отъ шести до десяти верблюжьихъ тюковъ яркоцвѣтныхъ русскихъ платковъ, которые онъ раз-

¹⁾ Чарбаджи — военный чинъ, соответствовавшій нынѣшнему чину полковника въ турецкой арміи.

давать въ знакъ своего благоволенія. Въ Бухару и Коканъ идетъ такое же количество платковъ, и, какъ въ Китаѣ извѣстные цвѣта приурочены къ извѣстнымъ должностямъ, такъ и въ ханствахъ этикетъ дозволяетъ носить красный цвѣтъ только тѣмъ, на чью голову пала царская милость.

Такимъ образомъ, въ отношеніи цвѣта, различіе въ одеждѣ между западомъ и мусульманскимъ востокомъ постепенно исчезаетъ. Иное дѣло — покрой и форма одежды. Въ этомъ отношеніи, какъ я полагаю, мѣриломъ служить прежде всего удобство, а затѣмъ уже приличіе. Удобство требуетъ широкой одежды, со множествомъ складокъ, чтобы можно было свободно садиться, не стѣснять движенія членовъ, и не преграждать доступа воздуху, въ жаркую погоду. Приличіе въ одеждѣ согласуется съ мусульманскими и вообще съ азіатскими воззрѣніями. По понятіямъ европейскимъ, для приличія, достаточно, чтобы одежда прикрывала извѣстныя части тѣла; на востокъ же идутъ далѣе, желая устроить даже намекъ на существованіе подобныхъ частей тѣла. Поэтому, плотно облегающая тѣло одежда, которая обнаруживала бы контуры этихъ частей тѣла, считается оскорбляющею чувство стыда. Все должно быть прикрыто цѣлымъ моремъ складокъ, потому что дозволяется только догадываться, но не видѣть. Такъ какъ это исконный обычай Азіи, то можно утвердительно сказать, что мѣшкообразная форма одежды внутри Азіи сохранилась неизмѣнной со временъ сѣдой древности до настоящихъ поръ. Въ широкой, вздымающейся одеждѣ не видно ничего, кромѣ лица, потому что руки и ноги тщательно скрыты. Эта не изящная особенность, вѣроятно, была передъ глазами турецкихъ портныхъ или, лучше сказать, остроумныхъ реформаторовъ Турціи, когда, въ началѣ новой эры, они старались замѣнить національный костюмъ европейской одеждой. Въ настоящее время турецкія моды, особенно мужскія, приближаются, повидимому, къ европейскимъ; но старое поколѣніе любитъ франкское платье лишь на турецкій образецъ, особенно брюки, которые и въ длину и въ ширину состоятъ изъ безчисленнаго множества складокъ, и могутъ удобно вмѣстить въ себѣ, даже при дородности своего носителя, втораго и третьяго субъекта. Сетри (сюртукъ, или верхнее платье) долженъ быть на столько широкъ, чтобы его можно было одѣть на двѣ короткія шелковыя или хлопчато-бумажныя энтари (ватныя куртки), замѣняющія мѣсто жилетовъ. Такой сюртукъ, съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, на глухо застегивается даже при 34 градусахъ Реомюра; полы этого сюртука должны быть широки, до-

статочно плотно лежать одна на другой, такъ чтобы онѣ не расходились при самыхъ большихъ шагахъ, и затѣмъ на столько длинны, чтобы, усѣвшись съ поджатыми ногами, не видно было и слѣда послѣднихъ. Галстухъ или какая либо шейная повязка считается лишней, и такъ какъ брусская шелковая рубашка (гарири) не имѣетъ воротника, то шея и затылокъ остаются открытыми во всякое время года. У такихъ европеизированныхъ турокъ голова и ноги представляютъ въ высшей степени комическій видъ. Обувь, состоящая и зимой и лѣтомъ изъ толстыхъ, двойныхъ (верхнихъ и нижнихъ) башмаковъ, придаетъ самой маленькой ногѣ сходство съ умѣренной лапой слона, и, по истинѣ, жалко смотрѣть, какъ какой нибудь плотный эфенди плетется въ жару въ этой двойной обуви по адской мостовой Константинополя. А головной уборъ! Что за уморительную карикатуру живописной греческой фески представляетъ современная турецкая чалма. Молодой турокъ носить маленькую феску, немного надвинутую на лобъ; пожилые же люди, и, въ послѣднее время, его величество султанъ, придаютъ ей столь безобразно-громадные размѣры, что голова кажется какимъ-то предметомъ, плавающимъ въ красной костюмѣ. Лобъ, глаза, уши, затылокъ, все ушло въ этотъ мѣшокъ, а какова транспирація этого почти герметически закрытаго черепа можно судить по истомленному виду эфенди, по лбу, груди и затылку котораго струится потъ.

Таково слабое подобіе цивилизованнаго *malgré lui* османлиса. Юные и холостые денди любятъ одѣваться à la française, многіе даже заказываютъ себѣ платье у парижскихъ портныхъ, но съ годами, когда прибавится жиру и убудетъ прыти, добрые турки начинаютъ тяготѣть къ своему старому національному костюму, который дѣйствительно удобнѣе и, быть можетъ, цѣлесообразнѣе даже и въ гигиеническомъ отношеніи (конечно, съ точки зрѣнія мѣстныхъ климатическихъ условий). Онъ, конечно, дороже, но за то прочнѣе и болѣе по вкусу восточному человѣку, чѣмъ заимствованная европейская мода.

Восточный человѣкъ вообще требуетъ отъ своей одежды, чтобы она увеличивала естественный объемъ его тѣла, т. е. чтобы въ этой одеждѣ онъ имѣлъ величественный видъ, внушалъ бы къ себѣ почтеніе и, если возможно — благоговѣніе. Съ помощью европейскаго костюма онъ не достигаетъ этой цѣли, но съ своимъ собственнымъ успѣваетъ въ этомъ, въ достаточной степени. Длинные шальвары, на которыхъ идетъ отъ десяти до пятнадцати локтей сукна, не только утолщаютъ его голени, но, порой, вмѣстѣ съ широкимъ поясомъ или толстою шалью, обвитою около

тѣла десять-пятнадцать разъ, совсѣмъ скрываютъ кривыя и неказистыя ноги. Къ этому присоединяется еще ниспадающая до самыхъ ногъ дшубба, подъ которой находятся короткое, подбитое толстымъ слоемъ ваты энтари и широкая куртка, называемая сальтой; если же, въ довершеніе всего (*finis coronat opus*), мы примемъ въ расчетъ колоссальную чалму, которая у всѣхъ мусульманскихъ народовъ имѣетъ такіе размѣры, что можетъ удобно служить ночью подушкой, а днемъ зонтикомъ, — то выраженіе «изъ нухи дѣлать слона», не будетъ, въ этомъ случаѣ, преувеличеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ такъ не справедлива поговорка: «платье краситъ человѣка», какъ на востокѣ. Чтобы придать себѣ еще болѣе внушительный видъ, турки Румелии и Анатолии еще до нынѣ носятъ за поясомъ значительный запасъ оружія. Конечно, давно прошло то время, когда османлиецъ или вообще магометанинъ могъ своимъ вооруженіемъ внушать къ своей особѣ почтеніе. Его оружіе, въ сравненіи съ новѣйшими европейскими издѣліями этого рода, снизошло до степени невинныхъ игрушекъ, но тѣмъ не менѣе, онъ не расстаётся съ нимъ ни лѣтомъ, ни зимою, ни дома, ни на улицѣ, ни за мирнымъ дѣломъ, ни въ мечети. Нашихъ туристовъ часто пугаетъ такой ходячій арсеналъ, который въ сущности есть совершенно безвредное пугало. Вооруженный съ головы до ногъ магометанинъ совсѣмъ не страшнѣе; его ятаганъ, пистолеты, мечъ и другія рубящія и колющія оружія суть только предметы роскоши, памятники желѣзнаго вѣка, минувшагоазіятскаго могущества. Нѣтъ, поэтому, ничего страннаго, если, подвигаясь на востокъ, мы съ каждымъ шагомъ будемъ наталкиваться на болѣе и болѣе рѣзкія проявленія этой чисто восточной идеи внушать другимъ почтеніе своимъ костюмомъ. Длинная дшубба, чакчурны и шальвары западныхъ магометанъ, въ глазахъ ихъ восточныхъ братьевъ столь же банальны, безвкусны и невзрачны, какъ нашъ европейскій костюмъ въ глазахъ турокъ. Я склоненъ принять, что граница изящной дшуббы, плотно облегающей корпусъ, находится тамъ, гдѣ оканчивается османлизмъ, или, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, западное магометанство. Правда, арабы, курды, персы, афганцы и жители Средней Азіи также называютъ дшуббой свое верхнее платье, но оно скорѣе походитъ на старинную, первобытную чирку или абу, которая носитъ болѣе восточный характеръ и болѣе соотвѣтствуетъ азіатской небрежности. Аба состоитъ изъ двухъ или трехъ кусковъ матеріи, сшитыхъ не въ перпендикулярномъ, но въ горизонтальномъ направленіи, но она кажется состоящей какъ бы изъ одного куска и есть ничто иное, какъ широкое,

открытое спереди платье, съ полукруглымъ отверстіемъ вмѣсто воротничка, съ двумя продолговатыми дырами вмѣсто рукавовъ и двумя маленькими шнурками вмѣсто пуговицъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, оба складываются такимъ образомъ, что ее можно принять за неупотреблявшійся еще кусокъ матеріи, а не за платье. По такому же образцу въ средніе вѣка изготовлялись знаменитыя дамасскія и алеппскія энтары, и даже бурки изъ Бруссы и Коніи представляются какъ бы однимъ кускомъ матеріи и не имѣютъ никакого фасона. Вообще достаточно взглянуть на одежду жителей магометанской Азіи, чтобы убѣдиться, что они ни мало не заботятся ни о модѣ, ни о роскоши, но только о прикрытіи тѣла. Европейскіе художники хотятъ видѣть что-то живописное, что то романтически-прекрасное въ небрежно ниспадающемъ, лежащемъ въ складки восточномъ одѣяніи. Но такое воззрѣніе не оправдывается съ эстетической точки зрѣнія, потому что восточный человѣкъ выражаетъ какъ своею одеждою, такъ и всѣмъ своимъ существомъ только равнодушіе къ міру и ко всему земному, великолѣпія же и вкуса въ одѣждѣ въ нашемъ смыслѣ мы напрасно бы стали искать у него. Если восточный человѣкъ желаетъ слѣть богачомъ или особой вліятельной, онъ навѣшиваетъ себѣ какой нибудь драгоценный камень или другое украшеніе, онъ ходитъ въ золотѣ и въ серебрѣ, но на одежду собственно не обращаетъ вниманія. Очень часто можно встрѣтить людей, особенно пожилыхъ, въ оборванномъ платьѣ но съ дорогимъ брилліантомъ, людей, опоясывающихъ нищенскій костюмъ великолѣпнымъ поясомъ, даже людей, которые ходятъ босикомъ и оборванцами, но носятъ такіа драгоценности, малѣйшая часть которыхъ свидѣтельствуетъ о ихъ значительныхъ богатствахъ.

Я не отрицаю, что насъ, европейцевъ, привыкшихъ къ цѣлесообразному костюму Запада, поражаетъ видъ араба въ небрежно накинутой абѣ, или перса, стройный корпусъ котораго теряется въ просторной суконной дшуббѣ, или, наконецъ афганца, закидывающаго по древнеримскому обычаю свою тогу на плечи. Но такъ какъ, встрѣчаясь съ такими зрѣлищами, я постоянно открывалъ причину за причиной, то въ моихъ глазахъ блѣднѣлъ колоритъ мнимо-романтической внѣшности. Идея придать себѣ пышнымъ, вздымающимся платьемъ внушительный видъ, всегда казалась мнѣ дѣтской и варварской, и въ такомъ же свѣтѣ представлялся мнѣ и покрой одежды, затрудняющій какую бы то ни было работу. Стоитъ только взглянуть на закутаннаго съ головы до ногъ восточнаго человѣка и съ перваго раза мы прочтемъ въ его ко-

стюмъ: этотъ человѣкъ рожденъ для лѣни и бездѣйствія. Все поощряетъ эту порочную лѣность восточнаго жителя, и даже когда, увлекшись работою, онъ подберетъ свое платье (восточная поговорка считаетъ прилежнымъ человѣка, который поднимаетъ полы своего платья и продѣваетъ ихъ за поясъ), но все-таки такая хозяйка дома въ образѣ мужчины не въ состояніи столь же свободно двигаться, какъ житель запада, обнаруживающій своей одеждой и всѣмъ своимъ видомъ готовность къ прилежной дѣятельности и трудовой жизни.

Поэзи, неподдѣльной, слѣдуетъ искать лишь въ головномъ уборѣ магометанъ. Чалма (изъ полосатой бумажной ткани, называемой французами *dulban* или *turban*) превосходить и превосходила во все время своей красотой европейскій головной уборъ, уступая ему только въ цѣлесообразности. На литографическомъ изображеніи всѣхъ султановъ, отъ Османа до Абдуль-Меджида, появившемся въ Стамбулѣ, можно видѣть приблизительно тридцать двѣ чалмы. Замѣчательно, что всѣ они различны, всѣ носятъ на себѣ явный отпечатокъ эпохи, въ которую были сдѣланы. Отъ смерти пророка до паденія калифата аббасидовъ, религіозно официальная чалма была ничѣмъ инымъ, какъ ермолкой, правильно оббитой холстомъ. Впослѣдствіи этотъ широкій свитокъ приобрѣлъ большую округлость, чалма не обшивалась, но переплеталась холстомъ, и уже во времена Оркана этотъ головной уборъ сдѣлался настолько сложнымъ, что каждый мусульманскій джентльменъ съ вѣсомъ долженъ былъ имѣть особаго человѣка, сплетавшаго чалму. Воинственные султаны носили маленькую, легкую чалму; фанатики и поборники вѣры большую, кеглеобразную — превосходное средство отяготить голову, такъ чтобы она клонилась къ затылку и придавала почтенный видъ носителю въ то время, когда, погруженный въ религіозныя размышленія, онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ наклонялъ бы голову къ низу, не дерзая ни на минуту поднять глаза къ верху. Веселые правители носили чалму съ фантастическими узлами; завоеватель Кипра проявилъ свою склонность къ попойкамъ и свою любовь къ черкешенкамъ въ фривольныхъ сплетеніяхъ своей чалмы. Воители украшали свою чалму перьями цапли и другими знаками власти, изнѣженные же герои гаремовъ обвѣшивали чалму жемчугомъ. Вообще удивительно, чего только не продѣлывали добрые магометане съ своей чалмой. При всемъ томъ она всегда была красива и живописна, и осталась такою же до сихъ поръ, хотя уже и начинаетъ выходить изъ употребленія. Житель Запада считаетъ украшеніемъ головы — волосы, житель же востока —

*

чалму, и въ самомъ дѣлѣ честные ново-османліицы въ своихъ красныхъ, кострюлеобразныхъ головныхъ уборахъ выглядятъ совершенно жалкими существами наряду съ своими правовѣрными единовѣрцами. Ослѣпительная бѣлоснѣжная чалма муллы, нынѣ свиваемая, правда, небрежно и собственноручно, все-таки придаетъ фигурѣ нѣкоторое величіе, равно какъ и чалма анатолійца, свитая изъ толстой пестрой шали, особенно если эту чалму носить субъектъ высокаго роста. Чалма не только покрываетъ голову, но въ то же время служитъ днемъ зонтикомъ для защиты отъ солнца, ночью удобной подушкой, а для многихъ она что-то въ родѣ несессера. У однихъ въ складкахъ чалмы хранится зубочистка, порошокъ для глазъ, иногда немного соли и перцу, у другихъ—деньги въ бумажкахъ и письма, громадное же большинство употребляетъ тотъ или другой конецъ чалмы вмѣсто полотенца, по крайней мѣрѣ послѣ религиозныхъ омовеній. Совмѣстить столько удобствъ въ одномъ головномъ уборѣ, это, конечно, не маловажная выгода. Можно ли поэтому упрекать турокъ, если они такъ неохотно мѣняютъ чалму на феску? «Всѣ правовѣрные—братья» говоритъ пророкъ, и хотя чалма не отличаетъ прямо одну національность отъ другой, но она во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ характерныя особенности словія, религіи и образа мыслей. Между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ странахъ евреи и христіане должны носить, какъ печальную эмблему своего рабства, черную чалму изъ грубой матеріи, въ другихъ странахъ, напр. въ Персіи и средней Азіи, не мусульманамъ запрещено носить этотъ головной уборъ. Между самими мусульманами зеленая чалма присвоена исключительно потомкамъ пророка; въ Константинополѣ послѣдніе большею частью торгуютъ зеленой матеріей и такимъ образомъ цвѣтъ ихъ чалмы въ тоже время изобличаетъ ихъ ремесло. Въ Персіи члены этой привилегированной семьи носятъ при жизни голубую чалму, зеленымъ же цвѣтомъ окрашиваютъ куполы своихъ мавзолеевъ. Бупцы, ремесленники и лица другихъ профессій ходятъ въ пестрой чалмѣ, имъ, какъ свѣтскимъ людямъ не чужда суетность земнаго бытія и они не преминули выразить чалмою свою любовь къ разнообразію. Эмблемой знатнаго происхожденія, учености, благочестія и власти всегда была и осталась до нынѣ бѣлая чалма. По формѣ этого замѣчательнаго головнаго убора можно распознать даже различныя мусульманскія народности. Шерифъ Мекки, какъ и всѣ знатные жители этого священнаго города, гордятся тѣмъ, что они имѣютъ право придавать чалмѣ такую форму, какъ это было въ обычаѣ въ счастливыя времена пророка. Въ

Багдадѣ, Дамаскѣ и Іерусалимѣ многіе кичатся тѣмъ, что ихъ чалма осталась тою же, какою она была во времена калифовъ, между тѣмъ какъ въ Бруссѣ, Коніи и Бухарѣ, набожные монахи стараются доказать, что въ своемъ головномъ уборѣ они слѣдуютъ модѣ Бекташа, Мевлана, Джелаледдина, Руми и Багаеддина. Въ Персіи носящіе чалму подражаютъ любимой династіи Сефевидовъ, въ Афганистанѣ — династіи Гасневидовъ, а въ Индіи — могущественному Экберъ-шаху и Эвренгзибу. Чалма, это обширная историческая картина, и, въ то время, какъ остальная одежда должна была уступать разнообразнымъ вліяніямъ времени, чалма одна остается непоколебимымъ представителемъ старины, минувшаго величія и глубоко затаенныхъ религіозныхъ и династическихъ чувствъ.

Не выражается ли также весь востокъ съ своимъ бытомъ и съ своей опасной философіей въ бѣльѣ, или лучше сказать въ равнодушіи, съ которымъ онъ относится къ этой важной статьѣ. Можетъ ли кто либо навѣрное сказать, обращали ли греки, римляне, и другіе древніе народы, а также и мы сами въ отдаленномъ прошедшемъ особенное вниманіе на бѣлье, но все-таки я полагаю, что у всѣхъ вышеупомянутыхъ народовъ оно было въ лучшемъ состояніи, чѣмъ у современныхъ жителей востока. На востокѣ не только бѣдный и средній классы, но даже высокопоставленныя богатія лица относятся къ бѣлью съ поразительною небрежностью.

Хотя въ Турціи и въ арабскихъ городахъ бѣлая, газовая, на половину шелковая, на половину шерстяная матерія употреблялась уже въ средніе вѣка для нижняго бѣлья, но на смѣну послѣдняго, какъ на необходимое условіе его чистоты, не обращалось вниманія и какъ въ прежнее время, такъ и нынѣ, гардеробъ восточнаго жителя состоитъ лишь изъ двухъ, трехъ и очень рѣдко изъ шести рубашекъ, при весьма значительномъ запасѣ верхней одежды. Въ Персіи и на дальнемъ востокѣ гардеробъ въ этомъ отношеніи находится въ еще болѣе жалкомъ состояніи. Люди, тратящіе сотни дукатовъ на украшенія и одежду, обыкновенно обладаютъ только такимъ количествомъ бѣлья, которое достаточно лишь для одной перемены, и не только богатые купцы, но даже ханы и министры далеко бѣднѣе бѣльемъ чѣмъ любой изъ самыхъ недостаточныхъ нашихъ классовъ. Въ Персіи масса носитъ нанковые рубашки темно-голубаго цвѣта, отчего грязь не бросается въ глаза, но за то хорошо видны гнѣзда извѣстныхъ бѣлокожихъ насѣкомыхъ. Нѣтъ ничего отвратительнѣе для иностранца, какъ уголь грязной рубашки,

торчащій изъ богатаго шелковаго наряда какаго нибудь вельможи, окруженнаго громадною свитою лакеевъ и обильнаго драгоцѣннѣйшими рубинами и алмазами. Во время моего пребыванія въ Тегеранѣ, даже у самого его величества было только десять европейскихъ рубашекъ, которыя къ ужасу всѣхъ правовѣрныхъ шитовъ, стирались, крахмалились и гладились руками какой-то невѣрной. Кромѣ того, въ Иранѣ бѣлье, отъ постоянного соприкосновенія съ тѣломъ, вымазаннѣйшей одной растительной краской, издаетъ дурной запахъ. Этотъ-то рѣзкій контрастъ между внутреннею неопрятностью и наружнымъ блескомъ всего лучше доказываетъ, что на востокѣ все приносится въ жертву внѣшности. Въ средней Азіи, гдѣ рубашка, достигающая до пятокъ, служитъ домашнимъ костюмомъ, а лѣтомъ верхней одеждой, обращается больше вниманія на бѣлье. Бѣлая рубашка необходима для молитвы, но тѣмъ не менѣе, ни жители Туркестана, ни афганцы, не могутъ похвалиться избыткомъ рубашекъ. Я помню, какъ однажды сынъ знаменитаго Достъ-Магомедъ-хана, раздѣвшись до нага и прикрытый только сюртукомъ, легъ на нѣсколько часовъ уснуть, чтобы тѣмъ временемъ дать возможность своему слугѣ вымыть свою единственную рубашку. Истинно царскія понятія о чистотѣ.

На отдаленномъ востокѣ одежда еще длиннѣе, безобразнѣе и неудобнѣе, чѣмъ въ западныхъ мусульманскихъ странахъ. Замѣчательно, что націи, которыя больше ѣздятъ верхомъ, чѣмъ ходятъ пѣшкомъ, носятъ широкую, съ множествомъ складокъ, одежду, столь неудобную для кавалерійскихъ эволюцій. Восточный всадникъ старается увеличить грузъ своей одежды, потому что не онъ несетъ его, но его конь. Узбеки въ Бухарѣ, Боканѣ и Кашгарѣ походятъ въ своихъ костюмахъ на вѣчно разодрѣтыхъ дамъ середины XVIII-го столѣтія, харезмира же и воинственнаго афганца, приводящаго въ восхищеніе англійскихъ писателей своимъ, якобы рыцарскимъ видомъ, скорѣе можно принять — сидитъ ли онъ на конѣ, или идетъ пѣшкомъ, — за хориесту въ оперѣ «Навуходоносоръ», чѣмъ за воина. Тѣсная одежда, конечно, не такъ граціозна, но за то менѣе стѣсняетъ движеніе, чѣмъ широкая, и не разъ, во время поединковъ въ средней Азіи, складки одежды имѣли для бойцовъ роковое значеніе.

Восточныя украшенія! Не правда-ли любезный читатель, твое вниманіе напряжено, ты ожидаешь чего то великаго, необыкновеннаго? Пусть возбуждаютъ твою фантазію писатели, изображающіе картину востока, но позволь, однако, мнѣ не приносить въ жертву истину сен-

раціоннымъ описаніямъ и прямо заявить тебѣ, что отъ прежнихъ, ослабительныхъ, затмѣвавшихъ звѣзды украшеній, теперь остались лишь жалкіе осколки. Правда, страсть къ роскоши,—о которой мы еще будемъ говорить,—живетъ еще, но украшенія, способныя возбудить изумленіе европейца, рѣдко встрѣчаются. Степенные османліицы перенесли свою прежнюю страсть къ великолѣпію на своихъ женъ, и онѣ то обыкновенно обременены жемчугомъ, ожерельями, браслетами, шпильками, кольцами, серьгами, между тѣмъ, какъ мужчины носятъ только кольца, украшенныя рубинами, брилліантами и сафирами, а также печати и карманные часы. Печати, эти *alter ego* каждаго джентльмена, служащія вмѣсто подписей, сохраняются въ маленькихъ, шелковыхъ мѣшечкахъ, которые носятъ на груди и прячутся даже отъ членовъ собственной семьи. Эти печати сдѣланы изъ искусно вышлифованныхъ драгоценныхъ камней, обдѣланы въ золото, и часто представляютъ собою весьма цѣнную древность. Часы старой, англійской работы, нерѣдко усыяны брилліантами; даже слуги носятъ женевскіе часы, цѣнностью отъ 500 до 1000 франковъ. Старо-турки, вѣрные обычаю, украшаютъ весьма роскошно свои сѣдла; младо-турки переносятъ это украшеніе на кареты, обнаруживая въ этомъ случаѣ истинно забавную расточительность, такъ какъ ихъ изящныя кареты, парижской работы, съ зеркальными стеклами, и обитыя серебромъ, дѣлаются никуда негодными послѣ нѣсколькихъ недѣль ѣзды по адской мостовой древней Византіи. Ни одинъ экипажъ, прибывшій съ береговъ Саены или Дуная на берега Босфора, не можетъ служить болѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Если на эту статью тратятся громадныя суммы денегъ, то есть еще одинъ предметъ, на которомъ турки сосредоточиваютъ всю свою страсть къ роскоши; это—трубка. У богатыхъ людей большой янтарный мундштугъ украшенъ драгоценными камнями, а въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ дарятся трубки, стоящія каждая много тысячъ франковъ. Когда нынѣшній бельгійскій король, въ то время герцогъ Брабантскій, путешествуя по Востоку, былъ въ гостяхъ у Абдулъ Меджида, то ему подавали такія трубки. Онъ необыкновенно понравился ему, и султанъ, которому онъ заявилъ объ этомъ, отвѣтилъ, изъ вѣжливости, обычными на востокъ словами: «дарю ихъ тебѣ,»—фраза, которая никогда не понимается серьезно. Принцъ, въ жилахъ котораго еще текла кобургская кровь, понялъ, однако, эту фразу буквально, и, въ день своего отъѣзда, велѣлъ уложить съ своими вещами всѣ эти чубуки, цѣнность которыхъ простиралась до нѣсколькихъ сотъ тысячъ франковъ. Турки, пристав-

ленные въ качествѣ слугъ къ наслѣднику бельгійскаго престола, глядя на это съ ужасомъ и удивленіемъ, объясняя слова султана въ духѣ обычнаго на востокѣ этикета; но его высочество ничего не хотѣлъ слушать. «Султаны не шутятъ» сказалъ онъ, и все увезъ съ собою въ Брюссель. Герцогъ брабантскій послалъ султану искусно сдѣланную вазу съ замѣчательными барельефами и гравюрами, но цѣнность этой вазы была во сто разъ ниже цѣнности чуть не насильно забранныхъ подарковъ.

Въ Персіи чубуки украшаются съ еще большимъ великолѣпіемъ, и вообще восточная роскошь является тамъ во всемъ своемъ блескѣ, особенно въ одеждѣ и въ сѣдлахъ, украшенныхъ драгоценными металлами (такъ какъ персы искони вѣковъ были народомъ, издѣвшимъ верховъ раг excellence). Теперь, конечно, уже рѣже можно встрѣтить домашнюю утварь и посуду, изготовленные изъ благородныхъ металловъ; только въ нѣкоторыхъ семействахъ сохранились, какъ наслѣдіе добраго стараго времени, серебрянные тазы, кружки, подсвѣчники, тарелки или золотыя чаши для шербета, Изъ всей домашней утвари турки на Босфорѣ украшаютъ только блюдечки для чапъ, въ которыя наливается кофе (царфы); блюдечки эти филиграновой работы, и иногда украшены драгоценными камнями. Такъ какъ съ возрастающимъ вліяніемъ западной цивилизаціи старыя турецкіе обычаи все болѣе и болѣе вытѣсняются на востокъ, то богато украшенное оружіе попадаетъ лишь въ Аравію и въ Курдистанъ, хотя и тамъ серебрянныя и золотыя ножны и рукоятки мечей, а также длинныя, украшенныя золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями дамаскскіе ружейные стволы и дорогіе атаганы составляютъ рѣдкость, и открываются лишь отыскивающими древности европейскими туристами. Всѣ подобныя предметы, попадающіе изъ Румеліи и Анатолиі на константинопольскій базаръ, увозятся въ Европу и рѣдко остаются на востокѣ. Иранъ сохранилъ въ изготовленіи оружія больше оригинальности, однако, изготовленіе знаменитыхъ въ древности испанскихъ и хорозанскихъ клинковъ почти прекратилось, хотя каждый персъ, претендующій на почетъ, долженъ обладать тѣмъ или другимъ оружіемъ роскошной отдѣлки. Понятно, что страсть къ драгоценному оружію еще сильнѣе у воинственныхъ жителей Средней Азіи, которые, со временъ среднихъ вѣковъ, обращали большое вниманіе на украшеніе мечей, кинжаловъ и щитовъ, и еще нынѣ подарить кому либо дорогое оружіе, тамъ значитъ оказать особую честь этому лицу.

Весьма характерично, что у народовъ востока драгоценныя камни и благородныя металлы употребляются не только для украшенія, но и

въ качествѣ талисмановъ и лекарствъ отъ извѣстныхъ болѣзней. Такъ отъ желтухи совѣтуется носить золотыя монеты, на томъ основаніи, что желтыя монеты якобы притягиваютъ къ себѣ родственныя имъ цвѣты. Пристальное созерцаніе прозрачнаго брилліанта разгоняетъ хандру, снимаетъ съ глазъ мрачную завѣсу, дѣлаетъ человѣка проникательнѣе и настраиваетъ его на веселый ладъ. Тотъ, кто смотритъ на темно-красный рубинъ, получаетъ способность приходить въ опьяненіе, не прикоснувшись къ предлагаемому напиту. Красный рубинъ и красное вино считаются родственными, оба же метафорически изображаютъ красныя уста красавицы. Поэты такъ часто сравнивали рубинъ съ виномъ и дѣвичьими устами, что сгорающій отъ любви восточный человѣкъ, цѣлуя холодный камень, воображаетъ, что, въ отвѣтъ, его лобзаютъ жаркія уста дѣвушки. Въ лазоревой бирюзѣ отражаются, какъ думаютъ восточные жители, бывше ясные, безоблачные дни, минувшая радость, и за такой камень, особенно если онъ имѣетъ форму женской груди, платятся сотни дукатовъ. Восточный человѣкъ держитъ этотъ камень предъ глазами и поворачиваетъ его во всѣ стороны, желая, такъ сказать, исторгнуть изъ него особый блескъ, и испуская при каждомъ поворотѣ вздохъ и чувствительное «ахъ». Вообще каждый камень имѣетъ свою особую цѣну, свое особое значеніе. Благочестивый дервишъ и монахъ украшаетъ свой скромный поясъ, обвивающій его изорванное одѣяніе, какимъ либо камнемъ, который данъ ему его духовнымъ главой, и скорѣе разстанется онъ со всѣми земными благами, со всѣмъ, что ему дорого, чѣмъ съ этимъ камнемъ. Я видѣлъ фанатиковъ, смотрѣвшихъ на камни извѣстной породы (селенитъ) съ глубокимъ благоговѣніемъ. Эти камни находятся большею частью въ окрестностяхъ Недшефа, вблизи могилы Али, и утверждаютъ, что жили въ этихъ камняхъ суть волосы изъ бороды, всѣми любимого, героя Калифа. Эти камни вывозятся даже въ Китай, и хотя на мѣстѣ они находятся въ изобиліи и ихъ каждый можетъ брать, но въ Яркендѣ, Кашгарѣ и въ восточномъ Туркестанѣ они охотно обмѣниваются на драгоценные камни. Не мало также камней, обнаруживающихъ чудесное дѣйствіе и употребляемыхъ большею частью въ качествѣ противоядій. Сыны степей особенно цѣнятъ эти камни, и еще нынѣ мнѣ непонятно, а европейскому читателю можетъ показаться невѣроятнымъ, какъ одинъ туркменскій шейхъ исцѣлилъ человѣка, укушеннаго ядовитой змѣей, тѣмъ, что онъ водилъ вокругъ укушенной раны маленькимъ чернымъ камнемъ до тѣхъ поръ, пока не исчезла всякая боль. Что касается баснословнаго фило-

софскаго камня, то восточные жители усердно ищутъ его, и, какъ говорятъ они, многіе обрѣтаютъ его. Часто около старыхъ развалинъ и, такъ называемыхъ, заколдованныхъ мѣстъ можно встрѣтить истощеннаго, полусумасшедшаго съ виду дервиша, который роется тамъ по цѣлымъ днямъ и даже мѣсяцамъ, никого не удивляя собой. Онъ ищетъ философскаго камня, какъ говорятъ на востокѣ, охъ, какъ алхимикъ, добывается главной составной части тѣла, и никто не только не беспокоитъ его, но его даже кормятъ и поятъ во все время, пока дѣлается его бесплодные поиски.

Въ средней Азіи изобиліемъ драгоценныхъ камней славились средне-вѣковые мусульманскіе цари. Востокъ и западъ Азіи, а также Европа заимствовали отсюда драгоценные камни, и нѣтъ ничего сказочнаго или преувеличеннаго въ относящихся сюда разсказахъ о дворахъ калифовъ багдадскихъ, сефевидовъ въ Испагани, индійскихъ царей въ Лагору и тимуридовъ въ Трансоксаніи. Прибрежье аравійскаго залива, Индія, Бодатшанъ и Хорозанъ служили неистощимымъ источникомъ драгоценностей; отсюда появлялись тѣ сверкающія отдѣльныя звѣзды, которыя собирались на діадемъ иного царя въ ослѣпительное солнце, отсюда же получались сокровища, наполнявшіе сундуки алчныхъ влѣстителей. Съ наденіемъ той или другой династіи, накопленныя сокровища постоянно пускались снова въ обращеніе, и сначала они шли только на западъ, а затѣмъ на югъ и на сѣверъ. Но воинственная, истерзанная дикой анархіей, Азія, со времени могучаго пробужденія запада, впала въ глубокій сонъ, почти даже замерла, и потому то съ конца среднихъ вѣковъ прекращается постепенное исчезновеніе громадныхъ сокровищъ прежнихъ азіатскихъ влѣстителей. Многія изъ этихъ сокровищъ разсѣяны по всѣмъ странамъ свѣта; не малая часть ихъ снова перешла въ мрачныя нѣдра земли, и, наконецъ, то, чѣмъ владѣютъ нынѣшніе мусульманскіе влѣстители, есть только жалкій обрывокъ. Миновала пора яркаго блеска, ослѣпительнаго великолѣпія восточной роскоши.

Все, сказанное нами о роскоши, относится лишь къ мужчинамъ. Теперь мы намѣрены говорить спеціально о женщинахъ на востокѣ, которыя такъ часто приводили въ восхищеніе нашихъ поетовъ и беллетристовъ, но которыхъ, однако, мы мало знаемъ.—На мусульманскомъ востокѣ женщина не принадлежитъ обществу, и потому она далеко уступаетъ мужчинамъ въ щегольствѣ и нарядахъ. У нея, строго говоря, только два различные костюма, домашній и выходной. Дома

она должна носить одежду изъ прозрачныхъ тканей, легкую, нѣсколько фривольнаго покрою. Все должно быть приспособлено въ этой одеждѣ къ тому, чтобы выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ тѣлесную красоту жены предъ ея господиномъ и супругомъ, но если внутри гарема туалетъ женщины легкомысленъ, и ея кокетство носить самый необузданный характеръ, то на улицѣ она скрываетъ все свои прелести. Между восточными женщинами на первомъ мѣстѣ мы должны поставить турчанокъ, уже ради ихъ домашняго костюма, отличающагося истиннымъ вкусомъ. Поэтъ говоритъ: «три звука приводятъ меня въ восхищеніе и возбуждаютъ мои чувства: цить! цить!—жаркаго, глукъ! глукъ!—бутылки съ виномъ и чухъ! чухъ!—шумящаго женскаго платья.» Шелковые панталоны, спускающіеся многочисленными складками до самыхъ пятокъ, должны производить шорохъ и шелестъ, звучащій для турка, какъ упительная мелодія. Голыя ноги обуты въ крошечныя туфли, которыя едва замѣтны при быстрой походкѣ. Бюстъ всегда обнаженъ, и легкія энтари изъ тонкой матеріи, длинныя полы которыхъ подобраны поясомъ, образуютъ изящную, фантастически ниспадающую юбку. Особенно прелестенъ предательски колеблющійся изъ стороны въ сторону головной уборъ, изъ подъ котораго пробиваются завитки въ локоны волосы. Этотъ головной уборъ, состоящій изъ маленькой фески или изъ тонкаго, какъ паутина, платка, такъ изященъ и такъ хорошо приспособленъ къ тому, чтобы усилить лукавое выраженіе лица веселой красавицы, что нельзя представить себѣ, чтобы онъ облекалъ серьезную голову. Турчанки умѣютъ повязывать на голову платки быстро, безъ всякаго затрудненія, и не глядя въ зеркало, но, тѣмъ не менѣе, уголки и бахрома такъ живописно располагаются, какъ это возможно только на востокѣ, къ восхищенію восточныхъ поэтовъ. Корпусъ въ легкой одеждѣ движется свободно и не безъ граціи; изъ широкихъ рукавовъ выставляются «лебастровыя, красиваго очертанія руки, и сидитъ ли турецкая красавица за пальцами или стоитъ предъ своимъ повелителемъ со скрещенными на груди руками, занята ли она чѣмъ либо, или же ходитъ меланхолическою поступью, она въ своемъ домашнемъ костюмѣ такъ прелестна, какъ никакая другая женщина въ мірѣ. Къ сожалѣнію, турчанка представляетъ собою исключительное явленіе. Если изъ турецкаго гарема мы перейдемъ въ брачныя покои персіянокъ, афганокъ и жительницъ средней Азіи, то не найдемъ тамъ ни слѣда поэзіи, ни малѣйшаго признака вкуса. Дочери Ирана въ своей нижней сорочкѣ, заимствованной отъ индійскихъ баядерокъ, въ своемъ короткомъ, при-

крывающемъ только грудь, верхнемъ одѣяніи, съ красными утиными ногами, въ своемъ спутанномъ головномъ уборѣ, съ обезображенными татуировкой руками и шеей, походить скорѣе на безвкусно разодѣтыхъ гетеръ, чѣмъ на прелестную розу, или на тѣхъ красавицъ, похищающихъ сердца, какими изображаютъ ихъ туземные поэты. Въ приемахъ переіюшки, даже въ ея одеждѣ есть что то похотливое, неизящное; она истинное воплощеніе гаремной оргіи, соединенной къ тому же съ чудовищною расточительностью. Самая верхняя накладка, спускающаяся отъ бедръ, состоитъ у богатыхъ людей изъ драгоценныхъ шалей, и одно такое верхнее платье часто стоитъ 100 и болѣе дукатовъ. Но какъ жалка и неуклюжа въ своемъ одѣяніи жена узбека въ сравненіи съ персіанкой. Гаремныя строгости, азіатское варварство, мусульманскія понятія о нравственности и бѣдность содѣйствовали въ одинаковой степени тому, что жены узбековъ ходятъ въ такой безвкусной одеждѣ. Во многихъ частяхъ средней Азіи самое существованіе специально женской одежды подлежитъ сомнѣнію; по крайней мѣрѣ, я часто слышалъ, что мужъ и жена носятъ одинаковую одежду. Панталоны, рубашка, камзолъ почи вовсе не отличаются особенностями, которыхъ требуютъ половныя различія; только, иногда, женская одежда характеризуется болѣе яркимъ цвѣтомъ облегающаго голени куска каттуна или штофной матеріи. Дома и на улицѣ, лѣтомъ и зимою жены узбековъ и таджиковъ носятъ одежду съ множествомъ складокъ, и всегда закутаны съ головы до ногъ; даже волосы заплетаются только въ пору цвѣтущей юности, престарѣлыя же матроны обыкновенно обрѣзываютъ ихъ, какъ не удобный придатокъ. Прозрачныя газовыя ткани, тонкія шелковыя матеріи, красивыя кружева — всѣ эти и другіе наряды турчанокъ замѣняются здѣсь яркоцвѣтными русскими платками, которые частью повязываются кеглеобразно вокругъ головы, въ видѣ безобразной чалмы, частью же обматываются вокругъ ногъ. Тяжелыя шелковыя матеріи, какъ кимхай, дарай и этресъ употребляются также и въ средней Азіи, но только на одежду и наряды мужчинъ. Этотъ варварскій обычай лишать женщинъ всякихъ украшеній распространенъ, впрочемъ, только въ Трансоксаніи и въ Афганистанѣ; въ магометанской Индіи, гдѣ господствуетъ одинаковая религіозная строгость, древніе индійскіе законы смягчили многое, даже въ Бухарѣ обычай этотъ не всегда былъ въ силѣ, ибо, какъ доказано исторически, женщины въ цвѣтущую эпоху тимуридовъ не рѣдко фигурировали на поприщѣ общественной жизни.

Нынѣ, однако, бѣдный прекрасный полъ, что касается его одежды, туалета и украшеній, находится тамъ въ жалкомъ состояніи.

И такъ, домашній костюмъ женщинъ на востокѣ разочаруетъ не одного европейскаго читателя, который на все смотрѣлъ сквозь волшебный свѣтъ «тысячи и одной ночи», или же очами европейскихъ поетовъ. Но еще болѣе, чѣмъ домашній костюмъ, разочаруетъ читателя одежда, въ которой женщины являются въ общественныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, что я говорю, «одежда», правильнѣе, — кусокъ полотна или тиранническаго маска, подѣ которую иная красавица должна скрывать свои юношескія формы и являться старой, безобразной, лишенной всякаго вкуса. Въ сравнительно цивилизованныхъ частяхъ западной Азіи это одѣяніе имѣетъ форму плаща (фереджъ), широкій верхній воротъ котораго спускается спереди и сзади до голени и не прикрѣпляется, но придерживается двумя рукавами, скрещенными на груди. Во время ходьбы верхняя часть этого плаща раскрывается на столько, что почти обнажаются плечи, между тѣмъ какъ нижняя часть на столько узка, что она мѣшаетъ ходьбѣ и, плотно облекая тѣло, обрисовываетъ тѣ части его, которыя скрываются нашими женщинами цѣлымъ моремъ складокъ. У турчанокъ верхняя часть тѣла прикрыта или толстымъ слоемъ тюля, или шалью, голова же — извѣстной въ Европѣ фатой, которая, однако, скорѣе обнаруживаетъ, чѣмъ скрываетъ красоту, потому что глаза, носъ и ротъ остаются открытыми, и, нерѣдко, сильно намазанные щеки и брови — неопытному человѣку кажутся естественными сквозь дымчатую, тонкую ткань фаты.

Эта сложная мода, которой слѣдуютъ турецкія женщины, есть завоеваніе новѣйшаго времени. Судя по гравюрамъ, она не существовала въ семнадцатомъ, восемнадцатомъ и въ началѣ девятнадцатаго столѣтій, и даже нынѣ въ оттоманской имперіи ей придерживаются лишь жены турецкихъ чиновниковъ. Арабки и персіанки не носятъ ни дома ни турецкаго яшмака (фаты), ни изящнаго фереджа. Выходя изъ дому, онѣ покрываются темной накидкой (чадиръ), перетянутой сверху поясомъ, между тѣмъ какъ нижніе полы придерживаются руками. Женщина въ этой накидкѣ закутана до такой степени, что она кажется спрятанною въ мѣшокъ, и скорѣе походитъ на ходячее чучело, чѣмъ на прогуливающуюся женщину. Лице закрыто полотнянымъ платкомъ (рубендъ), извѣстнымъ подѣ именемъ «личныхъ оковъ», платкомъ, въ которомъ передъ глазами находятся два сѣтчатые отверстія, пропускающія лишь слабый свѣтъ. Иногда, у людей зажиточныхъ, эти рубенды укра-

шены пряжками изъ благородныхъ металловъ, или драгоценными камнями, которые всегда напоминали мнѣ великолѣпный замокъ отъ тюремной двери. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ сложнѣе чадились и тѣмъ плотнѣе закрывалась онѣ тѣло; въ Туркестанѣ же ханжество простирается до такой степени, что верхнее платье мужчины и женщины дѣлается одинаковымъ, чтобы нельзя было различить пола по наружному виду и устранить такимъ образомъ всякій соблазнъ. Здѣсь большею частью носятъ длинные халаты съ длинными же рукавами, которые закидываются назадъ; полы халата доходятъ до пятокъ, а спереди онѣ придерживаются судорожно сжатой рукой. Лице завѣшано густою сѣтью изъ конскаго волоса, поднять которую, даже въ случаѣ необходимости, никому не придетъ на мысль. Въ Турціи и въ Персіи часто можно видѣть, не прибѣгая къ дерзкому насилию, лице красавицы, когда она приподнимается забрало во время питья воды, или куренія трубки; но въ Туркестанѣ женщина, которая позволила бы себѣ приподнять фату, совершила бы смертельный грѣхъ; тамъ считается меньшимъ несчастіемъ, если женщина, поскользнувшись на улицѣ, повредитъ себѣ какой либо членъ, чѣмъ оставить хотя бы на минуту свое лицо открытымъ. Но всего болѣе удивляетъ на дальнихъ границахъ ислама то обстоятельство, что между тѣмъ какъ всѣ женщины занимаются изготовленіемъ нарядовъ и предметовъ роскоши, вышиваньемъ и тканьемъ тонкой пряжи, онѣ, однако, не смѣютъ употреблять эти продукты своего прилежанія и искусства для украшенія своей собственной особы. На базарахъ главныхъ городовъ Трансоксаніи часто можно встрѣтить замѣчательные образчики вышивокъ; но все это, однако, предназначается мужчинамъ. Цѣлые мѣсяцы, иногда годы работаетъ бѣдняга надъ какимъ нибудь великолѣпнымъ одѣяніемъ и радуется своей работѣ лишь тогда, когда она украшаетъ тѣло ея господина или даже тирана.

Украшенія, употребляемыя женщинами на мусульманскомъ востокѣ, встрѣчаются только на домашнемъ костюмѣ. Турчанки украшаютъ главнымъ образомъ голову и шею. Въ первомъ случаѣ онѣ носятъ маленькія фески или предательски сплетенные платки, украшенные дорогимъ жемчугомъ, брилліантовыми пряжками и діадемами; драгоценныя же ожерелья часто спускаются до груди. Кольца носятъ только старухи, браслеты же служатъ исключительнымъ украшеніемъ молодыхъ женщинъ. Серьги повсюду составляютъ предметъ особыхъ заботъ, но серьги, продѣтыя черезъ носъ, не носятъ турчанками. Этой неизящной

модѣ издавна слѣдуютъ лишь женщины Аравіи и нѣкоторыхъ кочующихъ племенъ, у турчанокъ же и персіянокъ она составляетъ исключеніе. Всего болѣе распространенъ этотъ обычай въ средней Азіи, гдѣ многія высокорожденныя узбекскія женщины обременяютъ свой носъ такою тяжестью, что въ разговорѣ онѣ невольно гнутъ. Тамъ же носятъ на головѣ большія и маленькія короны изъ серебра или изъ латуни; кромѣ того женщины обвѣшиваются множествомъ амулетовъ. При этомъ не столько обращается вниманія на чудесную силу этихъ амулетовъ, сколько на драгоценныя, тяжелыя футляры, въ которыхъ они хранятся. Подобно тому, какъ узбекъ доволенъ своею лошадью только тогда, когда она бренчитъ и звенитъ, точно также и на жену онъ смотритъ съ удовольствіемъ, если она во время ходьбы производитъ замѣтный шумъ висящими на ней украшеніями. Не зная этого обычая, посетители послѣдней географической выставки въ Парижѣ сочли сначала эти странныя украшенія женщинъ изъ хивинскаго гарема, вывезенныя русскими, въ качествѣ трофеевъ, съ береговъ Окса на берега Сены, за дополнительныя части какого либо великолѣпнаго сѣдла. Всѣ полагали, что такого рода украшенія болѣе прилично быть на лошадиной, чѣмъ на женской груди.

V.

П и щ а.

Словами «Iemek tschikti» (еушанье подано) приглашаются къ столу какъ мужской, такъ и женскій персоналъ турецкой семьи. Какъ уже замѣчено было прежде, въ знатныхъ домахъ гаремъ и селамликъ имѣютъ отдѣльную кухню и отдѣльную столовую; обѣдаютъ тамъ также въ различные часы дня. Мужчины обѣдаютъ большею частью въ первомъ этажѣ, такъ что, послѣ возгласа «Iemek tschikti», айвасъ (армянскій слуга) долженъ взбираться по лѣстницѣ, неся на головѣ круглое, большое и тяжелое деревянное блюдо съ различными яствами. Въ просторной передней его уже ждутъ множество голодныхъ лѣнтыевъ, называемыхъ здѣсь лакеями, чтобы принять у него съ головы разнообразныя пахучія и дымящіяся яства, и поставить ихъ на полъ. Между тѣмъ, какъ айвасъ и лакеи суетятся около круглаго деревяннаго блюда, изъ боковыхъ дверей выходятъ участники обѣда, направляясь въ столовую. Устройство стола такъ просто, какъ это только возможно. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, это была круглая, отстоявшая отъ пола по большей мѣрѣ фута на два, доска, за которою, скорчившись, сидѣли more consueeto гости. Нынѣ *civilisation à la française* ввела въ употребленіе круглый столъ на одной ножкѣ, на которой лежитъ старомодная сини (круглая, мѣдная тарелка), нѣсколько ложекъ и нѣсколько ломтей хлѣба; съ ножами и вилками современный восточный этикетъ еще не освоился. Раздроблять божій даръ рѣзущими и колющими орудіями считается грѣхомъ. Ножи и вилки излишни еще и потому, что всѣ не жидкія яства до такой степени разварены, что они распадаются отъ малѣйшаго прикосновенія пальцевъ.

За такой столъ, обѣдающіе садятся гдѣ кому угодно; только для гостей оставляется мѣсто вблизи хозяина дома. По знаку послѣдняго, хлопающаго обыкновенно въ ладоши, главный камердинеръ ставитъ на столъ переданное ему изъ третьихъ рукъ блюдо, изъ котораго сначала самъ хозяинъ, а за нимъ и другіе берутъ куски пищи, отрывая ихъ пальцами. Изъ одного блюда можно взять пищу, по большей мѣрѣ, пять разъ, потому что меню по обыкновенію длинное, и блюда смѣняются крайне быстро. Лишь только приготовишься попробовать того или другаго кушанья, какъ уже раздается повелительное «*kaldır*» (убери), и лакомый кусокъ тотчасъ исчезаетъ. Вино или спиртные напитки рѣдко употребляются за столомъ; нужно удовольствоваться только стаканомъ воды, подаваемымъ стоящимъ позади лакеемъ. Западному человѣку не совсѣмъ понравится обыкновеніе поглощать, не очищая рта, за сладкими яствами кислыя, за блюдами, куда примѣшанъ сахаръ, блюда, приправленныя перцомъ. Въ этомъ случаѣ кончику языка предоставлена самая широкая дѣятельность, которая для европейца лежитъ далеко за предѣлами эстетики. На востокѣ существуютъ даже національныя оттѣнки въ способахъ очищенія рта. Въ лучшемъ старо-турецкомъ обществѣ ротъ можетъ быть очищаемъ только указательнымъ, среднимъ и безымяннымъ пальцами; въ Персіи въ этомъ случаѣ предоставлена свобода всѣмъ пяти пальцамъ, но только до перваго сустава; у афганцевъ и татаръ на этотъ счетъ не существуетъ ограниченій. За столомъ вообще царствуетъ поразительная тишина, нарушаемая лишь шагами лакеевъ; бесѣда, эта главная приправа за европейскимъ обѣденнымъ столомъ, не въ обычаѣ, и, не смотря на безчисленное количество блюдъ (отъ 4 до 16), обѣдъ въ знатныхъ турецкихъ домахъ рѣдко длится болѣе получаса.

Обѣденный этикетъ во всей османской имперіи совершенно одинаковъ; онъ представляетъ смѣсь старо-турецкихъ и греческихъ обычаевъ и существенно отличается отъ этикета персидскаго. Въ Иранѣ, ложно называемомъ страной утонченнаго восточнаго вкуса, западная цивилизація еще до сихъ поръ не въ состояніи была ввести въ употребленіе столы и стулья. Здѣсь обѣдаютъ на полу, и различныя блюда, разставляемыя на тонкихъ турецкихъ или туркменскихъ коврахъ, иногда же на войлокѣ, подаются гостямъ не другъ за другомъ, но за одинъ разъ. Обѣдающіе сидятъ не съ поджатыми ногами, какъ турки, но упираясь на пятки; сверчившись, осторожно наклоняются они къ яствамъ стараясь предохранить отъ соприкосновенія съ ними свою бороду. Дѣ-

вая рука лежитъ на колѣняхъ, часто даже подъ платьемъ, между тѣмъ какъ правая дѣйствуетъ не безъ нѣкоторой граціи. Гости, по желанію, обращаются къ жаркому или къ вареному мясу, къ пилаву различныхъ видовъ, къ зелени, сладостямъ и т. д., не руководясь при этомъ выборомъ и вкусомъ хозяина дома или другихъ застольныхъ товарищей. Насытившись нѣсколько, обѣдающіе наклоняются къ длинной скатерти, чтобы устранивъ съ губъ остатки пищи, и пьютъ изъ стоящей на полу чаши для шербета. Въ турецкомъ домѣ опрятность тщательно наблюдается чѣмъ въ персидскомъ, что обнаруживается также и за столомъ. Турокъ изъ знатнаго сословія тщательно вытираетъ губы своей отороченной золотомъ «гавлю» (салфеткой), между тѣмъ, какъ персъ употребляетъ для этого длинный кусокъ катуну, распростертаго на колѣняхъ всѣхъ гостей, которые вытираютъ этимъ каттуномъ руки, ротъ и бороду. Тотъ же самый кусокъ каттуна служить для сохраненія нѣкоторыхъ остатковъ пищи на другой день. Турокъ передъ обѣдомъ и послѣ обѣда тщательно моетъ руки и бороду и полощетъ ротъ мыльною водою, персъ же довольствуется лишь нѣсколькими каплями холодной воды, только для того, чтобы не отступить отъ религіознаго устава.

Въ болѣе отдаленномъ углу Азіи, на восточной границѣ ислама, обѣденный этикетъ, конечно, еще первобытнѣе, и уже при одномъ имени узбека, афганца, туркмена и киргиза читатель едва ли ожидаетъ встрѣтить въ обрисовкѣ этихъ азіятцевъ какія либо тонкія и изящныя черты. Въ самомъ дѣлѣ, обычаи этихъ племенъ, сжившихся съ тысячелѣтней иранской культурой, не представляютъ ничего привлекательнаго. Житель средней Азіи обращается при каждомъ случаѣ и безчисленное множество разъ въ теченіи дня къ своему «дестурхаму» (скатерти); онъ разстилаетъ ее предъ каждымъ посѣтителемъ, угощая его обильными яствами, но здѣсь даже ложка составляетъ рѣдкость; вмѣсто пальцевъ пускается въ ходъ вся рука, вмѣсто салфетки употребляются рукава или полы верхней одежды; весь этикетъ ограничивается лишь тѣмъ, что гости предлагаютъ раздробить мозговую кость или даютъ кусокъ жиру. — *Infandum jubes renovare dolorem*. Съ истиннымъ содраганіемъ вспоминаю я о тѣхъ обѣдахъ, которые я ѣлъ подъ шатрами или въ мазанкахъ, и которые заставляли меня съ удовольствіемъ вспоминать даже о персидскихъ или турецкихъ обѣдахъ.

Обрисовавъ восточный и обѣденный этикетъ, мы перейдемъ теперь къ главнымъ веществамъ, употребляемымъ въ пищу. Первое мѣсто между ними на всемъ протяженіи азіатскаго материка, отъ Китая до

Турція безспорно занимаетъ рисъ, способы приготовленія котораго также многочисленны, какъ и его потребители. Среднеазиатскій пилавъ есть собственно смѣсь многихъ отдѣльныхъ блюдъ; онъ состоитъ изъ риса, брюквы, сушеныхъ сливъ и мяса, разумѣется, съ прибавкой обильнаго количества бараньяго жира. Отечество пилава—туранская возвышенность, откуда онъ перешелъ къ афганцамъ и называется по этому узбекскимъ пилавошъ, а отъ послѣднихъ къ персамъ, которые называютъ его афганскимъ пилавошъ. Персія—географическая граница пилава. Въ Персіи которая довольно высокаго мнѣнія о своей національной кухнѣ, существуетъ множество родовъ чилавошъ и пилавошъ; первые составляютъ лишь часть мясныхъ и молочныхъ блюдъ. Кромѣ того персы отличаетъ красный, бурый и желтой пилавы. Существуютъ цѣлыя провинціи, гдѣ рисъ употребляется вмѣсто хлѣба, варенный же рисъ берется въ дорогу и держится за поясомъ; безъ рису даже лукулловскіе обѣды были бы немислимы. Къ западу отъ персидской границы важность этого пищевого вещества уменьшается, ибо, хотя въ Турціи безъ риса не обходится ни одинъ обѣдъ, но слѣдуетъ принять во вниманіе, что тамъ обѣдъ оканчивается пилавошъ, между тѣмъ какъ на востокъ онъ играетъ за обѣдомъ главную роль. Простой народъ очень любитъ пилавъ, знатныя же лица, успѣвъ насытиться многими другими кушаньями, довольствуются лишь нѣсколькими ложками пилава.

Послѣ риса первое мѣсто занимаютъ зелень и стручковые плоды. Почти всѣ вещества этой категоріи употребляются и въ Европѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ тыквенныхъ, напр. баміи и бадиджана (aubergine). Въ Турціи зелень подается въ видѣ 6—8 вкусно приготовленныхъ кушаній, между тѣмъ какъ въ Персіи европеецъ не сталъ бы ихъ ѣсть. Персы употребляютъ многія изъ этихъ веществъ въ сыромъ видѣ, напр. огурцы, латукъ, лукъ, крессъ и т. д. Въ средней Азіи и у афганцевъ вареная зелень рѣдко употребляется въ пищу, но за то потребление ея въ сыромъ видѣ громадно. Слѣдуетъ упомянуть также объ употребленіи начиненныхъ овощей, называемыхъ дольмами, между которыми яланджи-дольма (ложная начинка) считается въ Турціи весьма лакомымъ блюдомъ. Эти дольмы приправляются, вмѣсто неприятнаго коровьяго жира, прованскимъ масломъ, и, такъ какъ ихъ ѣдятъ холодными, то онѣ составляютъ любимое кушанье во время загородныхъ прогулокъ и на охотѣ.

Что касается мяса, то я долженъ поставить его на третьемъ мѣстѣ; ни по своему качеству, ни по своему приготовленію оно не составляетъ

такой питательной пищи, какъ у насъ въ Европѣ. Обыкновенно ѣдятъ баранину, но не бычачье мясо, которое употребляется лишь низшими классами въ Персіи и нѣкоторыми бѣдными кочующими племенами центральной Азіи. Восточный человѣкъ отдаетъ преимущество мясу караманскихъ и кивирдшикскихъ овецъ, и онъ не совсѣмъ не правъ, потому что это мясо дѣйствительно лучшее, хотя оно далеко не такъ питательно какъ бычачье мясо, и кромѣ того, какъ уже замѣчено нами, оно черезъ чуръ переваривается или пережаривается. Разумѣется, восточный человѣкъ не отказывается и отъ птицы, но приготовленіе ея, вслѣдствіе недостатка соусовъ, едвали понравится европейцу. Вотъ самыя обыкновенныя мясныя кушанья: яна (вареное мясо съ большимъ количествомъ подливки), кебабъ или шинъ-кебабъ (жареное на вертелѣ мясо), кійма (шнелль-клопфъ) и множество другихъ, менѣе употребительныхъ, съ названіями которыхъ любителей можетъ познакомить турецкая поваренная книга, изданная въ Лондонѣ въ 1859 году.

Я едва не забылъ о сластяхъ, называемыхъ турками татлихъ, а персами ширини; безъ этихъ сластей не обходится самый простой обѣдъ, не говоря уже о какомъ нибудь торжественномъ пирѣ. Виды халвы, приготовляемой изъ рисовой муки и сахара, безчисленны; она бываетъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и запаховъ. Не менѣе длиненъ былъ бы перечень различныхъ сортовъ берека, приготовляемаго изъ муки съ прищѣсю шпината. Особенною любовью пользуется баклава, т. е. насыщенное жиромъ и сахаромъ тѣсто, поглощая которое турецкій желудокъ показываетъ чудеса. Въ персидскихъ сластяхъ больше искусства; особенно славился въ свое время приготовленіемъ регать-лакума (пріятное состояніе горла) нѣкто Хадши Бекиръ, фабрикаты котораго расходились въ значительномъ количествѣ по Европѣ. Персидскія сласти весьма распространены въ Турціи, Аравіи и Египтѣ. Въ Персіи каждому гостю, каждому герою дня, въ честь котораго устраивается праздникъ, а также при поздравленіяхъ дарятся цѣлыя головы сахара; во время же свадьбы, на длинномъ деревянномъ блюдѣ (гондша), на которомъ слуги несутъ брачныя подарки, лежитъ нѣсколько дюжинъ сахарныхъ головъ. Разнообразно окрашенные конфеты играютъ также роль въ дѣлахъ любви; онѣ служатъ знаками эротическихъ изліяній. Вообще въ центральной мусульманской Азіи, ухаживающимъ за прекраснымъ поломъ долженъ быть знакомъ какъ языкъ цвѣтовъ, такъ и языкъ конфетъ.

Да позволено мнѣ будетъ заключить эту главу нѣсколькими общими

замѣчаніями. — Въ послѣднее время на востоѣ, гдѣ все клонится къ упадку, замѣтно померкла и роскошь за обѣденнымъ столомъ, роскошь, конечно, весьма отличная отъ роскоши, понимаемой въ нашемъ смыслѣ. Въ средніе вѣка цари и сильныя міра отличались неограниченнымъ гостепріимствомъ и, соотвѣтственно этому, они держали громадную кухню и запасались съѣстными припасами въ чудовищныхъ размѣрахъ. Говорятъ, что у нѣкоторыхъ царей ежедневно требовалось для стола 100 штукъ скота, 100 центнеровъ сала и даже 100 центнеровъ пряностей. Существуетъ характеристическій анекдотъ о послѣднемъ царѣ изъ династіи сафаридовъ, побѣжденномъ великимъ Саманидомъ. Этотъ царь, взятый въ плѣнъ въ тотъ день, когда онъ проигралъ сраженіе, велѣлъ простому солдату сварить себѣ ужинъ въ горшкѣ съ тонкимъ горлышкомъ. Кушанье было готово и поставлено для складженія, но мимо бѣжавшая голодная собака сунула голову въ горшокъ, и, не будучи въ состояніи вынуть ее оттуда, она убѣжала въ страхѣ, съ горшкомъ и содержимымъ въ немъ кушаньемъ. При видѣ этого забавнаго приключенія, царь громко захохоталъ. «Найдется ли на этой землѣ что нибудь, что могло бы тебя разсмѣшить въ твоемъ теперешнемъ положеніи?» спросили царя. Посмотрите, отвѣчалъ царь, указывая на собаку. Еще сегодня утромъ мой дворецкій объявилъ мнѣ, что для того, чтобы перевести мою кухонную утварь, едва достанетъ 300 верблюдовъ, теперь же одна собака утащила и посуду и пищу. Не странны-ли капризы судьбы?» — Почти невѣроятны рассказы восточныхъ историковъ о роскошныхъ обѣдахъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ царей. Во время пировъ для гостей выставлялись сотни барановъ, лошадей и верблюдовъ, и множество бочекъ сливокъ и меду. Въ этомъ отношеніи, въ Персіи прославились Тимуръ и шахъ Сулейманъ, но особенно отличались роскошными обѣдами турецкіе султаны. Если описанія этихъ обѣдовъ хотя сколько нибудь приближаются къ дѣйствительности, то и въ такомъ случаѣ подобныя пополозновенія въ новѣйшее время, какъ напр.: удивившій всю Европу сорокодневный пиръ Абдуль-Меджида, данный въ 1857 году, должны казаться жалкими, въ сравненіи съ безграничною пышностью въ древнія времена. Турки утратили славу, которой они пользовались, вслѣдствіе своей любви къ роскоши, но они удержали за собой славу обжоръ. «Арабъ ѣстъ, пока не насытится, турокъ же — пока не лопнетъ» и эта пословица, сколько я могу судить по своимъ наблюденіямъ, не совсѣмъ лишена основанія; но она стоитъ въ весьма рѣзкомъ противорѣчій съ прекраснымъ четверостишіемъ, которое Фуадъ паша, остроум-

нѣйшій турокъ нашего времени, велѣлъ написать золотыми буквами на стѣнѣ своей столовой въ прелестной виллѣ въ Канлидшѣ. Вотъ это четверостишіе, принадлежащее перу Калифа Али:

Iâ takum bil'-ejschi merûh ał-fue'âd
 Inn er rizkmin el Allah Kerim
 Kun ghanijj al kalli w—akua' bil kalil
 Mut falâ tatlub ma'îscham min la'im.

Не мучь своего сердца заботами о пищѣ,
 Потому что пищу даетъ Богъ Всемилоствѣйшій,
 Будь веселъ и довольствуйся малымъ.
 Уми! но не прося пищу у простыхъ людей.

VI.

П о п о й к а.

Былъ вечеръ—одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ, чудныхъ осеннихъ вечеровъ, которые на Босфорѣ производятъ своею прелестью неизгладимое впечатлѣніе на зрителя. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали магическимъ блескомъ развалины Румели-Гиссора и бросали матовый полусвѣтъ на противуположающій великолѣпный лѣтній кіоскъ Абдуль-Меджида и на весь рядъ ялисовъ, отъ Канлидшіи, Чибуклу, Гункиаръ-Скелесси, до возвышающагося въ видѣ террасъ замка Бейкосъ. Пріятная тишина распространяется въ атмосферѣ, надъ горами и надъ темно-синей поверхностью Босфора, которую прохладный поирацъ (сѣверный вѣтеръ) колеблетъ цѣлый день. Наши каяки (гребцы), усиленно гнавшіе впередъ стройное судно на всемъ пути между сералемъ и кандилійскими водопадами, дали себѣ нѣкоторый отдыхъ и вытирали широкими рукавами бѣлоснѣжныхъ рубашекъ потъ съ разгоряченнаго лба. И мы также, мой начальникъ, двое хранителей печати, секретарь и другіе лица, глубже дышали, вбирая въ себя свѣжій воздухъ, который плетъ отецъ борей изъ далекаго сѣвера, изъ тѣхъ, наполненныхъ странными привидѣніями странъ, откуда, однако, нынѣшніе властелины Стамбула, въ теченіи всего года получаютъ сало ¹⁾ для своего стола, независимо отъ благотворнаго бриза, освѣжающаго ихъ нервы.—Провѣзжая такимъ образомъ мимо оконъ виллъ и садовъ, мы видѣли то того, то другаго

(¹ Sibir jagi — сибирское сало, обыкновенно употребляемое въ Константинополѣ и доставляемое изъ Россіи.

пашу, бея, или эфенди, одѣтаго въ лѣтнюю шубу, скорчившагося въ углу дивана и сосредоточившаго все свое вниманіе на стоявшій передъ нимъ подносъ съ маленькими бутылками, маленькими стаканами и маленькими тарелками. Скоро мы подѣхали къ пристани, гдѣ бѣлые и черные лакеи осторожно взяли пашу подъ руки, помогли ему сойти на берегъ, и мѣрными шагами сопроводили его до самаго гаремнаго занавѣса.

Между тѣмъ, въ одной изъ комнатъ селамлика слуги разставили уже на одномъ или на нѣсколькихъ блюдахъ все, что необходимо для попойки. По своему первоначальному смыслу; эта попойка должна лишь служить для возбужденія аппетита; она, приблизительно, тоже, что закуска у русскихъ или абсентъ у французовъ. Поэтому-то эта закуска приготовлена въ небольшихъ размѣрахъ. Графины съ водой и бутылки съ раки наполнены на половину, равно какъ и маленькія фарфоровыя блюда, содержимое которыхъ замѣчательно лишь въ качественномъ отношеніи. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ ломтиковъ хлѣба, андивіа, холоднаго угря, селедки, соленого языка, холоднаго жаркого, фисташекъ, горошка, жареныхъ орѣховъ и безчисленнаго множества другихъ лакомствъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ мезе (лакомый кусокъ) и имѣющихъ цѣлю возбуждать позывъ къ вину. Непосвященному такая закуска можетъ показаться скорѣе обѣдомъ, чѣмъ вступленіемъ къ нему, и дѣйствительно, эта увертюра у многихъ лишаетъ способности наслаждаться самимъ произведеніемъ кулинарнаго искусства; но такъ уже ведется изстари, и чѣмъ больше блюдъ стоитъ во время этой закуски, тѣмъ больше удовольствія предвкушается отъ попойки.

Между тѣмъ въ залѣ собрались уже мужчины—члены семейства въ синихъ, фіолетовыхъ, желтыхъ или зеленыхъ шубахъ, гости же въ обыкновенныхъ энтари—и заняли мѣста, сообразно своему общественному положенію. Водворяется глубокая тишина. У всѣхъ полусонные глаза и вялые, утомленные члены, вслѣдствіе ли усиленныхъ занятій въ канцеляріяхъ Порты, или же отъ продолжительнаго бездѣйствія и постоянного употребленія кофе. По знаку знатнѣйшей особы въ кругъ, сопровождаемому возгласомъ: «гельзинъ» (можно начать), чаша начинается первый разъ обходить кругъ. Находящіеся въ залѣ слуги исполняютъ роль виночерпѣевъ. Одному подается стаканъ раки и полъ-стакана воды, другому то или другое блюдо мезы. Обнаруживать слишкомъ большой аппетитъ считается неприличнымъ. Поэтому каждый беретъ предлагаемое ему едва протянутой рукой и слабо наклонивъ голову, — затѣмъ,

осторожно хлебнувъ изъ чаши, тихо садится на свое мѣсто. Эта процедура повторяется два или три раза. Между тѣмъ, мастика (водка) произвела свое дѣйствіе съ быстротой электрической искры. Скрытый огонь овладѣлъ всѣми присутствующими, голова, руки и ноги стали двигаться быстрѣе, глаза смотреть смѣло, и всѣхъ видимо восхищаетъ великолѣпное зрѣлище вечерней зари на Босфорѣ. Я слышалъ, какъ, однажды, одинъ турокъ говорилъ европейцу: «Въ свои очки ты не увидишь красотъ нашего Багазичи (Босфора), возьми лучше два стакана водки, они оживятъ твоё зрѣніе и выставятъ предъ тобою все въ блестящемъ свѣтѣ.»

Прошло уже четверть часа, какъ длится попойка, и картина начинается нѣсколько измѣняться. Подчиненные, боязливо и застѣнчиво сидѣвшіе въ кругу своихъ старшихъ, страхнули уже съ себя всякую робость и страхъ, приковывавшіе ихъ къ одному мѣсту. Они не ждутъ лакеевъ, но сами наливаютъ себѣ стаканы; по временамъ они заглядываютъ въ глаза начальника и, прочитавъ въ нихъ, къ своей радости, малѣйшій слѣдъ желанія, отгоняютъ лакеевъ и принимаютъ на себя роль ганимедовъ. Можно ли лучше заявить свою преданность, чѣмъ заступить при особѣ начальника мѣсто лакея, будучи секретаремъ или статскимъ совѣтникомъ? Стаканы, подносимые рукою эфенди, быстрѣе осушаются, чтобы не заставлять долго ждать предупредительнаго сановника; впрочемъ, общество и безъ того начинаетъ дѣйствовать съ возрастающею быстротой, и вскорѣ кругъ, чинно и молчаливо сидѣвшихъ въ началѣ гостей, разрывается, всѣ садятся или стоятъ гдѣ кому угодно: попойка находится во второй стадіи.

Прошло уже пол-часа. Лакеевъ не видно и слѣда, лишь изрѣдка покажется кто нибудь изъ нихъ, чтобы наполнить изъ хассирлика (большой бочки), стоящаго въ столовой, быстро опорожняемые графины раки или возобновить то или другое блюдо мезы, но затѣмъ общество остается одно, ибо приливъ веселости дѣлается выше и выше, и для сохраненія декорума требуется замкнутость. Тотъ, кто попадетъ въ этотъ моментъ попойки въ среду пирующихъ, будетъ пораженъ совершеннымъ исчезновеніемъ официальной натянутости, которая въ другое время весьма замѣтно даетъ себя чувствовать. Подчиненный, который, сообразно своему рангу, робко и съ невыразимымъ смущеніемъ вошелъ въ комнату и, затѣмъ, замѣтивъ свободное мѣсто, съ дѣвичьей застѣнчивостью, усялся на край дивана; который не смѣлъ громко говорить и долженъ былъ стоять, подобно жертвѣ, готовящейся на закланіе, съ скре-

пеними руками предъ своимъ начальникомъ, теперь развязно садится рядомъ съ послѣднимъ на одинъ и тотъ же диванъ. У всѣхъ гостей сюртуки разстегнуты до шеи, феска или чалма лежитъ въ сторонѣ, лицо оживлено, глаза блестятъ, рѣчь дѣлается необузданной, и обыкновенно кроткій и тихій восточный человѣкъ преобразается въ пылаго неаполитанца. «Raki dafi mehakî», т. е. раки, разговаривающій заботы, говоритъ арабъ, и это совершенно справедливо, ибо, кто могъ бы описать сколько приходится турецкимъ сановникамъ и надменнымъ чиновникамъ посольства потопить въ этомъ маленькомъ стакаѣ раки повседневныхъ заботъ и огорченій, сколько страха и гнѣва, злобы и зависти, сколько боязливыхъ ожиданій результатовъ дипломатическихъ нотъ и отчаяннй.

Иногда такая попойка оживляется искусствомъ какого нибудь артиста. Канумъ (гусли) былъ издавна и теперь считается салоннымъ инструментомъ въ домѣ знатнаго турка или перса. На востокѣ игра называется такзимъ; слушать игру считается высокимъ наслажденіемъ, и это доказывается мгновенной тишиной, наступающей послѣ того, какъ раздастся первый аккордъ. Въ такіе моменты я не могъ достаточно надивиться могуществу музыки. Артистъ, сидя на полу въ углу комнаты, сначала въ видѣ прелюдіи извлекаетъ изъ своего любимаго инструмента унылые, меланхолическіе звуки, которые переходятъ затѣмъ въ глубоко потрясающіе душу аккорды. Между слушателями царитъ мертвое молчаніе, только изрѣдка въ воздухѣ проносятся тяжелые вздохи и возгласы: ахъ! ахъ! Многіе обливаются слезами и плачутъ громко, какъ дѣти; но всего замѣчательнѣе, что возбужденіе слушателей часто сообщается самому артисту, игра и пѣніе котораго прерываются громкими рыданіями. — Счастливые, незабвенные часы моей юности; невыразимо наслажденіе, которое испытывалъ я, присутствуя на такихъ зрѣлищахъ, во время моихъ наблюденій надъ чуждымъ міромъ и чуждыми людьми.

Это — единственная поэтическая сторона попойки; вообще же наблюдатель видитъ предъ собою лишь мрачныя тѣни и отвратительныя фигуры. Хотя попойка и носитъ невинное названіе закуски, но она часто продолжается нѣсколько часовъ и ведетъ къ самымъ сквернымъ послѣдствіямъ неумѣреннаго употребленія алкоголя.

Читатель долженъ припомнить, что общество находится еще въ ожиданіи ужина. Лакеи, ожидая приказанія подать кушанье, сидятъ въ различныхъ позахъ, и по временамъ тотъ или другой изъ нихъ заглядываетъ въ залъ черезъ дверную щель, между тѣмъ, какъ другіе отъ

скуки зѣвають или вздыхаютъ. Такіе вечерніе пиры часто продолжаются часовъ до трехъ ночи, а иногда и всю ночь. Наконецъ, полупьяное или совсѣмъ пьяное общество садится за столъ и наполняетъ свои желудки безъ аппетита, безъ всякой охоты, даже безъ сознанія. Послѣ ужина ложатся спать, но сонъ является, однако, только, послѣ обильнаго нитьяводы, и хотя, по увѣренію турокъ, употребленіе раки далеко не такъ вредно, какъ употребленіе вина, тѣмъ не менѣе постоянные участники такихъ попоекъ, почти всѣ, безъ исключенія, носятъ на себѣ жалкіе слѣды своей неумѣренности. Вотъ почему добрые эфенди преждевременно старѣются и имѣютъ истомленный видъ, раки составляетъ причину, почему нервы такъ рано отказываются имъ служить. Раки же гаситъ ту слабую искру разума, которая прежде оживляла порой мусульманское общество, не смотря на раздѣленіе половъ.

Повсюду, гдѣ звучитъ турецкій языкъ и гдѣ османскіе нравы оказали вліяніе на общественныя отношенія, водка предпочитается вину, хотя въ оттоманской имперіи приготовляются многіе туземные сорта вина. Вино причиняетъ головную боль, говорятъ турки, но въ сущности это пустая отговорка, за которой скрывается совершенно иная причина. Вино называется шарабомъ, но такъ какъ пророкъ ясно запрещаетъ въ коранѣ употребленіе послѣдняго, но не упоминаетъ, однако, о раки которое въ его время неизвѣстно было въ Азіи, то сунниты съ удовольствіемъ ухватились за эту лингвистическую лазейку и полагаютъ, что такимъ образомъ они могутъ спокойно пить, не вступая въ столкновеніе съ предписаніемъ корана.

Шитская Персія думаетъ и дѣйствуетъ иначе. Здѣсь отдается преимущество вину. Бружка вина, бутылка вина, стаканъ вина, — все это обычны; туземныя выраженія: но вино здѣсь считается лишь средствомъ возбуждающимъ благоговѣніе къ Богу, а опьяненіе — экстазомъ, во время котораго человекъ возвышается до любви къ Богу. Но какъ вяжется любовь къ Богу съ оскорбленіемъ божества, трудно, конечно, понять тѣмъ не менѣе существуетъ фактъ, что Хеймъ, самый выдающійся изъ поэтовъ временъ династіи софіевъ, въ одной изъ своихъ рапсодій весьма безцеремонно обращается съ великимъ Аллахомъ. Однажды вечеромъ, когда этотъ софіецъ пировалъ на террасѣ около своего дома и внезапный порывъ вѣтра опрокинулъ его кружку съ виномъ и разбилъ ее, то онъ излилъ свое негодованіе въ слѣдующихъ богохульных стихахъ:

Ibriki mej mera schikesti Bebbi!
 Ber men deri eischra bebesti Bebbi!
 Ber chak berichti meji nabi mera,
 Chaken bedihen! meger tu mesti Bebbi!

Ты разбилъ, о Боже, мою кружку съ виномъ,
 Ты закрылъ для меня, о Боже, врата въ блаженную обитель,
 По землѣ пролилъ ты мое драгоценное вино,
 Прости! не самъ ли ты пьянъ, о Боже?

Я видѣлъ персидскія попойки у различныхъ народностей; интереснѣе всѣхъ были попойки въ предѣстномъ Ширазѣ, въ странѣ неувядающихъ цвѣтовъ. Попойка въ Персіи носитъ скромное имя мигмани (угощенье) и устраивается не въ селамликѣ, куда доступъ открытъ для всѣхъ, но въ эндерунѣ (гаремъ), что уже само по себѣ есть преступленіе противъ религіи, потому что въ эту часть дома допускаются только родственники. И здѣсь также попойка устраивается въ прохладную вечернюю пору, но только не передъ, а послѣ ужина. Если тебѣ угодно, читатель, взглянуть на эту попойку, то я прошу тебя совершить вмѣстѣ со мной небольшую прогулку въ одну изъ виллъ, лежащихъ за городской стѣной. Пройдя садъ, находящійся впереди виллы, мы достигнемъ чрезъ множество дворовъ скрытой, подобно какому-то святилищу, комнаты, гипсовыя стѣны которой съ трехъ сторонъ совершенно голы, между тѣмъ какъ полъ обтянутъ, кромѣ іездерскаго ковра, толстымъ холстомъ. На двухъ или трехъ огромныхъ деревянныхъ блюдахъ, разставлены разнообразныя кушанья, отъ которыхъ распространяется во всѣ стороны паръ и запахъ. Вѣрный слуга дома, съ таинственнымъ видомъ ввелъ насъ въ эту комнату. По знаку хозяина, мы заняли мѣста и, отвѣдавъ того или другаго кушанья, должны были тотчасъ же запивать виномъ изъ стоявшихъ передъ нами кружекъ. Персидскій этикетъ въ этомъ отношеніи существенно отличается отъ турецкаго. Здѣсь и слѣда нѣтъ какихъ либо правилъ приличія или наружнаго воздержанія; зрителя особенно поражаетъ осторожность, съ которою всѣ стараются, сильно наклонивъ надъ стаканомъ голову, не запачкать бороду и платья кушаньемъ или виномъ. По общераспространенному убѣжденію, малѣйшая капля вина или свиного жира оскверняетъ платье или полъ и тѣмъ мѣшаетъ молитвѣ, отсюда и та осторожность, съ которою всѣ заботятся, какъ бы не пролить хотя бы одной капли влаги, выпиваемой цѣлыми бутылками. Въ какомъ только страннымъ парадок-

самъ не ведетъ религіозная чепуха въ Азіи и особенно въ Персіи, извѣстной своимъ искусствомъ тонко притворяться. Но при всемъ томъ, здѣсь рѣдко соблюдается приличіе и почти всегда попойки и пиры переходятъ въ настоящія оргіи. У турокъ только до конца прошлаго столѣтія удержались танцы циническаго характера, извѣстные подъ именемъ «кучекъ», но у персовъ еще до сихъ поръ процвѣтаютъ эти изліянія восточной чувственности, безъ которыхъ немислима никакая попойка. Во время этихъ танцевъ царствуетъ дикая сумятица, шумъ и гамъ, какъ въ самомъ послѣднемъ европейскомъ трактирѣ. Иногда кто нибудь, разгоряченный виномъ, вмѣшается въ среду танцующихъ; другой декламируетъ стихи изъ Гафиза или Хейма, между тѣмъ какъ третій, введенный изъ забвенія глухими возгласами находящагося по близости муэдзина, начинаетъ автоматически повторять молитву, кладя свою священную пятиугольную печать туда, гдѣ все залито виномъ.

Персія не нынѣ только сдѣлалась страной вина, она была ею уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, когда напр. армянская армія, въ средѣ которой господствовало распутство, стояла на берегахъ Аракса. Вообще въ Персіи число переступающихъ заповѣдь «la teksiru» (не напивайтесь до пьяна) значительно больше, чѣмъ въ Турціи. Здѣсь пьютъ не только вечеромъ, но и во всякое время дня, и пьютъ не одинъ только танъ называемый интеллигентный классъ, но и муллы и даже жены высокопоставленныхъ лицъ. Попойки устроиваются въ общественныхъ садахъ и даже на кладбищахъ. Я никогда не забуду одно пировавшее такимъ образомъ общество на могилѣ Гафиза, гдѣ былъ, между прочимъ и я, окруженный цвѣтомъ ширазской интеллигенціи. Красивая, бѣло-мраморная плита, которую положилъ надъ прахомъ знаменитаго поэта Керимъ-Ханъ-Ценди, популярнѣйшій въ Персіи царь, служила буфетомъ, и это отнюдь не считалось профанаціей, такъ какъ великому лѣвцу вина нельзя было оказать большей почести, какъ совершая возліяніе надъ его прахомъ. Чаша начинается въ первый разъ обходить кругъ пирующихъ послѣ послѣдней вечерней молитвы; въ это время пьютъ ради чувства какого-то благоговѣнія. Кто знаетъ великолѣпныя звѣздныя ночи южной Персіи, тотъ не будетъ поражаться при видѣ того, какъ съ каждымъ появленіемъ новой звѣзды пирующие приходятъ въ восхищеніе и съ новою страстью опорожняютъ кубки съ драгоценнымъ хуляри. «Чашу кербанкушу (истребителю каравана)! чашу Бинать-уль-наашъ (дочери жертвеца — Малой и Большой Медвѣдицы)» раздается со всѣхъ сторонъ, въ то время, какъ среди чарующаго без-

молвія ночи и мертвой тишины, объявшеі широкое кладбище, меланхолическія мелодіи пѣсенъ Гафиза приводятъ общество въ поэтическій экстазъ.

Къ востоку отъ Персіи прекращается область вина и его поэзіи. Грубое населеніе Афганистана и центральной Азіи твердо придерживается словъ корана и избѣгаетъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Только евреи въ Бухарѣ, Карши и нѣкоторыхъ другихъ городахъ въ прежнее время выдѣлывали изъ превосходныхъ сортовъ винограда вино въ такомъ количествѣ, какое было имъ необходимо для собственнаго употребленія, предписаннаго религіей. Но страшная кара постигала сыновъ Израиля, благодаря которымъ какой нибудь правотѣрный напивался, совершая тѣмъ смертельный грѣхъ. За то въ этихъ странахъ въ страшныхъ размѣрахъ употребляются различныя возбуждательныя вещества, какъ напр. гашишъ и опій, о которыхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Само собой разумѣется, что послѣдствія отъ употребленія этихъ веществъ гораздо болѣе ужасны, чѣмъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ.

Послѣ всего сказаннаго, читатель убѣдится, что народы Азіи, о которыхъ шла рѣчь, не пьютъ, но пьянствуютъ и считаютъ вино не укрѣпляющимъ средствомъ, но исключительно средствомъ для опьяненія. И это зло, не смотря на строгое запрещеніе корана, весьма древняго происхожденія; оно было даже сильнѣе распространено въ то время когда ученіе арабскаго пророка строже соблюдалось, по словамъ нынѣшнихъ приверженцевъ этого ученія. О калифѣ Іезидѣ I рассказываютъ, что онъ сильно пьянствовалъ и получалъ вино, къ которому онъ подмѣшивалъ для вѣрности мускусъ, изъ ближайшихъ окрестностей Мекки, изъ Таифа. Его сынъ Велидъ I напивался черезъ каждые два дня, другіе же калифы и особенно Велидъ II не знали въ этомъ отношеніи никакой мѣры. Между абассидами нѣкоторые намѣстники пророка имѣли особыхъ виночерпцевъ, а изъ позднѣйшихъ магометанскихъ царей и вельможъ многіе окончили дни свои въ бѣлой горячкѣ. Въ этомъ отношеніи востокъ отличается отъ запада только тѣмъ, что тамъ пьянство само по себѣ сильнѣе, но за то менѣе распространено. Въ Азіи этотъ порокъ развитъ лишь между высшими классами, между тѣмъ какъ народъ, — я говорю, разумѣется о магометанахъ, — отличается замѣчательною воздержностью, и въ этомъ отношеніи значительно превосходитъ низшіе слои народа на христіанскомъ западѣ, гдѣ пьянство есть источникъ безчисленныхъ золъ.

VII.

Табакъ и наркотическія вещества.

Между удовольствіями, распространенными по всей магометанской Азіи, табакъ и трубка играютъ первую роль. Они не считаются тамъ предметами роскоши, но составляютъ насущную потребность; то же значеніе, которымъ пользуется трубка въ великолѣпномъ дворцѣ стамбула, приписывается ей и въ шалашѣ убогаго жителя средней Азіи, который никогда не видитъ и никогда не ѣстъ хлѣба и для котораго, послѣ хорошаго куска сушеной конины да глотка кислаго кумыса, трубка составляетъ высшее наслажденіе. Часто возникалъ споръ о томъ, ввезенъ ли табакъ въ западную Азію изъ Европы или изъ Китая. Мнѣніе что маленькія мѣдныя трубки шеголяющихъ въ косичкахъ сыновъ небесной имперіи рано проложили себѣ путь вмѣстѣ съ другими китайскими обычаями, черезъ монгольскую степь до Тянь-шанскихъ горъ, повидимому, не совсѣмъ лишено основанія. Но все-таки оно ложно, потому что въ средніе вѣка табакъ не извѣстенъ былъ жителямъ востока, какъ видно изъ того, что толкователи магометова ученія въ своихъ трактатахъ о запрещеніи употреблять отуманивающія вещества стали упоминать объ этомъ растеніи лишь въ недавнее время. Кромѣ того, я не нашелъ ни въ турецкой, ни въ персидской, ни въ татарской литературахъ ни малѣйшаго намека на табакъ. Поэты, такъ часто воспѣвавшіе любовь, вино, цвѣты, музыку и другія прелести жизни, не стали бы, конечно, игнорировать табакъ, который доставляетъ столько наслажденій восточному человѣку. Много времени должно было пройти, прежде чѣмъ народы Азіи внесли чуждый имъ предметъ въ сферу своихъ нравовъ. Восточ-

ная фантазія обращается только на предметы, съ которыми освоился народъ, и если табакъ еще до сихъ поръ не нашелъ своего пѣвца, то это несомнѣнно объясняется недавнимъ употребленіемъ его. Я сомнѣваюсь чтобы поговорка: «онъ курить, какъ турокъ» была особенно древняго происхожденія, на томъ основаніи, что тѣ турки, которые предпринимали свои враждебныя экскурсіи на юговостоки Европы, еще не вполне знакомы были съ табакомъ, введеннымъ въ употребленіе, въ силу царскаго указа, лишь въ царствованіе султана Ахмеда IV. Нынѣ же, конечно, табакъ въ оттоманской имперіи есть предметъ особаго культа. Самый лучшій табакъ растетъ въ Румеліи, а именно въ отечествѣ великаго Македонянина, а также въ небольшомъ мѣстечкѣ Іендишъ-Вардаръ, лежащемъ къ сѣверо-востоку отъ Салоникъ. Это малорослое желтобурого цвѣта растеніе сушится на мѣстѣ нѣсколько недѣль, а иногда мѣсяцевъ, затѣмъ укладывается въ небольшіе тюки (богчи) и, пролежавъ нѣсколько лѣтъ въ магазинахъ табачныхъ торговцевъ, употребляется стамбульскими знатоками, какъ лучшій сортъ, извѣстный подъ именемъ аала—гебекъ. Изрѣзанный тонкими нитями, этотъ табакъ весьма цѣнится въ императорскомъ дворцѣ, велико-свѣтскомъ гаремѣ и въ высокой Портѣ, гдѣ тайный министерскій совѣтъ рѣшаетъ всѣ государственныя дѣла среди густыхъ клубовъ ароматическаго дыма. Мундштукъ и чубукъ, черезъ который курится этотъ лучшій сортъ табака, выбираются весьма тщательно и составляютъ предметъ многихъ заботъ. Глиняная трубка должна имѣть штампель фабрики Гассана въ Финдекли (городской участокъ Константинополя); длинный жасминовый чубукъ съ бархатистой корой долженъ имѣть своимъ мѣсторожденіемъ брусайскія плантаціи, а мундштукъ считается только тогда удовлетворительнымъ, если онъ сдѣланъ по модѣ, изъ свѣтлаго, прозрачнаго янтара и если его цивана (тонкая трубочка, на которую насаженъ мундштукъ) выточена лучшимъ токаремъ. Только такіе совершенные аппараты считаются достойными этого лучшаго табаку, и тамъ гдѣ табакъ и трубка—высшаго качества, тамъ и лакей, приставленный къ трубкѣ (чубукчи), долженъ быть въ высшей степени свѣдущимъ въ своемъ искусствѣ. Часто забавляло меня, съ какою тщательностью и какъ симметрично складываетъ чубукчи отдѣльныя части трубки. Глиняная трубка, прочищенная за нѣсколько дней предъ употребленіемъ, сохраняется въ жестяномъ ящикѣ. Часто мы говорили, что вкусъ табаку зависитъ отъ формы и величины угля, который кладется на трубку, и потому чубукчи долго роется щипцами въ печкѣ, пока

не найдеть плоскій, круглый уголь. Для европейца чрезвычайно забавно слѣдить за этими чубукчи во всѣхъ его операціяхъ, какъ онъ, держа въ правой рукѣ длинный чубукъ, а въ лѣвой мѣдную, круглую чашку, съ серьезнымъ видомъ, и медленно приближается къ своему господину, какъ, ставъ предъ нимъ на колѣни, какъ разъ на разстояніи длины чбука, онъ ставитъ на полъ чашу а на нее чубукъ, какъ, затѣмъ, описавъ чубукомъ полукругъ, онъ вставляетъ мушкетъ въ открытый ротъ своего повелителя. Для турка же все это весьма естественно. Между тѣмъ какъ повелитель взялъ въ руки чубукъ, слуга всталъ и едва отступилъ онъ на шагъ назадъ, какъ его обдало уже цѣлымъ облакомъ дыма, выпущеннымъ послѣ глубокой затяжки. Первая затяжка считается посредственной по вкусу, вторая и третья самыми лучшими, четвертая—плохой а пятая совсѣмъ не правится знатокамъ.

Я слышалъ о покойномъ султанѣ Абдуль Меджидѣ, что онъ затягивался изъ одной трубки только три раза, точно также и бывший министр иностранныхъ дѣлъ Аали Паша никогда не выкуривалъ всей трубки. Остатки, пренебрегаемые гастрономами, составляютъ для ожидающихъ въ передней лакеевъ лакомый кусокъ. То, что для утонченнаго вкуса знатнаго турка слишкомъ грубо и остро, совершенно въ пору жесткому горлу дикаго анатолийца, которому нравится, чтобы его языкъ щипало.

Такъ какъ каждый употребляетъ только свою собственную трубку, то не удивительно, что этотъ аппаратъ сдѣлался необходимымъ спутникомъ каждой сколько нибудь значительной особы. Трубка во всякое время находится подлѣ турка. Знатныя лица держатъ для одной трубки двухъ или трехъ лакеевъ; одинъ ухаживаетъ за трубкою дома, другой же сопровождаетъ своего господина во время прогулки пѣшкомъ или верхомъ. Длинный чубукъ прячется въ красивый чехоль, трубка же, табакъ и другіе принадлежности лежатъ у лакея въ сумѣ, висящей съ боку. Въ Константинополѣ иностранецъ часто съ любопытствомъ разсматриваетъ какого нибудь гордаго османлія, гуляющаго пѣшкомъ или верхомъ на лошади въ сопровожденіи лакея, который несетъ этотъ длинный, тщательно укутанный инструментъ съ видомъ оруженосца, несущаго какія нибудь эскадроны къ мѣсту поединка. Да, времена мѣняются! Прежніе оруженосцы воинственныхъ расъ преобразились въ чубукчи нынѣшнихъ обезсилѣвшихъ поколѣній.

Нерѣдко въ день выкуривается 60 или 80 трубокъ; турокъ, за ка-

кишъ бы онъ не былъ дѣломъ, никогда не разстается съ трубкою. Однажды, въ Высокой Портѣ, въ министерскомъ совѣтѣ, гдѣ турецкія власти пекутся о благѣ своего обширнаго, раскинушагося по трѣмъ частямъ свѣта государства, поднять былъ вопросъ, не слѣдуетъ ли устранить чубукчи изъ залы засѣданій, по крайней мѣрѣ во время обсужденія важныхъ и секретныхъ государственныхъ дѣлъ. Голоса сильно раздѣлились; долго боролось горло съ разсудкомъ, пока, наконецъ, не восторжествовалъ приговоръ толстопузыхъ засѣдателей: не посягать на старую обычай и дозволить по прежнему невиннымъ чубукчи во всякое время входить въ залу засѣданій для закуриванія трубокъ. Всѣ, однако, очень хорошо понимали вредныя послѣдствія такого рѣшенія, ибо лукавыя чубукчи, исполняя свою обязанность, внимательно вслушивались въ ту или другую тайну и, прежде чѣмъ султанъ или чиновничій міръ узнавали о рѣшеніи высокаго совѣта, тайна уже обращалась въ средѣ публики. Поэтому чубукчи, наряду съ обитателями гарема, самые надежные репортеры для драгомановъ посольствъ и газетныхъ корреспондентовъ. Часто приходилось мнѣ видѣть, какъ какойнибудь гордый житель Леванта, который въ своемъ презрѣніи къ окружающему міру могъ бы коснуться своимъ носомъ звѣздъ, почтительнѣйше изгибался предъ чубукчи, чтобы вывѣдать у него какоенибудь важное извѣстіе, или получить возможность заглянуть въ какойнибудь документъ. Что эта роль передатчика весьма прибыльна для чубукчи, объ этомъ едва ли нужно говорить; чубукчи же дѣлаются alter ego своего господина единственно вслѣдствіе безграничной страсти турокъ къ курѣнію.

Табакъ и трубка служатъ отличительными признаками сословій и даже ранга. Муширь (маршалъ) счелъ бы неприличнымъ курить изъ чбука, который короче двухъ локтей, между тѣмъ какъ со стороны ремесленника или нисшаго чиновника было бы дерзостью переступить въ длинѣ чбука, положенную для ихъ класса норму. Высшій при встрѣчѣ съ нисшимъ можетъ держать предъ собою чубукъ, но подчиненный долженъ скромно отвести чубукъ въ сторону, имѣя право выставить лишь часть зажатого въ кулакѣ мундштука. Паша пускаетъ дымъ большими клубами, какъ парходная труба, маленькій же человѣкъ долженъ выпускать дымъ легкими зефироподобными струйками и не передъ собой, но назадъ. Совѣтъ не курить въ присутствіи старшаго значить оказывать ему почтеніе, какъ это должно имѣть мѣсто въ отношеніяхъ сына къ отцу. Хорошо воспитаннымъ сыномъ называется

тотъ, кто отказывается отъ трубки, не смотря на многократное предложеніе отца.

Женщины не менѣе страстно предаются куренію, хотя онѣ нѣсколько воздержнѣе относительно трубки. Уже 12-лѣтнія дѣвушки начинаютъ втихомолку курить папирсы. На 14 и 15 году, когда турчанка считается способной вступать въ бракъ, дозволяется курить открыто. Съ годами увеличивается число ежедневно выкуриваемыхъ папирсовъ, а женщину 24 лѣтъ нѣрѣдко можно видѣть сидящей на низкомъ диванѣ съ порядочнымъ чубукомъ въ зубахъ. Матроны, — а въ 40 лѣтъ каждая турчанка матрона, — горячія мочительницы табаку. Хотя для гарема назначаются особый табакъ и особыя трубки, но это не мѣшаетъ однако обитательницамъ гарема курить самый крѣпкій и острый табакъ, такъ что ротъ красавицъ, который, по выраженію поэта въ юности выдыхаетъ только мускусъ и амбру, въ 40 лѣтъ распространяетъ такое зловоніе, что многихъ дамъ, какъ старыхъ матросовъ, можно узнать издали по запаху. Подобно мужчинамъ, женщины высшего круга берутъ съ собою женскихъ чубуки, отправляясь на прогулку или посѣтить знакомыхъ, но въ этомъ случаѣ на половину укороченный чубукъ прячется не въ чахолъ, а въ футляръ. У мужчинъ и у женщинъ — въ обычаѣ выкурить для отдыха трубку на какомъ нибудь холмѣ, откуда открывается красивый видъ. Но между тѣмъ какъ мужчины могутъ выбрать для этого любое мѣсто, женщины должны прятаться въ уединеніи, потому что когда турецкая красавица приподнимаетъ свой тонкій яшмакъ для того, чтобы курить, то все вокругъ ея такъ сказать должно быть гаремомъ. Иногда на стражу ставятся евнухи, и чуть вдали покажется какой либо мужчина, фата закрывается, пока послѣдній не скроется изъ виду.

Важнѣйшую роль играетъ трубка у женщинъ въ банѣ. Извѣстно что турецкія красавицы часто просиживаютъ въ жаркихъ баняхъ по нѣсколькимъ часамъ. Обыкновенно онѣ забираются туда съ 8 часовъ утра, обѣдаютъ тамъ и остаются до 3 или 4 часовъ послѣ обѣда. По выходѣ изъ ваннъ для магометанскихъ женщинъ наступаютъ счастливейшіе часы, когда онѣ начинаютъ курить трубки. По срединѣ самой жаркой комнаты стоитъ круглое возвышеніе въ видѣ террасы, на которомъ то лежатъ во всю длину тѣла, то сидятъ на поджатыхъ ногахъ старыя матроны, бѣлоснѣжныя дочери Кавказа и черныя, какъ уголь, красавицы Судана. Всѣ неутомимо курятъ и ведутъ бескончаемые разговоры. Часто какая нибудь пожилая женщина рассказываетъ

*

сказку, иногда отыскивается какая нибудь ученая дѣва, которая трактуетъ о религіи или восхваляетъ добродѣтели и прелести Фатимы Айеши. Нить разговора никогда не прерывается. Какъ ни интересно, однако, зрѣлище, представляемое *себекташемъ*, фотографъ, который вздумалъ бы снять эту картину, дорого заплатился бы за свою попытку.

Константинополь, въ сравненіи съ провинціею, есть средоточіе цивилизаціи и богатствъ страны, и это замѣчается также и въ отношеніи куренія. Житель Анаталіи и Румеліи продаетъ лучшую часть своего продукта и довольствуется самъ третьимъ и четвертымъ сортами табаку. По берегамъ Чернаго моря обыкновенно курятъ табакъ самсонъ, — растение, которое далеко уступаетъ ароматомъ и вкусу румелійскому табаку; на чубукъ и трубку здѣсь также не обращаютъ особеннаго вниманія. На восточномъ берегу Средиземнаго моря процвѣтаетъ черная латакія. Трубка набивается этимъ табакомъ лишь на половину, и лучшіе сорта его узнаются потому, что уже при второй затяжкѣ онъ, подобно сжатой шерсти, начинаетъ подниматься вверхъ и съ трескомъ выступаетъ изъ трубки. Многіе ставятъ латакію, которую мы называемъ аравійскимъ табакомъ, гораздо выше румелійскаго; это, конечно, дѣло вкуса. У лучшихъ сортовъ латакіи нельзя отнять пріятнаго аромата, но онъ чересчуръ крѣпокъ, слишкомъ сильно опьяняетъ и лишентъ той нѣжности, которою отличается табакъ изъ Іенидшъ Вардара.

Турки и арабы курятъ большею частью трубки и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ наргилѣ ¹⁾, какъ называется въ османской имперіи подѣлка кальяна. Въ провинціи, особенно въ кофейняхъ, трубка есть неизбѣжное условіе всѣхъ политическихъ и религіозныхъ бесѣдъ или дебатовъ. Въ городѣ знатный турокъ никогда не пойдетъ въ общественную кофейню, но въ провинціи отъ этого этикета отступаютъ. Если кто желаетъ составить себѣ понятіе о матеріальномъ и умственномъ состояніи какого нибудь городка или мѣстечка, тому слѣдуетъ только посѣтить одно изъ заведеній этого рода. Еще теперь я живо представляю себѣ вѣчно серьезный видъ хозяина кофейной и страстное любопытство въ чертахъ новоприбывшаго путешественника.

По бородѣ и по платью посѣтителя хозяинъ заключаетъ, какого

¹⁾ Слово наргиль происходитъ отъ персидскаго слова Nardschil (ковосовый орѣхъ), ибо воданой сосудъ наргилѣ сначала дѣлался изъ скорлупы этого плода, а въ послѣдствіи уже изъ стекла или изъ глины, при чемъ форма сосуда сохранялась та же.

качества предложить ему трубку, чубукъ и мундштукъ. Если разговоръ и обращеніе посѣтителя производятъ хорошее впечатлѣніе, то всѣ присутствующіе спѣшатъ предложить гостю свою трубку. Отказываться въ этомъ случаѣ считается невѣжливымъ, но обтереть мундштукъ, обмоченный слюною, было бы признакомъ крайней грубости. Брезгливость въ отношеніи друга есть грѣхъ; жители Средней Азіи облизываютъ другъ у друга пальцы; турокъ же беретъ отъ сосѣда предлагаемую ему трубку безъ малѣйшаго колебанія.

Даже во время верховой ѣзды многіе не могутъ, ѣдутъ ли они тихо или шибко, разстаться съ своей любимой трубкой. При видѣ таковаго всадника, который, мчась на конѣ, держитъ въ сжатыхъ губахъ круглый мундштукъ, приходитъ на мысль, какъ не выбьетъ онъ себѣ зубы, и это бы конечно случилось съ человекомъ неопытнымъ. Но турки и арабы слишкомъ привыкли къ такому способу куренія, чтобы имъ могла грозить подобная опасность, и нужно только удивляться ловкости, съ которою они во время ѣзды набиваютъ трубку, зажигаютъ ее и держатъ въ рукахъ, не просыпая нисколько табаку.

Убогій курдъ, который ведетъ вѣчную бочующую жизнь, также предается куренію; употребляемый имъ табакъ превращается въ мелкій порошокъ и большею частью добывается въ окрестностяхъ Ровандиза и Сулейманіи. Листъ курдскаго табаку длиннѣе, но уже румелійскаго, и вслѣдствіе его хрупкости онъ чаще встрѣчается искрошеннымъ, чѣмъ въ видѣ изрѣзанныхъ нитей. Онъ вывозится на востокъ, во всѣ провинціи Персіи, гдѣ употребляется преимущественно турецкимъ населеніемъ Ирана; этотъ табакъ имѣетъ терпкій вкусъ и издаетъ непріятный запахъ. Онъ курится изъ маленькой латунной трубки съ короткимъ чубукомъ,—инструментъ, который въ Персіи находится во всеобщемъ употребленіи, отъ хана до послѣдняго погонщика муловъ. Послѣдній питаетъ страстную любовь къ этому инструменту; въ стойлѣ, гдѣ покурить какой нибудь здоровенный погонщикъ, атмосфера сильнѣе портится, чѣмъ отъ испареній стоящихъ тамъ, иногда въ большемъ числѣ, муловъ.

Торговля табакомъ у курдовъ находится въ первобытномъ состояніи. Во время моего путешествія, я посѣтилъ множество селъ и племенъ куда едва ли отважится проникнуть какой либо спекуляторъ, и встрѣтилъ весьма немногихъ табачныхъ торговцевъ, обмѣнивавшихъ свой продуктъ на шерсть, готовые ковры и пр. Жадный курдъ, способный отказать себѣ во всякомъ удовольствіи, не можетъ, однако, устоять про-

тивъ фунта табаку, безъ котораго онъ не можетъ обойтись. Какой нибудь пастухъ, который удаленъ въ теченіи цѣлаго дня отъ своего шалаша и бродитъ по горамъ съ своими стадами, едва ли стережетъ съ такою заботливостію свой хлѣбъ, сыръ и деньги, какъ небольшой запасъ завернутаго въ тряпки табаку. Начальники племенъ въ присутствіи гостей курятъ лучший, турецкій табакъ, но, будучи одни, они отдають предпочтеніе своему національному продукту. Мешхедъ былъ крайнимъ пунктомъ, гдѣ я встрѣтилъ этотъ табакъ; вообще онъ въ употребленіи тамъ, гдѣ менѣе доступенъ хорошій, персидскій табакъ.

Персія, страна, славящаяся между всѣми странами средней Азіи развитымъ и утонченнымъ вкусомъ, особенными качествами и древностію своей цивилизаціи, довела, въ самомъ дѣлѣ, всего далѣе прогрессъ по части трубки и табаку. Персидскій табакъ, называемый тумаку, отличается отъ всѣхъ упомянутыхъ нами сортовъ, равно какъ и персидскій аппаратъ для куренія совершенно своеобразенъ. Онъ имѣетъ слѣдующія части: 1) водяной сосудъ, приготовляемый или изъ глины, преимущественно въ Испагани, или изъ стекла, которое доставляется изъ Россіи и Богеміи, или же изъ скорлупы кокосоваго орѣха. Последняя форма считается самою щегольскою, и не безъ основанія, потому что такой сосудъ обдѣлывается въ золото или серебро, разрисовывается множествомъ узоровъ и часто украшается даже драгоценными камнями; 2) деревянный стержень; въ серединѣ онъ пустой, сдѣланъ изъ чернаго дерева и имѣетъ до 12 дюймовъ длины; у богатыхъ людей онъ часто бываетъ серебряный и съ небольшою цѣпочкою и другими украшеніями. 3) На концѣ этого стержня находится собственно трубка, или сергаліонъ; она дѣлается или изъ глины или изъ дерева. Внутри эта трубка покрыта известью, а снаружи золотыми и серебрянными пластинками и всевозможными драгоценностями. Въ числу послѣднихъ относятся эмалевыя изображенія весьма тонкой работы; знаменитые въ этомъ искусствѣ испаганскіе и ширазскіе мастера получаютъ за разрисовку одной трубки отъ 20 до 30 дукатовъ. 4) Тонкій прикрѣпленный къ кальяну чубукъ, чрезъ который вбирается дистиллированный дымъ. Въ дорогѣ или во время прогулокъ употребляется длинный, змѣевидно извивающійся кожаный чубукъ, или маричъ; при этомъ слуга, который ѣдетъ позади барина, держитъ аппаратъ, а баринъ сосетъ мундштукъ.

Персидскій кальянъ, сдѣланный со вкусомъ, можетъ считаться довольно изящною домашнею утварью. Такъ какъ изъ него можно курить только сидя, то и въ этомъ отношеніи онъ носитъ болѣе восточный ха-

ракторъ, чѣмъ турецкая трубка. Персы страстно любятъ свой кальянъ; для него нѣтъ высшаго наслажденія, какъ сидѣть, склонившись надъ кальяномъ и пускать легкіе клубы дыма своего ароматнаго табаку. Турецкая трубка во всякую пору и на всякомъ мѣстѣ одинаково пріятна; персидскій же кальянъ доставляетъ величайшее наслажденіе рано поутру или предъ самымъ заходомъ солнца. Въ каждомъ персидскомъ домѣ по срединѣ двора находится маленькій бассейнъ, берега котораго служатъ мѣстомъ для куренія раг excellence. Въ Персіи утверждаютъ, что куреніе тумаку есть вѣрное средство противъ грудныхъ болѣзней, но я не думаю этого, потому что, при куреніи изъ кальяна, легкія гораздо сильнѣе утомляются, чѣмъ отъ куренія изъ другихъ трубокъ. По мнѣнію персовъ, истинное наслажденіе отъ куренія испытывается лишь въ такомъ случаѣ, если сильно влажный табакъ (въ сухомъ видѣ онъ никогда не употребляется) отъ соприкосновенія съ горячимъ углемъ даетъ голубоватый, поднимающійся легкими облаками дымъ.

Лучшій тумаку растетъ въ Ширазѣ и его окрестностяхъ, особенно въ селеніи Церганъ, гдѣ его очень много. Ежегодно вывозится этого продукта на 100,000 дукатовъ. Онъ пересылается обыкновенно въ листьяхъ, уложенныхъ въ мѣшки, и такъ какъ онъ очень хрупокъ, то предъ употребленіемъ онъ растирается рукою. Табакъ, назначенный для употребленія, не долженъ подвергаться влажности болѣе часа, а также слѣдуетъ мѣнять воду въ сосудѣ предъ каждымъ употребленіемъ его. Вообще уходъ за персидскимъ кальяномъ сложнѣе, нежели за турецкою трубкою. Зажиточный персъ держитъ для этой цѣли нѣсколько слугъ, не менѣе двухъ, изъ которыхъ одинъ приготовляетъ кальянъ, а другой подаетъ его. Въ дорогѣ лакей, пекущійся о кальянѣ, долженъ ѣхать на лошади. Съ одной стороны сѣдла виситъ кожаный мѣхъ съ водою, съ другой—вѣчно пылающая жаровня, между тѣмъ какъ трубка и табакъ лежатъ въ круглыхъ футлярахъ, прикрѣпленныхъ въ особой пуговицѣ на сѣдлѣ. Лакеи, приставленные къ кальяну, обыкновенно отличаются большою ловкостью; чрезвычайно интересно видѣть, съ какимъ проворствомъ такой лакей во время ѣзды собираетъ въ одно многочисленныя части кальяна и иногда на всемъ скаку подаетъ мундштукъ своему господину.

Такъ какъ персы извѣстны, какъ строгіе блюстители этикета, то не удивительно, что съ куреніемъ трубки у нихъ связано безчисленное множество церемоній. Существуютъ зимніе и лѣтніе трубки для различныхъ сословій, половъ и возрастовъ, и при видѣ той важности, съ

которой соблюдается этикетъ относительно кальяна, мнѣ часто стоило большаго труда удержаться отъ смѣха. Трубки предлагаются собравшимся гостямъ en masse. Цѣлая толпа лакеевъ, точно маршируя, приближаются одновременно къ каждому гостю и лишь послѣ того, какъ они удалятся, хозяинъ дома беретъ въ ротъ тонкую трубку и начинаетъ увертюру, заставляя воду клокотать и вздыматься. Строго наблюдается, чтобы трубки, послѣ первыхъ затяжекъ, взаимно обмѣнивались. Передача и принятіе трубокъ сопровождаются особыми поклонами. И здѣсь также считается крайне неприличнымъ обтереть мокрый мундштукъ и вложить его въ ротъ больше, чѣмъ на полъ дюйма. Всѣ подобныя церемоніи въ ходу не только между богатыми и образованными лицами, но и въ низшихъ слояхъ народа, ибо каждый персъ прежде всего желаетъ быть вѣжливымъ.

Персидскія дамы, пользующіяся вообще большей свободой, нежели турецкія, менѣ стѣснены также и относительно куренія. Молодыя дѣвушки, какъ и матроны проводятъ ежедневно по цѣлымъ часамъ за трубкой, причемъ богатыя, послѣ каждой третьей затяжки, сѣдаютъ кусокъ сахара. Такъ какъ куреніе изъ одной трубки считается признакомъ особенной интимности, то трубка играетъ важную роль во время нѣжнаго tête-à-tête. Вмѣсто: «вѣсть изъ одной терелки» въ Персіи говорятъ: «курить изъ одной трубки». Вообще въ Персіи прекрасный полъ предается куренію съ большей страстью, чѣмъ въ Турціи, и здѣсь какъ у принцессы, такъ и крестьянки острый и непріятный запахъ изо рта—обычное явленіе.

Наиболѣе распространена трубка въ Ширазѣ. Не смотря на мое многолѣтнее пребываніе въ восточныхъ странахъ, никакой табакъ не доставлялъ мнѣ особаго удовольствія. Только Ширазѣ, когда мнѣ приходилось быть среди веселаго общества въ мусаллѣ (мѣсто отдохновенія и молитвы), на могилѣ Гафиса или въ саду Саади, когда дымъ взвиваясь, поднимался къ чудной синевѣ южно-персидскаго неба, трубка доставляла мнѣ наслажденіе, котораго я не испытывалъ нигдѣ въ Персіи, и даже въ цѣломъ мірѣ. Живю помню я одинъ вечеръ, проведенный въ веселомъ обществѣ за чашей благороднаго хулларийскаго вина ¹⁾ на

¹⁾ Это превосходное персидское вино въ первые два года весьма сходно съ Токайскимъ; если оно и уступаетъ нѣсколько послѣднему, то за то послѣ него оно во всякомъ случаѣ лучше.

могилѣ Гафиза. Надгробная плита, подѣ которой покоятся останки этого чуднаго поэта, такъ хорошо воспѣваема вино, обращена была въ буфетъ; тутъ же около насъ разведенъ былъ огонь и до самаго разсвѣта чаша переходила изъ рукъ въ руки. Безчисленное множество разъ освѣжался кальянъ, и пріятный вкусъ табаку постоянно возбуждалъ охоту къ куренію. И во время верховой ѣзды я нашелъ персидскую трубку превосходной. Обыкновенно курятъ тогда, когда послѣ скучнаго переѣзда по пустынной персидской степи желаютъ дать лошади отдохнуть, т. е. когда ѣдутъ не рысью, а шагомъ. Тогда успокоивается взволнованная кровь всадника, и если еще при этомъ имѣется кальянъ, то онъ замѣнитъ не мало пріятностей жизни. Трубка обходитъ все общество и такимъ образомъ скрашивается однообразие дороги. Особенно пріятно куреніе, если сидѣть не верхомъ на лошади, но въ кедшевѣ (коробка, привѣшенная съ боку лошади). Согнутое положеніе съ теченіемъ времени дѣлается невыносимымъ, является желаніе размять члены и чувствуешь себя истинно счастливымъ, что можешь набить трубку и, занявшись раздуваніемъ углей, чтобы приготовить наслажденіе себѣ и своимъ спутникамъ.

Перенесемъ взоры съ древне-классической Персіи къ сѣверу на Татарію, т. е. Туркестанъ, или среднюю Азію. Кочующее и осѣдлое населеніе, занимающее берега Окса и Яксарта грубо, и стоитъ на самой низкой степени мусульманской цивилизаціи. То же самое можно сказать и объ удовольствіяхъ, которымъ предается это населеніе; по крайней мѣрѣ его трубка, соотвѣтственно состоянію его культуры, самая не красивая и по отдѣлкѣ самая простая въ мірѣ, но она для всѣхъ одинаково сдѣлалась необходимымъ предметомъ роскоши, котораго каждый добывается съ безпримѣрной страстью. Здѣсь, гдѣ исламъ дошелъ до крайняго фанатизма и наложилъ на куреніе veto, онъ все-таки безсильнъ противъ этого обычая, такъ какъ въ этомъ отношеніи жители средней Азіи не отстаютъ отъ своихъ восточныхъ братьевъ. Туркмены, киргизы, узбеки, таджики одинаково страстно предаются куренію. Трубка употребляемая жителями средней Азіи, занесена изъ Персіи и ее можно назвать пародіей на персидскую трубку. Въмѣсто красивой чаши для воды здѣсь употребляютъ выдолбленную тыкву, а тамъ, гдѣ ея нѣтъ, простой деревянный сосудъ. Трубочка, вставляющаяся въ сосудъ, крайне мала и такой же грубой работы, какъ и голова трубки. Характеристическая особенность всего этого снаряда состоитъ въ томъ, что съ одной стороны сосуда находится тонкая трубка, а съ другой круглое отвер-

етіе, которое, во время куренія, закрывается пальцемъ. Когда трубка передается сосѣду, что и здѣсь въ обычаѣ, то послѣдній выдуваетъ прежде всего дымъ, оставленный въ водѣ предшественникомъ. Открывая и закрывая отверстіе въ сосудѣ, татарскій курильщикъ походитъ на флейтиста.

Табакъ воздѣлывается и въ средней Азіи; лучший сортъ растетъ въ Карши и въ Шахрисабзѣ, родинѣ великаго Тимура. Хива также славится особымъ сортомъ табаку, извѣстнаго подъ именемъ *рабанекъ*. Но всѣ эти сорта далеко уступаютъ ароматомъ и нѣжностью персидскому табаку. Табакъ употребляется здѣсь только въ сухомъ видѣ, и его острый, ѣдкій дымъ можетъ быть въ пору только татарскому горлу и татарскимъ легкимъ. У иноземцевъ этотъ табакъ послѣ первой затяжки вызываетъ продолжительный кашель; впрочемъ, и туземцамъ стоитъ не малаго труда привыкнуть къ нему. Люди пожилые прибѣгаютъ въ этомъ отношеніи къ утонченному, но всего менѣе эстетическому приему, вбирая дымъ чрезъ посредство лакея, т. е. лакей затачивается, задерживаетъ въ себѣ всѣ ѣдкія части и затѣмъ изъ всей ночи вдываетъ дымъ въ горло своего господина, стоящаго передъ нимъ съ открытымъ ртомъ. Номады особенно падки на это наркотическое растеніе. Очень часто въ степи караванъ нашъ задерживался какимъ нибудь бѣшено скакавшимъ на насъ киргизомъ или тюременомъ, который, завидѣвъ вдали путниковъ, являлся просить трубки. Сначала я всегда подозрѣвалъ такихъ номадовъ въ недобрыхъ намѣреніяхъ, но кербанбаши (начальникъ каравана) зналъ нравы этого населенія. Трубка тотчасъ набивалась табакомъ и предлагалась просителю съ обычными церемоніями. Туркменъ жадно схватывалъ трубку; послѣ первой затяжки глаза его начинали блестѣть, послѣ второй онъ въ опьяненіи опускался на землю, а послѣ третьей наркотической яды обнаруживалъ такое дѣйствіе, что трубка выпадала изъ рукъ курильщиковъ и онъ впадалъ въ какое-то горячее состояніе. Многіе послѣ сильнаго кашля начинали дрожать, другіе же падали на землю въ безпамятствѣ. Между тѣмъ, какъ курильщикъ лежалъ съ пѣною у рта, караванъ продолжалъ свой путь. Номадъ съ трудомъ оправляется отъ этого состоянія; намъ оно кажется тяжелой болѣзнью, ему же такимъ удовольствіемъ, что для того, чтобы насладиться имъ, онъ тратитъ на ѣзду нѣсколько часовъ.

Но и между номадами, въ шалашѣ зажиточнаго человѣка, тишиимъ (такъ называется въ средней Азіи трубка) не рѣдкость. Въ Хивѣ особенно часто встрѣчается такая трубка; въ Бухарѣ курятъ большею ча-

стію тайно, въ Кованѣ мало. Такъ какъ житель средней Азіи ищетъ въ трубкѣ больше наркотическаго опьяненія, чѣмъ удовольствія, то курильщикъ, привыкшій къ табаку, находитъ себѣ подходящій суррогатъ въ опіѣ, который, на сколько мнѣ извѣстно, гораздо чаще употребляется въ Татаріи, чѣмъ въ Турціи и Персіи. Учителями и руководителями по этой части являются обыкновенно дервиши, эти тонкіе фигляры, которые подъ личиною святости странствуютъ по свѣту и затѣмъ возвращаются въ свои ханки (монастыри), гдѣ не только сами курятъ опію, но и другихъ совращаютъ къ тому же. Въ средней Азіи ханки имѣютъ тоже значеніе, что турецкая кофейня или чайная въ Персіи. Извѣстныя мѣстности особенно славятся приготовленіемъ яда изъ маку: въ базарные и праздничные дни онѣ кишатъ невоздержными курильщиками опія. Къ несчастью, этотъ ядъ получилъ какъ бы санкцію высшаго образованія; во время моего пребыванія въ Хивѣ, куренію опія предавались ханъ, его министры и весь чиновный міръ. Въ высшей степени странно, что курильщики, высохшіе какъ скелетъ, большею частію долго живутъ, что совершенно непонятно при такомъ, по истинѣ ужасномъ дѣйствию этого яда. Лица, которыя давно практикуются въ этомъ, набиваютъ трубки невѣроятнымъ количествомъ опія, и никогда не забуду я тѣхъ минутъ, когда предо мной корчились такіе курильщики въ сильнѣйшихъ судорогахъ. У многихъ лица страшно искажаются, на ихъ холодныхъ и блѣдныхъ устахъ играетъ злобное бѣшенство ангела смерти, между тѣмъ какъ другіе начинаютъ бить руками и ногами до тѣхъ поръ, пока послѣ страшнаго возбужденія они не погрузятся въ мертвый сонъ.

Въ городѣ Бухарѣ и въ ханствѣ того же имени, благочестивые муллы подвели табакъ подъ рубрику «опьяняющихъ напитковъ», и такъ какъ употребленіе послѣднихъ запрещено кораномъ, то открытое куреніе строго преслѣдуется правительствомъ и духовенствомъ. Тѣмъ не менѣе, на базарѣ въ Бухарѣ есть множество табачныхъ лавокъ. Торговля табакомъ слѣдовательно терпится; кромѣ того, если потребители наслаждаются этимъ наркотическимъ растеніемъ въ своемъ домѣ или скрытно, то на это никто не обращаетъ вниманія, ибо тайный грѣхъ не считается грѣхомъ. У номадовъ многія поговорки и нравственныя сентенціи направлены противъ куренія табаку; наприм. если путникъ куритъ, то вмѣсто четырехъ дней онъ пробудетъ въ дорогѣ шесть, или: если герой куритъ, то его любовь къ коню и женѣ ослабѣваетъ и т. д. Но, не смотря на это, куреніе распространяется все бо-

дѣе и болѣе; всякій разъ, когда прибѣдетъ новый караванъ, номады обступаютъ его густой толпой и также неотвязчиво просятъ табакъ и трубокъ, какъ ихъ жены старыхъ лохмотьевъ яркоцвѣтнаго каттуна или блестящихъ бусъ.

Отправляясь на грабежъ, туремени привязываютъ къ одной сторонѣ мѣшка съ провизіей немного корма для лошади, а къ другой неизбѣжный, всегда грязный, снарядъ для куренія. Они готовы отказаться отъ пищи, лишь бы наслаждаться куреніемъ до изнеможенія. Понятно, что въ средней Азіи съ табакомъ обращаются бережливо. Одна трубка часто насыщаетъ цѣлое общество; сѣдобороднымъ старцамъ и людямъ знатнымъ предоставляются первыя и самыя полныя затяжки, слѣдующія—лицамъ низшаго званія, между тѣмъ, какъ юношамъ и невольникамъ остается черная зола, изъ которой можно извлечь лишь нѣсколько облачковъ дыма. Трубка выкуривается всегда почти до того, что въ ней остается только уголь. Улемы или ученые, къ которымъ въ Бухарѣ причисляются и знатные люди, считаютъ трубку нечистою. Здѣсь табакъ не курится, но нюхается, и притомъ въ такой отвратительной формѣ, что въ Европѣ объ этомъ трудно составить себѣ понятіе. Почти всѣ эти глубокомысленные ученые, равно какъ и другіе лица, носятъ за поясомъ табакерки, вырѣзанныя изъ тыквы. Черезъ каждыя десять минутъ нюхальщикъ вынимаетъ изъ табакерки свою дозу; онъ страхи-ваетъ на верхнюю поверхность руки темнобурую пыль, довольно острую и непріятную на вкусъ, затѣмъ подноситъ ее къ своимъ колоссальнымъ ноздрямъ и втягиваетъ ее сильными порывами. Этотъ способъ нюханія употребителенъ и въ другихъ мѣстахъ, но отвратительна привычка вѣшать табакъ, вмѣсто носа, въ ротъ между языкомъ и нѣбомъ, и снова выплевывать вложенную порцію послѣ нѣсколькихъ секундъ. Горе несчастному, которому придется вступить въ бесѣду съ такимъ субъектомъ, безпрестанно брызгающимся табачной слюной.

Въ Бухарѣ, Афганистанѣ и сѣверной Индіи повсемѣстно распространены дурной обычай вѣшать нюхательный табакъ. Жители поименованныхъ странъ видятъ въ этомъ хорошее средство противъ зубной боли. Это возможно, хотя, какъ легко понять, это, навѣрное, должно страшно обезображивать зубы. Отвратительное зрѣлище представляютъ собою женщины, которыя, видя въ куреніи табакъ страшный грѣхъ, предаются этой мерзкой привычкѣ. У мужчинъ борода скрываетъ до нѣкоторой степени падающую пыль, но у женщинъ гладкій подбородокъ носить грязныя слѣды этого удовольствія, и я нахожу совершенно

естественнымъ, что, обезображенная такимъ образомъ жена не особенно можетъ нравиться своему супругу. Куреніе трубки сопровождается въ средней Азіи питьемъ чая — и именнаго чернаго кирпичнаго чая. Этотъ напитокъ, приправленный жиромъ и солью, превосходно гармонируетъ съ грубымъ наслажденіемъ, доставляемымъ трубкою, и оказываетъ въ степи, послѣ долгаго пути, истинно чудесное дѣйствіе на утомленныхъ спутниковъ. Чай долженъ быть горячъ, какъ кипятокъ, и за каждымъ глоткомъ слѣдуетъ затычка изъ трубки. По мнѣнію татарина, чай и табакъ составляютъ одно цѣлое. Какъ первый расширяетъ жилы и разжижаетъ кровь, такъ послѣ куренія проясняются голова и мозгъ; онъ твердо убѣжденъ, что хорошая трубка придаетъ зрѣнію двойную силу.

Наконецъ остается упомянуть объ импровизированной трубкѣ киргиза. Этотъ номадъ, находясь въ степи, часто куритъ табакъ безъ помощи сосуда, лишь бы у него было хотя немного воды. Мнѣ часто рассказывали объ этомъ, но чтобы самому убѣдиться въ этомъ, я, однажды, заставилъ продѣлать этотъ кунштукъ предъ своими глазами. Киргизъ долго искалъ чего то по полю, пока не открылъ глинистую почву. Прежде всего онъ вырылъ въ землѣ ямку глубиною въ два кулака, и притомъ отверстіе этой ямки было гораздо уже, чѣмъ ея внутреннее пространство. Яма наполняется водой и покрывается головкой трубки (собственно трубкой въ противоположность чубуку), сдѣланной изъ сырой глины. Подлѣ ямки втыкается въ косомъ направленіи трубочка, которая сообщается съ водой и выступаетъ изъ земли, приблизительно, на два пальца вверхъ. Надъ этимъ то неподвижнымъ сосодомъ растягивался во всю длину киргизъ, и съ такимъ наслажденіемъ курилъ изъ своего кальяна, какъ будто онъ досталъ его изъ дома какого нибудь персидскаго или турецкаго вельможи. Конечно, при такомъ способѣ куренія, объ опрятности не можетъ быть и рѣчи. Номады простираютъ еще далѣе свою практичность и употребляютъ вмѣсто табаку какое то степное растеніе. Этотъ суррогатъ принадлежитъ къ породѣ кустарниковъ; въ засушенномъ видѣ онъ черенъ и обнаруживаетъ такое сильное дѣйствіе, что у человѣка непривычнаго, отъ одной затычки на долго разбаливается голова.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что трубка, отъ самой изящной до самой грубой ея формы, повсюду пользуется одинаковою любовью. Магометанскіе народы, отъ Турціи до предѣловъ далекой Небесной имперіи, считаютъ табакъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ самымъ

необходимымъ продуктомъ. Независимо отъ наслажденія, доставляемаго трубкой, она даетъ хоть какое нибудь занятіе привыкшему къ *dolce far niente* восточному человѣку, который съ удовольствіемъ наблюдаетъ, какъ, вмѣстѣ съ дымомъ, поднимающимся вверхъ, проходятъ скучные часы дня, и если народы запада когда либо отвыкнуть отъ куренія, то восточный человѣкъ никогда не измѣнитъ своей трубкѣ, потому что она тѣсно сплотилась съ его образомъ жизни и съ его нравами.

Подобно тому, какъ гаремъ породилъ множество неестественныхъ пороковъ, предписанное религіей воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ и вина породило страсть къ наркотическимъ веществамъ. Гашишъ, бенгъ, опій и другія вещества, опьяняющія и подавляющія нервную систему и умственные способности человѣка, сравнительно мало распространены тамъ, гдѣ мусульманское общество отступаетъ отъ запрещенія корана употреблять вино и спиртные напитки. Извѣстно, что со времени распространенія раки, число курильщиковъ опія въ Турціи значительно уменьшилось, между тѣмъ какъ въ болѣе восточныхъ странахъ, гдѣ строго соблюдается предписаніе религіи, оно прогрессивно возрастаетъ. Въ Стамбулѣ осталось только одно воспоминаніе объ «Афіундиларѣ» (мѣсто, гдѣ курили опій) гдѣ въ тѣни деревь, страшно обезображенные жертвы болѣзненной страсти насильственно убивали свой духъ и плоть. Я слышалъ, что это увеселительное мѣсто, — а ихъ, конечно, было много — съ ранняго утра до поздняго вечера биткомъ наполнено было посѣтителеми. Случалось, что въ то время, какъ курильщикъ судорожно сжималъ лѣвою рукою трубку, а въ правой держалъ огромную чашку съ кофе, качая ее изъ стороны въ сторону, уличные мальчишки, запасшись длинными соломинками, высасывали ими кофе, вставъ позади полуодурѣвшаго отъ опія курильщика. Послѣдній, вообразивъ, что онъ самъ выпилъ свой кофе, восклицалъ съ улыбкой свойственной человѣку, опьяненному опіемъ: «*Kahwedschi doldur!*» (Хозяинъ налей еще!). — Замѣчательно, что религія закрываетъ глаза на это самоубійство. Существуетъ даже убѣжденіе, что цѣль куренія опія есть напѣренное и насильственное подавленіе чувственности въ видахъ полнѣе отдаться религиозному созерцанію. Многіе, сошедшіе почти съ ума вслѣдствіе этого порока, считались святыми; я лично зналъ одного такого полумертваго субъекта, который совершенно серьезно рассказывалъ мнѣ, что по временамъ онъ ощущаетъ въ себѣ какой-то внутренній огонь на столько сильный, что онъ могъ бы превратить въ уксусъ бочку вина отъ одного прикосновенія къ ней.

Въ Турціи, какъ было замѣчено, «раки» составляетъ противовѣсъ этому злу и нынѣ лишь дервишы упиваются гашишемъ и опіемъ съ цѣлью предвкушать, во время видѣній, будущее блаженство. Они называютъ эти наркотическія вещества «эсраръ» (тайны). Турецкій эсраръ готовится обыкновенно изъ мака, произрастающаго на знаменитыхъ плантаціяхъ Бруссы, Измида и Мосула. Верхнія листья на стеблѣ тщательно собираются, и затѣмъ ихъ высушиваютъ, растираютъ и, смѣшавъ съ какимъ-то сиропомъ, превращаютъ въ маленькія лепешки, которыя и кладутся по штукѣ на уголь въ трубкѣ кальяна. Иногда, эти лепешки смѣшиваются съ ароматическими веществами, усиливающими опьяняющее дѣйствіе опія, съ тою цѣлью, чтобы рельефнѣе очертить контуры чуднаго видѣнія рая и усилить предчувствіе неземнаго блаженства. Эсраръ встрѣчается также въ формѣ маленькихъ тонкихъ палочекъ и я самъ проглотилъ одну изъ нихъ, чтобы испытать его дѣйствіе. Къ сожалѣнію, мой экспериментъ не имѣлъ большаго значенія, такъ какъ начало и конецъ наркоза обнаружили лишь кратковременнымъ состояніемъ опьяненія. Но лица, которые со мною были, рассказывали мнѣ разныя забавныя исторіи о моей необыкновенной веселости, окончившейся глубокимъ сномъ. Я зналъ европейцевъ, которые, находясь подъ вліяніемъ гашиша, считали себя великими поэтами и переносили на бумагу плоды своего вдохновенія; но послѣ отрезвленія убѣждались, однако, въ безсмысли своихъ галлюцинацій. Къ сожалѣнію, многіе европейцы сдѣлались жертвами этого порока, между прочими генералъ Г..... и баронъ С.... Последній, человѣкъ въ высшей степени даровитый и богатый, дошелъ, наконецъ, до того, что онъ высохъ, какъ скелетъ и нѣсколько лѣтъ бродилъ въ лохмотьяхъ по улицамъ константинополя, не мытый и не чесанный. Его можно было бы счесть за помѣшаннаго, если бы порой онъ не поражалъ остроуміемъ своей босѣды, которую велъ на многихъ европейскихъ языкахъ. Мнѣ никогда не забыть фигуры этого бывшего магната, когда онъ, прикрытый, не смотря на зимнюю стужу, какими-то лохмотьями, проходилъ въ Стамбулѣ мимо дома, гдѣ я жилъ, напѣвая:

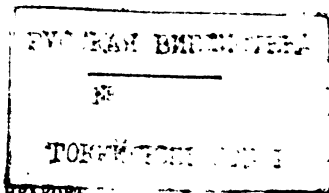
«Der Orient, der Orient,
Wo ewig blau das Firmament» ¹⁾.

Онъ окончилъ свои дни, какъ легко догадаться, на улицѣ.

¹⁾ «Востокъ, востокъ,
Гдѣ вѣчно голубое небо.

Мы уже замѣтили, что употребленіе наркотическихъ веществъ усиливается, чѣмъ дальше углубляться на востокъ. Въ Персіи весьма распространѣнъ бенгъ, препаратъ, приготовляемый изъ листьевъ воздѣлываемой дервишами *canabis indica*; опій же или тиріакъ употребляется въ видѣ маленькихъ пилюль почти каждымъ, принадлежащимъ къ высшему сословію. «Даже въ томъ случаѣ, рассказываетъ Полакъ, когда персъ употребляетъ опій въ теченіи 40 или 50 лѣтъ, онъ рѣдко увеличиваетъ его количество, которое среднимъ числомъ доходитъ до двухъ граммовъ въ день, такъ что одно лицо поглощаетъ въ мѣсяцъ отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ мискалей (60—90 граммовъ). Въ сырыхъ низменностяхъ около Каспійскаго моря ежедневная доза увеличивается вдвое, доходя до 3—4 граммовъ. При такомъ правильномъ употребленіи, опій, если даже медленно увеличивать приемы его, не оказываетъ вреднаго дѣйствія на организмъ; онъ не нарушаетъ ни умственныхъ, ни тѣлесныхъ отправленій, за исключеніемъ лишь частыхъ запоровъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, поносовъ; по отношенію къ половымъ функціямъ опій безразличенъ. На 40-мъ году, а около каспійскаго моря на 35-мъ году, употребленіе опія менѣе вредно, чѣмъ въ болѣе раннемъ возрастѣ; персы увѣряютъ даже, что съ 50-го года необходимо принимать опій для поддержанія силъ и бодрости и достиженія глубокой старости. Я дѣйствительно зналъ стариковъ въ возрастахъ отъ 60 до 90 лѣтъ, которые принимали опій ежедневно въ теченіи 50 лѣтъ». Малькольмъ рассказываетъ объ одномъ персидскомъ сановникѣ, съ которымъ онъ познакомился во время своего перваго пребыванія въ Персіи и который удивилъ его громадною поглощаемыхъ имъ дозъ тиріака. Малькольмъ предостерегалъ его отъ дѣйствія страшнаго яда и увѣрялъ его, что этотъ ядъ преждевременно сведетъ его въ могилу. Черезъ 12 лѣтъ Малькольмъ снова встрѣтился съ тѣмъ же персомъ, который имѣлъ здоровый и бодрый видъ и издали кричалъ ему: «He Sahib! я удвоилъ свою порцію и, какъ видишь, сию неврединъ на сѣдлѣ, вмѣсто того, чтобы лежать въ могилѣ». Что касается черса, то онъ замѣтно отличается по своему дѣйствію отъ тиріака. Черсъ употребляется главнымъ образомъ, какъ опьяняющее вещество, въ видѣ дыма, вбираемаго посредствомъ трубки. Полакъ утверждаетъ, что при соблюденіи надлежащей мѣры, куреніе черса ни въ какомъ случаѣ не дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ, но напротивъ, возбуждаетъ фантазію, располагаетъ къ веселости и сообщаетъ духу нѣкоторый полетъ. Мои наблюденія вполне согласны съ мнѣніемъ Полака; я зналъ нѣкоторыхъ персовъ изъ интеллигентной среды, которые посредствомъ черса

возбуждали свою фантазію до изумительной степени. Говорят также, что черсъ обладает чудеснымъ свойствомъ дѣлать людей храбрыми. Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, укажемъ на общераспространенное убѣжденіе, что этотъ препаратъ былъ причиною той предательской выходки, жертвою которой былъ англійскій полковникъ Макнотенъ, убитый во время переговоровъ съ Экберъ-Ханомъ, и которая привела въ Афганистанъ къ страшной для англичанъ катастрофѣ. Не безъ основанія приписываютъ также частому употребленію этого яда обычные въ Иранѣ государственные и религіозные перевороты, такъ какъ у однихъ состояніе экстаза, порождаемое этимъ ядомъ, возбуждаетъ фантазію до высшей степени, между тѣмъ какъ другіе, находясь въ томъ же состояніи, дѣлаются слѣпными орудіями коноводовъ. Подобными мотивами объясняются дѣйствія страшной нѣкогда секты ассасиновъ (отъ арабскаго слова *гашашинъ*, потребитель гашиша), а также коммунистической секты бабидовъ. Курильщикъ опія, если только его нервная система не по давлена невоздержностью, всегда отличается отъ нормальнаго восточнаго человѣка общимъ возбужденнымъ состояніемъ; его глаза сверкаютъ огненнымъ блескомъ, его рѣчь и движенія быстры и онъ отличается до извѣстнаго, конечно, возраста, силою воли и энергіей. Опытъ, однако, показываетъ, что случаи умѣреннаго даже употребленія этого опаснаго возбудителя нервной дѣятельности, послѣ 40 лѣтняго возраста, составляютъ рѣдкость, и тѣмъ не менѣе въ средней Азіи изъ десяти курильщикова опія восемь непремѣнно дѣлались жалкими жертвами этой страсти. Тамъ, гдѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ считается за смертный грѣхъ, курильщики опія встрѣчаются въ большомъ числѣ. Особенно вблизи монастырей дервишей, а съ ужасомъ видѣлъ, какъ здоровые и сильные люди, вслѣдствіе употребленія этого яда, въ концѣ разстроивали свой организмъ. Смерть рѣдко бываетъ послѣдствіемъ этого порока. Жертва его, имѣющая обыкновенно видъ скелета и утратившая всякій смыслъ, доживаетъ большею частью до глубокой старости и даже рѣже подвергается болѣзнямъ, чѣмъ другіе люди; но какъ печально, однако, существованіе этихъ ходячихъ труповъ и какъ ужасны слѣдствія употребленія опія въ сравненіи съ спиртными напитками!

VIII.

Баня и омовенія.

Предписанія пророка, касающіяся бань и омовеній, мало уступаютъ въ строгости браминскимъ законамъ о соблюденіи опрятности. Слѣдуетъ ли подъ словомъ: «Tetahheru» (очиститесь) понимать только чистоту тѣла, а не духа, или же первая заключаетъ въ себѣ намекъ и на послѣднюю,—предоставимъ рѣшать этотъ вопросъ хитроумнымъ толкователямъ корана, здѣсь же достаточно лишь замѣтить, что именно это слово было причиною того, что у всѣхъ магометанъ Азіи баня сдѣлалась учрежденіемъ, которое, удовлетворяя самой существенной жизненной потребности, носить въ то же время религіозный характеръ. Въ настоящее время на всемъ мусульманскимъ востокѣ ходить въ баню значитъ не только исполнять божеское велѣніе, не только совершать актъ очищенія, но и доставлять себѣ удовольствіе, которое у всѣхъ обратилось въ страсть. Всякій, кто совершилъ утомительное путешествіе, выполнилъ трудную работу кто желаетъ оправиться отъ испуга или отъ половыхъ излишествъ,—непремѣнно отправляется въ баню. Богатые и бѣдные, юноши и старцы платятъ дань этому установленію. У насъ даютъ «трингельдъ», у русскихъ—«на водку», у китайцевъ—«на чай», а на востокѣ—«на баню». Если восточный человѣкъ желаетъ выставить преимущества какого либо города, то онъ начинаетъ описывать его бани; если же онъ имѣетъ въ виду его недостатки, то указываетъ на грязь и неопрятное содержаніе бань. Для увѣковѣченія своего имени сооружаются мечети, караванъ-сарай и коллегіи, но та же цѣль, и быть можетъ еще вѣрнѣе, достигается постройкою просторной и обильно снаб-

женной водою бани. Каковы бы ни были намеренія пророка, несомненно, что, съ гигиенической точки зрѣнія, онъ былъ благодѣтелемъ для своего народа, потому что на востокѣ, гдѣ жаркій климатъ преобладаетъ, частое хожденіе въ баню предотвращаетъ множество болѣзней.

На всемъ громадномъ протяженіи мусульманскаго міра Константинополь есть безспорно то мѣсто, гдѣ восточныя понятія о комфортаѣ давно уже облагорожены были западнымъ искусствомъ, и потому-то константинопольскія бани—самыя красивыя по наружному виду и самыя богатныя и изящныя по внутренней отдѣлкѣ. Близость богатныхъ храмовъ острововъ Средиземнаго моря значительно способствовала усовершенствованію бань въ этомъ отечествѣ византійско-римской архитектуры. Этому же не мало содѣйствовало обиліе громадныхъ водопроводовъ. Послѣ того какъ полулуіе въ Византіи, гдѣ бани и омовенія получили такую важность, вытѣснило крестъ, бани сдѣлались тамъ главнымъ средоточіемъ всѣхъ драгоценностей, которыя похищались изъ Европы турками во время ихъ набѣговъ. По истинѣ странная смѣсь понятій о чистотѣ является предо мною, когда я начинаю вспоминать о тѣхъ баняхъ, которыя я посѣщалъ въ различныхъ мусульманскихъ странахъ. Обыкновенно я представляю себѣ при этомъ османлиса (преимущественно изъ класса эфенди), когда онъ шествуетъ съ серьезнымъ видомъ и важною поступью, сопровождаемый слугою, который несетъ за нимъ изрядный узелъ бѣлья. Едва успѣла отвориться дверь бани, какъ уже на встрѣчу гостю почтительно сѣмъ хозяйинъ и цѣлая толпа слугъ. На самой высокой баллюстрадѣ въ куполообразномъ предбанникѣ гостя ожидаетъ мягкій диванъ. Всѣ руки принимаются раздѣвать его; эфенди же, одѣвъ деревянныя башмаки и прикрывъ чресла, голый выступаетъ впередъ съ такою гордостью, какъ будто онъ украшенъ былъ орденами и находился на парадѣ. За нимъ слѣдуетъ голый слуга съ чубукомъ и чашкой. Хотя отъ предбанника до первой теплой комнаты лишь нѣсколько шаговъ, однако въ ней отдыхаютъ, курятъ трубку и пьютъ кофе. Затѣмъ слуга, неся чубукъ, удаляется и къ именитому гостю застѣнчиво приближается нѣсколько деллаковъ (банщиковъ), стыдливо опустившихъ взоры. Хорошій тонъ требуетъ, чтобы это были сыны Кавказа и обладали бы красивыми формами и мясистыми членами. Ихъ жесты, подмигиванія, кивки, все это должно соответствовать существующимъ на этотъ счетъ предписаніямъ. По знаку эфенди, банщики (усатыхъ юношей не принимаютъ на эту должность) начинаютъ медленно растирать члены. Отъ слабого растиранія членовъ пере-

*

ходить къ болѣе сильному, а затѣмъ къ разминанію. Трудно передать при этомъ то подмигиваніе, посредствомъ котораго властелинъ выражаетъ свое одобреніе сынамъ Грузіи и Кавказа, мнущимъ его тѣло какъ какое нибудь тѣсто.

Изъ теплой комнаты совершенно истощенный гость переходитъ въ жаркое отдѣленіе, которое обставлено съ замѣчательною предусмотрительностью и представляетъ собою настоящее святилище турецкаго гамаше (бани). Лучи солнца, проникающіе сверху чрезъ зеленныя стекла купола, освѣщаютъ странную картину. Здѣсь малѣйшее движеніе отдается громкимъ эхо, и звонъ тонкихъ чашъ, изъ которыхъ окачиваются водою, черпаемой изъ бассейновъ, обложенныхъ раковинами, характеристическое шипѣніе мыльной пѣны, стонъ и визгъ гостей, иногда звуки веселой пѣсни, все это производитъ поражающее впечатлѣніе. Многіе, благодаря куполу обманываются на счетъ силы своего голоса и предаются кратковременной иллюзіи относительно его красоты и объема. Поэтому о хвастливомъ человѣкѣ турецкая поговорка говоритъ: «Онъ, видно, пробовалъ свой голосъ въ гамашѣ». Среди этой комнаты, какъ разъ подъ куполомъ, находится террасовидное возвышеніе фута въ два вышины, называемое «гобекъ-таши». Здѣсь собираются любители бани, которые ведутъ между собою оживленную бесѣду при 40° Р., курятъ табакъ, пьютъ кофе, иногда играютъ въ карты, шахматы и трикъ-тракъ. Еслибы эти гобекъ-таши могли говорить, они многое рассказали бы о посѣтительницахъ бань, о молодыхъ ганимъ (турецкихъ дамахъ), прелестныхъ черкешенкахъ и услужливыхъ дочеряхъ Абиссиніи. Я зналъ въ Турціи женщинъ, которыя просиживали на гобекъ-таши по 6 часовъ, истрачивали за разъ 4 куска мыла на свои волосы и, хотя ихъ тѣло послѣ бани походило на сильно разваренное куриное мясо, онѣ тѣмъ не менѣе предавались этому удовольствію три, четыре раза въ недѣлю. И это нисколько не удивительно. Баня, особенно въ зимнее время, есть главное rendez vous для турецкихъ дамъ; она замѣняетъ имъ оперу и концертъ. Здѣсь, чувствуя себя свободными отъ взоровъ мужчинъ и своихъ супруговъ, онѣ безпрепятственно предаются забавамъ и играмъ. Служащій персоналъ жирными подачками приглашается къ молчанію. И онъ молчитъ; но было бы весьма любопытно выслушать у гобекъ-таши въ Константинополѣ все, чего онъ былъ свидѣтелемъ.

Кто желаетъ слѣдовать древне-восточному этикету, тотъ предпочитаетъ общія бани отдѣльнымъ небольшимъ комнатамъ, входъ въ ко-

торыя закрыть занавѣской, испещренной красными и синими полосами; въ эти комнаты не входятъ банщики, но только собственная прислуга посѣтителя. Благовоспитанный человѣкъ вообще долженъ стараться вести себя какъ можно тише, не расплескивать воду и воздерживаться отъ стоновъ и бряхтеній; особыми правилами опредѣлено въ точности, сколько слѣдуетъ употребить чашекъ воды на омовеніе той или другой части тѣла, какую изъ нихъ обмыть сперва и какую потомъ. Съ другой стороны мода предписываетъ обращать вниманіе на форму и качество бѣлья, равно какъ и на достоинство мыла. Выходъ изъ внутреннихъ комнатъ бани также сопровождается церемоніями. Въ каждомъ отдѣленіи посѣтитель одѣтъ иначе, и прежде чѣмъ онъ попадетъ въ предбанникъ, гдѣ осталось его платье, онъ принужденъ облекаться въ самые странные костюмы. Процессъ осушенія тѣла, предложеніе шербета, кофе и другихъ освѣжительныхъ напитковъ, пожеланія здоровья со стороны прислуги, смотрѣніе въ зеркало и т. д., все, что утомляетъ европейца, для восточнаго человѣка, при его терпѣніи, нисколько не удивительно, потому что все это, по его понятіямъ, неразрывно связано съ баней. Въ далекихъ частяхъ Азіи, баня, *lucus a non lucendo*, есть скорѣе мѣсто для загрязненія, чѣмъ для омовенія тѣла. Чѣмъ дальше удаляться на востокъ отъ Константинополя, тѣмъ первобытнѣе гамачъ, и даже въ Персіи, въ древнемъ Иранѣ, баня всего менѣе искушаетъ европейца. Въ азіатской Турціи Эрзерумъ, Харпуть, Мосуль, Кайзерія, особенно же, Дамаскъ славятся своими банями. Последній городъ, носящій эпитетъ «благовоннаго», замѣчателенъ въ отношеніи изобилія воды. Каждый домовладѣлецъ можетъ тамъ построить баню, однако, хотя нѣкоторые главнѣйшіе гамачи Дамаска сооружены въ глубокой древности, тѣмъ не менѣе, они далеко уступаютъ константинопольскимъ банямъ по постройкѣ матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, и т. д.

Совершенную пародію на баню представляетъ баня въ Иранѣ, въ этой странѣ древне-азіатской цивилизаціи, въ странѣ, воображающей, что въ ней господствуютъ самые утонченные нравы, что весь остальной міръ погрязъ въ глубокомъ невѣжествѣ, у народа, наконецъ, который полагаетъ, что малѣйшее прикосновеніе къ иновѣрцу грязнитъ его и что слѣды этого прикосновенія могутъ быть смыты только баней. Когда я въ первый разъ въ Персіи посѣтилъ подобное заведеніе, то уже внѣшность этого зданія, около котораго громоздились кучи лошадинаго навоза, употребляемаго здѣсь какъ топливо, возбудилъ во мнѣ омерзеваніе.

Но оно достигло еще большей силы, когда, миновавъ предбанникъ, на стѣнахъ котораго изображены были боевыя сцены изъ эпоса Фирдуси, я вступилъ во внутреннее помѣщеніе бани, имѣвшее видъ погреба. Здѣсь, такъ сказать, изъ всѣхъ угловъ смотрѣла грязь на ряду съ видимою роскошью. Для раздѣванія нѣтъ отдѣльныхъ помѣщеній, и банное бѣлье далеко не отличается такой чистотой, какъ въ Турціи; вообще невозможно, посѣтивъ персидскую баню, не унести съ собою домой нѣсколько *живыхъ* воспоминаній. Уже въ первой комнатѣ посѣтителя обдаетъ весьма непріятнымъ острымъ запахомъ одного растительнаго красильнаго вещества (*Lawsonia inermis*) и разныхъ маселъ; но въ другой комнатѣ, назначаемой собственно для мытья, этотъ запахъ положительно невыносимъ. Желающіе вымыться погружаются въ четырехугольный находящійся здѣсь бассейнъ. Вместимость этого бассейна незначительна, вода въ немъ мѣняется разъ въ день, и когда я видѣлъ, какъ въ этой душѣ купалось отъ 8 до 10 персовъ, стиравшихъ другъ у друга отъ взаимнаго прикосновенія верхній слой кожи, то мнѣ стало понятно отвращеніе турокъ къ ихъ восточнымъ сосѣдямъ. Въ турецкихъ баняхъ для туалета назначается жаркое отдѣленіе бани, у персовъ — же особая прохладная комната, такъ какъ при высокой температурѣ не совсѣмъ пріятна была бы производимая деллаками двухъ-часовая операція окрашиванія вышеупомянутымъ растеніемъ въ темно-красный цвѣтъ волосъ на головѣ, бородѣ, подошвѣ ногъ, ладоней и ногтей. Окрашиваніе этимъ растеніемъ — непонятная страсть персовъ, отъ которыхъ она перешла и къ афганцамъ. Этимъ растеніемъ окрашиваются не только взрослые и пожилые мужчины и женщины, но также и новорожденные дѣти. Бѣлыя лошади, выкрашенные этой краской, дѣлаются рыжими, у царскихъ же лошадей окрашивается только хвостъ. *Lawsonia inermis* употребляется для безчисленнаго множества цѣлей и можетъ окрашивать въ различные цвѣта, отъ совершенно темнаго до красно-кирпичнаго. Если первый цвѣтъ служить средствомъ замаскировать старость, то это понятно; но что находить красиваго персѣ, гордящійся своимъ тонкимъ вкусомъ, въ окрашиваніи черной бороды въ красно-кирпичный цвѣтъ, это непостижимо, какъ еще болѣе непостижимо то понятіе о чистотѣ, въ силу котораго каждый окрашиваетъ упомянутой краской свои руки съ цѣлью сдѣлать невидимую приставшую къ нимъ грязь.

Если мужчины проводятъ въ банѣ за своимъ туалетомъ два часа, то

не удивительно, что женщины употребляют для этой цѣли отъ 4 до 6 часовъ; но пусть, однако, западный читатель не воображаетъ, что персидская дама въ этомъ святилищѣ древняго востока выходитъ изъ бани во всемъ блескѣ своихъ нарядовъ и украшеній. Вообще, персіянки отвѣчаютъ нашимъ понятіямъ о женской красотѣ; но слѣдуетъ, однако, замѣтить, что онѣ сильно обезображиваютъ себя своимъ туалетомъ, въ которомъ красивый порошокъ играетъ главную роль. Едва ли европейскій глазъ найдетъ что либо восхитительнаго въ родинкѣ, будетъ ли она естественной или искусственной, но восточные поэты такъ высоко цѣнятъ и прославляютъ ее, что Гафизъ желалъ даже пожертвовать за двѣ родинки двумя наиболѣе замѣчательными городами Средней Азіи. Персидскія женщины, съ помощью какого то ѣдкаго камня, дѣлаютъ маленькія родинки на щекахъ, шеѣ и на груди; дамы полусвѣта распространяютъ эти родинки до весьма смѣлыхъ картинъ. Въ Испагани особенно отличилась въ этомъ отношеніи одна эманципированная дочь Ирана. Несмотря на великую заботливость о туалетѣ, персидскія дамы въ отношеніи опрятности значительно уступаютъ турецкимъ. Мыло употребляется здѣсь только людьми богатыми и зажиточными, народъ прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ, какъ въ суррогату, къ одной породѣ глины, иногда надушенной, но обыкновенно лишенной всякихъ примѣсей. Предметомъ особыхъ попеченій служатъ волосы, которые, вмѣсто очищенія, покрываются толстымъ слоемъ черной краски. Для того, чтобы устранить необходимость каждодневно расчесывать и приглаживать волосы, многіе примѣшиваютъ къ этой краскѣ особое липкое вещество, и можно себя представить, какъ должна благоухать голова такой красавицы въ жаркое время. — Также, какъ различаются персидскія бани отъ турецкихъ по наружному виду, внутреннему устройству и порядкамъ, принятымъ въ тѣхъ и другихъ баняхъ, точно также и время посѣщенія бани различно въ обѣихъ странахъ. Въ Турціи, въ противоположность Персіи, утромъ ходятъ въ баню только бѣдные люди и низшіе чиновники. Въ Персіи же иностранца по утрамъ безпрестанно поражаетъ монотонный звукъ трубы; — это сигналъ правовѣрнымъ, что въ баняхъ бассейны наполнены теплою водою. Тѣмъ же способомъ, каковымъ въ Европѣ по утрамъ вызываютъ стада изъ стойлъ на поля, въ Персіи обращаютъ вниманіе на призывъ пророка: «tetahherul» Давно уже раздаются эти ежедневные звуки трубы, но и персы донинѣ еще не поняли въ истинной смыслъ слова пророка.

Въ болѣе восточныхъ пріютахъ магометанской цивилизаціи, у афган-

цевъ, жителей Туркестана, туркменовъ и киргизовъ бани представляютъ собою учрежденія не послѣдней важности, по скольку эти народности обнаруживаютъ притязаніе на образованіе, т. е. на религіозность. Бани въ Хивѣ, Бухарѣ и въ Гератѣ стоятъ относительно архитектуры и внутренняго устройства на одинаково низкой ступени и производятъ впечатлѣніе убожества. Въ столицѣ узбековъ, равно какъ и на берегу Заряфшана, бани устроены большею частью подъ землей. Посѣтителю, спустившись внизъ по лѣстницѣ, попадаетъ въ *демиз* (предбанникъ), гдѣ оставляется свернутая въ узелъ одежда, въ полной увѣренности что она сохранится въ цѣлости. Отсюда узкій корридоръ ведетъ въ настоящій *гамашъ* или, — какъ говорятъ узбеки, — въ *изимикъ*, гдѣ мощныя татарскія руки подхватываютъ гостя и начинаютъ разминать, и расправлять его члены. Иногда мнѣ приходилось видѣть, какъ на одного гостя обрушивалось двое такихъ сторавшихъ отъ усердія индивидовъ; вообще въ Азій *shamprobing*, какъ говорятъ англичане, нигдѣ не практикуется въ такой суровой формѣ, какъ въ названныхъ странахъ. Послѣ этой операціи и приступаютъ собственно къ омовенію при посредствѣ круглаго резервуара съ куполовидной крышей, по срединѣ которой находится огромный котелъ, наполненный водою и снабженный кранами, такъ что моющійся можетъ самъ, по своему желанію, окатываться теплою водою. Каждый кранъ отдѣленъ перегородкой, такъ какъ, по мусульманскимъ понятіямъ, водяныя брызги оскверняютъ рядомъ стоящаго сосѣда. Въ Турціи и въ Персіи краны серебрянныя или латунныя съ различными украшеніями, у узбековъ же они — деревянныя. Въ узбекскихъ баняхъ вообще нѣтъ и признаковъ роскоши; плата за баню тамъ также сравнительно ничтожна, а иногда даже, — чего не бываетъ въ Западной Азій, — гостей пускаютъ въ баню бесплатно, чтобы удержать правовѣрныхъ отъ тяжкаго грѣха, особенно зимой, когда они не могутъ совершать религіозныхъ омовеній въ открытой рѣкѣ.

Въ высшей степени своеобразенъ способъ исполненія этой религіозной обязанности нѣкоторыми кочующими племенами Туркестана, способъ, къ которому прибѣгаютъ потому, что въ извѣстныхъ случаяхъ необходимо совершать полныя омовенія съ ногъ до головы, чтобы не прослыть богоотступникомъ. Въ степяхъ у Гѣргена, около Мерви, на сѣверѣ Янсарта и Окса и вообще вездѣ, гдѣ останавливаются номады, часто можно видѣть по утру, предъ какойнибудь палаткой, матрону, которая стоитъ голая, прикрывъ свою спину холстомъ. Позади этой ма-

троны находится ея супругъ, который выливаетъ на голое тѣло своей дрожайшей половины нѣсколько ведеръ холодной воды. Иногда, когда нашъ караванъ ѣхалъ по степи, гдѣ не было воды, то, проѣзжая мимо какой нибудь палатки, мы видѣли тамъ сидѣвшаго на корточкахъ правовѣрнаго номада, котораго слуга обсыпалъ пескомъ. По истинѣ, не совсѣмъ пріятная операція! Но это — подобіе бани, точно также, какъ существуютъ извѣстные подражанія омовеніямъ (тейемунъ), къ которымъ яи самъ долженъ былъ прибѣгать, когда въ степи не было воды даже для питья, не говоря уже объ омовеніяхъ, предписанныхъ закономъ. Если лагерь раскинуть на берегу какой нибудь рѣки, и присутствіе муллы требуетъ строгаго исполненія закона, то даже и молодыя женщины рано поутру купаются въ открытой рѣкѣ, не стѣсняясь постороннихъ и знакомыхъ мужчинъ. Номадамъ еще совершенно неизвѣстны мусульманскія понятія о цѣломудріи, но имъ и неизвѣстны также связанные съ этими понятіями пороки.

Послѣ бань первое мѣсто занимаютъ омовенія, предписанныя религіей всему мусульманскому міру. Видѣть, какъ цѣлый народъ, исполняя какую нибудь мелочь своего туалета, убѣжденъ, что онъ творитъ божеское дѣло, самый фактъ, что существуютъ книги, цѣлые томы, гдѣ съ истинно восточной пунктуальностью и педантизмомъ обсуждаются самые мелочные пункты въ этихъ предписаніяхъ, — это во всякомъ случаѣ замѣчательное явленіе, и европеецъ не въ состояніи удержаться отъ изумленія всякій разъ, когда онъ видитъ какого нибудь правовѣрнаго, который, держа въ рукѣ кувшинъ, съ видомъ благочестиваго сокрушенія и обративъ взоры къ небу, омываетъ лицо, руки и ноги. «Чистыми должны вы приближаться къ престолу бога» говоритъ законъ, но при этомъ разумѣется не чистота души, а тѣла, и потому предъ каждой молитвой предписывается совершить пять весьма обстоятельныхъ омовеній (абдестъ или тагаретъ) со всѣми мельчайшими подробностями, означенными въ законѣ. Въ теченіи всего процесса, нельзя ни разговаривать громко, ни думать о чемъ либо, какъ только о Богѣ и его святости.

Очищенный такимъ образомъ, мусульманинъ можетъ получить аудіенцію у Аллаха; когда же онъ разложитъ по направленію къ Меккѣ свой молитвенный коверъ и соберется съ мыслями, то можетъ начаться намазъ. При этомъ руки поднимаются кверху и касаются обѣихъ сторонъ головы такъ, что большіе пальцы приходятся за ушами. Посредствомъ этихъ ослиныхъ ушей мусульманинъ желаетъ отвлечь свои мы-

сли отъ вѣшнихъ предметовъ и сосредоточиться на молитвѣ. Но такое подниманіе рукъ совершается только мужчинами; женщины же, въ полномъ развитіи чувствъ которыхъ каноническій законъ склоненъ сомнѣваться, поднимаютъ руки не до висковъ, а лишь до плечъ. Когда молящійся подниметъ вышеописаннымъ образомъ руки, онъ вытягиваетъ впередъ шею, скрещиваетъ руки и кладетъ низкій поклонъ, описывая туловищемъ прямой уголъ; затѣмъ онъ снова выпрямляется, чтобы тотчасъ же пасть ницъ такъ, чтобы съ поломъ прикоснулись лобъ, носъ и колѣна; это называется *sedide*. Такое движеніе повторяется еще разъ и тогда, значить, совершенно полное *рикаа* (паденіе на колѣни). Послѣ послѣдняго рикаа — число ихъ различно во время каждой изъ пяти ежедневныхъ молитвъ — магометанинъ обыкновенно становится на колѣна и, опустивъ голову на грудь, съ видомъ глубокой покорности и благоговѣнія, остается безъ движенія въ теченіи многихъ минутъ. Такое положеніе, особенно подъ открытымъ небомъ и при солнечномъ восходѣ и закатѣ, представляетъ собою трогательное зрѣлище почтенія къ Богу, и ни у какого народа человѣкъ не предстаетъ предъ богомъ съ болѣе глубокимъ чувствомъ преданности и покорности. Въ часы молитвы мусульманинъ открываетъ предъ своимъ Творцомъ самыя горячія свои желанія, полагая, что онъ находится съ нимъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ, и этимъ я объяснялъ себѣ, что мои друзья и спутники, окончивъ молитву, поднимались съ выраженіемъ видимаго удовольствія на лицѣ и были такъ веселы, какъ будто съ души ихъ снято было тяжелое бремя. Относительно омовеній слѣдуетъ замѣтить, что законы о соблюденіи опрятности, играющіе такую важную роль повсюду на востокѣ, оказываютъ гораздо большее вліяніе на мусульманское общество, чѣмъ это обыкновенно принимаютъ поверхностные туристы. Не смотря на свою грязную и убогую одежду, ниспій классъ народа во многихъ мусульманско-азіатскихъ странахъ гораздо опрятнѣе живущихъ съ нимъ вмѣстѣ христіанъ и даже опрятнѣе, — такъ какъ бани и омовенія составляютъ у этого народа особый культъ, — чѣмъ соответствующій классъ въ Европѣ. Сообразно законамъ о соблюденіи опрятности, на востокѣ издавна обращается тщательное вниманіе на аппараты и сосуды для мытья. Чувство гуманности выразилось здѣсь не только въ основаніи мечетей, шеоль, больницъ, караванъ-сараевъ и построекъ мостовъ, но и въ устройствѣ бассейновъ и фонтановъ. Издавна обращается здѣсь вниманіе на практичность и изи-

щество формы кувшиновъ для воды и умывальныхъ тазовъ, которые въ прежнія времена часто дѣлались изъ золота и серебра, фигурировали въ качествѣ предметовъ роскоши и повели даже къ учрежденію особыхъ придворныхъ должностей. *Ибрикдаръ* (державшій кувшинъ), который во время торжественныхъ церемоній несъ кувшинъ позади султана, пользовался въ Турціи почетомъ, а въ средней Азіи на эту должность назначались даже принцы крови, которые имѣли въ этомъ случаѣ титулъ афтабеджи.

XI.

ШКОЛЫ.

Если ты, любезный читатель, гуляя по восточному городу, какъ бы ни былъ онъ незначителенъ, услышишь выходящій изъ какого нибудь дома гулъ дѣтскихъ голосовъ, къ которому по временамъ примѣшивается баритонъ чловѣка, какъ можно судить по слуху, пожилаго, то знай что ты находишься предъ магометанской школой нисшаго разряда, заслуживающей во всякомъ случаѣ посѣщенія. При твоёмъ входѣ шумъ едва-ли прекратится, хотя на тебя обратятся красивые и умные глаза мальчиковъ, сидящихъ на полу съ поджатыми ногами въ живописномъ беспорядкѣ, между тѣмъ какъ ходжа, чалма котораго сдвинулась назадъ, за усерднымъ исполненіемъ обязанностей мѣрно постукиваетъ чрезвычайно длинной палочкой. Палочка эта была длинна для того, что бы съ помощью ея можно было исправлять осязательнымъ образомъ ошибки даже тѣхъ учениковъ, которые сидѣли въ послѣднихъ рядахъ. Дѣти твердили наизусть Элифъ Бе (избуку) и видимо не знали, смотрѣть-ли имъ на громадные буквы, написанныя предъ ними, или слѣдить за движеніемъ губъ ходжи. Кажется имъ удавалось и то, и другое. Въ высшей степени сложный арабскій алфавитъ, гдѣ неумѣлость учителя превращаетъ жизнь въ смерть и охоту въ отвращеніе, выучивается въ сравнительно короткое время, и если, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, придется снова посѣтить ту же школу, то учениковъ застанешь уже за долбленіемъ тѣхъ изрѣченій корана, которыя считаются обязательными для пяти ежедневныхъ молитвъ. Дѣти эти — туранскаго или иранскаго происхожденія, которымъ чрезвы-

чайно трудно дается усвоение грубых семитических горловых звуковъ. Какъ ни коверкаютъ они губы и подбородокъ, но, волей или неволей, они должны побѣдить всѣ трудности. Магометъ не обращалъ вниманія на національность, и потому для него не существовали различія въ органахъ рѣчи; греки, албанцы, курды, персы, афганцы и турки принуждены приспособить свой языкъ къ языку жителя арабскихъ степей. Но занятія учениковъ не ограничиваются только механическимъ заучиваніемъ стиховъ Корана; рядомъ съ этими занятіями идутъ и занятія научнаго характера. Такъ, въ Турціи дѣтей еще въ нѣжномъ возрастѣ знакомятъ съ биргеви, а въ Персіи съ ильми-галь. И то, и другое суть что-то въ родѣ катихизиса, содержаніе котораго также мало доступно дѣтскому возрасту, какъ у насъ трудные богословскіе догматы, отчего и тамъ, какъ у насъ, обученіе религіи не достигаетъ своей цѣли. Если ребенка поучаютъ относительно установленныхъ кораномъ омовеній или другихъ какихъ либо предписаній религіи, то противъ этого никто ничего не можетъ возразить, но если этого же ребенка наставляютъ — какъ онъ долженъ поступать, согласно предписанію, при извѣстныхъ половыхъ отправленияхъ, то при этомъ еще болѣе грѣшатъ противъ нравственности, чѣмъ рассказывая дѣтамъ о легендахъ въ родѣ легенды о тамарѣ или о другой какой либо бессмыслицѣ, замаскированной ветхозавѣтной святостью. Но разъ установлено, что биргеви и ильми-галь суть начальныя основанія мусульманской науки, и они долго будутъ преподаваться въ начальныхъ школахъ.

Послѣ урока чтенія или, правильнѣе говоря, крика, дѣти вынимаютъ дшуду (письменные тетрадки), т. е. желтую или красную бумагу, покрытую лакомъ съ тою цѣлью, чтобы послѣ каждаго употребленія стирать написанное губкой и затѣмъ снова употреблять въ дѣло ту же бумагу. Между тѣмъ какъ европейскіе дѣти исребляютъ по нѣсколько дюжинъ тетрадей, житель Азіи можетъ выучиться письму на четырехъ листикахъ. Конечно и чернила его отличны отъ нашихъ, они не такъ жидки и легче стираются; перья, лучшіе сорта которыхъ получаютъ изъ Мазандерана, очиниваются широко и приспособляются къ другимъ письменнымъ принадлежностямъ. Относительно письменныхъ принадлежностей, существуетъ собраніе стихотворныхъ правилъ Абдуль-Гассана-Али, называемое «сынъ порты» и объясняющее юношеству, какъ чинить перья, готовить чернила и выбирать бумагу. «Ваши руки и ваши пальцы, говоритъ поэтъ, должны писать только о полезныхъ вещахъ, которыя вы оставите послѣ себя, когда покинете

эту страну разочарованій.» — Магометане придаютъ гораздо болѣе значенія чѣмъ мы искусству красиво писать; оно считается даже необходимымъ человѣку, имѣющему претензію на образованіе, и хотя арабская поговорка: «kulli chatatun dschahilun (все красиво-пишущіе дураки) не далеко ушла отъ нашей: «doctores male pingunt», однако на мусульманскомъ востокѣ изъ ста грамотныхъ едва ли найдется двое или трое съ худымъ почеркомъ; исковерканныхъ же буквъ, какъ у насъ тамъ не замѣчается. Насчитывается до 8 различныхъ родовъ шрифта, и каждая страна усваиваетъ особый шрифтъ. Странно только, что въ элементарныхъ школахъ учатъ писать книжнымъ (печатнымъ) шрифтомъ, а неспихи, т. е. письменному шрифту восточный человѣкъ выучивается лишь въ зрѣломъ возрастѣ.

При обученіи чтенію и письму мало обращается вниманія на родную рѣчь. Изучается одинъ только арабскій языкъ, орфографія котораго основана на грамматическихъ правилахъ; о правильномъ же письмѣ на отечественномъ языкѣ почти никто не заботится, и этимъ объясняется что самые знаменитые изъ образованныхъ турокъ не умѣютъ правильно писать по турецки. Въ глазахъ правовѣрнаго письмо есть только средство для распространенія божественной книги и толкованій на нее, польза же письма въ житейскомъ отношеніи считается побочнымъ дѣломъ. Поэтому искусство письма носитъ характеръ чего то священнаго и въ прежнія времена ко всему написанному и къ письменнымъ принадлежностямъ относились съ такимъ благоговѣніемъ, что шейху Абдель-Кадеру-Гиляни ставилось въ какую то заслугу, что онъ отправлялся на базаръ, гдѣ продавалась бумага, лишь послѣ очистительныхъ религіозныхъ омовеній. Еще и въ настоящее время весь востокъ считаетъ бумагу священной, такъ какъ на ней написано слово божье. Были сultаны и другіе магометанскіе цари, которые сами переписывали для себя коранъ, а одинъ знаменитый евнухъ Мурада IV придавалъ большой вѣсъ тому обстоятельству, что, не смотря на свое громадное состояніе, онъ жилъ только перепискою корана.

Поступленіе въ школу связано съ извѣстными церемоніями, при чемъ мальчикъ, сопровождаемый своими будущими школьными товарищами и одѣтый въ праздничную одежду, разукрашенную шальями, несетъ въ шелковомъ футлярѣ тетрадь и вводится въ классъ толпою ликующихъ мальчиковъ, поющихъ гимны. Точно также хатемъ, т. е. праздникъ, слѣдующій за первымъ окончаніемъ изученія корана, признается чрезвычайно важнымъ; онъ сопровождается различными религіозными торжест-

вами и имѣть характеръ семейнаго событія. Хатѣмъ празднуется даже бѣднѣйшими людьми, у богатыхъ же по поводу его устраиваются пиры. Въ собравшееся общество является учитель вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ, по срединѣ комнаты ставится новый учебный столъ съ двумя створками, называемый рахла, и за этотъ столъ садится наставникъ съ ученикомъ. Тотъ, кто бываетъ при этомъ свидѣтелемъ радости отца и родственниковъ, переходящей въ восхищеніе по мѣрѣ того, какъ юный адептъ корана продолжаетъ гнусливымъ голосомъ изреченія пророка, кто видитъ, какъ черезъ силу выговариваемые грубые арабскіе горловые звуки исторгаютъ слезы у всего собранія, тотъ едва ли повѣритъ, что юный ритористъ излагаетъ текстъ, котораго не понимаютъ ни онъ самъ, ни его слушатели. Человѣкъ неопытный подумаетъ при этомъ, что мальчикъ являетъ блестящія доказательства своихъ умственныхъ способностей въ дѣлѣ изученія корана. Когда юный магометанинъ нѣсколько подвинется въ своихъ познаніяхъ, особенно когда онъ освоится съ элементарными правилами арабской грамматики, то онъ знакомится, хотя и крайне медленно, съ самимъ языкомъ и стремится къ той завѣтной премудрости, которая считается единственнымъ истиннымъ всякаго знанія, именно къ объясненію корана и *фикиха* (религіозныхъ законовъ). Ничего не можетъ быть нелѣпѣе методы усвоенія языка. Магометанинъ изучаетъ арабскую грамматику съ самыми мелочными подробностями, имѣющими чисто теоретическое значеніе. Методъ изученія языка, не подвергавшійся никакимъ исправленіямъ въ теченіи сотенъ лѣтъ, одинъ и тотъ же во всѣхъ мусульманскихъ странахъ. Ученикъ начинаетъ изучать эмзеле, затѣмъ бену, предварительный синтаксисъ, потомъ илаль, максудъ, мантикъ и т. д., пока, наконецъ, все это грамматическое зданіе не увѣнчается ученіемъ о просодіи.

Изъ свѣтскихъ наукъ изучаются: счетъ въ самомъ элементарномъ объемѣ и основанныя на коранѣ геогонія и космогонія. Къ чему мучить юношу завоеваніями европейскіхъ наукъ, которыя въ сущности такъ скучны. Здѣсь, гдѣ учителю приходится излагать поэтическія фантазіи о «семи» земляхъ и «семи» небесахъ, считается достаточнымъ, если ученикъ имѣетъ понятіе о размѣрахъ этихъ міровъ. Ему объясняютъ, что одна земля отдѣлена отъ другой на 500 лѣтъ пути, что таково же разстояніе между небесами, изъ которыхъ первое состоитъ изъ смарагда, второе изъ ослѣпительно бѣлаго серебра, третье изъ большого бѣлаго жемчуга, четвертое изъ рубиновъ, пятое изъ золота, шестое изъ желтаго гіацинта и, наконецъ, седьмое, изъ свѣтовыхъ лучей. Эта изумительная

космологія знаетъ также, что земля опоясана океаномъ, а на немъ стоитъ гора куги-кафъ, съ вершины которой можно обозрѣвать «безконечное ничто.» Далѣе она утверждаетъ, что человѣкъ долженъ провести 500 лѣтъ въ странствіяхъ по всей землѣ, т. е.: 200 лѣтъ на водѣ, 200 лѣтъ въ голой степи, 80 лѣтъ въ странѣ великановъ и только 20 лѣтъ въ извѣстныхъ странахъ. Голубой цвѣтъ неба, по мнѣнію нѣкоторыхъ магометанскихъ космологовъ, происходитъ отъ зеленого хризолита горы куги-кафъ, которая вовсе не окружена абсолютно пустымъ пространствомъ, какъ это предполагаютъ другіе космологи, но служить границей различныхъ странъ, населенныхъ ангелами и состоящихъ — одна изъ золота, 70 другихъ — изъ серебра и 7 — изъ мускуса. Повозрѣніямъ магометанъ, кромѣ нашей земли, въ неизмѣримой глубинѣ міроваго пространства существуетъ еще шесть другихъ. Земля № 2 населена вѣтрами, на № 3 и 4 обрѣтаются только камни и сѣра, на 5-мъ живутъ змѣи, на 6-мъ — скорпіоны величиною съ муловъ и съ хвостами такими же длинными, какъ копья, и, наконецъ, № 7 есть резиденція страшнаго шайтана (сатаны) съ его злобыми сотоварищами.

Отысканіе исходной точки для мірозданія повергаетъ въ великое замѣшательство эту фантастическую космологію, которая и въ этомъ случаѣ предается пустымъ бреднямъ. По ея представленію, Богъ, сотворивъ 7 земель, замѣтилъ, что ихъ основа не совсѣмъ надежна и потому призвалъ ангела, спина котораго и должна была служить требуемой опорой. Но возникъ новый вопросъ: на что будутъ опираться ноги ангела? Въ виду этого, создана была изъ рубиновъ скала, имѣвшая 7,000 отверстій, а изъ cadaго отверстія вытекало море. Но этимъ все-таки не устранялись затрудненія относительно отысканія исходной точки. Для поддержанія скалы сотворенъ былъ колоссальный быкъ, имѣвшій 4,000 глазъ, столько же ушей, носовъ, ртовъ, языковъ и ногъ, при чемъ одна нога удалена отъ другой на разстояніе, которое можно измѣрить только въ 500 лѣтъ. Этотъ быкъ дышетъ два раза въ день, отсюда — явленіе прилива и отлива, и такъ какъ, въ концѣ концовъ, и этому звѣрьку надо было на что нибудь опереться, то Господь сотворилъ въ помощь ему рыбу съ такими громадными ноздрами, что всѣ моря, помѣщенные въ нихъ, казались каплей и т. д. Впрочемъ, мы не хотимъ сказать, чтобы добрые персы, турки и арабы не имѣли понятія о другой географіи. Успѣхи этой науки на западѣ не остались неизвѣстны востоку, и отъ Гадши-Хальфы до новѣйшаго времени не было недостатка въ доказательствахъ серьезнаго изученія географіи въ тѣхъ странахъ, которымъ мы обязаны

знакомствомъ съ древней Азіей. Въ современной турецкой литературѣ встрѣчаются хорошія компіляціи новѣйшихъ географическихъ учебниковъ, хотя по нимъ рѣдко учатъ дѣтей. Даже въ отдаленномъ Ширазѣ мнѣ пришлось слышать въ одномъ частномъ домѣ преподаваніе географіи по европейскому учебнику, при чемъ, однако, названія и имена не мало смѣшили меня. Учитель напр. рассказывалъ объ Остеръ-Ляшіи, какъ о какой-то части свѣта, о странахъ Гуенѣ, Нифгаландѣ, Нивеперетинѣ и т. д. Впослѣдствіи, когда я сталъ доискиваться смысла въ этихъ названіяхъ, я нашелъ, что персидскій географъ искажалъ ихъ отчасти своимъ выговоромъ, отчасти же потому, что онъ переписалъ ихъ изъ одного англійскаго учебника; Остеръ-Ляшіа означало — Австралія, Гуйена — Гвинея, Нифааландъ — Новая Голландія, Нивеперетинъ — Новая Британія.

Такимъ же духомъ проникнуто и преподаваніе, которое вводитъ юношество въ святилище Клію. Какъ у насъ въ средніе вѣка главное вниманіе обращалось на мартирологию и жизнь святыхъ, такъ и въ мусульманскихъ школахъ высшую цѣль изученія исторіи составляютъ Киссасъ-уль-энбіа, т. е. исторія Магомета, и Тескрей-эвліа или жизнеописаніе святыхъ. Къ чему молодому турку знать о происхожденіи своей націи, о подвигахъ какого нибудь Селима, Сулеймана и Мурада IV, какой прокъ для юнаго перса въ знакомствѣ съ древне-персидской культурой, съ блестящей эпохой царствованія великаго Саманида или Сефида? Достаточно, если суннитъ имѣетъ какія нибудь свѣдѣнія объ удивительномъ образѣ жизни Абдуль-Кадиръ-Гиляна, имама Ганифа, Аббаса и др., если онъ знаетъ, что эти люди, умудренные сверхъестественной духовной пищей, съѣдали въ теченіи многихъ недѣль только одну маслину! — «Страхъ божій есть начало всякой премудрости» говорилось нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ и говорится еще и нынѣ. Никогда не забуду я замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу моего восхваленія нашихъ школъ и системы нашего преподаванія однимъ персидскимъ ученымъ, съ которымъ я встрѣтился около развалинъ нѣкогда великолѣпной школы Мадери Шаха въ Испаніи. Мы сидѣли на краю мраморнаго бассейна, по поверхности котораго плавали пожелтѣвшіе осенніе листья платановъ, между тѣмъ какъ легкій вѣтеръ обсыпалъ наши головы поблекшими розовыми листьями ближайшихъ къ намъ кустарниковъ. Мулла Гадши-Кирманшаги, — такъ звали перса, — обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью: «Правда, вы изобрѣли огненную телѣгу (локомотивъ), посредствомъ которой можно переноситься быстрѣе, чѣмъ на

крыльяхъ вѣтра, съ одного конца земли на другой; протянувъ проволочныя нити, — *hascha summa hascha*, (Боже, прости мое согрѣшеніе) — вы соперничаете быстротою съ молніей; вы изобрѣтете, я не сомнѣваюсь въ этомъ, машины, съ помощью которыхъ можно подняться до седьмага неба и опуститься до седьмой земли, — но, скажи мнѣ, кто на западѣ въ состояніи открыть хотя сколько нибудь подходящее средство къ тому, чтобы прикрѣпить эти платановыя листья къ вѣтвямъ и удержать эти розы на своихъ стебляхъ. Тайна созданія и разрушенія открыта только одному существу; можно ли поэтому называть насъ неразумными, если мы не напрягаемъ тщетно свои усилія и ищемъ только въ высшемъ существѣ источника всякаго познанія и истины? — И такими идеями руководятся не только мусульмане, но также и буддисты брамины и даже христіане, и эти идеи еще долго будутъ господствовать между ними.

Такъ какъ до сихъ поръ я говорилъ только объ элементарныхъ городскихъ и сельскихъ школахъ, то я намѣренъ сказать нѣсколько словъ, какъ объ исключительномъ явленіи, о домашнемъ обученіи, которое достается въ удѣлъ лишь сыновьямъ знатныхъ особъ, и при которомъ европейская наука проскальзываетъ въ большей или меньшей степени или, собственно, должна была бы проскальзывать. Я основываюсь на собственномъ опытѣ, такъ какъ въ теченіи многихъ лѣтъ я занимался частными уроками, и еще до сихъ поръ моя учительская карьера въ Персіи и въ Турціи живо припоминается мнѣ. — Не смотря на мое серьезное намѣреніе познакомить моихъ высокороденныхъ питомцевъ съ элементарными понятіями изъ физики, съ исторіей и географіей, всѣ усилія мои просвѣтить ихъ пропадали даромъ, такъ какъ 3 или 4 года ими руководилъ глупый изувѣръ ходжа, между тѣмъ какъ фантазія ихъ постоянно возбуждалась разсказами, исходившими изъ гарема. Для объясненія обыденныхъ явленій природы, я придерживался маленькой французской книги «*Les rouquouis et les parseques*», и едва дѣти успѣли выслушать объясненіе молніи, грома и радуги, какъ они вскакивали, какъ угорѣлые, и лѣзли въ гаремъ разсказать матери и нянькѣ о необыкновенныхъ выдумкахъ франкского учителя. Эти выдумки приводили въ ужасъ упомянутыхъ дамъ, и въ концѣ концовъ франкскій учитель всегда объявлялся осломъ, рожденнымъ въ черномъ невѣріи, а къ Богу возслагались молитвы, дабы онъ простилъ грѣхи *pater familias*'а, пользующагося услугами такого учителя.

Замѣтный упадокъ мусульманскаго востока особенно обнаруживается

въ совершенномъ исчезновеніи того блеска, которыми окружены были въ прошлые вѣка медресы, т. е. высшія школы или университеты. Печальный контрастъ между минувшимъ и настоящимъ нигдѣ не бьетъ такъ сильно въ глаза, какъ на развалинахъ медресе Ганума въ Самаркандѣ. При видѣ великолѣпнаго портала ужасной высоты, съ красивыми нишами и сталактитоподобными украшеніями, портала, выложеннаго мозаикой, изъ которой составлены съ каллиграфическимъ искусствомъ слова, зритель начинаетъ думать, что это скорѣе развалины дворца какихъ либо могущественныхъ правителей, чѣмъ храмъ науки. Тѣмъ не менѣе по характеру отдѣльныхъ комнатъ, читальнѣ, помѣщенія для бани и столовыхъ можно ясно распознать бывшее университетское зданіе. Вѣрная спутница жизни Тимура, дѣлившая съ своимъ супругомъ горе и радость, повелѣла соорудить это зданіе съ необыкновенною роскошью и заботилась съ истинно-царской щедростью о содержаніи учителей и учениковъ. А теперь, что мы видимъ на мѣстѣ этого зданія? Дворъ медресе Ганума—такъ было, по крайней мѣрѣ, въ мое время—служить мѣстомъ сборища для кожанскихъ извозчиковъ, погонщиковъ ословъ и содержателей телѣгъ. Здѣсь, у самаго портала, длиннотухій извозный оселъ трется объ мозаику, а другой издастъ дикій ревъ тамъ, гдѣ нѣкогда раздавались кассиды (похвальная пѣснь) благодарныхъ учениковъ. Развалины загажены нечистотами и, вмѣсто поученій арабскихъ риторовъ, теперь тамъ раздаются только брань, ругательства и площадная рѣчи. Стоитъ только сравнить это нѣкогда величественное зданіе съ нынѣшнимъ притономъ всевозможнаго сброда, чтобы представить себѣ контрастъ между прежней и современной университетской жизнью въ Азіи.

Повсюду, отъ береговъ Босфора до бывшей резиденціи Тимура, я обращалъ особенное вниманіе на медресе и, находясь подъ вліяніемъ прежнихъ теоретическихъ представленій, я не въ состояніи былъ подавить въ себѣ при видѣ печальной дѣйствительности досады или, правильнѣе, грусти. Въ Тавризѣ, Испагани, Нишабурѣ, равно какъ и въ Стамбулѣ, Багдадѣ и Дамаскѣ учителя постоянно жалуются на равнодушіе въ наукѣ; они говорятъ, что вокругъ ихъ рахлей не тѣснится уже болѣе любознательная молодежь, что содержаніе ихъ съ каждымъ днемъ дѣлается болѣе и болѣе скуднымъ, и что большая часть нѣкогда яркихъ свѣточей магометанской учености лишь тускло мерцаютъ во мракѣ. Какъ я уже замѣтилъ, въ этомъ случаѣ только Средняя Азія представляетъ собою нѣкоторое исключеніе, такъ какъ я нашелъ еще

здѣсь медресе, слава которыхъ привлекала юношество изъ далекой Аравіи, Индіи, Кашмира, Китая и даже съ береговъ Волги.

И можетъ ли быть иначе? Могутъ ли эти высшія мусульманскія училища разсчитывать на вниманіе, увязнувъ въ рутинной схоластикѣ прошлыхъ вѣковъ и закрывъ глаза на политическія и общественныя требованія нашего времени. — Чтобы получить понятіе о внутреннихъ порядкахъ въ какомъ нибудь медресѣ, намъ не зачѣмъ обращаться къ частнымъ примѣрамъ. Посѣтимъ ли мы Османію и Сулейманію въ Константинополѣ, Азарію въ Каирѣ или Миръ Арабъ и Кёкель Ташъ въ Бухарѣ, — вездѣ мы замѣтимъ одинъ и тотъ же духъ; нѣкоторыя своеобразныя особенности проявляются только въ одеждѣ и въ языкѣ учениковъ, называемыхъ въ одномъ мѣстѣ «талебами», въ другомъ «софтами», т. е. алчущими знанія. Если ты войдешь, любезный читатель, въ одну изъ залъ медресе и обратишь вниманіе на толпу такихъ «алчущихъ», сидящихъ на полу вокругъ своего учителя и глотающихъ его слова и пылъ отъ ногъ его, то въ этой чалмоносной толпѣ тебѣ бросятся въ глаза обыкновенно одинъ или двое слушателей, которые нѣсколько ближе сидятъ къ учителю, смотрятъ на него пристальнымъ, огненнымъ взоромъ, и сами пользуются со стороны учителя особымъ вниманіемъ. Это такъ называемые мустеды или способнѣйшіе, которые, послѣ ухода мударриса (профессора), вслухъ повторяютъ преподаанный урокъ и въ послѣдствіи, пробывъ въ этой должности младшихъ учителей, получаютъ званіе старшихъ учителей, если только они приобрѣтутъ, рассказавши на память текстъ того или другаго экзегетическаго сочиненія, право идшаза, соотвѣтствующее нашему *jus docendi*. Мустедъ, возбуждая въ своихъ школьныхъ товарищахъ удивленіе къ своимъ умственнымъ способностямъ, часто считается какимъ то оракуломъ; около него группируется свой кружокъ талемовъ или софтовъ, которые съ глубокой вѣрой внимаютъ его словамъ.

Такъ формируются университетскіе профессора на мусульманскомъ востоцѣ въ настоящее время, и такъ было и прежде. Ученики набираются большею частью изъ низшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ народа, ибо давно миновали времена, когда медресе открывали путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ, къ почету, силѣ и богатству; нынѣ же, какъ извѣстно, для успѣховъ на жизненномъ поприщѣ требуется только умѣть говорить и писать по французски, одѣваться и радиться на франкскій ладъ. Если какой нибудь бѣдный крестьянинъ замѣтитъ въ своемъ сынѣ особую склонность къ религіи и богословскимъ

наукамъ, то онъ посылаетъ его, послѣ окончанія имъ элементарной школы, въ какое нибудь медресе, чтобы тамъ добиться, съ помощью протекціи, какой нибудь свободной гудшры (комнаты). Въ прежнія времена, а въ Средней Азіи еще и теперь, учащійся получалъ, кромѣ такой комнаты, состоящей изъ четырехъ пустыхъ стѣнъ, сѣстные припасы въ значительномъ количествѣ, порядочную сумму денегъ и платье, словомъ все, что обезпечивало учащемуся безбѣдное существованіе, но въ настоящее время такіа стипендіи даются въ рѣдкихъ случаяхъ. Недобросовѣстность со стороны завѣдующихъ средствами медресе едва даетъ возможность раздавать въ самомъ скудномъ количествѣ фодлу (нѣчто въ родѣ свѣжаго чернаго хлѣба, раздаваемого ежедневно), и жиденькій супъ, разливаемый по порціямъ утромъ и вечеромъ. О бѣдномъ софтѣ вспоминаютъ лишь тогда, если онъ живетъ въ домѣ какого нибудь паши, гдѣ хозяйство ведется на широкую ногу и гдѣ слишкомъ много накапливается объѣдковъ пищи. Точно также они получаютъ иногда изъ гарема вельможъ подарки бѣльемъ и одеждой. Я самъ долженъ былъ подарить одному софту въ благодарность за избавленіе меня отъ большой опасности пять фунтовъ свѣчей. Но какая непроходимая пропасть раздѣляетъ нынѣшній отъ прежняго медресе, если сопоставить съ этой нищетою рассказы о щедрости тимуридовъ и сефидовъ. Прилежаніе учениковъ и результаты ихъ ученія вполне соответствуютъ заботамъ объ нихъ со стороны общества. Громадное большинство учащихся учатся на столько, чтобы какъ нибудь заполучить мѣсто хатиба (проповѣдника), муллы или, въ крайнемъ случаѣ, кади, и очень рѣдко можно встрѣтить такихъ, которые занимаются наукой ради ея самой. Давно миновала цвѣтущая пора магометанской учености, когда слава какого нибудь хаджи далеко разносилась по востоку, когда его поученія расходились въ тысячахъ экземпляровъ и повсюду находили читателей. Я вспоминаю объ одномъ весьма даровитомъ профессорѣ константинопольскаго университета, который, т. е. профессоръ, принужденъ былъ, для того, чтобы напечатать небольшое юридическое сочиненіе, ходить въ теченіи нѣсколькихъ недѣль по переднимъ разнымъ сановниковъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о предметахъ, изучаемыхъ въ медресе. Предметы эти дѣлятся на двѣ категоріи, изъ которыхъ первая обнимаетъ синтаксисъ и болѣе или менѣе глубокое изученіе языка, а вторая — теологію и тѣсно связанную съ ней науку права. Магометанское право основано, какъ извѣстно, на коранѣ и на

случайныхъ, сохранившихся по преданію юридическихъ изреченійхъ, и по истинѣ не шуточный трудъ выучивать наизусть 7275 такихъ изреченій, заключающихся въ огромномъ сочиненіи Аль-Бахари. При пунктуальности и мелочности восточнаго человѣка не удивительно, что эти юридическія изреченія, равно какъ и отдѣльныя айсты (положенія корана) породили громадное множество комментаторовъ. Тотъ, кто, углубившись въ изреченія корана, могъ извлечь оттуда всѣ сокровища, или, говоря языкомъ прозы, чья память осилила эту тяжесть, тотъ, значить, успѣшно окончилъ свои занятія и считается въ обществѣ какимъ то *lumen mundi*.

Независимо отъ чисто богословскихъ наукъ, иногда изучается риторика, геометрія и астрономія, но медицина, которая нѣкогда была въ большомъ почетѣ у арабовъ, находится въ крайнемъ пренебреженіи. Если и находятся лица, которые, по окончаніи медицинскихъ занятій, занимаются врачебной практикой, то къ нимъ прибѣгаютъ только нисшіе классы; люди же знатные всегда обращаются къ франкскому гееми (европейскому врачу).

Жалкое состояніе школъ на востокѣ ни въ комъ не можетъ возбудить большаго сожалѣнія, какъ въ человѣкѣ, которому извѣстны высокія умственныя способности магометанъ и который имѣлъ случай убѣдиться, что дѣти востока далеко превосходятъ западныхъ дѣтей быстротою соображенія, силою памяти и находчивостью. Прежде я объяснялъ себѣ это явленіе естественными законами, я приписывалъ эту силу ума, равно какъ и горячность темперамента болѣе ранней физической зрѣлости, обусловленной жаркимъ климатомъ. При этомъ я всегда сравнивалъ нашъ медленно растущій, но за то крѣпкій и сучковатый дубъ съ тѣми тропическими растеніями, которыя произрастаютъ быстро и поражаютъ яркой окраской, но стволъ или сердцевина которыхъ пуста. Въ настоящее время я считаю эту метафору неудовлетворительною, но всетаки я не могу подавить въ себѣ изумленія, при видѣ замѣчательныхъ умственныхъ способностей восточнаго человѣка. Между извѣстными мнѣ народами востока персъ—самый даровитый; за нимъ слѣдуетъ арабъ, потомъ афганецъ и курдъ; ниже всѣхъ стоитъ турокъ, но и по отношенію къ нему, я твердо держусь своего прежняго мнѣнія, будучи увѣренъ, что съ нимъ согласится всякій европеецъ, которому приходилось жить среди этого народа. Кого изъ жителей запада не изумитъ какой нибудь турокъ, арабъ или персъ, когда онъ не только основательно уясняетъ себѣ предлагаемые ему сложные вопросы о нашихъ

соціальныхъ и политическихъ отношеніяхъ, но и отвѣчаетъ на нихъ собственными вопросами, которые могутъ поставить въ затрудненіе наиболѣе свѣдущаго человѣка. Я упомяну только о дипломатическихъ сношеніяхъ магометанскаго востока съ христіанскимъ западомъ. Наши дипломаты дрессируются въ теченіи многихъ лѣтъ и выбираются обыкновенно изъ среды аристократіи, на востокъ же дипломатами и министрами дѣлаются люди, которые еще недавно предъ тѣмъ были священниками, писцами, а иногда даже ремесленниками. Ихъ образованіе и познанія ничтожны, и во всякомъ случаѣ ниже нашего образованія и нашихъ познаній, но тѣмъ не менѣе персидскій или турецкій дипломатъ, поставленный на ряду съ нѣмецкимъ, англійскимъ, русскимъ или французскимъ, рѣдко почувствуетъ смущеніе, хотя иногда случается, что онъ обнаруживаетъ свои слабыя стороны. Такъ, бывшій министръ М. Паша въ разговорѣ, при которомъ я присутствовалъ въ качествѣ переводчика, спросилъ англійскаго посланника, лорда С., согласится ли Данія на прорытіе Суэцкаго канала. Обыкновенно восточные дипломаты весьма искусно скрываютъ недостатокъ положительныхъ свѣдѣній. Для турецкаго или персидскаго дипломата достаточно самаго кратковременнаго пребыванія въ Европѣ или сношенія съ европейцами, чтобы встать на одинаковый умственный уровень съ своимъ европейскимъ товарищемъ. Если послѣдній вступить съ первымъ въ разговоръ о вопросахъ дня, о событіяхъ high-life, то хотя бы онъ обладалъ всей прозорливостью Улисса, онъ не замѣтитъ, что его восточный коллега лишенъ самаго элементарнаго образованія и въ научныхъ познаніяхъ, какъ мы ихъ понимаемъ, далеко уступаетъ западно-европейскому мальчику.

Дѣти по преимуществу отличаются своими умственными способностями. Пятилѣтній ребенокъ обладаетъ такимъ же умомъ и рассудительностью, какъ у насъ мальчикъ двѣнадцати лѣтъ. Онъ не только усваиваетъ себѣ манеры взрослого, но и дѣйствуетъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, и не разъ мнѣ случалось видѣть вдовъ, которыя вмѣстѣ съ своими дочерьми, тетками и другими родственницами предпринимали далекія странствованія подъ руководствомъ своихъ восьмилѣтнихъ сыновей. Въ такихъ случаяхъ сынъ одѣтъ въ длинное и широкое платье, не подходящее къ его возрасту, онъ старается придать своей физиономіи задумчивый и серьезный видъ и скрыть ея дѣтскія черты. Онъ заботится о пріисканіи помѣщенія, дѣлаетъ закупки и разсуждаетъ о гаремѣ и женскомъ персоналѣ, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ един-

ственный пѣтухъ въ большомъ куриномъ стадѣ; иногда онъ выказываетъ деспотическое главенство надъ женами и даже надъ своею матерью, но, отъ строгости, обнаруживаемой публично, онъ переходитъ дома къ самымъ нѣжнымъ изліяніямъ сыновней привязанности. Я совершилъ путешествіе изъ Испагани въ Ширазъ въ обществѣ десятилѣтняго перса, который былъ собственникомъ 30 муловъ и занимался перевозкой товаровъ изъ одной части Персіи въ другую. Подъ его начальствомъ состояло 15 слугъ, о которыхъ онъ отечески заботился, но которыми онъ всегда повелѣвалъ, и когда, перевозимаемый сномъ и усталостью, я видѣлъ въ полночь, какъ онъ пощелкивалъ бичемъ и ободрялъ своимъ дѣтскимъ голосомъ животныхъ, идя твердымъ шагомъ позади каравана, или когда онъ вступалъ со мною въ разговоръ, я часто желалъ имѣть при себѣ въ качествѣ свидѣтеля такого евронеица, съ которымъ бы я могъ раздѣлить свое изумленіе, при видѣ вполне сознательной самостоятельности и спокойной энергіи этого мальчика. Замѣчательная сила памяти восточныхъ мальчиковъ также возбуждала во мнѣ удивленіе. Когда я былъ еще юношей, я имѣлъ случай въ своемъ отечествѣ давать уроки языковъ, и впослѣдствіи я былъ крайне пораженъ, что мои ученики на Босфорѣ въ десять разъ болѣе выучивали наизусть, чѣмъ мои европейскіе ученики. У насъ мальчикъ лишь послѣ многихъ недѣль изученія запоминаетъ географическія очертанія земель на какойнибудь картѣ, восточному же мальчику для этого нужно нѣсколько дней. У турокъ, арабовъ, персовъ и татаръ все изученіе языка основано на простомъ запоминаніи неизмѣрнаго количества чужихъ словъ и оборотовъ рѣчи, которые никогда не употребляются въ обыденномъ разговорѣ, и лучшія произведенія восточной литературы изобилуютъ метафорами, оригинальными синонимами и силлогизмами, въ подборѣ которыхъ одинъ старается превзойти другаго. И это умственное превосходство востока надъ западомъ замѣтно какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ. Если распространить наше сравненіе на народъ, то и здѣсь насъ поразятъ извѣстныя различія между крестьяниномъ Восточной и Западной Европы. Венгерскій поселянинъ, что касается живости характера и впечатлительности, бесспорно превосходитъ нѣмецкаго крестьянина, не смотря на то, что школьное образованіе послѣдняго гораздо выше образованія перваго, а если съ другой стороны сопоставить крестьянина изъ Йоркшира съ крестьяниномъ изъ Чарды въ Нижней Венгріи, то мы найдемъ между ними такое различіе, какъ между примодушнымъ румелійцемъ и коварнымъ испанцемъ.

Но почему, однако, запад во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ востокъ? Почему восточнаго человѣка пугаетъ тѣнь западнаго европейца? Почему въ Европѣ все находится въ цвѣтущемъ состояніи, а въ Азій все клонится къ упадку? Таковы вопросы, которые могутъ быть намъ предложены. Отвѣтъ на эти вопросы весьма простъ. Подвигаясь изнутри Азій къ границѣ Европы, мы замѣтимъ постепенное уменьшеніе умственной живости, впечатлительности и быстроты соображенія; но если мы будемъ подвигаться въ обратномъ направленіи отъ западнаго конца Европы къ Азій, то отъ насъ не ускользнетъ ослабленіе свойственной европейцамъ желѣзной силы воли, ихъ твердой настойчивости и медленнаго, но неутомимаго преслѣдованія сознанный цѣли. Если мадьяръ желаетъ характеризовать терпѣніе и настойчивость, онъ называетъ нѣмца, турку же въ такихъ случаяхъ представляется образъ «франка» или вообще европейца. То положеніе, что «чѣмъ живѣе умственные способности, тѣмъ слабѣе сила воли» вполне подтверждается на востокѣ, и восточный человѣкъ, при всемъ своемъ блестящемъ остроуміи, никогда не можетъ придти къ тѣмъ, сколько нибудь важнымъ, результатамъ, которыхъ достигнетъ европеецъ, благодаря своей нравственной стойкости. Къ тому же, здѣсь важны и физическія условія. Азіатъ созрѣваетъ въ дѣтствѣ, и въ 25 лѣтъ силы его вполне развертываются; только немногіе, достигнувъ 40 лѣтъ, отличаются живостью ума, и такимъ образомъ дѣятельность восточнаго человѣка оканчивается въ сравнительно ранніе годы.

Что въ особенности подчиняетъ и еще болѣе подчинить восточнаго человѣка, не смотря на его громадное умственное превосходство, европейцу, это то, что, пренебрегая сущностью вещей, мусульманинъ обращаетъ вниманіе только на форму, и эта страсть къ формализму властвуетъ надъ всѣми его поступками. Въ этомъ отношеніи жители востока имѣютъ много общаго съ такъ называемыми умными, не по лѣтамъ, дѣтми, раздѣляя въ то же время и ихъ недостатки. Умственное развитіе восточнаго человѣка проявляется въ языкознаніи, на которое онъ всего болѣе налегаетъ;—оно все обнимаетъ собою и изъ него все вытекаетъ. По старымъ, чисто восточнымъ понятіямъ, всякое литературное произведеніе только тогда привлекательно и стоитъ чего либо, когда оно до того переполнено мистическими словами, что пониманіе его дается съ большимъ трудомъ, и тотъ, кто не въ состояніи извлекать, подобно искусному водолазу, перлы ума изъ таинственной, непроглядной бездны, тому, думаетъ восточный человѣкъ, не поможетъ никакая житейская

мудрость. Если такимъ образомъ пониманіе языка нагѣренно затрудняется до такой степени, то легко себѣ представить чрезвычайную трудность изученія этого языка. Турокъ приступаетъ къ изученію литературы лишь на двадцатомъ году жизни, персъ на пятнадцатомъ, житель же Средней Азіи только на 25. Какимъ образомъ, спрашивается, истинное знаніе можетъ проникнуть въ массу, гдѣ человѣкъ образованный отличается отъ необразованнаго тѣмъ, что первый можетъ превратить для послѣдняго его родную рѣчь въ неразъяснимую загадку? Тамъ, гдѣ нѣтъ силъ овладѣть средствомъ, невозможно достигнуть и цѣли.

ХП.

Образованіе.

Иранъ по преимуществу считается страной магометанской образованности и тамъ главнымъ образомъ слѣдуетъ искать типическихъ представителей образованнаго азіята. Отправимся же въ древнюю столицу сефидовъ и поищемъ образцовъ въ средѣ исключительно персидскихъ мужчинъ, такъ какъ, по восточнымъ понятіямъ, Турція и утонченность нравовъ несовмѣстны. — Человѣкъ, сидящій въ комнатѣ на серединѣ ковра съ полуотброшеннымъ назадъ и полусклоненнымъ корпусомъ, какъ этого требуетъ этикетъ, представляетъ собою типъ вполне образованнаго восточнаго человѣка. Европейецъ съ перваго взгляда приметъ его за какого нибудь элегантнаго калѣку, такъ какъ его ноги, эти, по восточнымъ понятіямъ, неприличныя части человѣческаго тѣла, прикрыты самымъ тщательнымъ образомъ верхнею одеждою. Показать свои ноги считается дерзостью, и старая поговорка гласитъ: «берегись протягивать ноги тамъ, гдѣ ты долженъ протянуть руку». Но дорисуемъ портретъ нашего героя. Дшуббе изъ тонкой верблюжьей шерсти ниспадаетъ симметрическими складками до самыхъ ногъ; спереди она на столько открыта, что подъ нею можно видѣть энтари (нижнее платье). Чалма сплетена съ неособеннымъ стараніемъ и одѣта такимъ образомъ, чтобы она не ступевала ни одной изъ искусственныхъ чертъ этой во всякомъ случаѣ интересной фізіономіи, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отразилось все воспитаніе, весь образъ мыслей и родъ занятій этого типичнаго персіянина. Цвѣтъ и форма бороды не оставляютъ желать ничего лучшаго; на устахъ играетъ странное выраженіе скромности и самоуниженія,

замѣтной веселости и презрѣнія къ свѣту, словомъ, смѣсь самыхъ разнородныхъ душевныхъ настроеній, которыя, однако, бросаются въ глаза при продолжительномъ наблюденіи. Глаза застѣнчиво опущены внизъ и модуляція звучнаго голоса изобличаетъ суровую дрессировку по правиламъ знаменитыхъ представителей восточной образованности.

Кто этотъ человѣкъ, и въ чемъ состоятъ его занятія?

Это—частное лицо, которое, не стремясь къ какимъ либо особымъ цѣлямъ, выросло на правилахъ старинной образованности и согласно имъ проводить жизнь. Этотъ человѣкъ изучалъ богословіе, но скоро внутренній импульсъ толкнулъ его на свѣтское поприще, такъ какъ онъ замѣтилъ, что онъ—«Сагиби-таъ». т. е, что въ немъ есть природное дарованіе, поэтическая жилка, которой онъ и подчинился. Принесетъ ли этотъ человѣкъ пользу своимъ современникамъ или потомству, это—вопросъ. но во всякомъ случаѣ уже при первой встрѣчѣ съ нимъ нельзя не замѣтить въ немъ громадной начитанности. Въ медресе за изученіемъ корона память этихъ людей изощрена до такой степени, что, причитавъ максимумъ три раза какое нибудь длинное стихотвореніе, они повторяютъ его наизусть. Можетъ быть, имъ помогаютъ природныя дарованія, но фактъ—тотъ, что между тѣмъ, какъ мы въ Европѣ читаемъ своихъ классиковъ, персъ заучиваетъ своихъ поэтовъ. Въ юности его занимаетъ «Розовый садъ» Саади, «Пѣсни любви» Гафиза, «Плодовый садъ» Дшамы и пр., взрослый же персъ наслаждается мастерскимъ эпосомъ Фирдуси, мистической поэзіей Месневи, Хакани и др. изъ сочиненій которыхъ персъ, услышавъ только начало, рассказываетъ наизусть цѣлыя главы. На декламацію обращается особенное вниманіе, и между тѣмъ какъ «газель» Гафиза произносится бойко и весело, твореніе Месневи, соотвѣтственно содержанію, читается печальнымъ тономъ. Такъ напр. строфа:

«Bischnou eъ nej tschun hikiajet mikuned
v'ez dschndahiha tschun schikajet mikuned».

(Прислушайся къ флейтѣ,

Когда она жалобно рассказываетъ о страданіяхъ)

произносится въ самомъ дѣлѣ такимъ образомъ, что слышатся начальные, заунывные звуки флейты. Человѣкъ тонкаго образованія не сдѣлаетъ ни малѣйшей погрѣшности противъ гармоніи стиха и рѣдко вообще встрѣчаются люди съ образованіемъ, которые бы въ то же время не были мастера декламировать.

Что касается изученія исторіи, то тутъ персъ не такъ силенъ. Выше-изображенный нами представитель истинно восточной образованности изучалъ больше нѣкоторыя компіляціи по этой части, чѣмъ спеціальныя историческія сочиненія. Цвѣтушая эпоха сассанидовъ извѣстна ему лишь съ ея мифической стороны, но за то тѣмъ обстоятельнѣе занимался онъ мусульманскимъ періодомъ, и онъ спорить не только о престолонаслѣдіи Али, но и о каждой мелочи, относящейся къ битвамъ и страданіямъ потомковъ Али, съ такимъ одушевленіемъ, какъ будто это современныя дѣянія, а не событія, случившіяся приблизительно 1,200 лѣтъ тому назадъ. Періодъ сефидовъ также не оставляется безъ вниманія, особенно относящіеся сюда характеристическіе анекдоты, въ разсказываніи которыхъ одинъ старается перещеголять другого, между тѣмъ какъ о критической оцѣнкѣ родного прошлаго не можетъ быть рѣчи уже потому, что въ Персіи, какъ и вообще на востокѣ, исторія удержала форму хроники. Дальнѣйшая статья, по которой свѣтскій человѣкъ долженъ отличаться, это—національная музыка, знаніе которой въ Персіи обязательно для cadaго образованнаго человѣка въ такой степени, какъ у насъ бряцаніе на фортепьяно обязательно даже для дамъ, у которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго музыкальнаго таланта. О персидской музыкѣ, совершенно отличной отъ нашей, много говорилось специалистами, и здѣсь я ограничусь лишь замѣчаніемъ, что она не можетъ быть пріятна европейскому уху, если даже оно привыкаетъ къ ней въ теченіи многихъ лѣтъ. вмѣсто нашихъ нотныхъ знаковъ въ Персіи употребляются буквы, и варіаціи тоновъ считаются тамъ вообще отдѣльными аріями. Извѣстнѣйшія арія суть гуссеини, маками, ширази, испагани, бузеликъ и т. д., и, какъ я слышалъ, названія эти большею частью указываютъ на мѣстность, гдѣ эти аріи издавна пользуются любовью.

Если мы противопоставимъ этому прототипу древневосточной культуры вполне образованнаго эфенди, то мы тотчасъ распознаемъ въ немъ представителя совершенно противоположнаго міровоззрѣнія, который едва ли произведетъ на насъ благопріятное впечатлѣніе. И такъ перенесемъ свой взоръ съ испаганскаго сафона на стамбульскій и остановимся на юномъ эфенди, членѣ секретаріата по иностраннымъ дѣламъ. Р... бей, отпрыскъ благороднаго рода, носитъ на своей фізіономіи слѣды сильнаго смѣшенія расъ. Этнографъ отыщетъ въ этой фізіономіи рѣзкіе признаки греко-армянскаго типа, немного семитическаго, нѣсколько чертъ туранскихъ и всего менѣе чисто азіатскихъ. Было бы смѣльнымъ

причислить стамбульскаго эфенди къ азіятамъ. Цилиндръ и фракъ придаютъ ему видъ кореннаго европейца и его трудно отличить въ толпѣ гуляющей по парижскому бульвару *Monmartre*, отъ жителя южной Франціи или отъ испанца. Но познакомимся ближе съ этимъ мнимо-восточнымъ человѣкомъ. Мы застанемъ его сидящимъ на диванѣ не съ поджатыми ногами, но съ заложенными одна на другую—поза во всякомъ случаѣ весьма непріятная и натянута, при которой штрипки готовы лопнуть отъ напряженія, и вообще неудобство такого способа сидѣнья изобличается постоянною подвижностью эфенди. Не менѣе неудобенъ такъ называемый казакитъ (сетри), застегнутый спереди и съ стоячимъ воротникомъ, что съ одной стороны мѣшаетъ наклоненію головы, а съ другой—сильно затрудняетъ сгибаніе тѣла, неизбежное при турецкомъ способѣ сидѣнья. Этотъ костюмъ увѣнчанъ фескою, не безъ кокетства надвинутою на бокъ, чтобы показать прическу; бритье темени неизвѣстно этимъ господамъ, равно какъ и какули (локоны) персовъ никогда не служили для нихъ модою. Если мы прибавимъ еще неизмѣнныя лайковыя перчатки и лакированныя сапоги, то предъ нами будетъ истинный представитель современной азіатской культуры.

Внутреннія качества его соотвѣтствуютъ его вѣншности. Окончилъ ли онъ курсъ въ частномъ или въ казенномъ учебномъ заведеніи, онъ вынесъ оттуда лишь на столько познаній изъ арабской грамматики и персидскаго языка, на сколько это безусловно необходимо для канцелярской карьеры. Идеаль, къ которому онъ стремится, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлаться хорошимъ кіатибомъ (писцомъ или стилистомъ), но онъ желаетъ, однако, довести это искусство до такой степени, чтобы быть въ состояніи безошибочно выразить на бумагѣ свою мысль, ибо только при этомъ условіи—*in hoc signo vinces*—онъ можетъ надѣяться на занятіе должности, на снисканіе почета и приобрѣтеніе богатствъ. Турецкая стилистика—дѣло во всякомъ случаѣ не легкое, но для европейца должно представляться комичнымъ, когда онъ видитъ, что какой нибудь чиновникъ полагаетъ высшимъ предѣломъ своихъ стремленій приобрѣтеніе такихъ познаній, которыми у насъ обладаетъ гимназистъ третьяго класса. Если даже и предположить, что нынѣшняя турецкая и египетская интеллигенція вполне обладаетъ этими познаніями, то все таки степень собственно національнаго образованія ея крайне ничтожна. Богатая сокровищница турецкой литературы большинству совершенно неизвѣстна и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ вы слышите ссылку на Баки, Веби, Лами, Кемальпашазаду или Саадъ-ед-діуса,

но и это было тридцать лѣтъ тому назадъ. Исторія, какъ мы уже говорили въ главѣ о школахъ, изучается еще небрежнѣе. Недостаточное образованіе по всѣмъ этимъ предметамъ восполняется крайне поверхностнымъ знаніемъ французскаго языка, которое выражается пониманіемъ текста какой нибудь легкой книги или бѣглостью въ разговорѣ на этомъ языкѣ. Слѣдуетъ замѣтить въ тому же, что только меньшинству приходится на умъ пользоваться французскимъ языкомъ, какъ средствомъ для ознакомленія съ западно-европейскою наукою, но, къ сожалѣнію, это намѣреніе является въ такомъ возрастѣ, когда ученіе, особенно у азіатцевъ, требуетъ крайняго напряженія умственныхъ способностей. Наклонности у этихъ неофитовъ современной культуры крайне двусмысленны. Подъ вліяніемъ господствующей моды они посѣщаютъ европейскіе театры и вечера, но при этомъ наслаждаются отвратительными представленіями карагеца и фокусами азіатскихъ скомороховъ; они показываютъ видъ, что имъ нравится нашъ столъ, наша одежда, жилище и т. д., но тѣмъ не менѣе въ душѣ они чтутъ старыя національныя обычаи. Это скорѣе гермафродиты западно-мусульманской культуры, чѣмъ даже крайніе представители неподдѣльнаго мусульманскаго міра.

Афганцы, узбеки и таджики имѣютъ такое же понятіе объ образованіи, какое въ Европѣ господствовало во времена кулачнаго права, а въ западной Азіи въ особенно бурныя эпохи жизни. У нихъ такъ называемый интеллигентный классъ раздѣляется на двѣ совершенно отличныя одна отъ другой категоріи: военныхъ и чиновниковъ съ одной стороны и муллъ или свѣтскихъ священниковъ съ другой. Послѣдніе считаютъ войну не соотвѣтствующей ихъ призванію, и если они опоясываются мечемъ во время путешествія и странствованія, то это потому, что, по корану, всякій павшій безоружнымъ попадаетъ прямо въ адъ. Люди же, принадлежащіе къ первому классу, или такъ называемые сипаги, признаютъ научное образованіе, если и не совершенно излишнимъ для себя, то и не существенно важнымъ. Хорошо ѣздить верхомъ, мѣтко стрѣлять въ цѣль, владѣть копьемъ, но особенно уметь обращаться съ людьми согласно ихъ положенію въ обществѣ и отличіямъ, которыми почтили ихъ властелины, вотъ въ чемъ состоитъ единственная задача ихъ жизни. Каждый аристократъ имѣетъ своего писца, который въ то же время играетъ роль поэта, счетчика, толкователя сновъ и астролога, а иногда духовника. Если такой аристократъ въ состояніи при обсужденіи элементарныхъ религіозныхъ вопросовъ вставить свое скромное слово или уловить нѣкоторый смыслъ въ прочитанномъ поэтическомъ произведеніи, то онъ обла-

даетъ въ высшей мѣрѣ качествами, требуемыми узбекскимъ или афганскимъ high life'омъ. Не умѣть читать и писать въ средней Азіи считается менѣе постыднымъ, чѣмъ не отгадать съ перваго взгляда возраста лошади, не опредѣлить въ точности качества оружія, не дотрогиваясь до него рукою, или не умѣть оцѣнить рабочую силу раба, не ощутивъ его ногъ. Вообще самый безукоризненный джентльменъ средней Азіи въ отношеніи своего умственного развитія представляется наряду съ своими персидскими и турецкими сотоварищами жалкою карриатурою, надъ которою порядкомъ потѣшаются придворные Тегерана и Константинополя всякій разъ, когда имъ приходится вести дипломатическіе переговоры съ какииъ нибудь посломъ съ береговъ Окса или Яксарта.

Весьма слабые слѣды образованія встрѣчаются у сѣдобородныхъ старцевъ и султановъ степныхъ киргизовъ. Русскіе путешественники, пропавшіе въ палатки начальниковъ этихъ ордъ, были поражены патриархальностью ихъ манеръ, ихъ строгими, мраморными чертами лица и мѣткими изрѣченіями мусульманской философіи, въ которыхъ они прибѣгаютъ въ разговорѣ. Я понимаю, что сынъ сѣвера поражается этимъ явленіемъ; но эта мнимая даровитость и это соблюденіе приличія ничто иное, какъ послѣдняя и самая широкая вѣтвь мусульманской образованности, которая у Иссыкъ-Куля и на Алатаускихъ горахъ пустила корни на развалинахъ аналогичной буддистской культуры. Киргизскій султанъ есть узбекскій сипай, афганскій ханъ есть персидскій мирза, а узбекскій сипай есть афганскій ханъ. Послѣдній представляетъ собою воплощеніе истинной древне-магометанской культуры, между тѣмъ какъ арабскій и турецкій джентльменъ, не смотря на его вѣковое сопротивление и прирожденное упорство, принялъ въ свои манеры и въ свой языкъ слишкомъ много чуждыхъ, европейскихъ элементовъ и уже теперь столь же мало можетъ считаться европейцемъ, какъ и настоящимъ восточнымъ человекомъ.

Главнымъ условіемъ образованія, можно даже сказать выше самаго образованія на востокѣ считается вѣжливость. Это та черта восточныхъ нравовъ, въ которой выразились общественныя и политическія особенности, раздѣляющія міръ западной и міръ восточной цивилизаціи. Пылкая фантазія, образный языкъ, замѣтное тяготѣніе къ показаной формѣ въ церемоніямъ и, наконецъ, постоянный страхъ предъ тиранническимъ насиліемъ неизбѣжно должны были вырыть цѣлую пропасть между словомъ и мыслью. Каждый чувствуетъ себя безопаснѣе въ облакахъ подкуриваемаго ладона, и такимъ образомъ вѣжливость превратилась въ без-

сознательное, сильно выоренившееся, лицемеріе. Чтобы составить себѣ понятіе о восточной вѣжливости, нужно видѣть напр. двухъ персидскихъ крестьянъ, когда они, встрѣтившись и не зная, кому должна принадлежать честь первому заговорить или обратиться съ привѣтствіемъ, стоятъ неподвижно другъ противъ друга въ теченіи нѣсколькихъ минутъ съ опущенными внизъ глазами и не произнося ни единого слова. Когда, наконецъ, прорвется ледяная кора и разрѣшится вопросъ о томъ, кто долженъ прежде заговорить, то одинъ изъ крестьянъ начинаетъ предлагать своему сосѣду тихо, почти шопотомъ, цѣлый рядъ вопросовъ относительно его здоровья. Такъ напр. «Жирно ли твое небо?» и т. д. Иногда задается 10, 15 и болѣе подобныхъ вопросовъ, и весь кониокъ этихъ сценъ состоитъ въ томъ, что привѣтствующій, проговоривъ всѣ эти фразы, спокойно остается на мѣстѣ и выслушиваетъ самъ со стороны сосѣда тѣ же вопросы въ томъ же порядкѣ. Эта церемонія обязательна не только для сравнительно образованнаго иранца, но и для первобытнаго степнаго жителя туранской возвышенности. Въ внешней степени странно было видѣть, какъ люди въ изорванной одеждѣ и съ суровыми лицами упражнялись въ самыхъ утонченныхъ разговорахъ.

Въ высшихъ слояхъ общества понятія о вѣжливости получили чудовищное развитіе; онѣ проявляются въ письмахъ и въ разговорѣ, въ словѣ и въ дѣлѣ и при томъ въ такой формѣ, которая на западѣ неизвѣстна была даже въ то время, когда наше общество доходило въ этомъ отношеніи до изумительныхъ странностей.—Употреблять въ разговорѣ я—значить слѣдовать обычаю дьявола, гласить восточная поговорка, и потому въ бесѣдѣ съ старшими, вмѣсто запретнаго я, говорятъ: «твой слуга, невольникъ или рабъ», а въ письмѣ: «твой отъезжающійся отъ освобожденія рабъ» и т. д. Для втораго лица существуютъ выраженія: «твоя сіятельная особа», «твоя высокая особа». Фраза: «прахъ ногъ твоихъ» выражаетъ то почтеніе, съ которымъ говорящій приближается не къ лицу, но только къ праху ногъ его. Существуютъ напр. слѣдующія, совсѣмъ не эстетично звучащія, выраженія: я видѣлъ въ театрѣ *прахъ ногъ твоихъ* (тебя), я хочу ѣхать въ городъ съ *прахомъ ногъ твоихъ*, кто стригъ волосы *праху ногъ твоихъ*, мать *праха ногъ твоихъ* пріѣхала, и т. д. Вмѣсто «мой домъ» говорятъ «твоя лавейская», вмѣсто «мое дитя» — «твой рабъ», вмѣсто «моя жена» — «твоя рабыня». Понятно, въ какую напыщенность и въ какое словомизверженіе впадаютъ при этомъ разговаривающіе. Особенно замѣчательны тѣ мимическія движенія, посредствомъ которыхъ выражается привѣтствіе.

Османское общество придерживается «теменны», т. е. той формы привѣтствія, когда кланяющійся, положивъ правую руку на сердце, подноситъ ее затѣмъ къ губамъ, а отъ губъ къ головѣ, чѣмъ приблизительно выражается слѣдующее: что я чувствую, то и говорю, и что я говорю объ томъ и думаю, или, другими словами: я предаю тебѣ чувствомъ, словомъ и мыслью. Это была бы прекрасная форма, еслибы только привѣтствующій не такъ низко сгибался передъ высокопоставленной особой. «Теменна чак бегабег» (привѣтствіе, начинающееся паденіемъ на землю) есть слишкомъ унижительная церемонія, хотя съ другой стороны она—значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ той формой привѣтствія, которой придерживаются бирманцы, сіамцы и другіе восточные народы. Въ Персіи несообразности во время привѣтствія еще болѣе бросаются въ глаза; здѣсь туловище сгибается на бокъ, голова наклоняется къ правому плечу и шея выставляется наружу, такъ что привѣтствующій какъ бы говорить: я отдаю свою жизнь въ твое распоряженіе, что дѣйствительно выражается фразой, которая не сходитъ съ языка кланяющагося: «Beli kurbanet scheme (я твоя жертва)». Еще болѣе рѣзко выражается этотъ обычай въ центральной Азіи, гдѣ часто изъ чувства почтенія или раскаянія человѣкъ является съ веревкой, на которой виситъ обнаженный мечъ, при чемъ эта веревка съ мечемъ вѣшается на шею; это значитъ, что гость принесъ съ собою всѣ орудія для смертной казни и, такимъ образомъ, по первому знаку своего повелителя, готовъ разстаться съ жизнью. Впрочемъ, въ средней Азіи удержалась для обыкновенныхъ случаевъ простая форма «мусафег», т. е. гости протягиваютъ другъ другу руки или же обнимаются, если они особенно дружны. Вельможи и цари кланяются другъ другу весьма просто, скрестивъ на груди руки.

Подобно тому, какъ преувеличенная вѣжливость, выражающаяся словомъ и дѣломъ и собственно несогласная съ духомъ ислама входила въ обычай только по мѣрѣ усиленія свѣтской власти калифовъ, такъ точно развивалась и напыщенная стилистика. Въ этомъ отношеніи вѣжливость доходитъ до эксцентричности, почти непріятной; по крайней мѣрѣ турки и персы доводятъ ее до крайней степени. Въ ихъ распоряженіи находился громадный запасъ словъ изъ двухъ или трехъ языковъ, и они расточали этотъ запасъ не только на мнимо классическія произведенія, но и для выспреннаго выраженія своей вѣжливости. Чтобы дать западно-европейскому читателю понятіе о напыщенности стиля восточныхъ писемъ, я привожу для примѣра изъ рукописнаго письмовника два

письма, написанныя на османскомъ нарѣчїи и относящіяся къ 1809 году:

«Мой благородный, весьма уважаемый, сіятельный сынъ! Ты высокій князь порога! (титულъ, соотвѣтствующій французскому *huissier*). Ваше Високородіе!

«Между тѣмъ какъ мы заявляемъ свое желаніе, чтобы твой счастливый челятъ служилъ украшеніемъ береговъ счастья и веселія, и чтобы паруса твоихъ желаній всегда приводили тебя въ гавань блаженства и благополучія,—погрузившійся въ море чувствъ водолазъ, именно, поющее пѣсни перо произвело слѣдующія волны рѣчи.—Сегодня вечеромъ, когда серебрянная ладья 14 дневной луны пристанетъ къ морскому берегу зеленого неба, разливая любовь и нѣгу, мы прибудемъ въ Румели Гиссаръ (селеніе на европейскомъ берегу Босфора) и остановимся въ изобилующей прелестями Гопретти, чтобы всю ночь до разсвѣта вкушать «сухую воду и влажный огонь» (пить водку).

«Промедленію не можетъ быть дано мѣсто ни на волосъ, поэтому желательно, дабы вы пустили въ ходъ всю силу парусовъ и весель, чтобы тѣмъ скорѣе сдѣлаться причиной веселія своихъ друзей.»

Это простое приглашеніе къ попойкѣ. А вотъ краткое приглашеніе къ ужину:

«Мой счастливый господинъ! Ваше високородіе!»

«Сегодня вечеромъ, такъ угодно Богу, когда великій царь звѣзднаго войска, именно, всемірное солнце, собираясь отправиться въ путь въ область тьмы, вложить стопу въ стремя скорости, просимъ тебя почтить насъ лучами красоты твоего соперничающаго съ солнцемъ лица, дабы мрачная ночь разлуки и уединенія разсѣялась и прояснилась, подобно зефиру весенняго утра».

Слѣдуетъ замѣтить, что такія церемонїи относятся только къ друзьямъ и знакомымъ. Отсюда можно заключить какія письма писались прежде и пишутся теперь старшимъ.

ХІІІ.

Праздники.

Если имѣть въ виду многочисленныя праздники христіанъ, то можетъ показаться, что у мусульманъ почти совсѣмъ нѣтъ праздниковъ. Тѣмъ не менѣе и у послѣдователей ученія пророка имѣются свои праздники, но это не дни отдохновенія. За исключеніемъ максимумъ трехъ дней въ году, могометанинъ считаетъ себя свободнымъ отъ религіозныхъ празднествъ, предписанныхъ закономъ, если онъ сходитъ на дшуму намази (молитва по пятницамъ), выслушаетъ тамъ, какъ восхваляется пророкъ, четверо его сподвижниковъ и царствующій государь и затѣмъ благочестиво завершить эту церемонію положеннымъ въ коронѣ числомъ рикаа (колѣнопреклоненій). Исполнивъ это, онъ отдается своимъ ежедневнымъ занятіямъ. Такъ дѣлаютъ многіе во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, даже въ странахъ, которыя славятся своимъ религіознымъ рвеніемъ, и если иногда въ праздникъ запирается та или другая лавка, то это значитъ, что ея благочестивый собственникъ исполняетъ тѣ обязанности (повторяетъ напр. нѣкоторыя гимны или читаетъ священныя книги), которыя обозначены въ законѣ именемъ нафилэ.

Мусульманскихъ праздниковъ не много и они не замѣчательны особыми церемоніями, но они отличаются отъ христіанскихъ тѣмъ, что во время ихъ ирравовѣрные молятся искреннѣе и проникнуты болѣе торжественнымъ настроеніемъ, благодаря прежде всего тому, что вообще на востокѣ религія пустила болѣе глубокія корни. Въ моемъ воспоминаніи еще живо представляются ежегодныя приготовленія къ рамазану, т. е. къ тому мѣсяцу поста, который завершается такъ называемымъ Иди-

фитрь-бейрамомъ. Я нахожу, что нигдѣ въ мусульманскихъ странахъ приготовленія эти не являются въ такомъ блестящемъ видѣ, какъ на берегахъ Босфора. Если позволяетъ время года, то домъ чинится и штукатурится изнутри и снаружи. Прислуга чиститъ ковры и мебель, заводятся новые кофейники, чашки, новая посуда для ѣды и питья, закупается въ громадномъ количествѣ провизія самаго лучшаго качества и все это—для тридцатидневнаго умерщвленія плоти. Какъ ни странны эти приготовленія, но они имѣютъ свою цѣль, такъ какъ на ряду съ постомъ, продолжающимся цѣлый мѣсяцъ, столько же времени длится крайняя невоздержность въ пищѣ. По повѣнію мусульманина, Богъ заповѣдалъ соблюдать постъ для выщей ясности духа, но такъ какъ онъ не опредѣлилъ въ точности границы сутокъ, то мусульманинъ и постарался воспользоваться этимъ: днемъ онъ поститься, но за то ночью онъ предается всевозможнымъ излишествамъ. Онъ спитъ цѣлый день, чтобы тѣмъ болѣе быть ночью. Такимъ образомъ день обращается въ ночь; верхъ въ низъ; въ домъ — страшный бозпорядокъ и сумятица, которая можетъ только нравиться добрымъ османлисамъ, не дорожающимъ своимъ временемъ и не привыкшимъ къ труду. Еще теперь у меня идетъ голова кругомъ, когда я вспомню о томъ, какъ проводилось утро лѣтнаго рамазана (вслѣдствіе счисленія по лунному году торжество это выпадаетъ во всякое время года), слѣдовавшее послѣ ночнаго кутежа. Организмъ долго не въ состояніи привыкнуть къ этому безпорядочному образу жизни. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца весь могометанскій міръ живетъ среди какого-то вихря, въ упоеніи, и всѣ дѣла, даже государственныя, прекращаются на это время.

За два или за три часа до захожденія солнца всѣ правовѣрные бродятъ апатично, какъ тѣни, по улицамъ Стамбула, Тегерана, Бухары, Фецы и Марокко и во внутреннихъ областяхъ Китая. Не проглотить ни одной капли воды въ теченіи жаркаго дня во время лѣтнаго рамазана (тогда даже слово жидкость не употребляется въ разговорѣ) или ни разу не затянуться изъ трубки, это, конечно, самая ужасная изъ всѣхъ мукъ, какую только можетъ вынести восточный человѣкъ. Напрасно онъ отправляется искать развлеченія на базаръ или переходить изъ одной мечети въ другую, напрасно онъ старается забыться въ театрѣ или среди представленій уличныхъ скомороховъ,—въ желудкѣ его происходитъ урчаніе, его горло горитъ отъ жажды, чувства ослабѣваютъ и только ухо совершаетъ свои отправленія съ нѣкоторой бодростью въ ожиданіи пушечнаго выстрѣла, которымъ возвѣщается о захожденіи солнца.

Наконецъ-то раздается этотъ выстрѣлъ, и тысячи душъ, вѣрнѣе желудковъ, приходятъ въ радостное возбужденіе. Прежде всего всѣ бросаются къ трубкамъ, затѣмъ къ водѣ и, наконецъ, къ столу, на которомъ разставлены яства. Европейцы имѣютъ лишь слабое понятіе о томъ, сколько съѣдается за этимъ столомъ. Пища не кушается, но поспѣшно бросается въ желудокъ и потому то такъ мудро распоряженіе пророка, предписавшаго правовѣрнымъ послѣ такого ужина творить молитву, извѣстную подъ именемъ терава. Эта молитва состоитъ изъ 20 рикаа, изъ которыхъ каждое связано съ восемью различными положеніями тѣла, что составитъ $8 \times 20 = 160$ положеній тѣла, такимъ образомъ самому ожорливому магометанину нечего опасаться за свое пищевареніе, если онъ совершитъ всѣ эти 160 движеній. Нѣтъ розы безъ шиповъ, радости безъ горя и рамазанскихъ ужиновъ безъ терави.

Такъ проходитъ рамазанъ въ Константинополѣ. Здѣсь по вечерамъ для большаго торжества освѣщается стройный минаретъ и на башняхъ вывѣшиваются транспаранты съ изреченіями корана. Вообще мусульманская столица на берегахъ Босфора сумѣла придать больше прелести этому мѣсяцу, чѣмъ какая бы то ни было иная мѣстность на востока. Въ этомъ же мѣсяцѣ празднуется «роковая ночь» (Kadr gedscheki), когда султанъ отправляется на великолѣпно иллюминированномъ катерѣ въ сераль, а оттуда въ мечеть, и когда страна даритъ ему за это благочестивое дѣло одну красивую невольницу. Эта роковая ночь имѣетъ большое значеніе для магометанъ, потому что въ это время Богъ подводитъ итогъ грѣхамъ cadaго и запасается новой книгой на слѣдующій годъ. Ученныя толкователямъ корана извѣстенъ даже форматъ и цвѣтъ этой небесной счетной книги, и неудивительно поэтому, что въ эту ночь правовѣрный, повергнутый въ глубокую скорбь, обращается съ мольбой къ божественному бухгалтеру.

Но вотъ, наконецъ, мѣсяцъ покаянія оконченъ. Бейрамъ начинается великими торжествами, какія только могъ установить исламъ. Всѣ одѣваютъ новую одежду, которая была заранѣе приготовлена, отправляются щеголять въ ней на улицѣ, по базарамъ и по различнымъ общественнымъ мѣстамъ. Если позволяетъ время года, то правовѣрные украшаютъ свои головы цвѣтами, но въ высшей степени страннымъ образомъ, при чемъ стебель втыкается между чалмой и лбомъ, а самые цвѣты падаютъ на глаза. Церемонія взаимныхъ посѣщеній и поздравленій соблюдается съ чрезвычайной строгостью. Въ первый день праздника султанъ долженъ принимать у себя официально всѣхъ

высшихъ чиновниковъ. Это придворное торжество связано также съ различнаго рода церемоніями. Султанъ при этомъ сидитъ на террасовидномъ возвышеніи среди одного изъ дворовъ серала, окруженный главнѣйшими придворными сановниками, а передъ нимъ проходятъ рядами чиновники по очереди, которая обуславливается ихъ рангомъ, и низко кланяются своему повелителю. Въ прежнія времена пышный, яркоцвѣтный костюмъ чиновниковъ, шитый золотомъ и усманный драгоценными камнями, придавалъ этому торжеству истинно восточный отпечатокъ роскоши и блеска, а нынѣ пестрая и широкая одежда добраго стараго времени уступила мѣсто узкому, жиденькому кафтану европейскаго покроя, и это есть знаменіе своего времени, т. е. упадка оттоманской имперіи. По настоящему рамазанъ-байрамъ долженъ продолжаться только одинъ день, но онъ празднуется три дня, точно также какъ слѣдующій за тѣмъ черезъ 70 дней праздникъ курбанъ — байромъ (жертвенный праздникъ) во многихъ мѣстностяхъ, вмѣсто законныхъ четырехъ дней, длится шесть или 8 дней. Замѣчательно, что послѣдній праздникъ, установленный въ воспоминаніе готовности патриарха Авраама принести жертву, не имѣетъ въ Турціи такого высокаго значенія, какое придаютъ ему болѣе восточныя мусульманскія страны. Въ Константинополѣ и въ другихъ городахъ имперіи этотъ праздникъ проявляется только тѣмъ, что изъ провинцій стоняется въ города громадное количество овецъ. Всякій, кто только можетъ, покупаетъ овцу и собственноручно закалываетъ ее, творя установленную молитву. Наибольшее веселіе во время этого праздника можно встрѣтить въ убогихъ кельяхъ медресе, потому что все мясо отсылается живущимъ тамъ воспитанникамъ и другимъ бѣднякамъ, которымъ въ другое время рѣдко, когда удастся ѣсть мясо. Кромѣ этихъ двухъ праздниковъ существуетъ еще третій, мевлудъ, т. е. рожденіе Магомета, — праздникъ установленный Мурадомъ III въ 1558 году; но въ болѣе восточныхъ мусульманскихъ странахъ праздникъ этотъ, хотя и признается, но не соблюдается. Онъ состоитъ въ томъ, что султанъ отправляется въ мечеть съ цѣлою процессіей и въ сопровожденіи всѣхъ сановниковъ; въ прошлыя столѣтія праздникъ этотъ имѣлъ весьма торжественный характеръ, но нынѣ онъ утратилъ свою торжественность.

Въ болѣе восточныхъ мусульманскихъ странахъ праздники запечатлѣны нѣсколько инымъ характеромъ, потому что здѣсь эти праздники по большей части — дни скорби или праздники весьма древняго происхожденія. Къ первой категоріи относятся празднуемые въ Персіи

пшитами «мѣсяцы печали и мести», производящее своеобразное впечатлѣніе на иностранцевъ, которые болѣе или менѣе долго живутъ на востокъ. Все вертится при этомъ на войнахъ за престолонаслѣдіе, которыя велъ Али съ тремя первыми калифами; шиты стараются на сколько можно превознести тяжело оскорбленнаго національнаго героя Ирана и унижить его противника. Между этими праздниками замѣчательнъ день рожденія Мехдеса, празднуемый 15 шаабана, въ противоположность суннитамъ, согласно которымъ этотъ имамъ родился послѣ вознесенія, между тѣмъ какъ шиты утверждаютъ, что онъ явился на свѣтъ гораздо ранѣе и теперь еще живетъ, нигдѣ не видимый. Затѣмъ праздникъ гадиръ-и-хомъ, который приходится 17 дшамази-уль-ахиръ и установленъ въ воспоминаніе того дня, когда Магометъ на своемъ пути изъ Мекки въ Медину въ долину Хомъ назначилъ Али своимъ преемникомъ,—фактъ, ясно свидѣтельствующій противъ узурпаціи первыхъ трехъ калифовъ. День смерти Али считается днемъ глубокой національной скорби, между тѣмъ какъ празднуемая 27 рамазана смерть Ибнѣ Мульдшема, убійцы Али возбуждаетъ всеобщее веселіе. Къ этому же разряду относится праздникъ Омеръ-Сузани, т. е. сожженіе Омара, происходящее въ день смерти этого выдающагося и глубоко ненавидимаго всѣми шитами калифа. Церемонія эта состоитъ въ томъ, что чучело, долженствующее изображать Омара, вечеромъ носится по улицамъ города и затѣмъ, къ великой радости публики, взрывается на воздухъ посредствомъ ракеты.

Наибольшій интересъ возбуждаетъ праздникъ мотарремъ. Въ теченіи первыхъ десяти дней всѣ мусульмане воздерживаются отъ увеселеній и зрѣлищъ, а у шитовъ еще за четыре недѣли до этого праздника начинаются различныя траурныя церемоніи, исполняются мистеріи, поются элегіи и повсюду раздается вой и стenanіе. Любовь, питаемая шитами къ Али, переносится теперь на его несчастныхъ дѣтей Гассана и Гуссейна. Особенное сочувствіе возбуждаетъ въ правовѣрныхъ мученичество послѣдняго, который вмѣстѣ съ своими приверженцами погибъ мучительною смертію въ безводной степи Кербела. Серебристая поверхность ближняго Тигра залита солнечнымъ свѣтомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой рѣки расположенъ лагерь Гуссейна, но никто не осмѣливается принести хотя бы каплю освѣжающей влаги умиравшему отъ жажды семейству Гуссейна, такъ какъ его небольшая дружина, окруженная войсками Іезида, при малѣйшемъ движеніи подверглась бы истребленію. Али Экберъ, двѣнадцатилѣтній любимый сынъ Гуссейна, не вытер-

плѣтъ, видя, какія муки претерпѣваетъ его мать, сестры и тетки; онъ сѣлъ на боевого коня и рѣшился прорвать непріятельскую линію. Экберъ палъ подъ безчисленными сабельными ударами врага, публика забрызгивается кровью, т. е. краснымъ сокомъ моркови, такъ какъ я говорю здѣсь о мистеріи, и всѣ заливаются слезами. Послѣ сына, въ бой вступаетъ самъ отецъ, Гуссейнъ, который сражается какъ левъ, но въ концѣ концовъ падаетъ, весь израненный, въ публикѣ же подымается дикій жалобный вой и крикъ, заглушающій гнусливую элегію актера. Эти представленія даются непрерывно въ теченіи мѣсяца; въ городахъ обстановка ихъ блестяща, въ селахъ, конечно, проще, но даже и среди кочующихъ племенъ иногда случается видѣть эту мистерію въ отрывкахъ. Кто въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ привыкнетъ къ постоянному плачу и изліяніямъ скорби шіитовъ, посыпающихъ свои головы, вмѣсто пепла, окрашенными опилками, того уже не изумитъ странная процессія, устраиваемая на десятый день праздника, (Рузи Амура), когда народная печаль достигаетъ высшей степени. Шіиты ходятъ въ это время по улицамъ, какъ помѣшанные или одержимые бѣсомъ, они разрываютъ на себѣ одежду, (разумѣется, одѣвъ предварительно самую негодную), рвутъ волосы на головѣ и на бородѣ, стучатся головами объ стѣну или другъ объ друга. Въ каждомъ городѣ существуютъ даже официальные мученики, которые, желая выразить всю свою скорбь излюбленному Гуссейну, сами наносятъ себѣ раны оружіемъ и размахиваютъ окровавленными членами. Впрочемъ, такое самоувѣченіе есть далеко не неблагодарный подвигъ. Со мной путешествовалъ однажды шіитъ, который носился съ своими глубокими ранами на рукѣ, какъ съ какой либо драгоценностью; переходя изъ одного города въ другой, онъ выставлялъ ихъ всѣмъ на показъ и за это получалъ деньги. Вообще остроумные иранцы особенно искусно проводятъ другъ друга за носъ на счетъ своихъ святыхъ. Очень часто встрѣчаются люди съ восьмиугольной раной на лбу, но ошибся бы тотъ, кто предположилъ бы, что она произошла отъ частаго соприкосновенія съ священнымъ восьмиугольнымъ камнемъ. Происхожденіе этой раны объясняется тѣмъ, что шіиты выстилаютъ полъ не молитвеннымъ ковромъ, но восьмиугольными кирпичиками, которые собираются ими въ долину Кербела, и къ которымъ они прижимаютъ лобъ при паденіи ницъ. Но это не мѣшаетъ этимъ шіитамъ увѣрять своихъ правовѣрныхъ братьевъ, что лобъ ихъ израненъ отъ частаго моленія, хотя на самомъ дѣлѣ раны эти произведены чисто искусственнымъ путемъ.

Какъ ни безцвѣтны вообще религіозныя торжества шіитскаго ислама, но празднованіе новаго года (норузъ) не лишено, однако, поѣтической прелести. Оно приходится какъ разъ въ день весенняго равноденствія и начинается съ той секунды, когда солнце вступаетъ въ знакъ Овна. Это торжество есть единственный остатокъ культа древнихъ персовъ, и оно празднуется съ большимъ блескомъ не только въ шіитскомъ Иранѣ, но и во всѣхъ странахъ мусульманскаго востока. Въ Константинополѣ норузъ празднуется только въ домахъ знатныхъ лицъ питьемъ разныхъ сладкихъ напитковъ или декоктовъ, преподносимыхъ въ подарокъ домашнимъ аптекаремъ. Но отъ восточной границы Оттоманской имперіи до Китая норузъ соблюдается ревностнѣе, чѣмъ даже религіозные праздники. Въ Иранѣ къ нему готовятся уже за нѣсколько мѣсяцевъ. Въ города для этого тридцатидневнаго торжества подвозится въ немѣтномъ количествѣ сахаръ, кандисъ, сиропы, засахаренные фрукты и т. д. Всѣ стараются пріодѣться получше или пріобрѣсти новое платье, отъ царя до нищаго каждый получаетъ и роздаетъ подарки, и въ высшей степени интересно быть свидѣтелемъ того радостнаго возбужденія, съ которымъ привѣтствуется наступленіе весны. Праздникъ начинается съ секунды, опредѣляемой астрологами, роль которыхъ особенно любопытна при дворѣ царя, который ожидаетъ наступленія новаго года въ кругу своихъ вельможъ, чтобы имѣть возможность тотчасъ же принять поздравленія и роздать подарки. Въ этихъ случаяхъ дѣло не обходится безъ чтенія какихъ нибудь напыщенныхъ стихотвореній въ честь его величества шаха и весны, и произносятся также оффиціальныя рѣчи. Шахъ освѣдомляется о положеніи страны, торговли, промышленности и требуетъ отчета объ успѣхахъ распространенія религіи, но при этомъ его свѣтлость, первый министръ, всегда начинаетъ новый годъ колоссальною ложью, изображая провинціи, которыя въ дѣйствительности прозябаютъ въ нищетѣ, въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Точно также лгутъ и представители высшаго духовенства, толкующіе о побѣдоносномъ шествіи ислама, между тѣмъ какъ темная тѣнь невѣрія отъ предѣловъ Кавказа и береговъ Оксуса все больше и больше надвигается на Иранъ. Спрашивающій и отвѣчающій очень хорошо знаютъ, что одинъ изъ нихъ обманываемый, а другой обманщикъ; но это нисколько не мѣшаетъ шаху всѣмъ раздавать подарки и сыпать повсюду щедрой рукой новоотчеканенную золотую и серебряную монету, такъ какъ начать новый годъ подарками въ видѣ какихъ либо золотыхъ вещей считается самымъ лучшимъ предзнаменованіемъ. Праздникъ норуза весьма древ-

няго происхожденія, но онъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ, даже въ сравнительно короткій періодъ въ нѣсколько столѣтій, такъ какъ каждый путешественникъ по Ирану, отъ француза Тевено до Полака, одного изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ Персіи, описываетъ этотъ праздникъ различнымъ образомъ. По разсказу ученаго Ричардсона, незадолго до наступленія новаго года, у дверей царской спальни становится благообразный юноша, аллегорически изображающій собою новый годъ, и въ тотъ моментъ, когда солнце показывается на горизонтѣ, онъ входитъ въ спальню безъ доклада. На вопросы царя: «Кто ты такой? Откуда ты идешь? Какъ тебя зовутъ? Что ты несешь съ собой?» юноша отвѣчаетъ: «счастье и благодать со мною, я посланъ къ тебѣ отъ Бога, потому что я несу съ собой новый годъ». Вслѣдъ за этимъ другой юноша несетъ блюдо съ пшеницей, бобами, чечевицей, сезамомъ, рисомъ, а также кускомъ сахара и двумя вновь отчеканенными монетами, между тѣмъ какъ министры и сановники имперіи подносятъ царю хлѣбъ. Отвѣдавъ отъ всего этого по немногу, шахъ дѣлитъ остатки между присутствующими, говоря: «насталъ новый день новаго года, новаго времени, когда все существующее обновляется.»

То, что происходитъ въ царскомъ дворцѣ, повторяется съ нѣкоторыми варіаціями и во дворцахъ вельможъ, между тѣмъ какъ въ частныхъ кружкахъ вся семья въ праздничной одеждѣ сидитъ за столомъ, на которомъ разставлены всевозможныя яства. Среди ихъ (считаемъ необходимымъ замѣтить, что яства стоятъ не на столѣ собственно, но на коврѣ, разостланномъ на полу) стоитъ чаша съ водой, на которую обращены взоры всѣхъ сидящихъ. Предполагается, что въ тотъ моментъ, когда солнце вступаетъ въ новый кругъ, вода должна колыхнуться вслѣдствіе легкаго толчка, получаемого землей, и этотъ то знакъ считается сигналомъ къ взаимнымъ привѣтствіямъ: «*Idi schuma tubagek bad*» (желаю вамъ счастливо провести праздникъ). Въ тотъ же день эти поздравленія раздаются внутри и внѣ дома, на всѣхъ улицахъ города и вездѣ, гдѣ только есть люди. Норузомъ начинается новый періодъ въ жизни государства, а также въ сферѣ торговли, промышленности и земледѣлія. Зима, время дождей и облачнаго неба, уступили мѣсто веснѣ, лазоревой синевѣ, бальзамическому воздуху и благоуханіямъ цвѣтовъ. Не удивительно поэтому, что это торжество празднуется въ теченіи цѣлыхъ тридцати дней; даже, берегущій свою казну, владѣтельный князь, не освобождается отъ взносовъ для покрытія издержекъ на общественныя увеселенія.

Даже тамъ, гдѣ иранская культура еще тысячу лѣтъ тому назадъ насильственно вытѣснена была туранскими ордами и фанатическими арабами, даже тамъ, именно въ Средней Азіи, норузъ еще носитъ свою античную форму. Замѣчательно, что въ древнемъ Ховарезмѣ, нѣкогда средоточіи культуры древнихъ персовъ, обычай этотъ сохранился въ большей чистотѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Туркестана. Узбекское населеніе Хивы встрѣчаетъ весну не менѣе торжественно, чѣмъ Персія. Въ этотъ день впервые раздается съ вѣтвей густо-лиственныхъ вязовъ жалобная пѣснь соловья. Ради этого праздника вода Оксуса впускается во всѣ каналы, на городскихъ площадяхъ устраиваются бои и состязанія въ бѣгѣ, и всякій, кто только можетъ, спѣшитъ на это время покинуть свое жилище и провести нѣсколько дней въ палаткѣ среди роскошной зелени луговъ. Въ строго мусульманской Бухарѣ норузъ хотя и празднуется, но не съ тою пышностью, какъ на восточной границѣ ислама, напр. въ городахъ восточнаго Туркестана. Это особенное пристрастіе къ этимъ днямъ торжества природы нѣсколько не удивительно, такъ какъ вообще мусульманскихъ праздниковъ крайне мало и, кромѣ того, они рассчитаны на то, чтобы пробуждать въ правовѣрныхъ чувство грусти. Они заставляютъ ихъ углубляться въ самихъ себя для болѣе яснаго созерцанія божества и величія пророка, и потому праздники эти исключаютъ всякое веселое настроеніе духа.

XIV.

Пилигримы и пилигримство.

«Es safr kit'atum min es sakr» (путешествіе есть часть ада) гласитъ распространенная по всему востоку арабская поговорка, въ которой многіе, быть можетъ, увидятъ выраженіе восточныхъ понятій о ком-фортѣ, но которая въ сущности есть лишь пародія или даже невинная игра словъ ¹⁾. Путешествіе считается на востокѣ пріятнымъ препровожденіемъ времени и благотворнымъ для здоровья; у многихъ народовъ оно обратилось даже въ страсть, которая выражается въ самой разнообразной формѣ и всего сильнѣе проявляется въ необузданной склонности къ паломничеству. Если персу или какому либо жителю Средней Азіи выпадетъ особая удача въ жизни, если онъ желаетъ доставить себѣ или своей женѣ какое нибудь необыкновенное удовольствіе, то онъ задумываетъ отправиться въ мусульманскую Азію, какъ задумываемъ мы поѣхать въ Италію, Швейцарію или куда либо на воды. Для этой цѣли, задолго до ея осуществленія, откладываются для сбереженія небольшія суммы, заготавливается одежда и всѣ предметы, необходимые для путешествія, а затѣмъ уже предвкушается то наслажденіе, которое доставитъ путешествіе по чужимъ землямъ и городамъ и пребываніе въ такихъ освященныхъ памятью пророка мѣстахъ, посѣщеніе которыхъ и безъ того приносятъ вѣрующимъ вѣчное блаженство въ будущей жизни.

Разумѣется, путешествіе въ Мекку и Медину, въ эти два святилища ислама, считается самымъ важнымъ. За этимъ путешествіемъ, называе-

¹⁾ Слова путешествіе и адъ пишутся такъ, что все различіе между ними состоитъ въ одной только точкѣ.

имъ хадшъ, по степени религіозной важности, слѣдуетъ посѣщеніе гробницъ членовъ семьи пророка, напимѣръ, посѣщеніе Кербалы и Недшефа (со стороны шитовъ), Мешгеда, Кумы, и посѣщеніе гробницъ Эшаба, помощника пророка при постройкѣ имъ храма, и разныхъ другихъ святыхъ и ученыхъ толкователей корана. Хотя съ математическою точностію установлено, что 7 путешествій къ могилѣ Эшаба и 21 путешествіе къ гробницѣ Вели Уллаха равняются одному путешествію въ Мекку, тѣмъ не менѣе пустынная, каменистая и песчаная Аравія остается высшимъ идеаломъ стремленій для всего мусульманскаго востока. Поэтому мы поговоримъ прежде всего о хадшѣ, паломничествѣ *rag excellence*.

Хотя пророкъ говоритъ въ коранѣ: «предприимайте путешествія къ моему дому», однако, позднѣйшіе комментаторы, желая нѣсколько умѣрить чрезмѣрную страсть къ паломничеству, ограничили его слѣдующими условіями: 1) необходимо обладать достаточными денежными средствами, 2) быть физически здоровымъ, 3) состоять внѣ брака, 4) не оставлять дома никакихъ долговъ, 5) отправляться въ дорогу только въ мирное время, 6) предпочитать сухопутный путь морскому (вслѣдствіе безопасности перваго) и, наконецъ, 7) быть совершеннолѣтнимъ, т. е. имѣть не менѣе 15 лѣтъ. Строгое соблюденіе этихъ правилъ было бы весьма полезно для мусульманскаго общества изъ чисто экономическихъ видовъ, но въ магометанской религіи не мало заднихъ ходовъ, и достаточно какого нибудь видѣнія или сна, чтобы ниспровергнуть всю эту груду правилъ. Весьма замѣчательно, что чѣмъ далѣе какая нибудь страна находится отъ этихъ религіозныхъ центровъ ислама (Мекки и Медины), тѣмъ пламеннѣе она стремится къ этимъ центрамъ. По всей вѣроятности, причина этого явленія заключается въ большей интенсивности вѣры на крайнихъ восточныхъ и западныхъ границахъ ислама, именно съ одной стороны въ Фецѣ и Марокко, съ другой въ восточномъ Туркестанѣ и въ трехъ ханствахъ, гдѣ фанатизмъ сильнѣе, чѣмъ даже въ самой Аравіи. Кромѣ того, въ стремленіи къ паломничеству большую роль играетъ романтизмъ, а сказалъ бы даже поэтическое одушевленіе, которое, хотя и основано на религіозной мечтательности, вело, однако, въ теченіи многихъ столѣтій къ практическимъ результатамъ.

Вспоминая между моими многочисленными знакомыми въ различныхъ мусульманскихъ странахъ лицъ, которыхъ я видѣлъ въ моментъ ихъ снаряженія къ хадшу, я еще и теперь не въ состояніи удержаться отъ изумленія. Такіе люди за нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ до осу-

ществленія предположенной цѣли совершенно измѣняются, и по мѣрѣ того, какъ приближается срокъ отправиться въ путь, въ нихъ появляется лихорадочное состояніе и особенно возбужденное настроеніе. Лица бѣдныя обыкновенно тихо удаляются изъ круга своихъ; они всегда почти путешествуютъ на счетъ другихъ, которые надѣются за пожертвованную ими сумму денегъ списать долю божьей благодати; я зналъ даже такого путешественника, который 8 разъ въ своей жизни совершилъ тавафу (былъ въ Каабѣ) вмѣсто другихъ и столько же разъ былъ хадши, между тѣмъ какъ его довѣрители не могли похвалиться этимъ титуломъ. Последніе могутъ рассчитывать только на вознагражденіе въ томъ мірѣ, здѣсь же имъ присвоено право быть погребенными въ томъ крамѣ (паломническая одежда, имѣющая форму рубанки), въ которомъ былъ одѣтъ ихъ хадши-коммисіонеръ во время своего паломничества. Отъѣздъ у богатыхъ людей связанъ съ извѣстными торжествами. Отъѣзжающій съ ногъ до головы одѣвается заново, равно какъ и его слуги и спутники; онъ беретъ лучшихъ лошадей и лучшую сбрую и обыкновенно предъ отъѣздомъ дѣлаетъ завѣщаніе — предупредительность, какъ мы увидимъ впоследствии, далеко не безполезная. Разлука съ семьей, друзьями и родственниками имѣетъ серьезный и трогательный характеръ, такъ какъ прежде чѣмъ мусульманинъ достигнетъ Каабы — цѣли своихъ желаній, онъ долженъ проѣхать нѣсколько сотъ, иногда до тысячи миль и выдержать борьбу съ климатическими трудностями, съ различными стихіями и съ человѣческой злобой.

Представь себѣ, любезный читатель, одного или многихъ пилигримовъ, которые рѣшились отправиться въ продолжительный и трудный путь изъ восточнаго Туркестана или Кокана въ Аравію, и которые при благопріятныхъ условіяхъ могутъ достигнуть цѣли путешествія въ 9, а иногда только въ 12 мѣсяцевъ. Для такихъ людей хадшъ связанъ съ различными испытаніями, безконечными лишеніями, нуждой и всякаго рода опасностью. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ отдѣльные путники мало по малу соединяются въ группу и между ними возникаетъ крѣпкій союзъ дружбы, имѣющій характеръ родственной семьи. Пилигримы, отправляющіеся изъ тѣхъ магометанскихъ странъ, которыя лежатъ на далекомъ сѣверо-востоцѣ, соединяются большею частью въ Бухарѣ, Гератѣ и Оренбургѣ, между тѣмъ какъ путники, идущіе съ юго-востока, группируются въ многочисленное общество въ Бомбей или въ Карши. Если приходится значительную часть пути ѣхать водой, то трудности путешествія сравнительно не такъ велики, хотя и въ этомъ

случаѣ хадшисы, свученные въ узкомъ пространствѣ, не пользуются особыми удобствами. Но за то сухопутный путь, который считается болѣе угоднымъ Богу, сопряженъ съ необыкновенными затрудненіями, избирается ли путь къ святымъ мѣстамъ — я говорю здѣсь о мусульманскихъ странахъ, лежащихъ по восточной границѣ — мимо Персіи, чрезъ южную Россію или въ прямомъ юго-западномъ направленіи. Шіитскій Иранъ есть для суннитскаго Туркестана та страна, гдѣ пилигримы подвергаются всевозможнымъ опасностямъ, гдѣ ихъ постоянно оскорбляютъ, осмѣиваютъ бранью, а иногда и грабятъ, и при такихъ условіяхъ понятно, что путникъ, достигшій Багдада, считаетъ, что онъ уже близокъ къ цѣли. Начиная отъ Багдада и Константинополя, а также, — для правовѣрныхъ сѣверной Африки — отъ Каира и Александріи караваны пилигримовъ, первобытный характеръ которыхъ только въ странахъ древней Азіи является въ истинномъ свѣтѣ религіозной поэзіи, принимаютъ громадныя размѣры. Здѣсь встрѣчаются отдѣльныя группы, впереди которыхъ ѣдетъ одинъ изъ путниковъ съ огромнымъ краснымъ или зеленымъ знаменемъ. Въ каждой группѣ есть свой священникъ, который отправляетъ судейскія обязанности и устраняетъ возникающіе споры, а также свой муѳтинъ, приглашающій къ молитвѣ среди открытаго поля, въ городѣ или въ караван-сарай. Каждая группа имѣетъ также цирюльника и скомороха, который во время длиннаго пути, когда постоянное пѣніе «талькины» утомить путниковъ, старается своими плоскими шутками смѣшнить благочестивую компанію. Вѣстѣ съ такими группами часто ѣдетъ множество другихъ, которыя не сливаются съ ними. Одни изъ путниковъ — еретики - шіиты, которыхъ влекутъ къ святымъ мѣстамъ совершенно инныя чувства и побужденія, другіе — грязные татары, придерживающіеся своихъ собственныхъ обычаевъ, своего собственнаго языка и совершенно непохожіе на гордаго араба, который стремится поклониться гробу своего соотечественника и пророка, и съ первыми не жаждетъ имѣть ничего общаго. «Всѣ правовѣрные братья!» говоритъ Магометъ. Но то, къ чему стремился Магометъ, хорошо только въ теоріи; всякая же теорія на востокѣ, какъ и на западѣ — ненадежна.

Послѣ древняго города калифовъ на берегу Тигра, Дамаскъ считается второй большою станціей, гдѣ сливаются отдѣльныя группы пилигримовъ, идущихъ съ сѣвера, востока и запада. Путь отъ Багдада въ Дамаскъ никогда не былъ вполне безопаснымъ и особенно пріятнымъ, не смотря на множество промежуточныхъ станцій, а потому

понятно, что роскошный и обильный водою садъ, среди котораго красуется прежняя резиденція оммаядовъ, приводитъ въ восторгъ прибывшаго сюда путника. Персы, индійцы, жители средней Азіи и китайцы изображали мнѣ Дамаскъ, какимъ то земнымъ раемъ. — Начиная отъ плодородной долины сирійской столицы, караванъ пилигримовъ принимаетъ officialный характеръ, вслѣдствіе присоединенія къ каравану «сурре эмини» (предводителя константинопольскаго каравана пилигримовъ). Съ этого пункта дорога пролегаетъ въ югозападномъ направленіи, большею частью по пустынной мѣстности, по такъ называемому сирійскому тракту, и эта дорога прямо ведетъ къ Геджасу, т. е. къ Каменистой Аравіи. Не смотря на то, что по сирійской дорогѣ ѣздить болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ, не смотря на то, что она была предметомъ заботливости со стороны многихъ знаменитыхъ мусульманскихъ царей и царицъ, она производитъ непріятное впечатлѣніе, какъ всякая голая или покрытая скудною растительностью мѣстность. Сирійская дорога проложена по мѣстностямъ съ крайне рѣдкимъ населеніемъ и проходить она то по каменистымъ равнинамъ и голымъ гребнямъ горъ, то по сыпучимъ пескамъ; станціями служатъ большею частію жалкія лачужки или развалины прежнихъ замковъ. Мусульманинъ, одушевленный однимъ желаніемъ увидѣть Каабу и гробницу Магомета, не обращаетъ особеннаго вниманія на попадающіеся изрѣдка прекрасные памятники старины; онъ не интересуется ничѣмъ, что представляетъ собою Сабати Амманъ, эта древне-римская Филадельфія, или Гераца (нынѣшній Дшеррашъ) съ ея обломками великолѣпныхъ колоннъ, храмовъ, воротъ или разрушенными водопроводами и банями. Его помыслы направлены къ цистернамъ, которыхъ дѣлается все менѣе и менѣе, и къ годной для питья водѣ, которая также все болѣе и болѣе изсякаетъ; онъ ищетъ зеленаго луга, гдѣ можно было бы отдохнуть, но поиски его остаются тщетными. Особенно важна была бы для него защита отъ нападеній номадовъ, отъ которыхъ его не предохраняетъ ни турецкій султанъ, ни благочестивая цѣль его путешествія. Арабскія племена Бени-Гарбъ, Энезе и другія жадно высматриваютъ горячихъ почитателей ихъ соотечественника, они грабятъ ходжей и убиваютъ ихъ массами. Къ этому постоянному опасенію, внушаемому хищничествомъ бедуиновъ, присоединяется страхъ, возбуждаемый религіозными мифами и повѣрьями. Путника пугаютъ то какіе то духи, избравшіе своимъ мѣстопробываніемъ нѣкоторые пункты этой дороги, то ему страшны каменистыя пещеры Темада, гдѣ цѣлый народъ поплатился жизнью за то, что онъ

упорно отвергалъ миссію Магомета, то его приводитъ въ содроганіе воспоминаніе о безбожномъ племени гигантовъ Адовъ, царь которыхъ, пресловутый Шеддахъ, объявилъ себя богомъ, велѣлъ выстроить нѣсколько городовъ изъ серебра и золота, и, конечно, понесъ страшную кару за свое дерзкое безуміе. Только въ Манѣ, гдѣ отъ сирійской дороги отходить вѣтъ къ Палестинѣ, печальное однообразіе природы нарушается скудными признаками сельско-хозяйственной дѣятельности, садами и пашнями. Вотъ почему необыкновенное религіозное одушевленіе приводитъ путника въ восторженное состояніе, когда послѣ тридцатидневнаго утомительнаго и исполненнаго всякихъ мученій пути, онъ видитъ, наконецъ, предъ собой котловину, среди которой расположенъ, влѣво отъ черной базальтовой горы Огодъ, городъ, заключающій въ себѣ драгоценную гробницу пророка. При видѣ этой горы, магометане, новинуясь благочестивымъ внушеніямъ, должны чувствовать зубную боль, такъ какъ вблизи этой горы происходила та знаменитая битва, во время которой пророку выбито два зуба. Нынѣ эти два зуба почитаются какъ мощи и хранятся въ сералѣ, въ Константинополѣ, въ футлярѣ, осипавшемъ драгоценными камнями.

На восточномъ краю Медины возвышается, не претендующее на пышность, скромное зданіе съ столь же скромнымъ зеленымъ куполомъ; это — надстройка надъ гробницей пророка, завидѣвъ которую еще издали, правозѣрные замираютъ отъ благоговѣнія. Я называю это зданіе скромнымъ потому, что въ сравненіи съ другими великолѣпными магометанскими постройками, находящимися напр. въ Мешхедѣ и Недшефѣ, чудо Медины едва ли стоитъ того, чтобы о немъ упоминать, и можетъ развѣ считаться урокомъ скромности и простоты, который данъ пророкомъ потомству. Зданіе это имѣетъ видъ неправильнаго четырехугольника, въ наружныхъ сторонамъ котораго примыкаетъ множество частныхъ домовъ; къ переднему фасаду его недавно пристроено входное крыльцо. Внутри зданія густыми рядами стоятъ колонны, частью изъ мрамора и порфира, частью же изъ простаго камня. Въ юго-восточномъ углу возвышается, въ видѣ птичьей клѣтки, мавзолей пророка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ нѣкогда самъ Магометъ заложилъ первую мечеть и гдѣ онъ окончилъ дни свои на рукахъ любимой жены своей Айеши. Если проникнуть въ самое сердце этой святыни, то мы увидимъ предъ собой небольшое пространство, огороженное ярко-зеленой рѣшеткой, испещренной золотыми надписями и снабженной форточкой. Эта рѣшетка чрезвычайно густа и отъ гробницы собственно отдѣлена

узкимъ темнымъ корридормъ, гдѣ помѣщаются служители храма, такъ называемые потомки пророка, которые чрезъ вышеупомянутую форточку принимаютъ изъ рукъ пилигримовъ дары, приносимые пророку и, конечно, обращаютъ эти дары въ свою пользу. Доступъ въ это мрачное и таинственное святилище строго воспрещается служителями храма, и только благодаря громаднымъ приношеніямъ, туда удается проникнуть самымъ | богатымъ ходжамъ.

Стоя около этой рѣшетки, лицомъ къ гробницѣ, пилигримы, воздѣвъ руки къ небу, произносятъ слѣдующую молитву: «О! пророкъ, да будетъ съ тобою миръ Аллаха, милость Аллаха и его благодать. Да будетъ миръ съ тобою, о другъ Аллаха. Да будетъ миръ съ тобою, о лучшее изъ созданій Аллаха. Свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и признаю, что ты его пророкъ и истинный преемникъ; свидѣтельствую, пророкъ Аллаха, что ты исполнилъ свою миссію, утвердилъ твою вѣру, храбро сражался за своего Владыку и чтилъ твоего Бога, пока не наступилъ часъ смерти. И мы, твои друзья, о пророкъ Аллаха, являемся предъ тобою изъ далекихъ странъ, подвергшись опасностямъ, испытавъ трудности, идя во мракѣ ночи и днемъ, съ желаніемъ воздать Тебѣ должное и испросить благодати Твоего посредничества, потому что наши грѣхи погнули намъ спины, и ты испросишь намъ милости у того, кто исцѣляетъ насъ. О пророкъ Аллаха, посредничества, посредничества ¹⁾.

Эта молитва произносится со слезами, крикомъ и воемъ, такъ что невозможно разслышать собственного голоса. Неграмотные, которые вслушиваются въ слова чтеца, но не могутъ повторять эти слова за нимъ, довольствуются тѣмъ, что подражаютъ ему въ движеніяхъ губъ и рта. При этомъ всѣ объаты благоговѣніемъ, никто не смѣетъ коснуться рѣшетки, не говоря уже о шелковомъ занавѣсѣ, за которою скрыта гробница; только очень немногимъ удается ее видѣть. Одинъ образованный магометанинъ увѣрялъ меня, что эта гробница есть ничто иное, какъ довольно высокая продолговатая каменная плита, и онъ осмѣивалъ выдумку христіанскихъ путешественниковъ, утверждавшихъ, что стальной гробъ Магомета виситъ въ воздухѣ, притягиваемый привѣрнутымъ къ потолку магнитомъ. Тамъ же находятся гробницы Абу-Бекра и Омара, каждая съ отдѣльнымъ окошечкомъ, вдѣланнымъ въ упомянутую рѣшетку; стоя около этихъ гробницъ, правовѣрные читаютъ соотвѣствующую

¹⁾ Julius Broun, Gemälde der mahomedanischer Welt, стр. 435

ція молитвы, облегчая ими свое угнетенное состояніе. Такъ какъ шіиты изъ всѣхъ калифовъ, которые считаются узурпаторами, всего болѣе ненавидятъ Омара, то за персами, стоящими противъ его гробницы, строго слѣдятъ, и тотъ, кто выразитъ здѣсь свое неудовольствіе противъ великаго поборника ислама, обыкновенно страшно платится за такое святотатство. Тѣмъ не менѣе, бываютъ иранцы, которые, вмѣсто обычнаго «*Ja Oшагъ*» (о! Омаръ), произносятъ скороговоркой «*Ja Chimarъ*» (о осель!) и, придя домой, обыкновенно похваляются такимъ подвигомъ. Я даже видѣлъ иранцевъ, которые пишутъ имя Омара на подошвахъ своихъ башмаковъ съ тою цѣлю, какъ они говорятъ, чтобы топтать цѣлый день этого мошенника. Хотя посѣщеніе гробницы пророка есть больше заслуга, чѣмъ обязанность, однако рѣдкій ходжа не поклонится этой гробницѣ. Высшій идеалъ благочестивыхъ мусульманъ состоитъ въ томъ, чтобы умереть въ Мединѣ, и многіе богатые и богобоязненные люди отправляются туда на склонѣ своихъ дней. Ихъ называютъ мудшавирами, сосѣдями пророка, и они заранѣе предвѣушаютъ удовольствіе быть погребенными въ той части земли, гдѣ они будутъ ближе всего лежать къ смертнымъ останкамъ пророка и отчего, они, пользуясь его руководствомъ, весьма удобно дойдутъ до престола Аллаха, послѣ воскресенія изъ мертвыхъ.

Пробывъ приблизительно пять и не болѣе десяти дней въ Мединѣ, называемой Муневвирой (освященной), пилигримъ отправляется въ Мекку, которая съ своей стороны носить эпитетъ Мукеррима (прославленной). Четыре различныя дороги ведутъ къ этому городу, но изъ нихъ большею частью избирается султанская дорога (*Saltan-Joli*). И здѣсь также мѣстность почти сплошь пустынна и лишена растительности, и здѣсь ничего не предпринимается для удобства путешественниковъ, и не одинъ благочестивый мусульманинъ, особенно изъ бѣднѣйшаго класса, прежде чѣмъ достигнетъ «божьяго дома», какъ называется Кааба, испытаетъ множество непріятностей въ страшной давѣ отъ скопленія въ узкихъ проходахъ всадниковъ, муловъ, ословъ, верблюдовъ и путешественниковъ, которыхъ несутъ въ качалкахъ или въ корзинахъ. Вся эта масса пилигримовъ тѣснится другъ къ другу изъ опасенія подвергнуться нападенію бедуиновъ. На предпоследней станціи путники обыкновенно облакаются въ специальный костюмъ ходжей. Они стригутся, бръются, снимаютъ съ себя всю свою одежду и одѣваютъ ирамъ, т. е. сшитый изъ двухъ большихъ кусковъ холста мѣшокъ, называемый для благозвучія мантію, имѣющій два отверстія для головы и для

правой руки. Это священное одѣяніе едва ли практично, но несомнѣнно, что оно вредно отзывается на здоровьѣ особенно тѣхъ сыновъ сѣвера, которые привыкли къ болѣе теплой одеждѣ, чѣмъ ирамъ. Солнечные удары составляютъ обычное явленіе, прохладные же вечера влекутъ за собою поносы, и оттого-то понятно, что изъ ста путниковъ, прибывшихъ въ Мекку съ береговъ Волги, Окса, Яксарта и изъ долинъ Тянь-Шана, человѣкъ тридцать и болѣе, вмѣсто того чтобы возвратиться на родину, получаютъ въ награду отъ Аллаха завидный удѣлъ вѣчнаго успокоенія на почвѣ Аравіи. Отъ вышеупомянутой станціи остается еще пробираться цѣлый день и цѣлую ночь частью черезъ черные крутые утесы, частью же по сыпучимъ пескамъ, среди которыхъ попадаются, въ видѣ оазисовъ, зеленныя равнины. Наконецъ, по простествіи сутокъ, въ утру, путники достигаютъ конца ущелья, откуда взорамъ представляется сѣрая, беспорядочная масса домовъ, а среди ихъ большой дворъ храма Каабы и семь минаретовъ,—зрѣлище, приводящее пилигримовъ въ чрезвычайный восторгъ, доходящій до экстаза. Тысяча голосовъ потрясаютъ воздухъ криками радости, къ которымъ примѣшиваются возгласы: «Lebeik! Lebeik! Ja Allah» (о Боже! какъ будетъ тебѣ угодно). Всѣ сходятъ на землю; чужеземцы, никогда не видѣвшіе другъ съ другомъ, кидаются въ объятія, цѣлуются, плачутъ, кричатъ и ликуютъ, какъ будто предъ ними внезапно растворились врата не земной обители блаженства. И все это пламенное возбужденіе, эта необыкновенная радость вызвана какии-то сохранившимися отъ языческихъ временъ камнемъ, о происхожденіи котораго не знаютъ ни почитатели пророка ни иновѣрцы, но который однако ежегодно, въ теченіи слишкомъ двѣнадцати столѣтій, приводитъ въ страстное одушевленіе миллионы людей.

Умалчивая о разнообразныхъ невзгодахъ и непріятностяхъ, которымъ подвергаются пилигримы въ городѣ, переполненномъ чуждымъ для нихъ населеніемъ, мы бросимъ взглядъ на священную Каабу, которая возвышается среди четырехугольнаго двора, окруженнаго галлереею. Башня съ тупою вершиною, имѣющая около 40 футовъ вышины, всегда почти закрыта въ періодъ паломничества длинною шелковою занавѣскою. Входъ устроенъ съ сѣверной стороны и такъ высоко, что попасть туда безъ помощи служителей храма невозможно. Это неудобство могло бы быть устранено простою лѣстницею, но служители храма пользуются этимъ неудобствомъ, такъ какъ они получаютъ отъ богомольцевъ за свои услуги большія деньги. Когда, наконецъ, удастся попасть въ это мрачное и непривѣтливое святилище, то прежде всего показываются, при слабомъ мерцаніи

висящихъ на столбахъ лампъ, «Маками Ибрагимъ» (слѣды ногъ Авраама), по величинѣ которыхъ можно думать, что у добраго патріарха нога равнялась десяти слоновымъ лапамъ, поставленнымъ въ рядъ. На лѣвой сторонѣ находится священный источникъ Земземъ, вѣроятно, подземный текущій ручей; вода изъ этого источника считается мусульманами драгоцѣннѣйшею влагою, которая развозится въ самыя отдаленныя страны въ качествѣ какого-то чудодѣйственнаго элексира. Между мусульманами существуетъ убѣжденіе, что капля этой воды, положенная на языкъ умирающаго, спасаетъ его отъ чистилища, и что одна капля сохраняетъ женскую красоту и уничтожаетъ безплодіе. На мѣстѣ вода эта употребляется лишь въ небольшомъ количествѣ, что и понятно, такъ какъ она имѣетъ горько-соленый вкусъ и причиняетъ жестокой поносъ. Мои слутники въ средней Азіи въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ держали ее при себѣ за поясомъ въ круглыхъ стеклянныхъ сосудахъ, приготовленныхъ руками невѣрныхъ богемцевъ, и всякій разъ, когда намъ грозила какая нибудь опасность, они заботились гораздо болѣе объ этомъ сосудѣ, чѣмъ о своей жизни. Священнѣйшій предметъ въ Каабѣ есть, конечно, таинственный черный камень (Hadschari Aswad), находящійся въ восточномъ углу, неподалеку отъ дверей; онъ вмазанъ въ стѣну на высотѣ четырехъ футовъ отъ земли. Этотъ камень, нынѣ небольшой осколокъ, скрѣпленный серебрянными кольцами, составляетъ драгоцѣнность, которую дорожить не только это маленькое зданіе, но и весь мусульманскій міръ, и пилигримъ приближается къ нему не иначе, какъ съ трепетомъ и внутреннимъ волненіемъ. Уже издали протягиваются къ нему пальцы, а нѣкоторые цѣлуютъ воздухъ вблизи этого камня. Изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, только немногимъ удается сразу протолкаться къ этому камню, большинство между тѣмъ творить молитву и считаетъ себя счастливымъ, если, послѣ многихъ часовъ ожиданія, ему удастся, наконецъ, коснуться тремя пальцами правой руки этой драгоцѣнной святыни и поцѣловать ее. Эта высшая цѣль всѣхъ стремленій пилигримовъ. Въ Каабы, около мечети, находятся четыре «макамы», т. е. четыре гробницы основателей ортодоксальныхъ сектъ, именно секты ганефитовъ, шафеитовъ, гамбалитовъ и малекитовъ. Цѣлый день толпится на этомъ мѣстѣ пестрая масса народа, группы бритыхъ головъ и людей съ обнаженными плечами; хаосъ невообразимый, но всѣ одушевлены одною и тою же мыслью, обнаруживая только своимъ разговоромъ, что они прибыли сюда изъ различныхъ поясовъ и изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Не смотря, однако, на все религіозное значеніе благородной

Мекки, она, какъ и другіе священные города, отличается распутствомъ и испорченностью нравовъ. Пламенные молитвы чередуются съ безнравственными излишествами всякаго рода, и тутъ же, около самаго храма, происходятъ оргіи, превосходящія всякое описаніе. Впрочемъ это бываетъ не въ одной Меккѣ, какъ я имѣлъ случай лично убѣдиться въ этомъ въ Персіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, привлекающихъ къ себѣ богомольцевъ. Крайности сходятся, можно только сказать на это, ибо едва ли гдѣ безнравственность и развратъ доходятъ до такой степени, какъ напр. въ Мешхедѣ и Кумѣ въ Персіи.

До сихъ поръ мы говорили о двухъ моментахъ паломничества, а теперь намъ остается еще сказать о третьемъ, такъ сказать о довершеніи цѣлаго зданія, именно о путешествіи съ религіозною же цѣлью на гору Арафу или на Арафатъ, какъ говорятъ турки. Здѣсь въ 9 день мѣсяца цильгидше произносится проповѣдь, которая, при громадной массѣ слушателей, доходить до слуха немногихъ, но каждый пилигримъ считаетъ своимъ долгомъ присутствовать на ней. Уже за два дня до проповѣди тысячи пилигримовъ, одѣтыхъ въ ирамъ отправляются чрезъ восточныя ворота Мекки на этотъ холмъ вышиною въ нѣсколько сотъ футовъ. На 7-й или на 8-й день упомянутого мѣсяца Циль-гидша собирается неимоверная масса народа; весь склонъ горы устланъ людьми, между тѣмъ, какъ у ея подножія выстроены на скорую руку кофейни, цирюльни и балконы для театральныя представленія, которыми развлекается публика въ ожиданіи 9-го дня. Когда наступитъ этотъ день, то еще съ восходомъ солнца все устремляется на холмъ, чтобы занять возможно близкое мѣсто къ проповѣднику, который стоитъ на самой вершинѣ холма. Задача эта по истинѣ не легка, особенно если принять во вниманіе палящій зной аравійскаго солнца и жалкій ирамъ. Попытка взобраться на холмъ многимъ стоитъ жизни, но за то въ глазахъ правовѣрныхъ это мученики, души которыхъ прямо вознесутся на небо. Впрочемъ, этотъ покрытый массою народа холмъ представляетъ безспорно величественное зрѣлище. Тысячу глазъ обращено на проповѣдника, и всякій разъ, когда, войдя въ паеасъ, онъ поднималъ руки къ небу, весь этотъ человѣческій колоссъ колыбался, подобно волнамъ вздымающейся поверхности моря, и воздухъ оглашался криками: Lebeik! Lebeik! На этотъ разъ «Lebeik» умѣстенъ, потому что это повтореніе знаменитыхъ словъ Авраама, когда, повинувшись волѣ божіей, патриархъ рѣшился принести своего сына въ жертву.

Послѣ окончанія проповѣди, всѣ спѣшатъ сбѣжать съ горы. Эта по-

спѣшность предписана обрядомъ, и можно представить себѣ ту ужасную сцену, когда тысячи людей, конныхъ и пѣшихъ, ничего не разбирая, стремглавъ бросаются бѣжать съ горы во мракъ ночи или при слабомъ свѣтѣ нѣсколькихъ факеловъ, налетая на колья или путаясь въ веревкахъ, оставшихся отъ разобранныхъ палатокъ. При первой остановкѣ творится молитва, всѣ обнимаются и поздравляютъ другъ друга съ званіемъ ходжи, которое считается прибрѣтеннымъ съ этой минуты. Отправляясь дальше, каждый ходжа бросаетъ позади себя семь камешковъ, которые предназначаются сатанѣ, желавшему совратить Авраама. Очень часто эти камни попадаютъ, вмѣсто черепа сатаны, въ голову невинныхъ пилигримовъ, вслѣдствіе чего въ заключеніе этого священнаго обряда завязываются жаркія схватки. Наконецъ, въ долину Мина, закалывается животное, въ воспоминаніе жертвоприношенія Авраама. Люди бѣдные покупаютъ для этого ягненка или овцу, богатые же убиваютъ верблюда; всего же закалывается для жертвы много тысячъ головъ. Къ мясу этихъ животныхъ никто и не прикасается, и такъ какъ большая часть его остается *ad maiorem Dei gloriam* подъ палящими лучами солнца, то скоро въ зараженной атмосферѣ развивается первый зародышъ холеры, которая уноситъ тысячи пилигримовъ въ царство вѣчности, между тѣмъ какъ остальные заносятъ эту эпидемію и въ Европу, не смотря на строгіе мѣры, принятые на этотъ счетъ въ новѣйшее время холерною комиссіею. Послѣ окончанія этого третьяго акта паломничества пилигримы запасаются водою изъ Земзама и, наскоро собравъ другіе сувениры, покидаютъ божій городъ съ облегченнымъ сердцемъ и съ еще болѣе легкою сумою, между тѣмъ какъ въ Меккѣ именно теперь и начинается веселіе и радость, также какъ и въ Карлсбадѣ послѣ окончанія лечебнаго сезона. Служители Бога, лица, охраняющіе источники, хозяева квартиръ, лавочники, содержатели гостинницъ и кофеенъ, фокусники и гетеры принимаются считать свои доходы. О Богѣ, о черномъ камнѣ, Арафатѣ и водѣ изъ источника Земземъ они всего менѣе думаютъ; ихъ занимаетъ мысль о предстоящемъ сезонѣ, и шерифъ Мекки, этотъ потомокъ пророка, устраиваетъ даже по временамъ молитвы, дабы умолить Аллаха присылать пилигримовъ въ возможно большемъ числѣ.

А пилигримы? Они отправляются обратно въ длинный и многотрудный путь и пока еще хранятъ бодрое состояніе духа. Прежде, чѣмъ оставить городъ, каждый беретъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ предполагаютъ, жилъ Магометъ, немного земли и несетъ ее съ собою въ шелковомъ мѣшечкѣ. Это «*Chakimubarek*» (благословенный конецъ) счи-

тается самым надежным средством против глазных болѣзней. И я держалъ также за поясомъ подобный мѣшечекъ, хотя я никогда не рѣшался, какъ дѣлали мои спутники, бросать эту землю въ больные глаза. Вообще, обратный путь совершается быстрее. Мысль о радостномъ свиданіи со своими оживляетъ утомленные члены и заставляетъ терпѣливо переносить всѣ невзгоды путешествія. Но и награда, ожидающая путниковъ, стоитъ, впрочемъ, всѣхъ вынесенныхъ ими мукъ и страданій. Родственники и друзья далеко выходятъ имъ на встрѣчу, а при входѣ ихъ въ родной городъ, въ честь ихъ устроиваются различнаго рода торжества. Ликующая толпа водить ихъ по улицамъ; все толпится вoкругъ нихъ, чтобы взглянуть на нихъ и коснуться ихъ платья въ надеждѣ схватить хотя одинъ атомъ пыли священнѣйшаго изъ всѣхъ городовъ. Если я не ошибаюсь, объявившій и поцѣловавшій новоприбывшаго ходжу получаетъ двадцатую часть благодати, прибрѣтенной послѣднимъ за все это благое дѣло. Титулъ ходжи, красующійся на кольцѣ, а впослѣдствіи на гробницѣ, окружаетъ мусульманина всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Каждый ходжа становится патриціемъ, онъ играетъ въ общинѣ роль руководителя и вслѣдствіе этого болѣе защищенъ, чѣмъ кто либо другой, отъ тиранніи начальниковъ. И такая привилегія не лишена основанія, ибо тотъ, кто путешествовалъ въ теченіи года, тотъ, кто видѣлъ много чужихъ земель и націй, кто вынесъ изъ своихъ наблюденій какой нибудь опытъ, тотъ не безъ права можетъ занять высшее мѣсто между своими согражданами. При посредствѣ паломничества различные народы востока знакомятся между собою; оно служитъ средствомъ сообщенія между обитателями Африки и Азіи и есть, такъ сказать, ежегодный конгрессъ послѣдователей ислама.

Мекка и Медина довольно значительно удалены отъ массы мусульманскаго населенія; путешествіе въ эти города, совершается ли оно водой или сухимъ путемъ, сопряжено съ большими издержками, и число пилигримовъ, надѣющихся на посохъ и на свою нищенскую суму, сравнительно ничтожно. Но такъ какъ всѣ страстно желаютъ путешествовать, т. е. паломничать, то мусульманское благочестіе измыслило и другія мѣста для богомолья, находящіяся гораздо ближе Аравіи. Пріисканіе священныхъ гробницъ никогда и ни для какой религіи не составляло трудности. Мусульманинъ замѣчаетъ во мракѣ ночи какой нибудь огненный столбъ, христіанинъ видитъ образъ мадонны, окруженной сіяніемъ, здѣсь молятся лурдской Богоматери, тамъ—имаму N. N., и такъ какъ духовенство на востокѣ, какъ и на западѣ, сильно

заботится о томъ, чтобы такіа мѣста чудесъ находили себѣ посѣтителей и почитателей, то и никогда не ощущалось недостатка въ священныхъ гробницахъ. Мы не намѣрены здѣсь подробно перечислять эти гробницы, хотя во многихъ «*Teskerei Erolia*» (исторія святыхъ) содержится для этого неисчерпаемый матеріалъ. Замѣтимъ только, что, кромѣ Мекки и Медины, существуетъ достаточно мѣстъ для богомолья, пользующихся повсемѣстной славой. Къ нимъ относятся въ восточныхъ суннитскихъ странахъ гробницы святаго Афака въ Кашгарѣ, Ахмеда Іессеви въ Туркестанѣ и Багаеддина въ Бухарѣ. У шиитовъ же есть свой Мешгедъ, Кумъ и Кербела. Святые, покоящіеся въ трехъ послѣднихъ мѣстностяхъ, возведены въ званіе мучениковъ больше изъ экономическихъ, чѣмъ изъ религіозныхъ видовъ. Нѣкоторые умные цари Ирана, желая хотя до нѣкоторой степени ограничить ежегодный отливъ массы денегъ въ Аравію, создали для удобства своихъ богомольныхъ подданныхъ трехъ національныхъ святыхъ, почитаніе которыхъ удовлетворяло какъ національному культу, такъ и національной экономіи. Богатство и великолѣпіе этихъ шиитскихъ гробницъ часто были предметомъ описаній; я говорю объ этихъ богомольяхъ въ моемъ «Путешествіи въ Персію», и такъ какъ я былъ на этихъ богомольяхъ не въ качествѣ простого посѣтителя, но и пилигрима, то я могу положительно утверждать, что богомольцы въ Кумѣ и Мешгедѣ лишь немногимъ уступаютъ мединскимъ паломникамъ въ видимомъ благочестіи, одушевленіи и даже экстазѣ. Ослѣпительное великолѣвіе покрытыхъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями гробницъ шиитскихъ святыхъ, возбуждаютъ благоговѣйный восторгъ въ душѣ паломника. Всѣ эти украшенія—суть плоды благочестивыхъ приношеній, которыми мусульманинъ умиловивляетъ какъ земныхъ, такъ и небесныхъ владыкъ. Весьма распространенная на востокѣ поговорка гласитъ: «О дервишъ, о святой человѣкъ, безъ денегъ ты и на небѣ не болѣе, какъ нищій-чужакъ». Гробницы эти замѣчательны и въ архитектурномъ отношеніи. Куполъ мечети имама Ризы, въ Мешгедѣ, покрытъ золотой бляхой, толщиной въ нѣсколько сантиметровъ, и можно представить себѣ, какимъ чуднымъ блескомъ сіяетъ онъ при восходѣ и закатѣ солнца. Даже вся наружная стѣна минарета покрыта толстымъ слоемъ золота, рѣшетка же, окружающая каждую гробницу въ Мешгедѣ и Кумѣ, состоитъ изъ массивныхъ серебряныхъ палокъ съ столь же массивными золотыми украшениями. Черезъ высокія, покрытыя толстыми серебряными пластинками, ворота пилигримъ входитъ во внутреннюю часть святилища, гдѣ

все представляется ему въ волшебномъ свѣтѣ; гробницы окружены множествомъ нищъ, украшенныхъ разнообразными барельефами и великолѣпными арабесками, всѣ стѣны покрыты лазоревой эмалью на золотомъ фонѣ, и неудивительно, что бѣдный мусульманскій пилигримъ, вступивъ въ это святилище, проникается чувствомъ благоговѣнія, при видѣ блеска и богатствъ, которыми окруженъ святой. У меня до сихъ поръ еще въ памяти видъ пилигримовъ, толнящихся около серебряной рѣшетки той или другой гробницы, ихъ всхлипыванія, вздохи и крики при чтеніи молитвъ, изображенныхъ на вывѣшенныхъ доскахъ, наконецъ, то боязливое вниманіе, съ которымъ неграмотные улавливаютъ каждое слово, произнесенное муллою. Я видѣлъ, какъ текли слезы по лицамъ дѣтей, по чернымъ, какъ смоль, и сѣдымъ бородамъ, я былъ свидѣтелемъ, какъ даже женщины, бія себя въ грудь съ такою силою, что эти удары отдавались, какъ эхо, подъ сводами храма, творили покаянную молитву. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта набожность была глубоко искренняя. Но къ чему скрывать? Я видѣлъ также много лицемерія, много лжи и обмана среди этихъ благоговѣйныхъ молитвъ. Дѣло было въ Мешгедѣ, гдѣ одинъ неграмотный пилигримъ, сущій скряга, которому гонораръ, платимый за чтеніе молитвы официальному блюстителю святыни, показался слишкомъ высокимъ, обратился ко мнѣ съ просьбой оказать ему эту услугу. Онъ всталъ подлѣ меня, и я сталъ добросовѣстно читать ему соотвѣтствующія случаю суръ изъ корана и арабскія молитвы. Сначала онъ что-то бормоталъ, но вскорѣ я услыхалъ за своей спиной слѣдующій діалогъ: А... «Болѣе пяти дукатовъ эта лошадь не стоитъ». Б... «Клянусь святымъ Аббасомъ! я самъ заплатилъ за нее двѣнадцать дукатовъ» и т. д. Въ негодованіи я обернулся назадъ и увидѣлъ, что мой мешгедецъ съ какимъ-то своимъ знакомымъ погруженъ былъ въ лошадиннй торгъ — оригинальное занятіе пилигрима у гроба святаго имама Ризы.

То же самое можно сказать о Кумѣ, привлекающей на богомолье преимущественно женщинъ. Въ этомъ городѣ покоится подъ позолоченнымъ куполомъ сестра мученика изъ рода Али имама Ризы, по имени Фатьма, называемая обыкновенно Мээссуме-и-Фатима (непорочная Фатьма). Согласно повѣрью, достаточно прикоснуться къ ея саркофагу, чтобы безплодная женщина (безплодіе въ Персіи распространено въ ужасной степени) стала рождать дѣтей, приобрѣла бы утраченную любовь, не теряла бы своихъ прелестей и, что всего важнѣе, не потерпѣла бы кары въ томъ мірѣ за свою невѣрность. На пространствѣ

полъ-мили вокругъ гробницы этой святой магометанки тянется огромное кладбище, гдѣ похоронены женщины изъ самыхъ отдаленныхъ странъ Ирана, тѣ согрѣшившія, по всей вѣроятности, женщины, которыя, считая себя виновными въ нарушеніи супружеской вѣрности, желаютъ въ день воскресенія изъ мертвыхъ явиться предъ божій судъ въ сопровожденіи этой непорочной дѣвы. Мессумея же Фатьма, быть можетъ, и сама виновна въ томъ, что въ настоящее время прекрасныя дщери Кумы такъ легко расстаются съ своей непорочностью. Сколько мнѣ извѣстно, въ Персіи нѣтъ другого города, гдѣ было бы столько продажныхъ женщинъ, какъ въ Кумѣ, куда женщины собираются на богомолье. Слава о распутствѣ Кумы далеко разнеслась по востоку, тѣмъ не менѣе туда ежегодно отправляются тысячи женщинъ, и даже нѣкоторымъ изъ царичъ нынѣшней династіи сооружены мавзолеи подъ позолоченнымъ куполомъ гробницы Фатьмы. Тамъ покоится прахъ двухъ каджаровъ, которые при жизни извѣстны были любовью къ женщинамъ; изъ нихъ у одного Фетъ-Али-шаха было 800 женъ; неудивительно поэтому, что онъ пожелалъ и послѣ смерти находиться въ обществѣ женщинъ.

Независимо отъ Мешгеда и Кумы, шиитъ-иранецъ съ особенной любовью обращаетъ свои взоры на Кербелу и Недшефъ, гдѣ погребены великій Али и его сынъ Гуссейнъ, погибшіе мученикомъ. Дорога, вѣдущая къ этимъ священнымъ городамъ, протекаетъ по суннитской странѣ враждебной иранцамъ и не безопасной вслѣдствіе набѣговъ бедуиновъ. Поэтому попасть туда въ высшей степени трудно, но шиитъ всѣмъ готовъ жертвовать для своихъ героевъ, которые отдали жизнь свою за шиитскую вѣру и окончили дни свои подъ кинжалами убійцъ, томимые смертельными муками жажды. Поэтому путешествіе, предпринимаемое въ степь, лежащую къ югу отъ Багдада, ставится въ особую заслугу, и тотъ, кто отправляется туда на богомолье, получаетъ званіе «Kerbelai», между тѣмъ какъ посѣтитель Мешгеда носитъ названіе «Meschedi». Изъ 50 персовъ, питающихъ страсть къ паломничеству максимумъ 5 отправляются въ Мекеку, остальные же ставятъ цѣлью своихъ странствованій вышеупомянутыя мѣстности, и тотъ, кому не удалось при жизни попасть туда, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы туда перенесенъ былъ его трупъ. Всѣ желаютъ паломничать и путешествовать, и совершенно справедливо приписывать этой неукротимой страсти перса къ путешествіямъ его умственную подвижность и его значительное превосходство надъ другими мусульманскими народами.

ХІІ.

Дервиши.

Такъ какъ восточный человѣкъ, по естественнымъ свойствамъ его духа, склоненъ все доводить до излишества и до крайностей, то ему болѣе должно было быть по душѣ религіозное ученіе, окруженное таинственностью и страннымъ формализмомъ, чѣмъ неприкрашенное, сухое, хотя и убѣдительное слово. Монашество и его представители давно уже внушали народу любовь и вызывали въ немъ изумленіе къ себѣ, между тѣмъ какъ къ священникамъ и теологамъ онъ чувствовалъ только почтеніе; отсюда многовѣковая, упорная борьба между улемами и дервишами, борьба въ средѣ духовенства, которая имѣла бы мѣсто и въ исторіи христіанства, если бы благочестивые и проникательные отцы церкви не догадались своевременно взять монаховъ подъ свое покровительство, подчинить ихъ своей власти и сдѣлать ихъ своими покорнымъ орудіемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что религіозное чувство мусульманъ приняло особенное направленіе; нужно видѣть и изучить дервиша, чтобы понять, что такой человѣкъ вполне соотвѣтствуетъ экзальтированному состоянію духа восточнаго человѣка; нужно видѣть этого дервиша въ его странномъ одѣяніи, каждая часть котораго, даже каждая пуговица есть символъ какой нибудь идеи; нужно видѣть этого дервиша за молитвой, когда онъ прыгаетъ, скачетъ, танцуетъ и катается по полу, желая воплотить въ этихъ движеніяхъ свою фантазію, воспламененную любовью къ богу. На западѣ набожный человѣкъ возноситъ теплую молитву къ своему Творцу, онъ проникается любовью и благоговѣніемъ къ Богу и старается глубже запечатлѣть эти чувства въ своей

душѣ. Восточный же человекъ находитъ такую молитву слишкомъ холодной и официальной, онъ желаетъ проявить свое почтеніе къ Богу экстазомъ, необузданными порывами страсти, онъ хочетъ дойти до безчувствія, и видитъ въ этомъ временномъ отдѣленіи духа отъ тѣла лучшее средство приблизиться къ творцу. На этомъ-то, и ни на чемъ болѣе, основано, какъ мнѣ кажется, все значеніе дервишей, — дервишей, составляющихъ ту характерную черту восточныхъ нравовъ, которую пытались выяснить многіе искусные писатели. Такъ какъ я самъ довольно долго принадлежалъ къ одному изъ монашескихъ орденовъ, то я и попытаюсь, оставляя въ сторонѣ различныя теоретическія соображенія, изобразить портретъ дервиша.

Войдя въ какое либо общество, вы иногда замѣтите, любезный читатель, въ кругу его человекъ, рѣзко отличающагося по одеждѣ отъ другихъ его сотоварищей; его выпученные глаза и нервозность производятъ непріятное впечатлѣніе, его жесты во время сидѣнья, ходьбы или стоянія напоминаютъ какого то душевнаго больного. Это — дервишъ, вѣрное олицетвореніе всѣхъ тѣхъ странностей, которыя могутъ быть порождены только горячечной фантазіей азіята, фанатически преданнаго своей вѣрѣ. На немъ польская или съ круглыми полями шляпа, она или войлочная, или изъ шерсти, взятой непременно отъ жертвеннаго верблюда или отъ жертвенной овцы, или же, наконецъ, изъ сукна, и въ этомъ случаѣ она спита изъ трехъ кусковъ. На этой суконной шапкѣ, обыкновенно краснаго цвѣта, вышиты черными нитками любимые стихи какого нибудь монашескаго ордена или отдѣльныя буквы и слова мистическаго содержанія; она снабжена также козырькомъ не столько для защиты отъ солнца, сколько для того, чтобы не смотрѣть вверхъ, такъ какъ взоръ людей, рожденных изъ праха, всегда долженъ быть обращенъ къ землѣ. При повышеніи дервиша, — для чего требуется въ различныхъ орденахъ различный срокъ, — онъ получаетъ отъ своего духовнаго главы (пиръ) право обвивать свою шляпу кусками сукна. Эти завитки, числомъ отъ 5 до 9, называются терками (буквально — разставаніе) и выражаютъ собою — символически — связываніе или, такъ сказать, подавленіе нѣкоторыхъ грѣховныхъ побужденій человѣческой природы. Обматывая первый разъ свою шапку, дервишъ говоритъ: «я связываю себялюбіе», во второй разъ: «я связываю корысть», въ третій разъ: «я связываю гнѣвъ» и т. д. Тотъ, кто обматываетъ девять разъ свою чалму, сковалъ такимъ образомъ 9 главныхъ страстей, тотъ пребываетъ въ твердомъ убѣжденіи, что онъ не можетъ согрѣшить.

Значеніе, придаваемое дервишемъ чалмѣ, отлично отъ нѣсколько болѣе поэтическаго толкованія муллъ. Послѣдніе считаютъ чалму чѣмъ-то въ родѣ *emento mori* или савана, долженствующаго напоминать о смерти. Обыкновенный мусульманинъ обматываетъ чалму два или три раза сукномъ, человѣкъ же набожный — разъ семь, и такъ какъ я принадлежалъ къ послѣдней категоріи, то я и не могу вспомнить съ особеннымъ удовольствіемъ объ этомъ головномъ уборѣ.

Костюмъ дервиша состоитъ, кромѣ кулага (шляпы), главнымъ образомъ изъ хирки (мантіи), которая обыкновенно сшита изъ одного куска, хотя считается похвальнѣе носить хирку, собранную изъ многихъ пестрыхъ лоскутковъ. Лоскутки должны располагаться безъ всякой правильности, одинъ на другомъ, и ихъ сшиваютъ толстыми нитками посредствомъ шила. Чтобы вполне походить въ этой хиркѣ на нищаго, нижній край ея не долженъ быть обрубленъ; обыкновенно онъ торчитъ длинными лохмотьями. «*El fakri fashgi*» (бѣдность есть моя гордость), сказалъ пророкъ, о которомъ злые языки говорятъ, что онъ обладалъ громаднымъ состояніемъ, и, подобно ему дѣйствуютъ и говорятъ его преемники. Однажды я былъ въ средней Азіи въ гостяхъ у главы одного монашескаго ордена, который (т. е. глава) хотя и былъ собственникомъ многихъ домовъ и имѣній, носилъ всетаки хирку, имѣвшую также лохмотья, но только съ внутренней стороны, между тѣмъ какъ наружная покрыта была тонкимъ атласомъ; смотря по надобности, онъ обращалъ ее на ту или на другую сторону. Нѣкоторые монахи носятъ, вмѣсто хирки, кафтанъ безъ рукавовъ, извѣстный подъ именемъ гайдара. Гайдаръ, какъ извѣстно, есть прозвище Али, который носилъ такого рода платье. Иногда этотъ гайдаръ испещренъ разноцвѣтными полосами, которыхъ часто бываетъ до 12, чѣмъ указывается на 12 имамовъ. Верхняя одежда у монаховъ одного индійскаго ордена состоитъ изъ тигровой и леопардовой кожи, но она одѣвается не на другое какое либо платье, а на голое тѣло, и составляетъ единственный костюмъ этихъ богобоязненныхъ людей.

Весьма важную роль играетъ также поясъ, который называется или *тайбендомъ*, если онъ шерстяной, или *камбери*, если онъ сплетенъ изъ разноцвѣтныхъ веревокъ. Одна изъ этихъ веревокъ, *дилъ башъ* (язычная веревка), должна обуздывать злой языкъ, другая, *бель-башъ* (веревка для чреслъ), смирять животную похоть. Въ послѣднемъ отношеніи поясъ имѣетъ большую важность, такъ какъ чресла связаны, по мнѣнію восточныхъ народовъ, съ половой возмужалостью и служатъ сим-

волохъ дѣвственности. Поясъ этотъ иногда скрѣпленъ пряжкой съ большимъ камнемъ съ надписью: «Kanaad-taschi (камень довольства) въ воспоминаніе камней, которые носить при себѣ бѣдный дервишъ для утоленія голода. Я видѣлъ, однако, дервишей, которые ѣли лукулловскіе обѣды, но ходили въ нищенскомъ плащѣ и ни за что въ мірѣ не согласились бы разстаться съ этими камнями. Камни за поясомъ имѣютъ еще и другой смыслъ. Если, напр., надо произнести имя бога 1001 разъ, то это дѣлается большею частью въ обществѣ шести или десяти дервишей, изъ которыхъ у каждаго по 25 камешковъ, отѣлаживаемыхъ въ сторону по одному послѣ каждаго раза, для того, чтобы не сбиться со счета. Такимъ образомъ, если каждый изъ десяти дервишей 4 раза переберетъ свои 25 камней, то значить, въ общемъ итогѣ, имя Бога провозглашено 1000 разъ. Слѣдуетъ замѣтить, что у монаховъ ордена Бесташи поясной камень называется «целенгъ» (леопардъ) и всегда бываетъ семиугольный — указаніе на 7 небесъ и 7 земель, 7 океановъ и 7 планетъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ шейхъ этого ордена 7 разъ снимаетъ и одѣваетъ свой поясъ, при чемъ онъ говоритъ:

- 1) Я связываю скудость и разрѣшаю великодушіе.
- 2) Я связываю гнѣвъ и разрѣшаю кротость.
- 3) Я связываю любостяжаніе и разрѣшаю благочестіе.
- 4) Я связываю невѣжество и разрѣшаю страхъ Божій.
- 5) Я связываю страсть и разрѣшаю любовь къ Богу.
- 6) Я связываю голодъ и разрѣшаю духовное насыщеніе.
- 7) Я связываю дьявольское навожденіе и разрѣшаю божественность ¹⁾.

Чтобы дать возможно-полное понятіе о туалетѣ дервиша, слѣдуетъ упомянуть еще о *тадше* (коронѣ), какъ называется головной уборъ шейха. Какъ шахъ и кедахъ (царь и нищій) противопоставляются другъ другу, какъ два крайнія положенія въ обществѣ, такъ точно корона дервиша противопоставляется коронѣ царской. Въ первомъ случаѣ выражается *non plus ultra* презрѣнія къ свѣту, въ послѣднемъ — максимумъ земного величія, и такъ какъ, принявъ во вниманіе суетность мірской славы и непостоянство судьбы, нищій не долженъ стыдиться своей шапки, какъ царь можетъ гордиться своей короной, то между ними существуетъ нѣкоторая близость, которая выражается и въ дѣйствительности, ибо дервишъ имѣетъ право непосредственно обращаться къ царю и садиться подлѣ него даже безъ его приглашенія.

¹⁾ The Dervishes by I. P. Brown London 1868, стр. 146.

Дервишъ долженъ имѣть при себѣ извѣстныя орудія или, если можно такъ выразиться, атрибуты, которые частью служатъ для него неизбѣжнымъ спутникомъ, частью же суть символическіе предметы. Сюда принадлежать: 1) *теберъ*, т. е. топоръ съ короткой рукояткой, испещренной мистическими надписями; топоръ этотъ служитъ для борьбы съ страстями, которыя представляются разгоряченному воображенію дервиша въ плотскомъ образѣ, такъ что, придя въ экстатическое состояніе, онъ размахиваетъ топоромъ, восклицая: «Теперь я поразилъ такой-то порокъ или такую-то страсть». 2) *Тесбитъ* или четки, состоящія изъ 99 костей: четки всегда носятъ за поясомъ. 99 костей изображаютъ собою, согласно мусульманскимъ вѣрованіямъ, слѣдующія 99 свойствъ Бога:

1) Богъ.	26) Всѣмъ завѣдующій.
2) Милостивый.	27) Слышащій.
3) Милосердый.	28) Видящій.
4) Святой.	29) Судія.
5) Имущій.	30) Справедливый.
6) Искупитель.	31) Исполненный прелести.
7) Внушающій вѣру.	32) Обо всѣхъ увѣдомленный.
8) Защитникъ.	33) Кроткій.
9) Возвышающій.	34) Великій (<i>azim</i>).
10) Сильный.	35) Сострадательный.
11) Доставляющій почетъ.	36) Благодарный.
12) Создатель.	37) Высокій.
13) Всеоживляющій.	38) Великій (<i>Kebir</i>).
14) Дающій форму.	39) Охранитель.
15) Прощающій.	40) Попечитель.
16) Дающій.	41) Ведущій отчетъ.
17) Воздатель.	42) Славный.
18) Кормилецъ.	43) Благосклонный.
19) Отверзающій.	44) Наблюдатель.
20) Всевѣдущій.	45) Принимающій молитвы.
21) Вездѣсущій.	46) Протяженный.
22) Посылающій радость.	47) Утверждающій приговоръ.
23) Укротитель.	48) Любящій.
24) Возвышающій.	49) Возвышенный.
25) Удостоивающій вниманія.	50) Исповѣдующій.

51) Причина бытія.	77) Владыка.
52) Истинный.	78) Всевышній.
23) Подающій.	79) Благожелательный.
54) Сильный.	80) Пробуждающій раскаяніе.
55) Крѣпкій.	81) Мститель.
56) Другъ.	82) Создатель.
57) Драгоценный.	83) Добрый.
58) Рассчитывающій.	84) Располагающійся имуще-
59) Предпринимающій.	ствомъ.
60) Возбудитель.	85) Располагающійся отличи-
61) Одухотворяющій.	ями и почестями.
62) Умерщвляющій.	86) Удовлетворяющій.
63) Вѣчный.	87) Образующій.
64) Неизмѣнный.	88) Богатый.
65) Изображающій	89) Обогащющій.
66) Блестящій.	90) Препятствующій.
67) Единственный.	91) Наносящій вредъ.
68) Нетлѣнный.	92) Приносящій пользу.
69) Могущественный.	93) Свѣтъ.
70) Доставляющій могущество.	94) Предводитель.
71) Предшествующій.	95) Начинающій.
72) Послѣдующій.	96) Завершающій.
73) Первый.	97) Наслѣдникъ.
74) Послѣдній.	98) Руководитель.
75) Видимый.	99) Терпѣливый.
76) Скрытый.	

Третій предметъ, который долженъ быть всегда у дервиша, есть гребень, *шане* или *таракъ*, посредствомъ котораго онъ обязанъ, по предписанію устава, расчесывать свои длинные волосы; послѣдніе же служатъ знакомъ полного отреченія отъ міра. Гребни, раздаваемые на извѣстное время главою ордена, считаются талисманами,—предметами, въ которыхъ предполагается какая-то духовная сила; я часто не могъ скрыть своего изумленія, когда эта туалетная принадлежность, довольно грязная и приготовленная изъ бухса (*buxas*), съ какимъ-то благоговѣніемъ подносилась къ губамъ и цѣловалась. 4) *Аза* или *Текіе*—короткая палка, на верху съ изображеніемъ полулунія, служащая, при извѣстныхъ позахъ, опорой для руки, преимущественно во время упо-

требленія наркотическихъ веществъ, хотя и въ этомъ случаѣ эти бого-боязненные люди пользуются ею весьма не долго, такъ какъ, опьяненные смертоноснымъ ядомъ, они падаютъ вмѣстѣ съ этой палкой на землю. 5) *Кешкулъ*, — нищенская чаша, состоящая изъ кокосоваго орѣха или тыквы; во время путешествія она закидывается на веревкѣ за спину, въ другихъ же случаяхъ держится въ рукѣ. Въ этой чашѣ сохраняются выпрошенные Христа ради куски пищи, сладкой и кислой, теплой и холодной, жидкой и сухой, словомъ, — весьма не аппетитный винигредъ. Наконецъ 6) привѣшенный къ поясу *кашакъ* въ формѣ ложки, не имѣющей углубленія; на одной сторонѣ ея сдѣланы поперечные надрѣзы. Посредствомъ этого аппарата, странствующій дервинъ освобождается отъ извѣстныхъ непріятныхъ паразитовъ, которые особенно надоѣдаютъ ему.

«Пути Господа разнообразны, но они всегда хороши и спасительны, если только они ведутъ къ нему». Этотъ принципъ лежитъ въ основаніи различныхъ монашескихъ орденовъ, *тариковъ* (буквально путей) поэтому всѣ они считаются одинаковыми по своему значенію и по своимъ заслугамъ, и въ высшей степени рѣдко одинъ орденъ ставитъ себя выше другого. Вообще, главныхъ орденовъ насчитывается до 36, между которыми особенной славой пользуются монахи *накишбенди* въ средней Азіи, Ниметь-Уллаги и Гайдери въ Индіи и Персіи, Кадери, Руфай, Дшелвети, Хальвети, Саади, а главнымъ образомъ Мевлевистъ въ Оттоманской имперіи.

Церемоніи вступленія въ монашеское братство различны въ различныхъ орденахъ. Такъ у бекташисовъ новичокъ почти совершенно раздѣвается и представляется шейху въ назначенной для этого комнатѣ. Съ толстой веревкой на шеѣ онъ является въ сопровожденіи двухъ *духовныхъ* толмачей предъ орденское собраніе изъ 12 засѣдателей, — указаніе на 12 имамовъ, — изъ которыхъ каждый имѣетъ предъ собой зажженную свѣчу. Затѣмъ его подводятъ къ *мейдантами*, т. е. къ двѣнадцатиугольному камню, находящему посреди залы, и онъ садится на этотъ камень, скрестивъ руки такъ, чтобы ладони лежали на плечахъ. При этомъ голова должна быть наклонена къ правому плечу и вообще все туловище принимаетъ такое положеніе, въ которомъ выражается полнѣйшая покорность и преданность. Въ другихъ монашескихъ орденахъ, напр. у мевлевисовъ, новичокъ, избравъ себѣ *муришиду* (духовнаго руководителя), обязанъ въ теченіи 1001 дня исполнять самую грязную и черную работу. Въ другихъ случаяхъ новички долж-

*

ны въ теченіи восьми или десяти мѣсяцевъ питаться самой скудной пищей и исполнять свои обычныя релігіозныя обязанности. Мнѣ рассказывали о лицахъ, которые заходили въ этомъ случаѣ такъ далеко, что ограничивали свою ежедневную пищу двумя оливоми и во время такого страшнаго умерщвленія плоти произносили молитвы по нѣскольку часовъ. Испытанія несчастнаго новичка оканчивались не ранѣе, пока онъ, высохши, какъ скелетъ, не начиналъ рассказывать о своихъ галлюцинаціяхъ и сновидѣніяхъ, во время которыхъ предъ нимъ являлись дорогія ему лица или даже самъ пророкъ. На сколько мнѣ извѣстно, эти галлюцинаціи обнаруживаются уже на первой недѣлѣ, но магометанскій монашескій уставъ не терпитъ въ монастырѣ толстопузыхъ членовъ, и такъ какъ эти галлюцинаціи признаются за настоящія только послѣ долгихъ мукъ, то новичекъ и не заявляетъ о своихъ видѣніяхъ тотчасъ, какъ они появляются. Вообще матеріальное положеніе мусульманскихъ монаховъ далеко не такъ завидно, какъ бытъ монаховъ на христіанскомъ западѣ. Въ прежнія времена находились благочестивые люди, которые заботились объ основаніи *теки* (монастырей) и *калентеръхановъ* (пріютовъ для странствующихъ дервишей); въ настоящее же время пожертвованія на монастыри весьма недостаточны, чтобы обезпечить живущимъ въ нихъ монахамъ безбѣдное существованіе. Кромѣ того нищенство почти повсюду запрещено въ принципѣ, и даже въ случаѣ крайней нужды дервишъ можетъ принять подарокъ не иначе, какъ предложивъ съ своей стороны въ даръ какую нибудь вещь. Вслѣдствіе этого на востокѣ весьма часто можно встрѣтить нищенствующихъ дервишей, которые предлагаютъ каждому зубочисти и такимъ образомъ обходятъ законъ, подобно тому какъ лондонскіе нищіе, торгующіе спичками, обходятъ самыя строгія полицейскія предписанія. Весьма странно, что, при такихъ условіяхъ, монашество находитъ весьма многихъ приверженцевъ на крайнемъ востокѣ и въ средней Азіи; это поразительное явленіе можетъ быть объяснено лишь способностью восточнаго человѣка довольствоваться малымъ и его непобѣдимой склонностью къ лѣности. Отростивъ длинные волосы, отпустивъ бороду, облекшись въ лохмотья и привѣсивши кошкуль, восточный человѣкъ можетъ безпрепятственно, не имѣя ни гроша въ карманѣ, странствовать изъ одного конца обширнаго мусульманскаго міра въ другой, пользуясь къ тому же преимуществами, которымъ могъ бы позавидовать всякій бродяга. Впрочемъ это относится только къ странствующимъ дервишамъ, между тѣмъ какъ призваніе осѣдлыхъ состоитъ въ исполненіи важныхъ въ

религіозной жизни востока обязанностей. Но въ чемъ состоятъ обязанности дервиша? Такъ какъ все его существованіе и вся задача его жизни есть молитва и восхваленіе Бога, то каждый орденъ и каждый отдѣльный членъ его обязаны въ теченіи извѣстныхъ часовъ дня выкрикивать разныя мистическія слова (телькинъ) и фразы, выражающія семь слѣдующихъ свойствъ Бога:

- 1) Ja illaha il Allah (нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха).
- 2) Ja Allah! (О Богъ!).
- 3) Ja Hu (Онъ одинъ и нѣтъ другой).
- 4) Ja Hak (О справедливый).
- 5) Ja Haj (О живущій).
- 6) Ja Kajjum (О сущій).
- 7) Ja Kahhar (О истители).

Для этой цѣли глава извѣстнаго монашескаго ордена устраиваетъ въ опредѣленные часы, обыкновенно послѣ обѣда или вечеромъ, замкнутый кругъ изъ членовъ братства, носящій названіе *халька* (кольцо) и долженствующій указывать на безконечность Бога, на единство братствъ и на непрерывность силы, одушевляющей отдѣльныхъ членовъ круга. Хальки происходятъ обыкновенно въ назначенномъ для этого помѣщеніи, въ шема-ханѣ (домъ освѣщенный факелами) или тевгитъ-ханѣ, иногда же въ саду или на открытомъ полѣ, смотря по обстоятельствамъ. Пиръ или шейхъ изображаетъ собою какъ бы печать или брилліантъ на этомъ дервишскомъ кольцѣ; изъ него, какъ изъ духовнаго главы братства, исходитъ и къ нему же возвращается сила, оживляющая муридовъ (членовъ братства). Послѣ того какъ пиръ, — личность, внушающая своимъ видомъ почтеніе, — займетъ мѣсто, нѣсколько минутъ проходитъ въ безмолвномъ сосредоточеніи мыслей на предстоящей молитвѣ, причѣмъ руки скрещиваются, голова опускается на грудь и каждый старается отвлечь свои помыслы отъ міра и отъ всего земнаго и погрузиться въ высшую, духовную сферу. Это интересный моментъ глубоководной тишины. Всѣ закрываютъ глаза, и можно видѣть, какъ у нѣкоторыхъ медленно, но высоко вздымается грудь, между тѣмъ, какъ у другихъ видишь какъ совершающаяся внутри ихъ борьба проявляется глухими столами. Наконецъ, пиръ начинаетъ читать тихимъ, но все болѣе и болѣе возвышающимся голосомъ, ту или другую кассиду (псаломъ.) Это болѣею частію поэгическія аллегоріи и стихотворенія, производя-

ція на слухателей поразительное дѣйствіе. Сначала дервиши слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ, головы ихъ неподвижно покоятся на груди, глаза сомнуты, и лишь по временамъ, когда то или другое мѣсто изъ прочитаннаго шейхомъ стихотворенія приведетъ слухателей въ возбужденіе, они проявляютъ его громкими криками: Аллахъ! Аллахъ! за которыми, попростувиіи нѣкотораго времени, слѣдуютъ возгласы: *Ja Hu! Ja Hakk! Ja Kahhar!* Въ этихъ возгласахъ выражается высшая степень одобренія. Они начинаютъ усиливаться и раздаваться все чаще и чаще, такъ что, наконецъ, голосъ шейха совершенно заглушается хоромъ дервишей.

Такъ какъ вообще существуетъ твердое убѣжденіе, что непрерывное и оживленное чтеніе священныхъ псалмовъ переходитъ въ плоть и кровь и что послѣ часоваго упражненія въ этомъ всякій увлекается или приходитъ въ экстазъ, то мусульманину кажется совершенно естественной та театральная сторона въ этихъ халькахъ, которая намъ представляется въ высшей степени странной. Я часто присутствовалъ на такихъ молитвахъ, и даже нѣсколько разъ участвовалъ въ нихъ, какъ духовное звено цѣпи, и потому я попытаюсь изобразить нѣкоторыя сцены, основываясь на своихъ личныхъ ощущеніяхъ.

Первая сцена.

Когда возгласы: «*Ja Hu! Ja Hahh!*» усилятся и сдѣлаются чаще, дервиши начинаютъ мало по малу выпрямлять свое туловище. Сидя на пяткахъ, они качаются изъ стороны въ сторону сначала медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, и послѣ того какъ туловище придетъ въ непрерывное колебаніе, руки съ изумительной поспѣшностью подносятся то къ глазамъ, то кладутся на колѣна, то снова на грудь. Это первая стадія экстаза. Многимъ кровь бросается въ лицо, бѣлки дико вращаются, голова, которая до тѣхъ поръ смиренно опущена была на груди, гордо выпрямляется и начинаетъ двигаться съ такой быстротой, что у слабонервныхъ зрителей она положительно можетъ закружиться. Во время этихъ жестовъ возгласы, быстро слѣдующіе другъ за другомъ, принимаютъ характеръ глухомуящей бури и, наконецъ, наступаетъ моментъ разрыва круга, составляющій содержаніе

Второй сцены.

Внезапно, какъ бы возбужденные электрическимъ ударомъ, вскакиваютъ дервиши съ своихъ мѣстъ и, — какъ это принято въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, братствахъ, — взявъ другъ друга за руки или же отдѣльно начинаютъ *деврѣ*, духовный танецъ. Образовавъ большое кольцо, танцующіе летаютъ въ кругѣ, какъ бы подхваченные вихремъ. «Мевлевисы, говоритъ одинъ турецкій писатель, соединяются, какъ братья, во имя любви къ Богу, чтобы славить его въ домѣ любви при мелодическихъ звукахъ флейты, — символа гармоніи божьихъ созданій. Дервиши подражаютъ при этомъ вращающимся небеснымъ тѣламъ, они выражаютъ своими танцами радость и восхищеніе и проявляютъ своими стонами и жалобными возгласами свое стремленіе къ Богу и свое горячее желаніе находиться съ нимъ въ общеніи. Весьма часто танцующій кругъ разрывается на множество маленькихъ круговъ, а иногда каждый танцуетъ отдѣльно и тогда —

Третья сцена

представляетъ собою зрѣлище достигшаго крайней степени экстаза или олицетвореннаго бѣшенства. Танцующіе приходятъ въ состояніе изумительнаго изступленія. Съ полузакрытыми глазами, блѣдные какъ смерть, покрытые холоднымъ потомъ, вытянувъ руки впередъ и срывая въ ярости одежду и свой головной уборъ, они почти безсознательно кидаются во всѣ стороны, и если кому либо, обезсилѣвшему отъ этого страшнаго напряженія, грозитъ опасность упасть безъ чувствъ, то болѣе сильные товарищи поддерживаютъ его, и шейхъ, который между тѣмъ сошелъ съ своего мѣста и вмѣшался въ толпу своихъ бѣснующихся подчиненныхъ, поощряетъ его продолжать исполнять этотъ священный обрядъ. Эта сцена самой дикой сумятицы — истинная пляска вѣдьмъ, сопровождаемая воемъ, ревомъ, плачемъ, стонами, превосходящими всякое описаніе. Эта сцена называется *«салетъ»*, буквально «состояніе»; въ религіозномъ смыслѣ — это моментъ блаженства, когда земное существо, охваченное духомъ божества, дѣлается способнымъ на нечеловѣческія дѣянія. Во время этого момента дервиши нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ схватываютъ заготовленные заранѣе ножи, копыя и мечи, и ими наносятъ себѣ

такія глубокія раны, что изъ нихъ потоками льется кровь. Въ другихъ братствахъ, преимущественно у рухайевъ, дервишамъ, пришедшимъ въ изступленное состояніе, даютъ раскаленное желѣзо. Предварительно шейхъ читаетъ про себя молитву надъ раскаленнымъ металломъ, затѣмъ дуетъ на него, но благоразумно остерегается прикоснуться къ нему губами, между тѣмъ какъ дервиши схватываютъ его, лижутъ, кусаютъ, держатъ между зубами и совершенно охлаждають его во рту. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изступленный дервишъ схватилъ съ жаровни громадный пылающій уголь, вложилъ его въ ротъ, перебрасывалъ его изъ стороны въ сторону въ теченіи нѣкотораго времени и затѣмъ выплюнулъ его совершенно холоднымъ.

Эти странныя сцены могутъ показаться европейскому читателю невѣроятными, точно также и образованный азіатецъ смотритъ на нихъ, какъ на постыдное фокусничество, но мусульманское монашество руководится въ этомъ случаѣ слишкомъ извѣстнымъ и у насъ правиламъ: *mundus vult decipi, ergo decipiatur*. Вышеописанныя сцены встрѣчаются повсюду; обыкновенно шейхъ смачиваетъ своей слюной раны дервишей, дуетъ на эти раны, читаетъ надъ ними молитвы и пророчествуетъ плебсу, что въ 24 часа онѣ совершенно заживутъ, что, однако, не сбывалось, какъ я неоднократно убѣждался. Самое удивительное во всемъ этомъ состоитъ въ той готовности, съ которою дервиши подвергаютъ себя подобнымъ мучамъ; а въ нѣкоторыхъ братствахъ, именно въ мусульманской Индіи, находятся даже лица, которыя, едва оправившись отъ собственноручно нанесенныхъ себѣ ранъ, снова бьютъ и рѣзали себя съ безпримѣрнымъ удовольствіемъ. Во время галета случается также, что дервиши, напр. саадійцы, берутъ въ руки ядовитыхъ змѣй, разрываютъ ихъ зубами на куски и даже проглатываютъ. По сказанію, Саадъ-едъ-единъ, основатель этого ордена отправился однажды въ лѣсъ рубить дрова; не найдя веревки, онъ связалъ нарубленную вязанку тремя громадными змѣями, не будучи укушенъ ими; неуязвимость Саадъ-едъ-едина перешла и на его послѣдователей. Саадійцы практикуютъ также *docegg* (позволяютъ себя топтать),—обрядъ, который встрѣчается только въ Египтѣ. Подчиненные шейху дервиши, на возвратномъ пути послѣдняго изъ мечети, изъясняютъ своему главѣ въ весьма странной формѣ свое почтеніе. Они ложатся среди улицы животомъ внизъ и заставляютъ своего духовнаго отца, сидящаго на жирномъ конѣ—поповскія лошади вездѣ жирны—ѣхать по нимъ. Нерѣдко животное пачается назадъ, но сзади идущіе дервиши подгоняють его, и оно начинаетъ ступать по спинамъ и пле-

чамъ лежащихъ дервишей. При этомъ, конечно, кости трещать и ломаться, но дикіе возгласы: Allah! Allah заглушаютъ ударъ лошадиного копыта, и дервиши съ переломанными членами утѣшаютъ себя сознаніемъ своего благочестиваго подвига. Шейхъ долженъ также умѣть проѣхать по стеклу, не разломавъ его, — чудо, предполагающее шейха столь же легкимъ, какъ перо.

Повторяю: самое изумительное въ этомъ фокусъ-покусѣ состоитъ въ самоотверженности дервишей и въ ихъ презрѣніи къ смерти, въ качествахъ, которыя коренятся въ слѣпомъ фанатизмѣ и непоколебимой вѣрѣ, характеризующей всѣхъ азіатовъ низшаго сословія. Впрочемъ, галетъ служить также для дервишей и источникомъ существованія. Страсть ко всему необыкновенному привлекаетъ къ этой церемоніи толпу зрителей, изъ которыхъ многіе обыкновенно являются съ подарками. Въ мнимо-чудотворной силѣ галета больные и увѣчные ищутъ исцѣленія, и невозможно представить себѣ что либо болѣе отвратительное и вѣстѣ смѣшное. Какъ жалокъ видъ женщинъ или дѣтей, хватающихся за бѣснующагося съ пѣной урта дервиша, покрытаго потомъ, и вытирающихъ больныя руки или больные глаза объ одежду такого полупомѣшаннаго. Страшная, непостижимая вѣра! думалъ я каждый разъ, когда былъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ. Во время моего дервишества меня всего болѣе интересовали необузданныя проявленія религіознаго изуверства моихъ товарищей. Будучи принужденъ хранить свое инкогнито, я также долженъ былъ упражняться въ выкрикиваніи Jahu! Jahakk! hu! hu! но мнѣ не доставало внутренней вѣры, и потому вся эта церемонія лишь утомляла меня, между тѣмъ какъ мои товарищи представлялись мнѣ людьми, которые въ пароксизмѣ страсти способны были на невѣроятныя дѣла.

«Если даже въ золотѣ, этомъ благороднѣйшемъ металлѣ, содержится шлакъ, — такъ говорили мнѣ однажды въ Персіи, — то что же удивительнаго, что и между преданными Богу членами дервишскаго братства находятся лицемеры, т. е. не истинные дервиши». И не истинные дервиши, въ самомъ дѣлѣ, весьма часто встрѣчаются, не истинные потому, что своимъ званіемъ они маскируютъ свои мірскія страсти и подъ покровомъ халки ведутъ если и не привольную, то во всякомъ случаѣ и не скромную бродяжническую жизнь. Эти не истинные дервиши большею частью попадаютъ между странствующими дервишами (kallenter); они не составляютъ особаго монашескаго ордена и набираются изъ жителей восточныхъ мусульманскихъ странъ. Старая католическая поговорка:

«Кто много странствует, тотъ рѣдко обрѣтаетъ спасеніе» — оправдывается также и на мусульманскомъ востокѣ, потому что бродячіе дервиши представляютъ собою воплощеніе всякихъ пороковъ и особенно лукавства, эксплуатируя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ невѣжество низшихъ слоевъ населенія. Официальная, показная цѣль ихъ жизни состоитъ въ странствованіи ко гробу мусульманскихъ святыхъ, въ какихъ бы странахъ они ни были погребены. Избѣгая по виду всего, что могло бы обнаружить ихъ земные помыслы, облекшись въ монашескую одежду со всѣми ея принадлежностями, они ѣздятъ изъ одного конца магометанскаго міра въ другой. По уставу, странствующій дервишъ долженъ обладать десятью свойствами собаки: 1) Быть всегда голоднымъ, 2) не имѣть отечества 3) проводить ночь безъ сна, 4) не оставлять послѣ смерти наслѣдниковъ, 5) не покидать хозяина, даже въ случаѣ его дурного обращенія съ нимъ, 6) довольствоваться самымъ сквернымъ и неудобнымъ пріютомъ, 7) покидать свое мѣсто по желанію другого, 8) будучи выгнаннымъ, снова возвращаться, если его будутъ манить хлѣбомъ, 9) держаться отъ обѣденнаго стола въ почтительномъ отдаленіи и 10) сопровождая своего господина, никогда не вспоминать о покинутомъ мѣстѣ. Странно, что у многихъ знакомыхъ мнѣ странствующихъ дервишей я находилъ, за исключеніемъ перваго пункта, лишь весьма слабые слѣды этихъ собачьихъ качествъ; скорѣе, наклонности ихъ были даже противоположны послѣднимъ. Я имѣлъ случай убѣдиться въ ихъ нахальствѣ и навязчивости въ Стамбулѣ, гдѣ они, въ числѣ 8 или 10 человѣкъ, съ крикомъ осаждали жилища знатныхъ эфенди и не уходили до тѣхъ поръ, пока не получали требуемыхъ подарковъ. Подобнымъ же образомъ поступаютъ они въ Персіи и средней Азіи, и я могъ бы разсказать множество примѣровъ ихъ тонкаго мошенничества. Самымъ безцеремоннымъ образомъ хозяйничаютъ они въ провинціи и въ деревняхъ. Иногда можно встрѣтить дервиша въ домѣ какого нибудь богатаго человѣка, котораго онъ искусно дурачитъ и оупутываетъ сѣтью своихъ мистическихъ продѣлокъ. Такой дервишъ считается въ домѣ за святого и все передъ нимъ открыто, но вдругъ онъ объявляетъ, что, вслѣдствіе посѣтившаго его во снѣ видѣнія, онъ долженъ немедленно уѣхать; все семейство начинаетъ грустить по немъ, пока черезъ нѣсколько дней не открывается, что вмѣстѣ съ дервишемъ исчезли и нѣкоторые драгоценности. Даже лукавые персы часто поддаются уловкамъ дервишей. Одинъ изъ жаждавшихъ золота родственниковъ нынѣшняго персидскаго шаха однажды пріютилъ у себя въ домѣ подобнаго гостя, который считался великимъ

алхимикомъ; ханъ мысленно утопалъ въ роскоши, предвкушая тотъ моментъ, когда вся его лошадиная сбруя, кубки для воды и. т. д. превратятся въ блестящее золото. Въ плавильный тигель брошено было, вмѣстѣ съ другими сплавами, 8 лотовъ настоящаго золота, изъ которыхъ, послѣ манипуляцій этого фокусника, долженъ былъ получиться фунтъ чистаго золота. Однако, этотъ рѣшительный врагъ всякихъ земныхъ благъ дѣйствовалъ съ такимъ искусствомъ, что добрый ханъ остался съ кускомъ сплавленной руды, а дервишъ, захвативъ съ собою чистое золото, скрылся. Эти фокусники не всегда падаютъ и христіанскую Европу. Являясь изъ отдаленной Индіи, Кашмира и средней Азіи, они ежегодно съ замѣчательной правильностью посѣщаютъ находящуюся въ Буда-Пештѣ на сторонѣ Офена такъ называемую Гюль-Бабу — мечеть какого-то сомнительнаго святого — и находятъ въ Венгріи весьма дружескій пріемъ. Въ селахъ они заходятъ къ католическимъ священникамъ и рассказываютъ имъ разныя удивительныя вещи о Кудусѣ (Іерусалимѣ), въ которомъ они якобы были. Не придерживаясь строгаго устава насчетъ пищи, эти благочестивые дервиши обыкновенно не брезгаютъ свининой, запивая ее добрымъ венгерскимъ, и вообще предаются всевозможной роскоши. Я помню одного многостранствовавшаго на своемъ вѣку дервиша изъ Себзевара въ Персію, который долго жилъ въ Пештѣ, часто бывалъ у меня и представлялся такимъ благочестивымъ, что я почти во всемъ ему вѣрилъ. Онъ заболѣлъ и былъ принятъ въ городскій госпиталь, и когда я тамъ посѣтилъ его, онъ приписывалъ свою болѣзнь абъ и гавъ (водѣ и воздуху), т. е. климату венгерской столицы. Случайно я встрѣтилъ тамъ же клиническаго профессора и, къ своему изумленію, узналъ, что не аба и гава, но послѣдствія посѣщенія извѣстныхъ домовъ уложили этого святошу въ постель больного. Да, «Chirkadan derwischlik belli olmaz» т. е. плащъ еще не дѣлаетъ дервиша, какъ гласитъ одна старинная турецкая поговорка.

ХІІІ.

Высокая Порта въ Константинополѣ и ея столпы.

Подъ словомъ «Высокая Порта», Бабъ Али, современная Турція разумѣетъ совокупность высшихъ сановниковъ, равно какъ и мѣсто, гдѣ послѣдніе собираются для совѣщаній. Издавна на востокѣ, въ противоположность западу, ворота или двери считаются почетнымъ мѣстомъ дома. Еще патріархъ Авраамъ принялъ архангела у входа въ этой части шатра; вообще жилищу придается одинаково важное значеніе, какъ у кочевниковъ, такъ и у осѣдлыхъ жителей востока. Особенно же это замѣтно у народовъ туранскаго происхожденія. Какъ киргизъ совѣщается съ своими соплеменниками объ общественныхъ или частныхъ дѣлахъ у входа въ палатку, но ни въ какомъ случаѣ не внутри ея, такъ точно и житель Кашгара, Аксу и другихъ городовъ обсуждаетъ свои дѣла съ другими согражданами передъ домомъ; власти Кокана, Бухары и Хивы и даже цари этихъ земель принимаютъ подданныхъ, сидя на террасѣ, находящейся передъ домомъ, и тутъ же чинятъ судъ и отдають распоряженія. Этотъ обычай объясняетъ, почему на турецкомъ языкѣ слово ворота (порта) означаетъ также судъ или резиденцію высшаго должностнаго лица. Въ Турціи слово «порта» значитъ то же, что въ Персіи выраженіе «Али Капи», которымъ обозначалось еще до сефевидовъ мѣсто пребыванія высшихъ чиновниковъ. Не только столица, но и каждый провинціально-губернскій городъ имѣетъ свое «Капи», и хотя подъ вліяніемъ европейскихъ нововведеній это старинное слово вытѣсняется такими выраженіями, какъ министерство, трибуналъ и т. д., тѣмъ не менѣе турки и другіе народы Азіи еще долго будутъ затрудняться назы-

вать «высшій судъ» или другое какое либо высшее учрежденіе иначе, какъ «Капи» или бабъ, порта.

Выраженіе «крѣпкія ворота» или «высокія ворота» означаетъ различное положеніе и вліяніе тѣхъ или другихъ властей, степень подкупности которыхъ также выражается однороднымъ словомъ. Въ Турціи взятки, или, выражаясь мягче, побочные доходы, называются «капі-альти», т. е. то, что находится подъ воротами. Это слово несомнѣнно указываетъ на подарки, которые кліентъ, не рѣшаясь нести ихъ въ домъ открыто, кладетъ подъ воротами. Такъ какъ ворота въ частныхъ домахъ часто состоятъ изъ столбовъ, то неудивительно, что и ворота государственнаго зданія покоятся также на столпахъ. Эти столпы суть министры, которые въ качествѣ таковыхъ дѣйствительно называются «эркиани-девлетъ», столпами правительства. На нихъ лежитъ тяжелое бремя государственнаго управленія и лицо, стоящее во главѣ ихъ, носить весьма мѣткое названіе «визиря», т. е. носильщика. Жители востока еще до сихъ поръ не усвоили себѣ различія въ архитектурномъ стилѣ коринтоскихъ, дорійскихъ и другихъ колоннъ, и потому они величаютъ своихъ сановниковъ «железными, стальными или каменными столпами». Этотъ высокопарный титулъ въ сущности ничего не выражаетъ, ибо нерѣдко такъ называемый «стальной правительственный столпъ», при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается гнилой и весьма непрочной балкой.

Порта, называемая въ просторѣчій Паша Капизи, обнимаетъ собою въ настоящее время слѣдующія учрежденія: 1) бюро великаго визиря; 2) министерство иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ секретариатомъ и бюро переводчиковъ, 3) меджлизи вала или высшій государственный совѣтъ, въ которомъ участвуютъ всѣ министры, 4) меджлизи акіаме адліе и совѣтъ верховнаго суда вмѣстѣ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи; эти учрежденія въ совокупности имѣютъ право назначать и смѣнять губернаторовъ и офицеровъ; 5) амадидивани гумають, — бюро, стоящее въ непосредственной связи съ частной канцеляріей султана и Портой. Другія правительственныя учрежденія, какъ напр. министерство полиціи, финансовъ, торговли, народнаго просвѣщенія, благотворительныхъ заведеній, военное морское, и т. д., помѣщаются въ различныхъ зданіяхъ и начальники этихъ учреждений являются въ высокую Порту лишь въ случаѣ особенно важныхъ совѣщаній, по приглашенію меджлизи вала. Независимо отъ этихъ учреждений существуетъ еще бюро для четырехъ вѣроисповѣданій, турокъ, католиковъ, грековъ

и евреевъ, бюро церемоній-мейстера и изготовителя царскихъ подписей (тугра), государственная библіотека и государственная школа для обученія французскому языку; послѣднія учрежденія, равно какъ и бюро переводчиковъ, относятся къ министерству иностранныхъ дѣлъ. Что касается различныхъ классовъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства, то между ними самый высшій чинъ — муширь или маршалъ, носящій титулъ «девлети», т. е. счастливаго. Мѣсячное жалованье его простирается отъ 80 до 120,000 піастровъ, — я говорю о времени моего пребыванія въ Турціи, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ вице-король египетскій носилъ только титулъ мушира съ прибавленіемъ «убгетли» (исполненнаго жизни). Муширь обыкновенно отправляется въ должность въ европейскомъ экипажѣ; если онъ къ тому же великій визирь, то его сопровождаютъ верхомъ двое офицеровъ и два кавасса (полицейскихъ чиновника), одинъ или двое лакеевъ и неизбѣжный верховой чубукчи, размахивающій съ таинственнымъ видомъ длиннымъ чубукомъ, скрытымъ въ футлярѣ. Велико почтеніе, оказываемое повсюду муширу, но еще значительнѣе тѣ суммы, которыя онъ расходуетъ на содержаніе цѣлой толпы слугъ, родственниковъ, пріемышей и т. д. Если муширь не имѣетъ своего собственнаго состоянія, то получаемого имъ громаднаго жалованья не хватитъ на покрытіе издержекъ. Бываютъ также и военные муширы, но они считаются далеко ниже первыхъ; ихъ гораздо меньше и жалованье ихъ гораздо ограниченнѣе. Непосредственно за муширомъ слѣдуетъ рангъ Рюте-и-бала (высокій чинъ), подраздѣляющійся на два класса. Чиновники въ этомъ чинѣ носятъ титулъ утуфетли (милостивый). За ними слѣдуютъ: рютбеи-или, также раздѣляющіеся на два класса и носящіе титулъ *сеадегю* (блаженныхъ), далѣе мутемайици или рютбеи-саки, — чинъ, въ которомъ состоитъ большинство начальниковъ бюро и къ которому присоединяется титулъ иццетлю эфендимъ (мой великолѣпный господинъ). Саніи № 2 также пользуются титуломъ иццетлю-эффенди. Сюда относятся чиновники нисшаго разряда: рютбеи-салифы (третій классъ) съ титуломъ рифатлю (возвышенный) и рютбеи-раби четвертій классъ съ титуломъ *футу, ветли* (благородный); мелкимъ чиновникамъ присвоенъ титулъ *гаміетли* (ревностный). Во главѣ духовенства стоитъ шейхъ уль-исламъ, а за нимъ — судуры и пять пай-евъ для Стамбула, священныхъ городовъ, Биляда, Арбаа, Румелии и Анатолии. Главный военный чинъ есть чинъ офицера. Въ войскѣ есть также множество мушировъ, а также пашей, дивизіонныхъ и бригадныхъ генераловъ, которые стоятъ по чину ниже гражданскихъ эфенди. Въ по-

ясненіе титула паши замѣтимъ, что онъ дается какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ чиновникамъ, но первымъ лишь въ томъ случаѣ, если они муширы и мутесариффы (губернаторы второго ранга) провинцій, хотя бы по чину они и были только мутемай-исми. Въ войскѣ же титулъ паши дается каждому офицеру, начиная отъ полковника и выше. Въ прежнее время непосредственно ниже паши считался бей,—титулъ, который ошибочно придается европейцами царямъ, хотя нѣкогда это дѣйствительно было въ обычай. Въ настоящее время послѣ паши слѣдуетъ эфенди (господинъ), а за нимъ ага. Впрочемъ относительно двухъ послѣднихъ титуловъ не существуетъ строгихъ правилъ; титулъ же бея, совершенно утратившій въ послѣднее время свой первоначальный смыслъ, употребляется, какъ ласкательное слово, въ примѣненіи къ дѣтямъ высшихъ чиновниковъ, а также и въ среднемъ классѣ. Титулъ эфенди звучитъ нѣсколько серьезнѣе. Въ обыкновенной жизни онъ присоединяется образованному человѣку, въ чиновничьемъ мірѣ—особѣ высокопоставленной; иногда королевскіе принцы довольствуются однимъ только титуломъ эфенди.

Мы ограничиваемся этими краткими замѣчаніями о различныхъ должностяхъ и чинахъ, такъ какъ этотъ предметъ разсматривается во многихъ статистическихъ и др. сочиненіяхъ о Турціи. Мы полагаемъ, что мы коснемся менѣе доступныхъ и менѣе извѣстныхъ сторонъ этого предмета, если познакомимъ читателя съ тѣми условіями, которыми долженъ удовлетворять турокъ для вступленія въ высокую Порту, съ тѣми качествами, обладаніе которыми можетъ подать юному османлису надежду на пріобрѣтеніе титула «столпа государственнаго зданія». Въ прежнія времена кандидатъ на этотъ титулъ долженъ былъ быть вполне образованнымъ человѣкомъ въ восточномъ, конечно, смыслѣ, онъ долженъ былъ главнымъ образомъ обладать хорошимъ почеркомъ, свободно владѣть арабскимъ и персидскимъ языками, имѣть стилистическія способности, въ особенности же происходить отъ знатнаго рода или, по крайней мѣрѣ, пользоваться протекціей какого нибудь высокопоставленнаго лица. Въ настоящее же время главное вниманіе обращается на французскій языкъ. Прежде знаніе географіи, исторіи, физики, математики и другихъ наукъ никогда не требовалось отъ чиновниковъ—столповъ Порты, но нынѣ знакомство съ этими предметами сдѣлалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что высокопоставленные чиновники часто приходятъ въ соприкосновеніе съ нашей дипломатіей и, при введеніи многихъ европейскихъ учрежденій, становятся въ весьма невыгодное положеніе вслѣд-

ствіе недостатка вышеупомянутыхъ знаній. Въ настоящее время всѣ знанія выдающихся членовъ турецкихъ министерствъ пріобрѣтены ими лишь въ теченіи ихъ службы. Прежде эфенди и паши готовились къ своему дѣлу домашнимъ обученіемъ, нынѣ же они получаютъ какъ школьное, такъ и высшее образованіе въ самой Портѣ, и вотъ чѣмъ и отличается прежняя турецкая государственная жизнь отъ нынѣшней. По закону сынъ какого нибудь эфенди опредѣляется въ то или другое бюро лишь въ такомъ случаѣ, если онъ съ успѣхомъ окончилъ 4 класса въ рушдѣйской школѣ и достигъ, по крайней мѣрѣ, шестнадцати или семнадцати лѣтъ. Сколько я знаю, однако, это предписаніе рѣдко соблюдается. Часто можно встрѣтить въ различныхъ калемахъ (бюро) дѣтей десятилѣтняго возраста. Если какой нибудь неопытный человѣкъ войдетъ напр. въ бюро корреспонденціи въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, то, увидѣвъ на диванѣ цѣлую толпу дѣтей и юношей, сидящихъ съ поджатыми ногами на диванѣ, онъ подумаетъ, что попалъ скорѣе въ школу для дѣтей, чѣмъ въ высшее правительственное учрежденіе.

Когда юные эфенди пробудутъ нѣсколько лѣтъ въ этомъ правительственномъ воспитательномъ заведеніи, то затѣмъ обнаруживается, кто изъ нихъ годенъ для чиновничьей карьеры, кого назначить въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ и кого въ департаментъ внутреннихъ дѣлъ. Если въ теченіи этого времени кандидатъ не успѣлъ заявить себя своему хальфѣ (начальнику бюро) хорошимъ писцомъ (мюзеввидомъ), то для него вообще мало надежды составить себѣ карьеру на служебномъ поприщѣ. Но многіе, — еъ нимъ принадлежать болѣе даровитые или болѣе прилежныя, — успѣли въ этотъ промежутокъ времени получить степень шубейнцовъ, и если при этомъ они усвоили себѣ, благодаря домашнему обученію, французскій языкъ на столько, чтобы свободно читать Телемака или понимать въ «Journal de Constantinople» рубрику «faits divers», то въ нихъ уже пробуждается тайное желаніе быть причисленными къ тому или другому посольству въ качествѣ attaché или же, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, поступить въ бюро Амеди, въ этотъ высшій кананъ. Въ это бюро принимаются только сыновья знатнѣйшихъ турокъ, получающіе даже въ качествѣ простыхъ писцовъ большее жалованье, чѣмъ иной начальникъ бюро другого департамента. Бюро Амеди, сносящееся непосредственно съ правителемъ, считается весьма важнымъ учрежденіемъ, такъ какъ всѣ рѣшенія Порты, прежде чѣмъ дойти до серала, проходятъ черезъ Амеди. Чтобы лучше ознакомиться съ современнымъ чиновничьимъ міромъ Порты, слѣдуетъ

раздѣлить его на двѣ партіи, изъ которыхъ одну мы назовемъ національной, а другую международной. Первая, питающая особое пристрастіе къ возрѣніямъ старой бюрократіи, обращаетъ, какъ мы уже замѣтили, все свое вниманіе на усовершенствованія въ китабетѣ (стилистикѣ). Китабетъ есть альфа и омега стремленій этихъ людей; день и ночь говорятъ они объ этой стилистикѣ и измѣряютъ по этой мѣрѣ все, что угодно. Въ теченіи многихъ лѣтъ, я наблюдалъ за хлопотливою дѣятельностью этихъ лицъ и постоянно видѣлъ, что въ силу своего чисто-восточнаго образа мыслей, они всегда приносили сущность въ жертву формѣ. Последними корифеями этого безплоднаго искусства были Акифъ-Паша, Портевъ-Паша и Рифаатъ-Паша. Такъ какъ ихъ нынѣшніе преемники слишкомъ углубились въ лабиринтъ тюрко-арабо-персидскихъ нарѣчій, чтобы у нихъ оставалось время для усвоенія европейскихъ языковъ, то они обыкновенно остаются въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ; изъ нихъ выходятъ частью начальники соотвѣствующихъ бюро, частью же губернаторы провинцій.

Вторая партія есть представительница молодой Турціи и она получаетъ образованіе въ европейскомъ духѣ. Какъ мы уже замѣтили, лица, принадлежащія къ этой партіи, изучаютъ французскій языкъ въ Портѣ, или же ихъ посылаютъ для изученія его въ какую нибудь европейскую столицу, чаще же всего, къ сожалѣнію, въ Парижъ, гдѣ они больше посѣщаютъ Jardin Mabil, Cafés Chantants, чѣмъ коледжи, и привозятъ съ собою на родину, вмѣсто западной цивилизаціи, такія обычаи, которые не дѣлаютъ чести намъ, европейцамъ. Въ отношеніи научнаго образованія и эти лица не идутъ дальше первыхъ, однако, они знакомы, хотя по имени, съ результатами умственныхъ стремленій Европы. Исключенія въ этой категоріи лицъ рѣдки, къ нимъ принадлежатъ напр. Ахмедъ Вефигъ Эфенди, извѣстный своими работами по землевѣдѣнію, Дервишъ Паша, отличившійся въ металлургіи, и Эдхадъ Паша, заявившій себя на поприщѣ коммерческихъ наукъ. Писать по французски, по нѣмецки или по англійски рѣдко кто выучивается изъ нихъ, и только бывшій великій визирь, Аали Паша, славившійся даже во Франціи своимъ яснымъ и гибкимъ французскимъ слогомъ, составилъ отсюда блестящее исключеніе. Вообще при своей умственной подвижности и талантѣ къ языкамъ восточные жители легко выучиваются говорить на чужихъ языкахъ.

Послѣ всего сказаннаго о столпахъ высокой Порты, не лишне будетъ упомянуть и о *краеугольных камняхъ* высокой Порты, именно о прислугѣ, къ разряду которыхъ принадлежатъ напр. хранители башмаговъ,

кафтановъ или верхняго платья, чубукчи и т. д.—Какое вліяніе могутъ имѣть эти люди на систему высшаго государственнаго управленія въ Турціи? спросить меня иной европейскій читатель. Нѣкоторые европейскіе путешественники, къ своему изумленію, часто замѣчали, что между этими людьми и ихъ господами существовала извѣстная близость отношеній. Уже давно указывалось на различіе въ положеніи европейскаго и азійскаго слуги относительно своего господина; это же различіе сохранилось во всей своей неприкосновенности и до настоящаго времени. Вообще прислуга, состоящая при высшей Портѣ, по справедливости можетъ быть названа властью второго разряда. При видѣ ихъ покорности и услужливости, выражающейся въ манерахъ и въ словахъ, никому и въ голову не придетъ, что эти малозначущіе, по видимому, люди неограниченно управляютъ сердцемъ и умомъ, перомъ и кошелькомъ какаго нибудь высокопоставленнаго паши или эфенди, что они оказываютъ на него болѣе сильное вліяніе, чѣмъ его жены или чѣмъ вся его громадная семья. Въ этомъ случаѣ можно было бы указать на нѣсколько сходныхъ отношеній между нашими камердинерами и ихъ господами, но въ Азіи, еще и нынѣ проникнутой патріархальнымъ духомъ, такіа отношенія носятъ болѣе явственный характеръ. Постоянныя ссоры и сумятица внутри гарема, вѣчныя интриги женъ внушаютъ, наконецъ, главѣ дома сильное отвращеніе къ той части дома, гдѣ помѣщается семья, и для того, чтобы избавиться хотя бы на короткое время отъ этого очага разныхъ раздоровъ, онъ ищетъ убѣжища во второй половинѣ дома, въ селамлики (жилище мужчинъ). Здѣсь скука и одиночество заставляютъ его искать для себя товарища, и такъ какъ вообще на востокѣ на слугу смотрятъ не какъ на машину, но какъ на друга, то сближеніе между нимъ и господиномъ происходитъ весьма легко. Дружба между господами и слугами еще болѣе усиливается влѣдствіе господствующаго въ Турціи и во всей Азіи, извѣстнаго порока, которому платили дань и древніе греки, и потому-то умный и прозорливый лакей въ весьма короткое время успѣваетъ войти въ милость къ своему господину. Съ годами взаимныя отношенія окончательно укрѣпляются; послѣ десяти лѣтъ лакей получаетъ званіе «эмекъ-дара», т. е. человека «потрудившагося», и считается какъ бы членомъ семьи; выгнать изъ дому «эмекъ-дара» безъ всякихъ средствъ къ жизни считается также негуманнымъ, какъ выслать на чужбину беззащитнаго ребенка. Меня всегда удивляло, что эти лакеи, родомъ большею частью изъ Анатоліи, не обладая ничѣмъ, кромѣ вѣшняго лоска стамбульской цивилизаціи, не

ниѣя ни малѣйшаго понятія о Европѣ, о государственной жизни, о дипломатіи и управленіи, что эти люди, не умѣя ни читать, ни писать, дѣлались совѣтниками и своихъ, нерѣдко весьма образованныхъ, господъ и приобрѣтали надъ ними большое вліяніе. Причины этого обстоятельства разъяснились для меня лишь послѣ долгаго моего пребыванія на востокѣ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что эту слабость можно поставить въ упрекъ весьма многимъ турецкимъ сановникамъ. Въ оправданіе ея часто говорятъ, что у этихъ лакеевъ отсутствіе знанія замѣняется остроуміемъ и проницательностью, свойственными вообще восточному человѣку, но такое объясненіе весьма поверхностно. De facto эти люди—все что угодно, но только не лакеи; такъ какъ они, какъ мы уже замѣтили, играютъ весьма значительную роль въ жизни Порты, то мы и намѣрены познакомить съ ними нашего читателя.

Къ первой категоріи относятся каракулаки—нѣчто въ родѣ тайныхъ агентовъ великаго визиря—и кафтанъ агаза. Первые причисляются къ слугамъ, хотя ихъ званіе носитъ нѣкоторый офиціальный характеръ. Они исполняютъ тайныя порученія своего господина въ кругу Порты или внѣ ея, въ средѣ другихъ чиновниковъ. По большей части—это люди пожилые и богатые опытомъ, и имъ хотя запрещено отпускать бороду въ знакъ ихъ зависимаго и подчиненнаго положенія, тѣмъ не менѣе они держатъ себя съ сознаніемъ своего достоинства, даже по отношенію къ высшимъ чиновникамъ. Паша или эфенди, начинающій карьеру, не рискнетъ пренебречь ими и не признать въ нихъ силу; вообще отношеніе этихъ опасныхъ лакеевъ къ чиновничьему міру совершенно своеобразное. Кафтанъ-Агази занимаетъ въ частной жизни такое же положеніе, какое занимаетъ каракулакъ въ офиціальной. У мушировъ и другихъ сановниковъ кафтанъ-агази выбираются большею частью изъ числа эмець-даровъ; весьма нерѣдко слуга и господинъ связаны узами самой тѣсной дружбы. Они извѣстны всему свѣту, и всякій, кто рассчитываетъ на хорошій приѣмъ у паши, долженъ позаботиться о томъ, чтобы предварительно снискать расположеніе кафтанъ агази. Эфенди высшаго разряда становится къ нему въ весьма близкія отношенія, нисколько не соотвѣтствующія его положенію; эфенди высшіе должны обращаться съ нимъ вѣжливо, а піаде *катибъ* (ходячій писецъ, какъ называется нисшій чиновникъ) обязанъ оказывать ему почтеніе. Да, кафтанъ-агази большой человѣкъ! Вообще сановникъ, по слабости ли памяти или по небрежности, никогда ничего не знаетъ о личномъ положеніи человѣка, просящаго у него аудіенціи. Кто онъ

*

такой? чѣмъ онъ былъ? чего онъ хочетъ? — все это вопросы, на которые долженъ отвѣтить кафтанъ-агази, и такъ какъ онъ пользуется неограниченнымъ довѣріемъ своего господина, то отъ него въ значительной степени зависитъ участь просителя. Таковы обычаи въ чиновничьемъ мірѣ, — обычаи, далеко, конечно, не похвальные; къ сожалѣнію, они слишкомъ глубоко укоренились, такъ что какойнибудь ви-зирь безъ вліятельнаго кафтанъ агази рѣшительно не мыслимъ.

Ступенью ниже кафтанъ-агази стоитъ чубукчи, этотъ ганимедъ турецкой табачный амброзіи, слѣдующій неотступно, какъ тѣнь, за всякимъ эфенди, претендующимъ на значеніе, богатство и почетъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера чубукчи не покидаетъ своего господина; работаетъ ли послѣдній у себя дома, принимаетъ ли онъ гостей, исполняетъ ли онъ обязанности дружбы или исполняетъ официальное дѣло, отправляется ли онъ на базаръ на прогулку или въ баню, разбираетъ ли въ Портѣ груды накопившихся официальныхъ депешъ или сидитъ въ тайномъ государственномъ совѣтѣ, — неизбѣжный чубукчи всегда при немъ. Удивительно ли, что и послѣдній пріобрѣтаетъ большое довѣріе у своего господина? Держа въ одной рукѣ длинный чубукъ, а въ другой латунную чашку, служащую подставкой для трубки, онъ смѣло идетъ по залу присутственнаго мѣста и мѣжду тѣмъ, какъ онъ подаетъ трубку, закуриваетъ ее и ставитъ на полъ чашу, онъ внимательно прислушивается къ совѣщаніямъ. Обыкновенно онъ стоитъ за занавѣской, но иногда, чтобы лучше подслушивать онъ забирается въ запретныя мѣста, и такимъ образомъ узнаетъ о важнѣйшихъ государственныхъ тайнахъ и рѣшеніяхъ. Онъ узнаетъ раньше всѣхъ, кто назначенъ губернаторомъ такой-то провинціи или посламъ и на кого возложено то или другое порученіе; лишь немногіе изъ нихъ не извлекаютъ личныхъ выгодъ изъ подслушаннаго. Чубукчи высокой Порты, это ходячія газеты, которыми пользуются драгоманъ (переводчики посланниковъ); если же чубукчи не находятъ для своего товара такихъ выгодныхъ покупателей, какъ драгоманъ, то они обыкновенно обмѣниваются новостями между собою. Вступая во взаимныя сдѣлки, они заключаютъ между собой крѣпкій союзъ, такъ что напр. служащіе въ меджлисъ-и-акиаме-адліе ведутъ мѣнновой торгъ лишь съ чубукчи, состоящими при высокомъ совѣтѣ или при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ чубукчи высшаго калана находится въ связи съ чубукчи нисшаго калана. Погоня за новостями составляетъ для многихъ изъ нихъ источникъ обильныхъ барышей, — способъ, посредствомъ котораго они сбываютъ свой товаръ, часто при-

водилъ меня въ изумленіе. Большая часть изъ нихъ, особенно пожилые чубукчи, стоятъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ европейскимъ драгоманомъ втораго и третьяго разряда. Часто можно видѣть въ углу какойнибудь присутственной залы чубукчи въ дружеской бесѣдѣ съ этими карикатурными представителями европеизма, которые съ невыразимо гордымъ видомъ, съ неизбѣжной тросточкой въ рукахъ, переходятъ безцеремонно изъ одного бюро въ другое и даютъ понять, что они представляютъ собою коронованную главу ихъ аккредитованнаго при Портѣ начальника. Такой щеголь съ лорнеткой на носу почтительно изгибается предъ турецкимъ чубукчи, завязываетъ съ нимъ бесѣду и, вывѣдавъ у него то или другое, немедленно расплачивается; едва покинулъ онъ съ аффектированной небрежностью Порту и возвратился въ Перу, какъ уже телеграфная проволока передаетъ тому или другому двору обо всемъ, что узнано было отъ чубукчи. Такимъ образомъ множество важныхъ новостей прежде всего узнается посольствами или телеграфнымъ бюро; объ этихъ новостяхъ является лишь много дней спустя официальное извѣщеніе. Такова одна изъ закулисныхъ сторонъ жизни въ высокой Портѣ, и я думаю, что я не напрасно приписываю чубукчи такое большое значеніе.

Независимо отъ этой торговли новостями, чубукчи вмѣстѣ съ кафтанъ-агази являются орудіями разныхъ интригъ и тайныхъ козней. Отъ чубукчи зависитъ также ускореніе или задержка въ исполненіи какогонибудь рѣшенія. Такъ какъ онъ уноситъ домой «торбу» (портфель для храненія бумагъ) и лишь вечеромъ передаетъ ее своему господину, то при небрежности или по разсѣянности послѣдняго, какаянибудь бумага кладется первой или послѣдней на очередь, а иногда случается, чему я нерѣдко былъ свидѣтелемъ, что важный государственный актъ переходитъ изъ торбы въ сундукъ лакея, гдѣ и хранится вмѣстѣ съ его грязнымъ бѣльемъ; кому счастье благоприятствуетъ, тотъ можетъ отыскать свое потерянное дѣло, если только онъ догадается вступить въ сдѣлку съ чубукчи; въ противномъ же случаѣ придется начинать процессъ съ изнова.—Итакъ, не правы ли мы послѣ этого, приписавъ чубукчи такое важное значеніе?—Наряду съ ними стоятъ каведшисы, завѣдующіе столомъ; въ каждомъ каланѣ ихъ обыкновенно бываетъ не менѣе двухъ. Чѣмъ выше официальный рангъ калана, тѣмъ вліятельнѣе эти лакеи и тѣмъ больше ихъ нажива. Ежемѣсячный счетъ издержкамъ на столъ составляется сообща съ чубукчи; вообще турецкіе сановники завтракаютъ дома, но вслѣдствіе страсти лакомиться,

а иногда, и потому, что приходится долго сидѣть въ присутственномъ мѣстѣ, они кушаютъ въ самой Портѣ. Каведшисы и килердшисы для нисшихъ слоевъ народа имѣютъ такое же значеніе, какое чубукчи имѣютъ для драгомановъ и чиновниковъ. Послѣдніе дѣлаются лишь тогда доступными для бѣднаго крестьянина или ремесленника, если каведшисъ представить ихъ пашѣ или эфенди при посредствѣ чубукчи.— Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о привратникахъ или лакеяхъ, стоящихъ у дверей; они должны слѣдить за входящими и выходящими и исполнять не менѣе важную функцію: принимать на сохраненіе калоши каждаго входящаго чиновника, а при выходѣ его ставить ихъ ему на порогъ. Согласно стариннымъ постановленіямъ, каждый входящій въ правительственное бюро долженъ отдавать свои калоши на сохраненіе лакею, стоящему у дверей, но въ настоящее время это дѣлаютъ только лица бѣднаго сословія и эфенди нисшаго разряда. Лица знатныя и высшіе чиновники, которые прѣзжаютъ въ присутственное мѣсто верхомъ или въ каретѣ, обыкновенно снимаютъ свои калоши въ самомъ каланѣ. Храненіе калошъ всѣхъ посѣтителей Порты, число которыхъ не рѣдко простирается до многихъ сотенъ, ввѣрено многимъ лакеямъ. Одинъ капидши беретъ на сохраненіе 100 или 150 калошъ, не выдавая номеровъ, но онъ никогда не перемѣшиваетъ калошъ при обратной выдачѣ ихъ. Капидши никогда не ошибается также относительно личности посѣтителя, если только онъ разъ видѣлъ его; кромѣ того, онъ тотчасъ же различаетъ званіе, занятія по виду его калошъ и по тому, какъ онъ снимаетъ ихъ. При входѣ высокопоставленной особы онъ спѣшитъ ей на встрѣчу и сгибается, дабы особа, снимая калоши, могла опереться на его спину. Чинъ эфенди или, лучше сказать, количество ежемѣсячнаго бакшиша (деньги на водку) опредѣляетъ ту поспѣшность, съ которой капидши подставляетъ свою спину. Иной кіатибъ при входѣ старается придать себѣ возможно болѣе гордую осанку, онъ бросаетъ повелительные взоры на капидши, но по пріемамъ послѣдняго тотчасъ можно видѣть, что этотъ турецкій денди не высокаго полета. Капидши неимѣютъ собственно ни какого вліянія; у него можно только осведомиться о выходѣ или о прибытіи того или другаго чиновника.

Намъ остается только бросить бѣглый взоръ на внутренніе порядки и жизнь Порты въ служебные часы.

Десять часовъ утра. Кто желаетъ видѣть чиновниковъ различныхъ категорій на пути въ мѣста ихъ служенія, тотъ можетъ помѣститься на верхушкѣ высокой «дмигалоглу юкушу», находящейся при входѣ

въ Порту. Отсюда открывается видъ на улицу, по которой движутся истинныя сливки турецкаго общества изъ тѣхъ кварталовъ, гдѣ и нынѣ еще обитаетъ фешенебельный свѣтъ. Сильныя міра ѣдутъ въ легкихъ фаэтонахъ, сопровождаемые цѣлой толпой слугъ. Чѣмъ выше ихъ чинъ, тѣмъ старательнѣе исполняется темечна,—привѣтствіе, состоящее въ томъ, что правая рука описываетъ два полукруга до груди и до лба. Многіе простираютъ свое почтеніе до того, что опускаются на землю, сожалья, вѣроятно, что нельзя проникнуть въ землю на нѣсколько футовъ глубже. Инициатива привѣтствія всегда исходитъ со стороны высшаго, нисшій же обыкновенно останавливается и, послѣ того какъ особа сдѣлаетъ легкое движеніе рукой, улыбнется или наклонитъ голову, начинаются гимнастическія упражненія, называемыя темечной. Пѣшкомъ ходятъ лишь лица бѣдныя и тѣ немногіе, которые понимаютъ, какъ европейцы, пользу движенія и называются турками эксцентриками. Эфенди, отправляющагося въ Порту, легко узнать по его лошади, сѣдлу и одеждѣ. Лошадь эфенди, придерживающагося старины, покрыта громаднымъ чапракомъ, на ней богатая уздечка, великолѣпное сѣдло и изящный чепракъ; самъ же эфенди носитъ неимоверно большіе, безобразные башмаки и калоши, мѣшкообразные панталоны, широкое верхнее платье и феску, ниспадающую до самой шеи. Они сидятъ въ сѣдлѣ, нагнувшись впередъ, взоръ ихъ кротокъ, хотя и неподвиженъ, и между тѣмъ какъ лѣвая рука держитъ поводъ, правая механически перебираетъ четки. Идущій подлѣ нихъ конюхъ соответствуетъ по своему костюму своему господину. Это или грекъ изъ Хіуса или албанецъ, но всегда человѣкъ пожилой. Отъ продолжительной практики онъ научился идти въ тактъ съ лошадью, что и немудрено, такъ какъ въ теченіи многихъ лѣтъ онъ сопровождаетъ своего господина по одной и той же дорогѣ. Молодой эфенди сидитъ на полоевропейскомъ сѣдлѣ, а на его ковшъ, вмѣсто чапрака, бѣлый потникъ или небольшое войлочное покрывало. Его модный костюмъ шить въ Перѣ, его калоши миниатюрны и скорѣе походятъ на пару подошвъ. Онъ носитъ лайковыя перчатки вмѣсто четокъ, держитъ въ рукѣ изящный хлыстъ и закидываетъ голову назадъ. Появленіе рядомъ двухъ такихъ разнохарактерныхъ субъектовъ поистинѣ курьезно. Такое же различіе можно замѣтить и между пѣшеходами. Юноши или млада-турки идутъ проворно, помахивая легкой тросточкой; старо-турокъ тяжело переваливается съ боку на бокъ; бистрѣе идти ему не позволяютъ не только его широкое платье и дородность, но и его понятія о приличіи. Млада-турокъ идетъ одинъ безъ лакея,

между тѣмъ старо-турка всегда сопровождаютъ два сатрапа, изъ которыхъ одинъ несетъ длинный, спрятанный въ чехлѣ чубукъ и мѣшокъ съ табакомъ, а другой кожаную сумку съ бумагами. Въ этихъ-то внѣшнихъ чертахъ, кажущихся для насъ столь мелочными, вылились всѣ различія въ воззрѣніяхъ старо и младо-турокъ, различія, которыя всплываютъ наружу въ періоды какихъ бы то ни было преобразованій. Мы еще будемъ говорить объ этомъ въ послѣдствіи, а теперь попытаемся проникнуть внутрь Порты и заглянуть въ нѣкоторыя бюро.

Мы входимъ прежде всего въ бюро корреспонденціи министерства иностранныхъ дѣлъ (чардши назарети мектубдшіодази), въ выше упомянутую нами тепличную школу для вывода турецкихъ чиновниковъ. Это бюро представляетъ собою большую, продолговатую залу, по сторонамъ которой стоятъ обыкновенные диваны, обтянутые краснымъ сукномъ. На сколько глазъ въ состояніи охватить эту залу, кажется, что на всѣхъ диванахъ сидятъ на корточкахъ, плотно прижавшись другъ къ другу, писцы, — большею частью молодые люди здороваго или слабого сложенія, богатые или бѣдные на видъ. Между каждыми двумя писцами находится четырехугольное возвышеніе или подушечка, на которой лежатъ письменныя принадлежности. Въ составъ послѣднихъ входитъ отъ 8 до 10 маленькихъ фарфоровыхъ баночекъ съ болѣе или менѣе жидкими черными и красными чернилами, водой, маленькими кусочками губки и золотымъ или голубымъ пескомъ; тутъ же на небольшомъ подносі лежатъ ручки для перьевъ, перочинные ножи, ножъ для разрѣзанія бумаги и ножницы. Къ числу лицъ, являющихся первыми на это поле дѣятельности, принадлежатъ тѣ, которые, не успѣвъ ночью окончить работы, заданной имъ начальникомъ, надѣются исполнить ее утромъ, между 9 и 11 часами, когда въ бюро можно найти лишь немногихъ чиновниковъ. Въ 11 часовъ послѣдніе собираются и тогда-то начинается возня и шумъ, раздаются возгласы, крики и привѣтствія. Одни стоятъ подлѣ дивана, другіе сидятъ; здѣсь въ кружкѣ идетъ оживленная бесѣда, между тѣмъ какъ тамъ предаются дѣтскимъ шуткамъ и забавамъ. Одинъ занятъ завтракомъ, другой пьетъ кофе, третій чинитъ перья, четвертый бранитъ своего лакея, и только тогда, когда явится хальфа (начальникъ бюро) и займетъ свое мѣсто, въ залѣ внезапно водворяется тишина. Красные диваны густо усажены облеченными въ черныя сюртуки эфенди; всѣ принимаются за работу, и въ первые полчаса можно подумать, что здѣсь-то и есть истинное царство труда и дѣятельности. Но это, однако, не долго продолжается; появленіе дра-

гомановъ, сопровождаемое ихъ повелительными криками, и разныхъ постороннихъ лицъ—турецкія присутственныя мѣста мало отличаются отъ базара или европейскихъ кофеенъ—внезапно нарушаетъ порядокъ. Одинъ, отбросивъ въ сторону свою работу, принимаетъ визиты посѣтителей, другой старается краснорѣчивымъ словомъ успокоить какого-нибудь обрушившагося на него правовѣрнаго, и скоро тишина, водворившаяся было сначала, исчезаетъ и уже болѣе не восстанавливается во все остальные часы дня. Понятно, что при такихъ условіяхъ, мало дѣлается дѣло. Для устраненія такихъ порядковъ безчисленное множество разъ вводились реформы, но все онѣ остались безплодны. Восточный человѣкъ, турокъ ли онъ или нѣтъ, совсѣмъ не въ состояніи привыкнуть къ усидчивой, механической работѣ, и безпорядки, происходящіе въ бюро корреспонденціи для иностранныхъ дѣлъ, гдѣ составъ служащихъ весьма разнороденъ, встрѣчаются въ такихъ же размѣрахъ и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Мы найдемъ тоже самое въ учрежденіяхъ, которыя назначены для совѣщаній о важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Войдемъ напр. въ залъ «акіами адліе» въ 11 часовъ, когда все члены находятся въ сборѣ. Это, по-большей части, важные господа, сдѣлавшіе уступку духу времени въ томъ отношеніи, что они сидятъ не на диванахъ, а въ креслахъ, разставленныхъ полукругомъ, при чемъ каждое кресло настолько просторно, что на немъ можетъ помѣститься цѣлое *европейское* семейство, между тѣмъ какъ турокъ сидитъ на немъ, по своему обычаю, съ поджатыми ногами. Подлѣ каждого кресла стоитъ небольшой столъ съ письменными принадлежностями. И здѣсь также встрѣчаются бѣдные и прилежные чиновники наряду съ богатыми и менѣе дѣятельными. Пройдя не болѣе двадцати шаговъ, иной эфенди или паша входитъ въ залъ, видимо утомленный; въ полубезчувственномъ состояніи опускается онъ въ кресло, глубоко вздыхаетъ и позѣвываетъ, между тѣмъ какъ лакей уже просовываетъ ему въ ротъ длинный чубукъ. Въ самомъ дѣлѣ, не малый трудъ подняться во второй этажъ, хотя бы и съ помощью двухъ лакеевъ; я знаю многихъ, которые послѣ ходьбы, длившейся четверть часа, едва могли перевести духъ. И въ акіами адліе настоящая дѣятельность начинается лишь съ приходомъ президента. Присутствіе открывается чтеніемъ той или другой бумаги, и хотя у всехъ этихъ сопящихъ и зѣвающихъ членовъ спрашиваютъ ихъ мудраго совѣта, но только немногіе принимаютъ дѣятельное участіе въ совѣщаніи. Иные во время самыхъ жаркихъ дебатовъ пускаются съ сосѣдями въ бесѣду

о преимуществах ихъ кухни, ихъ чубукчи и о другихъ банальныхъ сюжетахъ и приходятъ домой, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что происходило въ совѣтѣ въ ихъ присутствіи. А между тѣмъ нерѣдко здѣсь идетъ дѣло о весьма важныхъ вопросахъ, напр. о смѣщеніи того или другого губернатора за взяточничество или за другой какой либо проступокъ, или же о судебныхъ искахъ на громадныя суммы. Впрочемъ иногда здѣсь разбираются и самыя ничтожныя и пустыя дѣла. Одинъ напр. обвиняетъ другого въ томъ, что онъ послалъ ему съ восточнаго берега Чернаго моря жемчугъ, который былъ купленъ послѣ Авѣренія, что онъ неполированъ и еще не употреблялся въ гаремѣ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ оказывается противное. Въ виду такого важнаго дѣла приглашаются на совѣщаніе муллы и эксперты, и между тѣмъ какъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ находится *corpus delicti*, констатируются факты, тяжущіяся стороны стоятъ предъ совѣтомъ. Въ другой разъ, является какой нибудь мечтатель, христіанинъ или магометанинъ, съ цѣлью просить у высокаго совѣта позволенія раскопать кладъ въ подробно описываемой мѣстности. Проситель съ самымъ серьезнымъ видомъ рассказываетъ—какъ онъ увидѣлъ во снѣ пламя, которое привело его къ кладу, находящемуся въ Румиліи или Анатолиі. Мудрые засѣдатели съ большимъ терпѣніемъ выслушиваютъ его рассказъ и даже вступаютъ съ нимъ въ переговоры о выгодахъ, которыя могутъ быть извлечены отсюда правительствомъ, съ кладокопателемъ заключается формальный контрактъ, къ которому прилагается казенная печать, и все это дѣлается безъ малѣйшаго сознанія странности этого дѣла.

Только въ самомъ высшемъ совѣтѣ замѣчаются та серьезность и торжественность, которыми въ Европѣ отличаются присутственныя мѣста. Помѣщеніе этого высшаго совѣта меблировано въ самомъ элегантномъ европейскомъ стилѣ; служащіе же здѣсь-большою частью пожилые, основательные люди, ведущіе между собой спокойную бесѣду. Здѣсь чубукчи и лакеи, стоящіе у дверей, должны быть, по закону, глухонѣмыми, въ видахъ сохраненія тайны совѣщаній. Члены этого совѣта обыкновенно люди высокаго умственного развитія; ихъ талантъ разгадывать выраженія лица дѣлаетъ ихъ способными, какъ это думаютъ, проникать въ сокровѣннѣйшія политическія тайны, между тѣмъ какъ съ другой стороны полагаютъ, что многіе изъ нихъ освѣдомляются о положеніи дѣлъ вслѣдствіе того, что они потихоньку заглядываютъ въ министерскіе портфели, что въ высшей степени вѣроятно.

Время отъ 11 до 2 часовъ пополудни есть самая оживленная по-

ра дня въ Портѣ. Всѣ бюро въ это время принимаютъ въ большей или меньшей степени вышеизображенный нами характеръ. Болѣе интересное зрѣлище представляютъ различные корридоры, лѣстницы, переднія и т. д., зрѣлище самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ и самыхъ странныхъ фигуръ. Среди бѣгающихъ взадъ и впередъ съ озабоченнымъ видомъ слугъ эфенди, тѣснится толпа кліентовъ, разныхъ попрошаекъ, зѣваекъ, просящихъ о пособіи вдовъ и сиротъ. Здѣсь продаются булки и сыръ, тамъ — шербетъ и сахарныя печенья. Письменные принадлежности, книги, платье, различныя украшенія продаются здѣсь по дешевымъ цѣнамъ. Въ тѣ дни, когда уплачивается жалованье, — Порта до такой степени переполняется разносчиками, торговцами, маклерами и всякимъ народомъ, что она дѣлается похожей больше на базаръ, чѣмъ на перворазрядное присутственное мѣсто. Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о скоморохахъ, сатирикахъ, риемоплетахъ и т. д., которые бродятъ по разнымъ калемамъ съ цѣлью развлекать эфенди во время ихъ столь напряженныхъ (!) занятій. Эти люди въ то же время посредничаютъ въ дѣлахъ браковъ и продажной любви, и какъ каждый городской участокъ Константинополя имѣетъ своихъ особыхъ собакъ, которыя не потерпятъ у себя присутствія чужой собаки, такъ точно и въ каждомъ калемѣ есть собственный скоморохъ, шутки котораго не заслужили бы одобренія въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Приживалки и нищіе также посѣщаютъ одинъ и тотъ же калемъ, откуда имъ выдается мѣсячное содержаніе или изъ жалованья чиновниковъ, которые взяли ихъ подъ свое покровительство, или же, по старому обычаю, изъ общаго бюджета. Дурно примѣняемое чувство милосердія творить на востокѣ больше зла, чѣмъ добра, и это относится какъ къ частнымъ лицамъ, такъ и къ правительству. Все дѣло здѣсь въ старинныхъ обычаяхъ, отъ которыхъ никто не желаетъ отступать.

Да не сочтетъ благосклонный читатель этотъ слабый очеркъ высокой Порты и ея столповъ за выраженіе антипатіи къ Турціи. Въ этомъ очеркѣ нѣтъ ничего, кромѣ вѣрнаго и согласнаго съ дѣйствительностью изображенія тѣхъ порядковъ, которые пишущій эти строки наблюдалъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Пока я жилъ на берегахъ Босфора, порядки эти поражали меня до отвращенія, но впоследствии, когда я познакомился съ чиновничьимъ міромъ въ персидской столицѣ, съ судомъ у афганцевъ, узбековъ и таджиковъ, Порта со всѣми ея ошибками и ненормальностями показалась мнѣ истиннымъ образцомъ порядка и царствомъ справедливости. Исторія, правда, рассказываетъ намъ о при-

мѣрномъ управленіи многихъ знаменитыхъ азіатскихъ царей, и еще въ настоящее время на востоѣ не забыты имена Гарунъ-аль-Рашида, Меликъ Шаха, Селимана Законодателя, Аббаса Великаго, Эвберъ-Шаха и другихъ, но все это только счастливыя исключенія. Пока нѣтъ охоты къ труду, силы характера, серьезности въ намѣреніяхъ и другихъ качествъ, необходимыхъ для правильнаго теченія государственныхъ дѣлъ и водворенія порядка въ специальныхъ отношеніяхъ,—до тѣхъ поръ на всемъ востоѣ и въ Турціи юстиція и общее управленіе не могутъ быть совершенны. На Босфорѣ правительство вступило уже на путь реформъ. Многіе изъ старыхъ обычаевъ уже покинуты, но приведутъ ли всѣ эти реформы къ желанной цѣли—это покажетъ будущее.

XIV.

Караваны.

Между разнообразными впечатлѣніями, вынесенными мною въ теченіи моего долготѣннаго пребыванія на востоѣ, ни одно не было для меня столь пріятно, какъ продолжительное путешествіе вмѣстѣ съ караваномъ. Хотя это путешествіе связано со многими, для европейца почти невыносимыми, затрудненіями, тѣмъ не менѣе оно не можетъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на самую прозаическую натуру, предполагая что она чувствуетъ себя между спутниками, — какъ между своими, и относится съ полнымъ вниманіемъ къ этой оригинальной сторонѣ чисто восточной жизни.

Какъ Аріостъ заставляеть своихъ ередневѣзовыхъ героевъ сѣтовать на изобрѣтеніе пороха, такъ точно Кероглу, сказочный герой турокъ, желалъ бы расплодить змѣй въ мозгу того человѣка, который принесъ въ міръ для истребленія рыцарства этотъ черный порошокъ дьявола. Чѣмъ былъ порохъ для рыцарства, тѣмъ желѣзныя дороги и европейскіе пути сообщенія будутъ для каравановъ на востоѣ. Конечно, и тѣ, и другіе для материка Азіи суть нововведенія далекаго будущаго; много времени пройдетъ, пока верблюды повсюду будутъ вытѣснены фыркающими паровыми конемъ. Нынѣ вездѣ на востоѣ еще ѣздить, какъ ѣздили отцы, и мы попытаемся набросать въ общихъ чертахъ чудную романтическую картину караванной жизни.

Слово караванъ есть извращеніе персидскаго керванъ, кіерванъ или кіарбанъ, и значить буквально: «защищающій торговлю» или «защита торговли», что вполне указываетъ на первоначальную цѣль и значеніе

каравановъ. Такой смыслъ и нынѣ еще имѣютъ караваны, потому что чѣмъ спокойнѣе страна, чѣмъ болѣе мирный характеръ носятъ ея политическія и социальныя отношенія, тѣмъ менѣе настоятельна необходимость ѣздить большими караванами. Когда на востокѣ желаютъ выразить *non plus ultra* безопасности, то говорятъ: «дѣтя съ коробомъ дукатовъ на головѣ можетъ пройти по этой дорогѣ». Строго говоря, такой безопасности не бывало и нѣтъ ни на востокѣ, ни на западѣ Азіи, но фактъ тотъ, что караваны теряютъ свое значеніе по мѣрѣ того, какъ въ азіатскихъ странахъ водворяется болѣе или менѣе прочный порядокъ. Въ Турціи караваны можно только встрѣтить въ провинціи Иракъ или Аравистанъ, а также въ Сюррѣ; это ежегодные караваны съ богомольцами, отправляющіеся изъ Скутари на Босфоръ въ Дамаскъ, а отсюда чрезъ пустыню въ Мекку. Въ другихъ частяхъ турецкой имперіи, не смотря на попадающіяся мѣстами шайки разбойниковъ, встрѣчаются лишь небольшія группы путешественниковъ, которые соединяются другъ съ другомъ болѣе отъ скуки, чѣмъ изъ страха. Совершенно другое мы видимъ въ Персіи, гдѣ рѣшительно всѣ ѣздятъ съ караванами, изъ желанія ли слѣдовать модѣ, или изъ страха. Караваны, составляемые людьми, слѣдующими модѣ, встрѣчаются на Тебрисъ-Тегеранской и на Тегеранъ-Вендешуирской дорогахъ, а также на дорогахъ въ Рештъ и Сари. Но восточная часть Ирана сохранила еще до сихъ поръ свой средневѣковой характеръ. Страхъ подвергнуться нападенію отважныхъ, дерзкихъ и хорошо ѣздящихъ верховъ белуджійцевъ заставляетъ путниковъ на дорогѣ изъ Ширазъ въ Керманъ и черезъ Іездъ Теббесъ въ Мешгедъ соединяться въ большіе и сильныя караваны, точно такъ же, какъ страхъ, внушаемый турменами, заставляетъ путешественниковъ ѣздить караванами по хорозанской дорогѣ отъ Тегерана въ Мешгедъ. Политическія безпокойства и непосредственное сосѣдство съ жадными до грабежа номадами составляютъ причину того, что караваны разрастаются до громаднѣхъ размѣровъ, и что до сихъ поръ они представляютъ въ Средней Азіи, т. е. въ Туркестанѣ, Афганистанѣ и въ Восточномъ Туркестанѣ, тотъ же характеръ, какъ и нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Въ вышепоименованныхъ странахъ могутъ путешествовать, не приобщаясь къ каранамъ, только важныя господа и нинѣ, — первые подъ защитой сильнаго эскорта, послѣдніе подъ защитой своихъ лохмотьевъ. Обыкновенно каждый чувствуетъ себя здѣсь тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ больше общество, въ средѣ котораго онъ находится во время пути. Въ прежнія времена въ Средней Азіи было весьма

немного совершенно безопасныхъ дорогъ, и послѣднія большею частію пролегли вблизи какого либо сильнаго центральнаго пункта. Менѣе безопасны тѣ дороги, которыя ведутъ отъ Бухары въ Герать черезъ Карши, Карки, а затѣмъ тѣ, которыя соединяютъ Бухару съ Хивой, что объясняется въ первомъ случаѣ политическими отношеніями Бухары къ Афганистану, а во второмъ—личнымъ настроеніемъ хивинскаго хана. Наиболѣе опасны дороги отъ Бухары или Хивы чрезъ туркменскія степи въ Персію; по этимъ дорогамъ, какъ бы ни былъ великъ караванъ, можно ѣздить только подъ защитой туркменъ, но и въ такомъ случаѣ нельзя разсчитывать на полную безопасность, потому что эскортъ часто подвергается нападенію другихъ туркменовъ, съ которыми не былъ заключенъ договоръ.

Караваны, которые въ военное время часто состоятъ изъ 2,000 головъ верблюдовъ и лошадей, достигаютъ наибольшихъ размѣровъ лишь внѣ предѣловъ русской Средней Азіи. Такіе караваны обыкновенно тянутся отъ Туркестана чрезъ Герать въ Персію или въ Кабуль и Кандагаръ. Я слышалъ отъ одного ташкентскаго купца, —а узбекскій купецъ изъ Джэнгли Ургенда, котораго я лично зналъ, подтвердилъ его слова, — что нерѣдко всѣ животныя такого каравана, таящагося въ Оренбургъ и Семипалатинскъ, составляютъ собственность одного человѣка. Въ обыкновенное время одинъ туркестанскій караванъ, состоящій изъ 300 или 500 животныхъ, считается опытнымъ путешественникомъ достаточно сильнымъ, между тѣмъ какъ въ Персіи такое число животныхъ достаточно лишь для каравановъ, отправляющихся изъ Іезда и Мешгеда въ Тебрисъ и Эрзерумъ.

Образованіе каравана во многихъ отношеніяхъ сходно съ возникновеніемъ города. Какъ послѣдній разрастается вслѣдствіе преимуществъ и привилегій, которыя достаются въ его пользу, такъ и первый тѣмъ больше увеличивается въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ вліятельнѣе и могущественнѣе глава каравана. Съ полнымъ правомъ можно назвать караванъ странствующимъ городомъ или, правильнѣе, странствующимъ торговымъ городомъ, такъ какъ большинство спутниковъ, составляющихъ общество каравана, преслѣдуетъ торговыя цѣли, и только изрѣдка попадаютъ караваны, состоящіе главнымъ образомъ изъ туристовъ, путешествующихъ для развлечения, или изъ паломниковъ, что на мусульманскомъ востокѣ значитъ одно и то же. Въ Персію, гдѣ ежегодно отправляются путешествовать среднимъ числомъ до 500,000 человѣкъ всякаго возраста, состоянія и пола, паломническіе караваны попадаютъ

всего чаще. Сравненіе каравана съ городомъ вѣрно еще и въ томъ отношеніи, что, какъ въ восточныхъ городахъ зажиточные люди живутъ въ центрѣ, а бѣднѣйшіе по окраинамъ, такъ точно богатые купцы и знатные путешественники составляютъ средоточіе каравана, между тѣмъ какъ люди неимущіе располагаются съ фланга, а также въ переднихъ и заднихъ рядахъ. Караваны имѣютъ своихъ мелочныхъ торговцевъ, ремесленниковъ, имамовъ, нищихъ и докторовъ, излечивающихъ при помощи разныхъ чудесъ; въ Персіи можно даже встрѣтить въ караванѣ и гетеръ. Послѣ двухъ или трехъ дней общаго пути, всѣ спутники такъ же хорошо знаютъ другъ друга, какъ жители какого нибудь маленькаго азіатскаго города. Роль городского кегуды (бургомистра) исполняетъ въ караванѣ карванбаши, а въ паломническомъ караванѣ—чаушъ. Власть кегуды довольно значительна; въ Хивѣ и Коканѣ онъ имѣетъ даже право располагать жизнью гражданъ. Кегуды каравана суть также странствующие цари, которые имѣютъ своего секретаря и своего имама, и которые до такой степени входятъ во вкусъ этого положенія, что даже послѣ приобрѣтенія большихъ богатствъ, они предпочитаютъ странствовать по негостепріимнымъ степямъ, чѣмъ пользоваться нажитымъ въ тиши роднаго города. Животныя, входящія въ составъ каравана, суть—верблюды, лошади и мулы; послѣдніе употребляются, однако, лишь въ Персіи и въ Турціи, потому что въ Средней Азіи считается безбожнымъ пятнать аристократическую породу лошади скрещиваніемъ ея съ осломъ. Верблюдъ, по годности своей къ переноскѣ тяжестей, играетъ главную роль въ торговыхъ караванахъ; онъ идетъ вдвое тише лошади или мула, но зато несетъ въ четыре раза большую тяжесть и кромѣ того, за исключеніемъ зимы, не нуждается въ кормѣ; его не нужно также и чистить. Обыкновенно въ Персіи одна лошадь можетъ нести 250 фунтовъ груза, а особенно сильный персидскій мулъ—300 фунтовъ, что же касается верблюда, то количество груза, которое онъ можетъ нести, опредѣляется изъ слѣдующаго: самыя слабосильныя туркменскіе верблюды, верблюды Тезя, Шираза и Бирмана, могутъ по большей мѣрѣ нести грузъ въ 400 фунтовъ. За ними должны быть поставлены двугорбые верблюды, которые въ извѣстномъ возрастѣ могутъ вынести 5 центнеровъ, между тѣмъ какъ верблюды изъ породы Неръ, о которыхъ я упоминалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, —верблюды изъ Андои и Герата, а также верблюды аравійской пустыни, носятъ грузъ въ шесть, а иногда въ восемь центнеровъ. Навьюченное такимъ непомерно-тяжелымъ грузомъ, животное можетъ лишь

съ необыкновенными усиліями подняться на ноги; ему помогаютъ въ этомъ тѣмъ, что слегка приподнимаютъ лежащій на немъ грузъ. Но, разъ ставъ на ноги, верблюдъ идетъ подъ этой громадной ношей отъ 4 до 5 часовъ непрерывно.

При навьючиваніи животныхъ обращается тщательное вниманіе на правильную укладку тюковъ. Животное, на спинѣ котораго тяжесть распределена равномерно по обѣ стороны, можетъ идти, не требуя отдыха, нѣсколько дней подрядъ и даже цѣлую недѣлю; между тѣмъ какъ вслѣдствіе неправильнаго распределенія тяжести уже послѣ нѣсколькихъ переходовъ спина животного покрывается трудно заживающими ранами, и верблюдъ скоро дѣлается негоднымъ къ употребленію. Между тѣмъ какъ тюки, лежащіе на верблюдѣ, всегда имѣютъ продолговатую форму или же должны быть вытянуты въ ширину, грузъ, накладываемый на лошадей и муловъ, компактенъ и имѣетъ круглую или четырехъ-угольную форму. Менѣе терпѣливые мулы часто стараются внезапными скачками сбросить съ себя свою ношу и тѣмъ причиняютъ погонщикамъ множество хлопотъ. Скорость движенія и выносливость этихъ животныхъ зависятъ отъ состоянія дорогъ и климатическихъ условій. Сообразно съ этимъ, а слѣдовательно сообразно съ продолжительностью пути, колеблются и цѣны за провозъ товаровъ. Весной, когда скотъ можно кормить зеленой травой, фрахтъ въ Персіи, если грузъ перевозится на лошадяхъ и мулахъ, и въ средній Азіи, если товары перевозятся на верблюдахъ, значительно ниже, чѣмъ зимой.

Когда, наконецъ, караванъ составилъ и настало время тронуться въ путь, всѣ участники приходятъ въ лихорадочное возбужденіе. Этотъ моментъ сборовъ чрезвычайно сильно дѣйствуетъ на нервную систему европейца; вѣчныя задержки и проволочки изъ-за какой нибудь ничтожной мелочи дѣлаютъ его больнымъ и раздражительнымъ вслѣдствіе нетерпѣливаго желанія услышать наконецъ слово «впередъ». Но восточный человѣкъ съ величайшимъ терпѣніемъ выжидаетъ по цѣлымъ недѣлямъ этого момента, нисколько не выходя изъ себя. Причинами задержекъ бываютъ то губернаторъ города, то тотъ или другой купецъ, не сдержавшій своего слова, то какое либо неблагоприятное предзнаменованіе или же неувѣренность въ безопасности дороги. Но, наконецъ, сборы оканчиваются и караванъ трогается въ путь. Въ различныхъ частяхъ города начинается оживленное движеніе, маленькія группы соединяются въ большія и послѣ пожатій рукъ и объятій караванъ съ шумомъ и гамомъ выходитъ изъ узкаго базара города. Оставивъ за собой

городскія ворота, каждый увѣренъ, что отнынѣ онъ будетъ двигаться только впередъ, а между тѣмъ, послѣ получасоваго перехода, караванъ внезапно останавливается, и снова начинаются тѣ же сборы, что и въ городѣ. Только тутъ путники вспоминаютъ, что, не смотря на приготовленія къ путешествію въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, ими позабыто то или другое платье, та или другая вещь необходимая въ путешествіи. Полъ-дня почти проходитъ въ собираніи забытыхъ пожитковъ и лишь затѣмъ караванъ окончательно двинулся въ путь.

Читатель легко представить себѣ, что такое большой движущійся караванъ, если онъ вообразить, что все населеніе города со всѣмъ своимъ достояніемъ и имуществомъ тронулось съ мѣста и продолжаетъ шествовать впередъ, не покидая своихъ обычаевъ, привычекъ и своихъ своеобразныхъ особенностей. Длинная цѣпь муловъ, верблюдовъ и лошадей, навьюченныхъ разнаго рода товарами, представляетъ картину настоящаго странствующаго базара. Купцы ѣдущіе подлѣ, впереди или позади этой цѣпи, кричатъ, торгуются и божотся также, какъ и тогда, когда они сидятъ въ своей лавкѣ. Здѣсь вы видите чиновника или какаго либо зажиточнаго человѣка, который окруженъ толпой слугъ, варящихъ, сидя на лошади, чай или набивающихъ трубку, и старается наслаждаться всѣмъ домашнимъ комфортомъ, какъ будто бы онъ сидѣлъ на мягкой подушкѣ своего дивана, а не на сѣдлѣ. Тутъ же замѣтите вы мулла съ серьезнымъ видомъ и задумчивымъ выраженіемъ лица. Животному, на которомъ сидитъ духовная особа или какой нибудь ученый, не полагается дѣлать рѣзвыхъ прыжковъ; подобно своему хозяину, мулъ, осель или лошадь держитъ голову опущенной къ низу, поэтому спокойныя верховныя животныя называются «мулами мулъ». Эти служители бога и представители восточной науки держатъ себя въ своихъ мягкихъ, обтянутыхъ не кожей, а сукномъ сѣдлахъ, совершенно также, какъ будто они присутствовали на совѣщаніяхъ или въ мечети. Каждый человѣкъ въ караванѣ становится въ приличествующее его званію положеніе и не выходитъ за предѣлы его. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ караванъ-баши принужденъ прибѣгать къ своей власти, которой онъ, однако, умѣетъ пользоваться въ другихъ отношеніяхъ. Вокругъ него движется цѣлый штатъ шотовъ и скомороховъ, о существованіи которыхъ онъ обязанъ заботиться. Въ средней Азии во всякомъ обществѣ путешественниковъ можно встрѣтить подобныхъ караванныхъ шотовъ, выдающихъ свое ремесло своей одеждой и всей своей внѣшностью. Во время привала они нерѣдко даютъ представленія, поютъ пѣсни, разказываютъ разныя ис-

торіи и стараются всѣми способами развлекать общество. Такъ какъ восточный человѣкъ дома едва ли можетъ имѣть больше удобствъ, чѣмъ въ дорогѣ, то весьма понятна его страсть къ путешествію, которое представляетъ для него въ перспективѣ столько развлеченій и перемѣнъ.

Для того чтобы вполне наслаждаться караванной жизнью и чувствовать себя покойно, слѣдуетъ выбрать лошадь, и именно иноходца или юргу, какъ называютъ ее турки и персы. Каждую лошадь можно выдрессировать въ иноходъ и вообще приучить ее идти качающейся поступью, если управлять ея шагомъ посредствомъ веревки, привязываемой къ обѣимъ ея ногамъ. Сначала животное съ трудомъ переноситъ такую дрессировку, колѣнные суставы его распухаютъ и оно чувствуетъ боль, но послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упражненія оно можетъ быть освобождено отъ этихъ оковъ. Эта дрессировка стоитъ потраченного на нее труда, такъ какъ на такой лошади, если притомъ на ней хорошее сѣдло, не чувствуешь неудобствъ въ теченіи самаго продолжительнаго путешествія. Европейцу едва ли понравится крайне медленный ходъ иноходи, между тѣмъ какъ восточный человѣкъ, придерживающійся поговорки, гласящей, что «поспѣшность есть привычка дьявола», предпочитаетъ спокойно качаться въ сѣдлѣ, наслаждаясь свѣжимъ воздухомъ и любясь яснымъ, голубымъ небомъ. Вообще всякій, кто узналъ всѣ прелести путешествія по востоку, согласится со мной въ томъ, что никакая ѣзда на верблюдѣ, лошади и мулѣ не утомляетъ и не раздражаетъ такъ нервы какъ ѣзда по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, ѣдите ли вы съ курьерскимъ поѣздомъ изъ Лондона къ Ливерпулю или сидите въ какомъ нибудь жалкомъ, болтающемся изъ стороны въ сторону вагонѣ, плетущемся по австрійской дорогѣ. Лошадь самое удобное для ѣзды животное въ караванѣ и при небольшомъ обществѣ путешественниковъ; что касается мула, то его походка пріятна, но за то онъ—одно изъ упрямѣйшихъ созданий. Когда караванъ на ходу, то остановить мула чрезвычайно трудно; если путешественникъ ѣдетъ два или три дня въ-подрадь, то почти нѣтъ человѣческихъ силъ вывести это упрямое животное изъ его положенія. Если оно остановится, то можно замучить его до смерти и все-таки оно двинется съ мѣста лишь тогда, когда подлѣ него стоитъ его вчерашній спутникъ, готовый тронуться въ путь. Еще непріятнѣе ѣзда на ослѣ. Короткіе, лишенные плавности шаги этого маленькаго созданья возбуждаютъ всю нервную систему путешественника. При томъ же при видѣ лужи или вообще воды оселъ приходитъ въ смертельный ужасъ. Хлысть дѣйствуетъ на животное лишь въ первые дни путешествія, вѣч-

ное же понуканіе до такой степени утомляетъ руки и ноги путника, что онъ какъ будто всю дорогу прошелъ пѣшкомъ. А что сказать о раздражающихъ крикахъ осла? Въ отношеніи силы и тембра голоса европейскій оселъ самое невинное животное въ сравненіи съ своимъ азіатскимъ братцемъ. Самые ужасные крикуны — это ослы изъ Бухары и Кокана, за ними слѣдуетъ египетскій оселъ, а на третьемъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить осла изъ Іезда и Кирмана; спокойнѣйшіе ослы, которыхъ я только знаю, — это безспорно ослы туманнаго Альбіона.

Только бѣдность принуждаетъ восточнаго человѣка употреблять для верховой ѣзды верблюда. Ызда на верблюдѣ непріятна не столько велѣдствіе волнообразной походки этого животнаго, причиняющей, впрочемъ, нѣчто въ родѣ морской болѣзни, сколько невыносимый запахъ, распространяемый вокругъ себя на четыре или на пять шаговъ этимъ безобразнымъ кораблемъ пустыни. Этотъ ни съ чѣмъ несравнимый запахъ чувствуется постоянно, но онъ особенно мучителенъ для путешественника въ лѣтніе мѣсяцы, когда животное не находитъ достаточно воды для перевариванія волчеца, растущаго въ пустынѣ. Въ такихъ случаяхъ весьма трудно заставить лошадь идти рядомъ съ верблюдомъ, человѣкъ же принужденъ по цѣлымъ часамъ сидѣть на его спинѣ и дышать заразительнымъ воздухомъ. Платье, которое было на мнѣ, когда я ѣхалъ на верблюдѣ, утратило этотъ острый и непріятный запахъ лишь по прошествіи года. Сверхъ того, непріятна слишкомъ медленная и неуклюжая походка этого животнаго. Верблюдъ есть по преимуществу вьючное животное. Дромадеры весьма рѣдко попадаютъ и вообще они чрезвычайно дороги. Разказы о томъ, что нѣкоторые изъ этихъ верблюдовъ бѣгаютъ съ быстротою вѣтра, нельзя считать ложью. Такіе дромадеры попадаютъ у блуджійцевъ и арабовъ; въ Туркестанѣ, по моимъ наблюденіямъ, они мало извѣстны, потому что славящіеся тамъ скоростью бѣга верблюды стоятъ ниже лошади средняго бѣга.

Кромѣ верховой ѣзды на вышеописанныхъ животныхъ, существуютъ еще другіе способы ѣзды, которые почти всѣ изучены мною. Къ нимъ прежде всего относится вышеупомянутая нами ведшева (висячая коробка), называемая на югѣ Средней Азіи и въ Индіи палекисомъ; если эта коробка прикрѣплена къ сѣдлу на лошади или мулѣ, то она крайне неудобна; сносить ѣхать въ ней, если она находится на спинѣ верблюда. Неудивительно, что европеецъ неохотно соглашается по цѣ-

лыми днями сидѣть, скорчившись, въ такой деревянной коробѣ въ три фута длиною; такой экипажъ для него истинная мука, но сынъ востока ничуть не находитъ неудобнымъ такой способъ ѣзды, такъ какъ онъ привыкъ къ нему съ дѣтства. Кедшеры дѣлаются съ легкимъ навѣсомъ, а если въ нихъ сидятъ женщины, то и съ занавѣсками, и въ такой-то качающейся клѣткѣ восточный человѣкъ пробѣзжаетъ громадныя разстоянія, не чувствуя никакихъ стѣсненій. Нѣсколько удобнѣе носилки съ коробкой, утверждаемыя на верблюжьей спинѣ, такъ какъ ширина ихъ простирается отъ четырехъ до пяти, а длина до восьми футовъ. Въ такихъ коробкахъ путешественникъ располагается со всѣмъ своимъ багажемъ, съ подушками и коврами, если таковыя имѣются. Слѣдуетъ остерегаться при этомъ одной, весьма опасной привычки верблюдовъ: чтобы избавиться отъ насѣкомыхъ, они дѣлаютъ внезапные прыжки и при этомъ сбрасываютъ съ себя деревянную коробку вмѣстѣ съ путешественникомъ. Самымъ покойнымъ образомъ можетъ расположиться путешественникъ въ особаго рода креслѣ, имѣющемъ видъ трона или кровати съ балдахиномъ. Конечно, ѣзда въ такомъ креслѣ обходится весьма дорого, и только знатныя особы позволяютъ себѣ эту роскошь, хотя, по моему мнѣнiю, даже такому способу передвиженiя слѣдуетъ предпочесть хорошаго иноходца. За исключенiемъ этого кресла, я испыталъ всѣ существующiя на востокѣ перевозочныя средства. Самой неудобной казалась мнѣ ѣзда на навьюченномъ животномъ въ жаркiе лѣтнiе мѣсяцы, потому что неровная походка этихъ измученныхъ животныхъ производить сотрясенiе во всѣхъ членахъ; но кромѣ того; отвратительный запахъ отъ ранъ, которыми покрыты спины большей части этихъ несчастныхъ четвероногихъ, несносенъ для путника и причиняетъ сильнѣйшую головную боль. Вхаты на такомъ животномъ въ августѣ мѣсяцѣ или находиться на дорогѣ въ Багдадѣ среди каравана, который перевозитъ трупы,—это одно и то же. Страшно непрiятное дѣйствiе оказывала также на меня средне-азиатская телега съ ея осьми или десятиугольными колесами. Отъ ѣзды въ этой повозкѣ, ось и колеса которой вращаются одновременно, со мной бывали послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды сильныя припадки морской болѣзни; съ теченiемъ времени можно привыкнуть и къ этому экипажу, но все-таки надо обладать татарскимъ организмомъ, чтобы отъ безпрестанныхъ толчковъ и подбрасыванiй, съ которыми связано путешествiе въ такомъ экипажѣ, не получать ранъ и желваковъ на тѣлѣ.

Однако я слишкомъ далеко зашелъ съ своей классификацiей спосо-

бовъ путей сообщенія и животныхъ, употребляемыхъ для верховой ѣзды. Съ самаго начала моимъ желаніемъ было изобразить съ поэтической стороны эту оригинальную картину восточной жизни, поэтому да послѣдуетъ за мной читатель въ Персію, въ страну, которая между всѣми другими странами востока наиболѣе сохранила свой первоначальный типъ и гдѣ всего интереснѣе наблюдать надѣ караванной жизнью.

Поэты нерѣдко изображали видъ звѣзднаго яркаго неба въ лѣтнюю иранскую ночь, которое возвышается надъ недвижнымъ ландшафтомъ, объатымъ благодѣтельной прохладой и отдыхающимъ послѣ палящаго дневнаго зноя. Однако, хотя бы такихъ описаній было бы столько же, сколько звѣздъ на небѣ, едва ли найдется перо, которое въ состояніи было бы вѣрно изобразить эту волшебную картину природы. Какими блѣдными, какими мелкими представляются теряющіяся въ темной лазури звѣзды нашего пояса въ сравненіи съ міриадами сверкающихъ серебрянымъ блескомъ звѣздъ восточнаго неба. Вслѣдствіе ли яркости изливаемаго ими свѣта, или прозрачности окружавшаго меня воздуха, но звѣзды на восточномъ горизонтѣ всегда представлялись мнѣ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ холодной Европѣ. — Въ такую-то ночь пусть вообразить себя читатель караванъ, тянущійся длинными нитями по безпредѣльной равнинѣ. Глубокой, меланхолической тишиной сопровождается его движеніе; завернувшись въ плащи, вслѣдствіе вечерней прохлады, всадники сидятъ, согбенные, на своихъ сѣдлахъ; ослабѣвшіе поводы и все болѣе и болѣе понижающійся голосъ погонщиковъ дѣйствуютъ, повидимому, усыпляющимъ образомъ на животныхъ, селонящихъ головы къ землѣ. Удары копытъ то по мягкому песку, то по твердой почвѣ — глухо отдаются въ темной дали; тишина прерывается лишь колоколомъ, о заунывныхъ звукахъ котораго Гафизъ говорить:

«Печальные звуки разносятся колоколомъ,
Тяжелою ношей навьючиваются животныя».

Красота природы настраиваетъ всѣхъ путниковъ на поэтическій ладъ. На зовъ артиста собирается изъ толпы слугъ и погонщиковъ хоръ пѣвцовъ, и въ воздухѣ разносятся звуки пѣсенъ самыхъ любимыхъ поэтовъ. Эти сцены, которыя я созерцалъ, находясь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ каравана, всегда производили на меня чарующее впечатлѣніе, и я съ тревогой глядѣлъ на небо, соображая по группамъ звѣздъ, долго ли продлится для меня это наслажденіе. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, даже мѣсяцевъ, предпринималъ я уединенныя ве-

чернія прогулки, не думая объ опасности подвергнуться нападенію туркменовъ или быть уведеннымъ въ рабство, и совершенно забывалъ о ночномъ отдыхѣ при видѣ чудной картины, представляемой караваномъ въ ночномъ шествіи.

Но вотъ начинается утро. На восточномъ горизонтѣ лучи утренней зари прорѣзываютъ небо огненными копьями; звѣзды блѣднѣютъ, — онѣ бѣгутъ какъ бы со стыдомъ предъ Оріономъ, который, поднявшись изъ-за горъ, распространяетъ величественный свѣтъ. Я наблюдалъ это явленіе природы во многихъ частяхъ Азіи, и нигдѣ оно не представлялось мнѣ въ такомъ грандіозномъ видѣ, какъ въ пустынной степи, лежащей между Персіей и Хивой. Едва этотъ переходъ отъ ночи къ дню дастъ почувствовать себя свѣжей прохладой, какъ — уже муэцинь, взывая печально-торжественнымъ голосомъ: «Hejjua es salat! Hejjua es salat!» (къ молитвѣ), приглашаетъ полусонныхъ путниковъ исполнить свои обязанности къ Творцу. Этотъ зовъ, кажется, понятенъ и животнымъ, потому что едва лишь онъ раздается, какъ они останавливаются. Всѣ сходятъ на землю, совершаютъ омовенія, и безъ взаимныхъ приглашеній, сама собою, образуется длинная цѣпь молящихся, во главѣ которыхъ фигурируетъ сѣдобородный имамъ. Между тѣмъ сумракъ болѣе и болѣе разсѣвается, члены воченѣютъ отъ холодного утренняго воздуха, и между тѣмъ какъ путники погрузились въ молитву, животныя, отдыхая отъ трудовъ ночного путешествія, стоятъ недвижно, что магометанинъ естественно приписываетъ ихъ чувству благочестія. Когда же толпа колѣнопреклоненныхъ правовѣрныхъ, съ поднятыми вверхъ руками, произноситъ въ послѣдній разъ «Allahu Akber», Фебъ является во всемъ своемъ лучезарномъ сіяніи, превращая капли росы на стебляхъ и листьяхъ въ міриады сверкающихъ жемчужинъ. Это зрѣлище, представляемое караваномъ по утрамъ, менѣе интересно у индусовъ, но оно чрезвычайно привлекательно у магометанъ и у огнепоклонниковъ, особенно, если это караванъ богомольцевъ, движущійся по дорогѣ въ Мешгедъ или Кербелу.

Мнѣ остается лишь сказать о станціяхъ — мѣстахъ отдохновенія каравана, представляющихъ не менѣе своеобразныя картины. Караваны всего охотнѣе останавливаются вблизи, но не въ предѣлахъ города и селъ. Едва прибывъ на мѣсто, путешественники отправляются въ городъ за покупками; животныхъ снабжаютъ кормомъ, себя самихъ пищей и кто только можетъ — возвращается съ тяжелою ношей къ мѣсту стоянки; лицамъ же бѣднымъ всегда удается наполнить свои сумы подаеніемъ.

Понятно, что всѣ предпочитаютъ отдыхать въ кругу своихъ товарищей по путешествію, чѣмъ въ городѣ, такъ какъ въ послѣднемъ пришлось бы быть чужимъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ въ караванѣ каждый имѣетъ знакомыхъ. Вообще обязательность на востокѣ въ обычаѣ и для меня всегда было пріятнымъ развлеченіемъ переходить, во время остановокъ, отъ одной группы къ другой, бесѣдовать съ своими знакомыми или пить чай въ кругу ихъ. Караваны—это тѣсный семейный кружокъ, гдѣ различные члены бесѣдуютъ и шутятъ между собою самымъ дружескимъ образомъ. Станціи имѣютъ весьма важное экономическое значеніе для тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя проходятъ дороги; по крайней мѣрѣ въ Персіи и въ средней Азіи многія села и колоніи живутъ исключительно на счетъ каравановъ. Каждый домъ имѣетъ тамъ своего посѣтителя, каждый купецъ—своихъ покупателей, и ничѣмъ такъ не объясняется сила традиціонныхъ привычекъ, влекущихъ восточнаго человѣка къ путешествіямъ, какъ именно тѣ удовольствія, которыя онъ рассчитываетъ найти на той или другой станціи. Отъ Оша (Ушъ, городъ въ восточномъ Коканѣ) лежитъ длинный путь въ Трапезунтъ, и на всемъ этомъ пути можно встрѣтить очень мало станцій, которыя не славились бы тою или другою особенностью, заманчивой для путешественника.

За исключеніемъ Индіи, которая, благодаря европейской системѣ ея управленія, начинаетъ приближаться по своему культурному быту къ западу, на всемъ громадномъ материкѣ Азіи существуетъ одна только желѣзная дорога—изъ Смирны въ Айдинъ. Другія желѣзнодорожныя линіи отъ Багдада въ Кербелу и отъ Тегерана въ Шахъ-Абдуль-Арикъ, лежащій отъ него на разстояніи часа ѣзды, еще далеко не окончены. Поэтому пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ возможно будетъ разѣзжать по желѣзной дорогѣ по средней Азіи. Но если бы даже Россія осуществила проектъ соединенія желѣзнодорожнымъ путемъ Чернаго съ Каспійскимъ моремъ, а Англія проложила колоссальную линію черезъ Багдадъ въ Индію, то все-таки истинный сынъ востока, путешествующій еще и нынѣ своимъ первобытнымъ способомъ по дорогѣ между Александріей и Суэцомъ, предпочтетъ желѣзнодорожному пути странствованія караванный путь, соответствующій его наклонностямъ, его образу жизни и привычкамъ.

XV.

Базары и базарная жизнь.

Базаръ для восточнаго человѣка служить тѣмъ, чѣмъ былъ для римлянъ *forum publicum*, чѣмъ служить для современнаго европейца биржа, кофейня, клубъ или иное какое либо увеселительное мѣсто. Если человѣка, находящагося въ тѣсномъ кругу своихъ домашнихъ, начинаетъ одолѣвать скука, или если онъ хочетъ избѣгнуть ссоры,—онъ отправляется на базаръ искать развлеченій среди шума и гама волнующейся толпы. Жена спѣшитъ на базаръ, чтобы поглядѣть на различные предметы роскоши и великолѣпные наряды, она бродитъ тамъ по цѣлымъ часамъ, дѣлаетъ мелочныя покупки и нерѣдко ищетъ въ пестрой толпѣ приключеній. Здѣсь въ теченіи суроваго времени года она старается вознаградить себя за отсутствіе душистаго луга и тѣнистой зелени,—замѣна весьма печальная, въ виду нездоровой атмосферы, носящейся надъ базаромъ. Чиновникъ и ученый проводятъ на базарѣ все свое время свободное отъ занятій; иногда тамъ можно встрѣтить высокопоставленныхъ сановниковъ, и были даже цари, которые содержали для себя среди расположенныхъ въ центрѣ базара лавокъ маленькія комнаты, изъ рѣшетчатыхъ оконъ которыхъ они глядѣли на движеніе своихъ подданныхъ или откуда они выходили въ толпу, стараясь соблюдать инкогнито.

Базаръ служить не только рынкомъ для купцовъ, но также мѣстомъ ремесленнаго и промышленнаго производства. Однѣ галлерей, имѣющія почти наизбѣжно неправильный видъ, служатъ для выставки различныхъ товаровъ, къ чему однако восточные купцы не прибѣгаютъ при

своей страсти къ поэтическому безпорядку; въ другихъ же отдѣленіяхъ группируются ремесленники. Такое раздѣленіе базара на торговую и ремесленную половины рѣдко соблюдается въ точности. Существовать дѣйствительно отдѣленія для торговцевъ тканями, для шорниковъ, слесарей и портныхъ, для дрогистовъ, табачныхъ торговцевъ, башмачниковъ и шляпошниковъ, сапожниковъ и т. д., но все это только по названію. Симметрія непріятна для глаза восточнаго человѣка, расположеннаго гораздо болѣе къ безпорядку, и потому-то базары, особенно въ нѣкоторыхъ городахъ Персіи и центральной Азіи, представляютъ зрѣлище всякаго страннаго смѣшенія и сумятицы. Между тѣмъ какъ въ одной лавочкѣ купецъ сидитъ, подобно статуѣ, на своихъ туго набитыхъ высокихъ мѣшкахъ или товарныхъ тюкахъ въ ожиданіи покупателей, которыхъ пошлетъ ему всемогущій фатумъ,—тутъ же подлѣ него съ шумомъ вертится колесо токаря, и шипитъ котелъ кухмистера, а въ мечтательнаго фаталиста съ одной стороны летятъ деревянныя стружки, а съ другой его обдастъ пріятнымъ запахомъ жаркого. Въ другомъ мѣстѣ подлѣ кузницы, гдѣ неустанно работаютъ мѣха, раздувающіе огонь и гдѣ отъ стука молотовъ стоитъ адскій шумъ, пріютилась городская школа. Грязные и бѣдно-одѣтые, но иногда необычайно красивые, юноши обступили полуругомъ тощаго и сухопараго учителя,—недагогика и тучность повсюду считаются аномаліей,—и такъ какъ вслѣдствіе страшнаго шума слухъ не въ состояніи уловить ни одного слова, то о ходѣ занятій въ школѣ можно судить лишь по широко раскрываемымъ рта́мъ и движенію личныхъ мышцъ. Неподалеку отъ этой кузницы расположился въ углу базарный писецъ, который сталъ нѣсколько тугъ на ухо, вѣроятно вслѣдствіе непрерывнаго грохота и стука молотовъ, и остается загадочнымъ, какимъ образомъ составляетъ онъ нодъ шопотъ таинственной дамы письмо или быть можетъ какой нибудь *billet doux*. Тамъ напротивъ находится цирюльня. Выназавъ одному изъ гостей лицо мыльной пѣной, мастеръ Фигаро сталъ обрабатывать его немилосердно тупой бритвой, безпереронно сбрасываетъ онъ пальцами лишнюю пѣну на полъ, не обращая никакого вниманія на проходящаго мимо торговца съ горячими блинами. Другой гость, которому выдергиваютъ зубъ, кричить во все горло, между тѣмъ какъ въ сосѣдней лавкѣ продавецъ оружія постукиваетъ по клинку, уступаемому за дешевую цѣну, желая убѣдить покупателя въ превосходныхъ качествахъ настоящей харозанской

стали. Таковы тѣ разнообразныя сцены и тѣ странныя контрасты, въ которыхъ рисуется для посторонняго наблюдателя базарная жизнь.

Вотъ все, что можно сказать о лавкахъ базара, Гораздо болѣе интересна та волнующаяся съ ранняго утра до поздняго вечера толпа, непрерывный гулъ которой отдается подъ сводами галлерей базара, покинувъ который, кажется, что погружаешься въ какой-то мертвый городъ. На крайнемъ востокѣ, гдѣ исламъ сохранилъ наибольшую чистоту, базаръ начинается оживляться съ ранняго утра. Едва успѣлъ удалиться ночной сторожъ, какъ уже съ шумомъ растворяются базарныя ворота. Растянувшіяся по срединѣ улицъ собаки еще не совсѣмъ проснулись, лавки уже отворяются и являются первые посѣтители. Во всякомъ обществѣ есть свой классъ привилегированныхъ лентяевъ, и въ Азіи онъ особенно великъ; онъ составляетъ главный контингентъ тѣхъ базарныхъ завсегдатаевъ, которые считаются тамъ первыми людьми и которые безцѣльно бродятъ взадъ и впередъ или же устраиваются въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ и не покидаютъ его. Къ нимъ относятся разносчики, которые, за неимѣніемъ постоянной лавки, держатъ свой товаръ подъ мышкой, указывая другой рукой на тотъ или другой завлекательный предметъ и громко восхваляя всѣ его качества. Къ сильному баритону этихъ разносчиковъ по временамъ примѣшиваются гнусливо-поющіе голоса торговцевъ съѣстными припасами, странствующихъ кухмистеровъ, булочниковъ, зеленщиковъ, пирожниковъ, продавцевъ сыра и плодовъ. Одинъ чмокаетъ губами, желая объяснить, какъ вкусны его продукты; другой постоянно покрикиваетъ: «О, что за прелесть! Ахъ! какъ сладко! Эй, какъ хорошо!» и каждый придерживается традиціоннаго тона и традиціонныхъ жестовъ, при чемъ вдругъ раздается дикій возгласъ «La Hu! La Hakk!» проскользнувшего мимо дервиша. Этотъ хаосъ голосовъ еще усиливается отъ жалостно-плаксивыхъ криковъ «Sahib-ul chajrat!» (о милосердный человѣкъ!) или рѣзко пронзительнаго «Sehejin lillah» (что нибудь ради Бога!) оборванныхъ, иногда страшно искалѣченныхъ нищихъ, которые держатъ свои нищенскія чаши, высоко поднося ихъ надъ толпой въ ожиданіи подачекъ. Концертъ этотъ достигаетъ своего апогея, когда караванъ покидаетъ каравансерай, и длинный рядъ навьюченныхъ верблюдовъ или муловъ долженъ пролагать себѣ путь сквозь густую толпу. Стоны и кряхтенье верблюдовъ, команда караваннаго вожака, сопровождаемая пронзительными криками осла, на которомъ онъ ѣдетъ, всѣ эти тысячи голосовъ производятъ по-истинѣ ошарашивающую

щее впечатлѣніе. Но весьма замѣчательно, что эти длинные ряды навьюченныхъ животныхъ, пробивая себѣ дорогу сквозь невообразимое рѣле-мѣле всякихъ зѣвакъ и торговцевъ, пугливыхъ женщинъ и дѣтей, сонныхъ собакъ и мечущихся, какъ угорѣлые, дервишей, идутъ впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало, не причиняя ни себѣ ни другимъ ни малѣйшаго вреда. По видимому, какъ людямъ, такъ и животнымъ свойственны въ изумительной степени изворотливость и миролюбіе. Какъ человекъ осторожно проталкивается впередъ или отступаетъ назадъ, такъ точно и неуклюжій, суровый на видъ верблюдъ двигается съ крайней осторожностью. Въ Азіи никогда не услышишь, что кого либо задавили или искалѣчили во время давки, между тѣмъ какъ въ Европѣ это случается не рѣдко.

Шумно проходитъ вообще базарная жизнь, и въ этомъ отношеніи фizioномія базара мѣняется лишь въ различные часы дня. Движеніе на базарѣ доходить до своей кульминаціонной точки утромъ и въ послѣдніе вечерніе часы; въ обѣденную пору, особенно лѣтомъ, тамъ сравнительно тихо. Оживленность базара зависитъ также отъ времени года, но болѣе всего отъ національныхъ элементовъ, составляющихъ базарную толпу. Базаръ есть въ самомъ дѣлѣ самое вѣрное отраженіе нравовъ и характера народа. Въ Турціи торговецъ, сидя въ своей лавкѣ, обнаруживаетъ изумительное спокойствіе духа; предлагая свой товаръ, онъ не увлекается и никогда не бываетъ навязчивымъ; равнымъ образомъ и базарные посѣтителы держатъ себя спокойно. Совсѣмъ иное замѣчаемъ мы на персидскихъ базарахъ. Тамъ купецъ, предлагая свой товаръ, обыкновенно извергаетъ изъ себя цѣлый потокъ краснорѣчивыхъ фразъ. Его руки и ноги, его лицо, его длинная борода и высокая шапка одновременно приходятъ въ движеніе; пророкъ, всѣ святые, даже коранъ привлекаются имъ для засвидѣтельствованія истины его словъ; онъ не говоритъ, но забрасываетъ васъ словами, и насильно навязываетъ свой товаръ, и такъ какъ покупатель, знакомый съ этими продѣлками, начинаетъ дѣйствовать такимъ же оружіемъ, то всѣ эти переговоры принимаютъ скорѣе характеръ сильной ссоры, чѣмъ торговой сдѣлки. Какова отдѣльная личность, такова и вся волнующаяся базарная масса. Базары Тебриса, Тегерана, Испагани, Шираза и Мешгеда представляютъ совершенно своеобразную картину умственной и физической подвижности иранскаго народа. Тамъ народъ движется живѣе, онъ говоритъ больше и быстрѣе, онъ вообще впечатлительнѣе, чѣмъ въ средней Азіи или въ Турціи, гдѣ въ тече-

ни года едва ли можно увидѣть столько ссоръ и дракъ, сколько ихъ бываетъ въ одинъ день на какомъ нибудь большомъ базарѣ въ южной Персїи.

Впрочемъ, существованіе базаровъ и связанныхъ съ ними особенностей есть неизбежное, я могъ бы даже сказать — естественное, слѣдствіе домашней жизни мусульманскаго общества, характеризующейся крайней замкнутостью и однообразіемъ. Стоитъ только пройти по пустыннымъ улицамъ какого либо восточнаго города, чтобы понять, что здѣсь необходимо должна существовать противоположная крайность, реакція этой мертвенной тишины. Эту-то другую крайность или противоположность и представляетъ собою базаръ съ широкимъ смысломъ слова; базаръ на востокѣ значитъ — не только рыночная площадь, но и общественная жизнь вообще. Что попало на базаръ, то доходитъ до всеобщаго свѣдѣнія; онъ служитъ форумомъ не только для частныхъ лицъ, но и для правительства. Кому отрубятъ руку или отрѣжутъ ухо, кого желаютъ заклеймить общественной карой, того водятъ по базару предъ или послѣ экзекуціи; въ Персїи же преступникъ самъ носитъ свой отрубленный членъ въ сосудѣ, прося въ то же время милостыню. Въ случаѣ оскорбленія женщины или кого либо другаго, оскорбленные становятся на самомъ оживленномъ пунктѣ базара и рассказываютъ всѣмъ проходящимъ о нанесенномъ имъ оскорбленіи, прося о сочувствіи. Важнѣйшія государственныя дѣла, самыя интимныя событія изъ домашней жизни вліятельныхъ вельможъ и даже царей, — все обсуждается и критикуется здѣсь безъ всякаго страха и робости. Поразительна быстрота, съ которой разносятся здѣсь всякіе слухи, быстрота, которая смѣло можетъ соперничать съ телеграфомъ, при чемъ, конечно, по мѣрѣ распространенія, слухи нарастаютъ и мѣняютъ свой колоритъ. Четыре слова, сказанныя на одномъ концѣ базара, превращаются на другомъ въ двадцать. Слѣдующій эпизодъ можетъ служить поясненіемъ сказаннаго. Спусти два дня послѣ моего прибытія въ Герать, я, гуляя по базару, замѣтилъ пару старыхъ, но еще годныхъ сапогъ, вывѣшенныхъ для продажи передъ лавкою какого-то персидскаго торговца. Несмотря на свою ощутительную бѣдность, я принужденъ былъ суровымъ временемъ года употребить на этотъ предметъ роскоши мои послѣдніе пфениги, и потому я вступилъ съ персомъ въ переговоры. Отъ старыхъ сапогъ мы перешли въ своей бесѣдѣ къ новымъ сапогамъ, отъ новыхъ сапогъ — къ путешествію къ чужимъ странамъ и націямъ, и такъ какъ въ разговорѣ, который едва длился четверть часа, я обнаружилъ сла-

быя понятія о нѣскольکو темномъ народѣ англичанъ и франковъ (англичанъ и европейцевъ), то мой иранскій хитрецъ, заподозривъ во мнѣ переодѣтаго представителя этой начиненной золотомъ человѣческой расы, былъ со мною чрезвычайно любезенъ и уступилъ мнѣ саноги за бездѣлицу, рассчитывая на болѣе блестящую спекуляцію впоследствии. Я понялъ, въ чемъ дѣло, однако не далъ этого понять и, закинувъ за спину саноги, побрелъ далѣе. Спустя десять минутъ, я вошелъ въ лавку торговца съѣстными припасами съ намѣреніемъ купить хлѣба. Здѣсь, къ моему величайшему изумленію, мнѣ заданъ былъ вопросъ, не принадлежу ли я къ тому обществу богомольцевъ, въ средѣ котораго находится переодѣтый и богатый, какъ золотая розсыпь англичанинъ, и правда ли, что онъ намѣревался купить городъ Гератъ, представлявшій въ то время груды развалинъ. Прибывъ въ караван-серай, я нашелъ, что эта молва разрослась до невѣроятныхъ размѣровъ; тысячи любопытныхъ стекались сюда съ желаніемъ вывѣдать правду. Лишь послѣ того, какъ увидѣли, что нинимый британскій крезъ сидитъ на голомъ полу и съ навязчивостью специалиста проситъ милостыни у своихъ завистниковъ, меня оставили въ покоѣ, хотя подозрѣніе не совсѣмъ исчезло. Нѣчто подобное же приключилось со мною и въ Бухарѣ; какъ могущественъ, настойчивъ и иногда даже опасенъ такъ называемый *Bazar-gossipa* (базарная молва),—въ этомъ убѣдилъ британцевъ весьма печальный опытъ во время возстанія сипаевъ въ 1857 году.

Въ настоящее время, когда на магометанскомъ востоке все быстро клонится къ упадку, когда вмѣсто роскоши, блеска и кипучей жизни мы видимъ лишь слабый отблескъ минувшаго періода, который, вѣроятно, не скоро возвратится, базары все болѣе и болѣе утрачиваютъ свое значеніе. Старые разрушаются, новые же не строятся болѣе. Да и къ чему? Гдѣ ослаблены всѣ связи государственной жизни, гдѣ юстиція и общественная безопасность существуютъ лишь по имени, тамъ не можетъ быть рѣчи о правильномъ житьѣ-бытьѣ, и сообразно съ этимъ караванъ-сераи и базары дѣлаются совершенно излишни. Угасли на востоке побужденія къ филантропіи, стремленіе увѣковѣчить свое имя какими либо роскошными сооружениями,—та благородная страсть, благодаря которой въ Азіи возникли многіе базары. Нѣтъ уже нынѣ тѣхъ богатыхъ купцовъ, высокихъ сановниковъ и царей, которые желали бы и могли жертвовать на это своими богатствами. Въ Оттоманской имперіи базары почти совершенно утратили свое прежнее значеніе; въ

Персіи мы видимъ лишь развалины, хотя, правда, развалины великолѣпныя и величественныя, которыя все еще дѣйствуютъ могущественно на воображеніе и переносятъ насъ въ славное историческое прошедшее. Какая жизнь должна была кипѣть, напримѣръ, на базарахъ Табриса въ эпоху геллагидовъ? Въ полу-разрушенныхъ сводахъ галлерей отражается дѣятельность гигантскаго всемірнаго города; тамъ толпились китайцы, монголы, татары, индѣйцы, персы, арабы, греки и итальянцы; естественные продукты самыхъ отдаленныхъ странъ и всевозможныя произведенія искусства собраны были въ обширныхъ магазинахъ. По разсказамъ средневѣковыхъ путешественниковъ, нужно было употребить цѣлый день лишь на то, чтобы оріентироваться среди магазиновъ съ шелковыми и парчевыми тканями. Изъ незначительныхъ взносовъ за право торговли составлялись громадныя суммы, которыхъ хватало на содержаніе учителей и учениковъ множества коллегій. Можно представить себѣ, чѣмъ долженъ былъ стать испаганскій базаръ во времена сефевидовъ. Тевено и Шардэнъ разсказываютъ невѣроятныя вещи о баснословныхъ богатствахъ и роскоши этого базара, о разнообразныхъ народныхъ массахъ, которыя толпились тамъ. Еще нынѣ путешественникъ по цѣлымъ часамъ бродитъ по пустыннымъ и всѣми покинутымъ галлерейамъ этого базара, и я самъ не скоро забуду о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое оставила во мнѣ прогулка по этому базару. Тамъ, гдѣ прежде выставлены были на показъ роскошь и сокровища всего міра, царствуетъ нынѣ мертвая тишина, а тамъ, гдѣ прежде цѣлый день шумѣла и волновалась дѣятельная народная масса, — тамъ летаютъ лишь по вечерамъ, какъ привидѣнія, летучія мыши. Минувшее базаровъ невозвратно.

XVI.

Христіане и евреи.

Уже въ самыхъ словахъ «восточные христіане», какъ обыкновенно называютъ въ Азіи нашихъ христіанскихъ единовѣрцевъ, заключается не совсѣмъ обыкновенный интересъ. Путешественникъ ожидаетъ найти въ этихъ христіанахъ людей, близкихъ къ нему по убѣжденію и связанныхъ съ нимъ единствомъ вѣры, между тѣмъ какъ историки и дипломаты желаютъ видѣть въ нихъ наилучшее средство для проведенія на востокъ западно-европейскихъ идей и культуры и для облагороженія этой одряхлѣвшей части свѣта. И тотъ, и другой взгляды основаны, однако, на совершенно ложномъ мнѣніи, ибо тотъ, кто пожелалъ бы составить себѣ правильное понятіе о нашихъ азіатскихъ единовѣрцахъ, долженъ совокупить во-едино все пороки и противуестественныя привычки, всю нетерпимость и предрасудки, свойственные поклонникамъ Магомета всѣхъ цвѣтовъ и нарѣчій, и если присоединить еще ко всему этому значительную дозу рабской покорности и испорченности, а также терпѣливости и скарденности, то получится совершенно вѣрный типъ восточно-христіанскаго населенія, — типъ, который, однако, разнообразится въ сильной степени. Совершенно естественно, что такая картина, не разсматриваемая сквозъ розовыя очки религіозной сентиментальности, вообще должна казаться намъ еще болѣе отталкивающей и отвратительной, чѣмъ быть и образъ жизни магометанъ. Это фактъ печальный, но истинный, причинъ котораго слѣдуетъ искать одновременно въ области исторіи, религіи и этнографіи, но здѣсь я отклоняю отъ себя подобную задачу. Я избавлю также чита-

теля отъ перечисленія христіанскихъ сектъ, которыхъ считается свыше двѣнадцати, такъ какъ изложеніе спорныхъ вопросовъ о томъ, заключается ли въ Іисусѣ Христѣ половина или четвертая доля божества или же все божество не относится къ предмету моихъ очерковъ. Наше вниманіе исключительно будетъ занято тремя выдающимися національностями, именно армянскими, греческими и сирійско-халдейскими христіанами, которыхъ я постараюсь изобразить безъ всякихъ прикрасъ со стороны ихъ домашней жизни, религіи и политическаго устройства.

I.

Кому не попадались на глаза во время путешествія по востоку тѣ коренастые люди съ широкими плечами, широкой головою, широкими бровями, темными или безцвѣтными глазами, которые встрѣчаются отъ Паропамизскихъ горъ до Дуная, отъ Кавказа до Явы, спорадически или массами на всѣхъ ступеняхъ образованія и въ разнообразныхъ социальныхъ положеніяхъ. Въ свойственныхъ имъ рѣзкихъ особенностяхъ есть общія черты, присутствіе которыхъ, съ виду едва замѣтное, проявляется лишь въ формѣ слабой искры, а между тѣмъ эти черты проходятъ огненнымъ токомъ черезъ всѣ звенья длинной цѣпи и сплавляетъ ихъ въ одну компактную неразрывную массу. Этотъ народъ, уступающій въ географической разбросанности лишь евреямъ и цыганамъ, называется армянами, *эрмени*. Но слѣдуетъ, однако, прилагать это названіе осторожно, такъ какъ фракція армянъ, приверженная къ Риму, питаетъ сильную вражду къ нимъ и называетъ себя католиками. Армянинъ считается у нихъ ругательнымъ словомъ, а, однако, въ сущности они болѣе армане, чѣмъ кто либо другіе. Цвѣтущая эпоха этого народа, времена политическаго могущества Большой и Малой Арменіи давно уже миновали, и каменные развалины Ани и Сиса въ окрестностяхъ Эрзерума и Эрцянгіана имѣютъ гораздо болѣе интересъ для европейскихъ путешественниковъ, чѣмъ для живущихъ тамъ потомковъ нѣкогда могущественныхъ противниковъ Парфіи и Рима. Но что значитъ эта груда камней, если живое слово священныхъ традицій и легендъ живетъ въ воспоминаніи сотенъ тысячъ и даже миллионныхъ людей и непрерывно работаетъ, какъ какое-то таинственное перо? Гадшаторъ, погонщикъ муловъ, взбиравшійся подлѣ меня по крутой тропинкѣ Понтійской горы, ничего не знаетъ о развалинахъ армянскихъ

церквей. Оганъ, мой спутникъ, купецъ изъ Тавриса, имѣеть о нихъ какое-то смутное понятіе, между тѣмъ какъ Вартабетъ (монахъ) изъ Угъ-Килиссы, монастыря, находящагося по дорогѣ въ Баязеть, гдѣ мы ночевали, въ состояніи былъ многое что пересказать объ этомъ сюжетѣ. Разгладивъ свою длинную, густую, темнорусую бороду и на-
двинувъ свои колоссальныя черныя брови, онъ сталъ читать передъ мнимымъ эфенди (т. е. предъ моею ничтожною особою) на правильномъ, литературномъ языкѣ обстоятельную лекцію о быломъ величіи и могуществѣ армянскихъ церквей, т. е. духовенства. Но господинъ Назаріанъ, одѣтый по-европейски и слывущій въ Константинополѣ за умнаго армянина, рассказывалъ съ большими подробностями и съ большимъ одушевленіемъ о прошломъ своей націи. Онъ хорошо знакомъ съ отдѣльными эпохами своей родной исторіи, равно какъ и съ политическими событіями тогдашнихъ сосѣднихъ странъ. Въ немъ живетъ непоколебимая вѣра въ будущность армянскаго народа, который, послѣ продолжительнаго угнетѣнія, долженъ, наконецъ, восторжествовать надъ своими врагами.

Чтобы вѣрно охарактеризовать этотъ сильный, неуклюжій, крѣпкій во всѣхъ отношеніяхъ народъ, мы ничего не можемъ сдѣлать лучшаго, какъ изобразить этихъ четырехъ лицъ, служащихъ представителями четырехъ различныхъ классовъ или сословій. Гадшаторъ, родомъ изъ Вана, армянскаго гнѣзда, свитаго среди высокихъ скалъ, крутыя стѣны которыхъ испещрены клиновидными письменами, рассказывающими о персидскихъ дѣяніяхъ; разоблаченіе этихъ письменъ стоило жизни нѣмецкому ученому Шульцу. Изъ этой бѣдной деревни, гдѣ нашему гадшатору постоянно угрожали копыя курдовъ, онъ отправился къ морскому берегу, гдѣ для переноски товаровъ требовались широкая, крѣпкая спина и сильныя мышцы,—качества, которыми природа въ избыткѣ надѣлила своихъ армянскихъ дѣтей. Въ теченіи многихъ лѣтъ гадшаторъ таскалъ дьявольски—тяжелые франскіе тюки хлопчатой бумаги и чрезвычайно массивную кладь въ ящикахъ съ желѣзными скобами съ ко-
раблей, стоявшихъ въ Трапезунтской гавани, въ сосѣднее ханство, пока, наконецъ, онъ не извлекъ изъ своей широкой спины столько капитала, чтобы купить нѣсколько выючныхъ животныхъ и завести экспедиционное дѣло. То, что прежде носилось на его спинѣ, теперь носится за плату, получаемую съ иранскихъ купцовъ, на спинахъ ословъ въ Эрзерумъ (и другія мѣста), подлѣ которыхъ самъ господинъ экспедиторъ идетъ пѣшкомъ, шутя и веселясь, но всегда рассчитывая, на сколько

плата, полученная имъ за перевозку товара, превзойдетъ всѣ расходы на овесъ, на себя и помѣщеніе. О соломѣ и объ овсѣ только и думаетъ онъ,—о своемъ собственномъ содержаніи онъ менѣе заботится, такъ какъ ежедневная пища его, состоящая изъ хлѣба и луку, не столько поглощаетъ средствъ, какъ уходъ за осломъ. И тѣмъ не менѣе гадшаторъ смотритъ бодрымъ и здоровымъ на видъ, а изъ его изодраннаго костюма никто не заключитъ, что его домъ хорошо обставленъ, дѣти порядочно одѣты, до-сыта накормлены и получаютъ своее образование. Тотъ, у кого больше предприимчивости, возьметъ напр. какого нибудь Агопа или Серкиса, тотъ, пробывъ на берегу, отправляется въ Стамбуль, въ это средоточіе всѣхъ земныхъ благъ, къ которому обращены всѣ человѣческія надежды и гдѣ каждый думаетъ найти рѣшеніе своей участи. Здѣсь представляются ему различныя поприща, которыя онъ избираетъ, смотря по своимъ духовнымъ и физическимъ качествамъ. Кто значительно усовершенствовался въ національномъ искусствѣ пресмыканія, униженныхъ поклоновъ и лести, тотъ поступаетъ въ какой нибудь магометанскій домъ лакеемъ,—онъ дѣлается *айвасомъ*, т. е. чело-вѣкомъ, который живетъ въ самой скверной части дома, считается послѣднимъ изъ слугъ, исполняетъ самую низшую должность, но который, вслѣдствіе повсемѣстнаго господства на востокѣ духа патриархальности, не смотря на то, что онъ гяуръ и занимаетъ низкое положеніе, иногда считается непремѣннымъ членомъ семьи и въ большинствѣ случаевъ составляетъ себѣ небольшое состояніе. Но если новый пришелецъ довѣряетъ больше крѣпости и твердости своихъ костей, чѣмъ гибкости своего характера, то онъ дѣлается гаммаломъ, т. е. носильщикомъ; онъ снаряжаетъ для себя семеръ, небольшой, набитый соломою матрацъ, на который вваливаетъ небольшія тяжести, или же носить на плечѣ сирякъ,—длинную жердь,—совершая съ однимъ или нѣсколькими товарищами тѣ геркулесовскіе подвиги, которые приводятъ въ совершенное изумленіе европейскаго зрителя въ Церѣ. Иногда четверо такихъ гаммаловъ съ помощью двухъ весьма просто приспособленныхъ колевокъ катятъ бѣгомъ на крутую гору грузъ въ 15 или 20 центнеровъ. При этомъ всѣ жилы на ихъ голыхъ ногахъ напрягаются, кровь ударяетъ имъ въ лицо и подъ ихъ тяжелыми шагами дрожитъ земля, и эти-то люди съ желѣзными плечами питаются самою скудною пищею, живутъ въ скверныхъ помѣщеніяхъ и кромѣ того не имѣютъ и ночью покоя, такъ какъ обыкновенно они же считаются и сторожами при магазинѣхъ. Такимъ-то образомъ одинъ, благодаря крѣпости костей, дру-

*

той, благодаря гибкости характера, подвигаются впередъ на тернистомъ пути жизни,—оба собираютъ небольшую сумму денегъ и возвращаются обратно въ какую нибудь убогую родную долину, гдѣ они считаются за Крезовъ, гдѣ высоко цѣнятся ихъ опытъ и гдѣ даже ихъ боятся, какъ бывшихъ слугъ высокихъ сановниковъ. Нѣкоторые изъ этихъ Агоповъ или серексовъ возвращаются домой гадшами; они совершили путешествіе ко гробу Христову; видѣли въ день Вознесенія въ большой церкви въ Іерусалимѣ чудесное пламя и приняли не мало ругательствъ и побоевъ отъ грековъ и турокъ. Желваки и раны отъ побоевъ, полученныхъ въ святыхъ мѣстахъ, скоро проходятъ, ореолъ же святости окружаетъ ихъ на всю жизнь.

Такъ какъ, сопровождая этихъ двухъ типическихъ индивидовъ въ ихъ странствованіяхъ, мы прибыли на сушу, то мы и поговоримъ объ армянскомъ селянинѣ. Земледѣліе издавна было любимымъ занятіемъ этого народа, у котораго столько же доставало физической силы и терпѣнія при обработкѣ какой нибудь глыбы, сколько у грека—ловкости и изворотливости для торговли. Земледѣліе у армянъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причислено къ пріятнымъ и доходнымъ занятіямъ. Прежде всего приступаетъ къ скудному доходу отъ тяжелого труда земледѣльца духовенство съ своимъ вѣломъ, имѣющимъ впрочемъ у армянскаго духовенства сравнительно скромные размѣры; за духовенствомъ слѣдуетъ сборщикъ податей,—животное многоядное, какъ въ большей частей богобоязненныхъ странъ, которое отхватываетъ громадные куски. Когда такимъ образомъ армянскій земледѣлецъ удовлетворилъ «Бога и государя», онъ не можетъ быть еще покойнымъ на счетъ остатковъ, такъ какъ въ году по крайней мѣрѣ разъ десять онъ обкрадывается и разграбляется сосѣдними курдскими разбойниками, и не рѣдко, защищая свое добро, земледѣлецъ платится жизнью. Это вовсе не преувеличеніе, такъ какъ я часто во время своего путешествія бывалъ въ армянскихъ селахъ, гдѣ всѣ мужчины, способные носить оружіе, круглый годъ принуждены были проводить всю ночь на плоскихъ крышахъ своихъ домовъ для защиты себя отъ нападеній со стороны курдовъ. Понятно, что такое существованіе требуетъ желѣзнаго здоровья. Но, не смотря на это, армянинъ почти всякій живетъ безбѣдно, даже богато; онъ преимущественно занимается денежными дѣлами или, правильнѣе, ростовщичествомъ и умѣетъ остричь и ободрать какую нибудь случайно попавшую къ нему несчастную овцу самымъ немилосерднымъ образомъ, въ особенности если онъ чувствуетъ себя въ безопасности подъ

защитою мѣстныхъ властей, защитой, покупаемой вообще не дешево. Лишь только армянинъ составилъ себѣ капиталъ, онъ мѣняетъ село на провинціальный городъ; тамъ онъ ищетъ все большей и большей сферы дѣятельности и изъ провинціи переходитъ въ столицу, гдѣ много всякихъ лѣнивыхъ и расточительныхъ эфенди, беевъ и пашей и гдѣ онъ оставляетъ темное званіе ростовщика для болѣе благозвучнаго ранга «мултецима», т. е. откупщика податей или же домашняго и придворнаго банкира. Онъ получаетъ титулъ *челеби* ¹⁾ (господинъ) вмѣсто прежняго чорбаджи. Господиномъ считается онъ только по имени; нужно видѣть, съ какою собачьею готовностью, съ какими низкими поклонами, предлагаютъ эти «господа» свои деньги и свои услуги, чтобы понять, какъ ловко они могутъ эксплуатировать тѣхъ, кто вступилъ съ ними въ денежныя сдѣлки. Прежде, во времена необузданнаго турецкаго произвола, было совсѣмъ не то; эфенди, бей или паша совершенно спокойно позволялъ армянину обирать себя, но когда сума армянина набивалась такъ туго, что готова была лопнуть, то съ нимъ затѣвался процессъ, банкира изобличали въ обманъ или въ измѣнѣ, обезглавливали или вѣшали, и такимъ образомъ имущество, растраченное по частямъ, сразу возвращалось къ своему прежнему владѣльцу. Эта насильственная смерть считалась доказательствомъ рѣдкой преданности слуги къ своему покровителю. На могилѣ умершаго воздвигалась фигура, которая держала голову въ рукахъ, или же голова лежала въ ногахъ этой фигуры, чѣмъ семья казненнаго желала выразить не позоръ, нанесенный ей, но скорѣе свою преданность, въ виду того, что, какъ не разъ случалось, сыновья казненнаго, послѣ смерти ихъ отца, снова занимали мѣста банкировъ, снова обогащались, чтобы затѣмъ также окончить свои дни. — Въ настоящее время, когда на Босфорѣ не турки, а европейскія посольства даютъ тонъ всей жизни, когда армянскіе ростовщики пользуются явнымъ или тайнымъ покровительствомъ какого нибудь посольства и высасываніе крови производится безъ опасности, что она когда нибудь будетъ выпущена снова, — въ настоящее время турецкое общество бѣдитъ все болѣе и болѣе. Весь капиталъ, за немногими исключеніями, сосредоточенъ въ рукахъ армянъ; въ Галатѣ это главные биржевые тузы. Противъ этихъ черезчуръ рьяныхъ и безо-

¹⁾ Титулы челеби и чорбаджи стали раздаваться лишь недавно христіанамъ, въ прежнее же время это были два чина, которые были доступны лишь магометанамъ.

вѣстныхъ спекуляторовъ трудно что либо предпринять, и старикъ Ротшильдъ правъ былъ, сказавъ, что «если, собравъ со всего свѣта евреевъ и армянъ, запереть ихъ въ биржевой залъ, то не пройдетъ и полчаса, какъ деньги первыхъ перейдутъ въ кошельки послѣднихъ». Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, въ похвалу современныхъ армянскихъ биржевыхъ тузовъ, что изъ своихъ денегъ, нажитыхъ частью грязными, частью законными путями, они весьма охотно дѣлаютъ пожертвованія съ національно-благотворительными цѣлями, и при видѣ основанныхъ ими образцовыхъ школъ въ Константинополѣ, Венеціи, Парижѣ и Римѣ, посябитель, подкупленный благородными цѣлями, ради которыхъ основаны эти заведенія, смотритъ сквозь пальцы на источникъ средствъ, идущихъ на содержаніе этихъ заведеній.

Армянинъ любитъ также заниматься и ремеслами, но лишь тѣми, къ которымъ давно уже привыкъ этотъ народъ. Тотъ, кто не торгуетъ благороднымъ металломъ, обрабатываетъ его, и потому въ Турціи большинство золотыхъ дѣлъ мастеровъ—армяне. Между армянами бываютъ также портные, скорняки и повара, что указываетъ на сходство наклонностей у управляемыхъ и управляющихъ. Вообще замѣтна нѣкоторая общность нравовъ и обычаевъ у тѣхъ и другихъ,—тамъ напр., безобразный институтъ гарема поддерживается армянами такъ же строго, какъ и магометанами. Этимъ объясняется то странное обстоятельство, что османецъ, для котораго изъ всѣхъ расъ армянинъ наименѣе симпатиченъ, больше всего водитъ дѣла съ послѣднимъ. Армянинъ изъ всѣхъ христіанъ ближе всѣхъ стоитъ по своимъ наклонностямъ къ восточному человѣку. Армянину всегда открытъ былъ доступъ въ домъ мелкаго чиновника, вельможи и даже во дворецъ, гдѣ онъ приобрѣталъ извѣстное довѣріе. Никто не умѣетъ лучше его поддѣлаться подъ слабости народа-завоевателя и разсѣять подозрительность тирана омиамоу лесть и комплиментовъ. Поэтому-то стойкая и компактная масса армянскаго народа сравнительно наименѣе пострадала отъ тиранинн османской власти; она наклонялась и сгибалась, но не ломалась. Между тѣмъ, какъ въ настоящее время можно считать сотнями тысячъ боснійскихъ, болгарскихъ, албанскихъ и даже греческихъ магометанъ, — нѣтъ ни одного армянина въ числѣ послѣдователей Магомета. Возможно, и даже вѣроятно, что въ цвѣтущія времена мусульманско-татарскаго владычества, именно въ 13 и 14 столѣтіяхъ, бывали отдѣльные случаи обращенія армянъ въ магометанство, однако примѣры обращенія массъ почти неизвѣстны, и эта-то стойкость, эта испробованная выдержка служить

самою надежною гарантією національної будущности этого народа. Тихо и безъ шуму, не возбуждая ни въ комъ ни малѣйшаго подозрѣнія, началось въ первыхъ десятилѣтіяхъ этого столѣтія дѣло національнаго возрожденія армянскаго народа, и почти на каждомъ шагу бываютъ примѣры, что даже самые закоренѣлые матеріалисты увлекаются этимъ всеобщимъ стремленіемъ. Древне-армянскій языкъ и исторія, прежде таившіеся въ уединенныхъ монастырскихъ кельяхъ, гдѣ ими занимались нѣкоторые священники, теперь введены въ программу обученія въ элементарныя школы главныхъ городовъ и скоро сдѣлаются всеобщимъ достояніемъ. И именно потому, что этотъ народъ принялся за дѣло своего возрожденія безъ шума и крика, съ достойной удивленія и похвалы настойчивостью, успѣхъ этого дѣла становится вѣроятнымъ. Изъ всѣхъ христіанъ Азіи армяне, которыхъ считается около трехъ милліоновъ, наиболѣе заслуживаютъ сочувствія запада и вполне достойны лучшаго будущаго.

До сихъ поръ мы говорили лишь объ армянахъ, живущихъ въ Турціи, хотя, какъ мы уже замѣтили выше, они разсѣяны по громадному пространству. Значительная часть армянъ находится подъ русскимъ владычествомъ, не мало ихъ живетъ также и въ азіатскихъ владѣніяхъ Англіи, особенно въ большихъ торговыхъ городахъ. Въ Туркестанѣ они никогда не были терпимы, въ Кабулѣ же лишь недавно переселилось нѣсколько армянскихъ семействъ; изъ всѣхъ магометанскихъ государствъ, послѣ Турціи, въ Персіи живетъ сравнительно наиболѣе армянъ, хотя абсолютно ихъ немного. Принявъ во вниманіе незначительную численность армянъ въ этой послѣдней странѣ, можно а priori заключить, что еще не угасла та старинная вражда между сассанидами и жителями великой Арменіи, которая еще тысячу лѣтъ тому назадъ служила помѣхой къ мирному и дружественному сближенію между ними. Въ извѣстномъ смыслѣ такъ и есть на самомъ дѣлѣ, потому что большая часть армянскихъ колоній въ Иранѣ основана насильственно. Персидская анархія и шітскій фанатизмъ никогда не имѣли ничего привлекательнаго для христіанскаго пришельца, и не смотря на старинныя льготы, дарованныя прозорливымъ шахомъ Аббасомъ II армянамъ, переселившимся съ Аракса въ предмѣстья Испагани, Новая Джульфа никогда однако не могла достигнуть цвѣтущаго состоянія, и только блескъ русскаго ордена Станислава, висящаго на шеѣ ея епископа, оживляетъ до нѣкоторой степени надежды христіанскихъ подданныхъ шаха, между которыми замѣчается религіозное развоеніе; —

европейское внимательство, содѣйствовавшее обращенію нѣсколькихъ семействъ въ католицизмъ, вызвало страшную ярость между сектами, которые вслѣдствіе безсилія персидскаго правительства грязнуть въ грубомъ невѣжествѣ.

II.

Чтобы познакомиться со вторымъ представителемъ восточныхъ христіанъ, мы должны отъ сѣверныхъ широтъ Турціи направиться нѣсколько къ югу, гдѣ воздухъ мягче, растительность роскошнѣе и человѣкъ изворотливѣе и живѣе. Въ послѣднемъ отношеніи грекъ есть истинное созданіе окружающихъ его климатическихъ условій. Уже по одному наружному виду онъ представляетъ рѣзкую противоположность со своимъ армянскимъ единовѣрцемъ. Его фізіономія, его рѣчь, жесты, все его существо носятъ отпечатокъ извѣстнаго легкомыслія или, если угодно, воздушности. вмѣсто того, чтобы ходить—онъ желать бы танцовать, вмѣсто того чтобы говорить—пѣть, вмѣсто того чтобы думать—фантазировать, и всѣ признаки этого легкомыслія и фривольности до такой степени естественно выражаются въ его политической и религіозной жизни, въ его домашнемъ быту и во всѣхъ его дѣйствіяхъ, что вамъ кажется, будто серьезность и солидность, честность и прямота совсѣмъ не къ лицу этому человѣку. Что люди такихъ наклонностей, такого умственнаго склада должны отъ тѣсныхъ сношеній съ европейскимъ, особенно же съ французскимъ западомъ, превращаться въ странныхъ чудаковъ,—это легко понять, и нѣтъ ни малѣйшей странности въ томъ, что эти люди являются самыми искусными комедіантами западной культуры на востокѣ. Еще двадцать лѣтъ тому назадъ можно было встрѣтить въ Перѣ грековъ, которые на вопросъ: «Êtes vous Grecs?» отвѣчали: «Je suis Français» (рѣзкіе шипящіе звуки, равно какъ и ё и ю чужды греческому языку) и новоприбывшій европеецъ, еще мечтающій о классической Греціи, не могъ удержаться отъ изумленія, какъ это потомокъ древнихъ эллиновъ можетъ стыдиться своей національности и отрекаться отъ нея. Это французофильство есть, впрочемъ, вариантъ прошлаго туркофильства, которымъ отличались знаменитые фанариоты, сохранившіеся еще и до нынѣ въ немногихъ экземплярахъ. Въ моемъ воспоминаніи всегда живо будетъ представляться личность логофета (турки говорятъ лофета), котораго я имѣлъ случай видѣть въ домѣ моего начальника, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ. Че-

ловѣкъ этотъ пользовался славой новѣйшаго Улисса, и его странствованія изъ конakovъ турецкихъ вельможъ во дворецъ русскаго посольства, изъ дома шейхъ-ул-ислама въ жилище греческаго патріарха, во всякомъ случаѣ и стоили если не того, чтобы быть воспѣтymi, то по крайней мѣрѣ того, чтобы быть описанными. Какъ теперь, помню я сухопарую фигуру изгибающагося и быстроногаго, несмотря на свои лѣта, лофета, когда онъ, повидимому вполне усвоивъ правила турецкаго этикета, сидѣлъ съ поджатыми ногами на диванѣ подлѣ моего паши и тихо бесѣдуя съ нимъ, бросалъ по сторонамъ огненные взгляды. Мое присутствіе, повидимому, особенно стѣсняло его, и когда онъ въ смущеніи глядѣлъ на меня, съ его тонкихъ губъ срывались безсозвѣстно льстивыя фразы на счетъ преимуществъ ислама и турецкой власти или иная какая либо дерзкая ложь. Коварный фанариотъ догадывался, что европеецъ въ турецкомъ домѣ изучалъ не только языкъ и литературу, но также нравы и характеры, и ему, какъ видно, сильно не хотѣлось быть срисованнымъ. Неразрѣшимая на первый разъ загадка, какимъ образомъ угнетенные греческіе хрістіане могли извлекать выгоды изъ побѣдоноснаго ислама становится понятной, когда видишь греческое коварство и турецкую ограниченность, и тогда только дѣлается понятнымъ, что греки не только существуютъ, но и составляютъ громадныя состоянія и достигаютъ высокихъ почестей.

Въ этомъ образчикѣ логофетовъ мы видимъ представителя высшаго слоя турецкаго общества. За нимъ стоитъ такъ называемая интеллигенція, люди, которые носятъ лакированныя сапоги и лайковые перчатки, — слѣдовательно, преданные западной культурѣ, — могутъ болтать также по-французски и всегда возвышаютъ свой голосъ, когда въ кофейнѣ въ Перѣ и Смирнѣ или въ обществѣ новопривывшихъ европейцевъ рѣчь заходитъ о турецкомъ варварствѣ. Послушаемъ подобнаго Димитраки Паолаки или Антунаки, когда онъ, сидя за круглымъ столомъ въ кофейной Перы, черпаетъ въ стаканѣ абсента — всю силу своего національнаго негодованія противъ турокъ. Каждое слово его есть брань, каждый слогъ — презрѣніе; онъ дико вращаетъ глазами, сжимаетъ кулаки, и если бы не подоспѣлъ во время буфетчикъ, который, протянувъ руку, требуетъ заплатить за абсентъ, — *платить* есть для грека болѣе ненавистное слово, чѣмъ все турецкое отродье, — кто знаетъ чѣмъ окончилась бы эта горячность. Но это въ Перѣ. Отправимся же теперь въ Константинополь и посмотримъ, какъ этотъ Димитраки Паолаки или Антунаки держитъ себя въ турецкомъ конакѣ лицомъ къ

лицу съ эфенди. Онъ выбираетъ послѣдній стулъ около дверей и даже на этомъ стулѣ изъ скромности садится на самый край. Скрестивъ руки, опустивъ глаза внизъ, и робко склонивъ голову на грудь, онъ говоритъ тихо и спокойно и вы ничего не услышите отъ него, кромѣ самыхъ сладкихъ похвалъ и изъявленій глубокой преданности и благодарности къ туркамъ. Человѣкъ этотъ совершенно преобразился, и нужно обладать весьма острымъ зрѣніемъ, чтобы принять Димитраки, попивавшаго абсентъ, за Димитраки, бесѣдующаго съ эфенди. Эта метаморфоза, конечно, имѣетъ свои основанія, такъ какъ этотъ культурный человѣкъ прежде всего нуждается въ деньгахъ, для того чтобы наслаждаться абсентомъ, покупать лакированные сапоги, лайковыя перчатки и другіе культурные предметы,—въ деньгахъ, съ которыми онъ, однако, съ трудомъ разстается или вовсе не разстается, когда рѣчь заходитъ о распространеніи образованія, о греческихъ школахъ и греческой литературѣ. Самую же интересную черту характера этихъ грековъ составляетъ безспорно рѣзкое противорѣчіе между ихъ симпатіей къ франкской мишурѣ и ихъ ожесточенной ненавистью къ самимъ франкамъ, которые въ извѣстномъ отношеніи еще болѣе ненавистны имъ, чѣмъ турки, и къ которымъ они стали питать особенно сильную вражду въ новѣйшее время, послѣ того какъ переселившіеся на востокъ европейцы начали конкуррировать съ греками на коммерческомъ поприщѣ, чѣмъ туркамъ были открыты глаза на нравственную нечистоплотность грековъ. Со стороны грековъ не совсѣмъ послѣдовательно обзывать соперничающихъ съ ними въ борьбѣ за существованіе европейцевъ *франкскими собаками* (Skylifrankoi), но это еще до нѣкоторой степени объяснимо, но трудно связать съ этимъ, что отъ этихъ «собакъ», на которыхъ взыскивается вся отвѣтственность за всѣ бѣдствія и несчастія, постигшія «великую эллинскую націю», требуется безотлагательная помощь въ ихъ національномъ дѣлѣ, а въ благодарность, этихъ же собакъ побиваютъ камнями. Доблестный боецъ, павшій при Миссолунги, бѣдные герои Наварина, ваши потомки не заслужили иного названія!

Что касается низшаго класса, т. е. собственно греческаго народа, съ которымъ мы достаточно знакомы въ этнографическомъ отношеніи, благодаря Фалльмерайеру, то объ этомъ народѣ нельзя сказать ничего дурнаго. Вообще дѣятельный, но далеко не столь трудолюбивый, какъ армянинъ, греческій табачный торговецъ и москательщикъ, столяръ, каменщикъ, рыбацъ и т. д., пока онъ не пріобрѣлъ маленькаго капи-

тала, вообще может считаться приличнымъ человѣкомъ, насколько можетъ имъ быть грекъ. Но едва онъ успѣлъ скопить какую нибудь сумму денегъ, какъ уже въ его домѣ начинается часто появляться священникъ, убѣждающій его пожертвовать на икону какого нибудь святого или на церковь, на бѣдную, немущую церковь. Изъ церкви греческій ремесленникъ отправляется въ казино, гдѣ онъ пьетъ въ страшномъ количествѣ раки и занимается высшей политикой, такъ какъ вмѣстѣ съ библіей газеты составляютъ любимое чтеніе грековъ. Вообще въ Греціи всѣ занимаются политикой, — страсть, находящаяся въ странномъ противорѣчій съ невѣроятнымъ невѣжествомъ, въ которомъ безсовѣстное духовенство держитъ греческій народъ. Такимъ-то образомъ грекъ, склонный и по своей природѣ къ *dolce far niente*, скоро впадаетъ во всевозможные пороки, и въ этомъ заключается причина того, что, не смотря на подвижность духа, живость характера и другія преимущества, греческій народъ до сихъ поръ безуспѣшно стремился къ преобладанію на востокѣ, между тѣмъ какъ неуклюжій и безобразный съ виду армянинъ имѣетъ гораздо болѣе шансовъ достигнуть своей національной независимости, чѣмъ грекъ, шумящій уже нѣсколько десятилѣтій о своей всемірной культурно-исторической миссіи на востокѣ.

III.

Послѣ грековъ (классификація, которой мы слѣдуемъ здѣсь, вполне вѣрна въ этнографическомъ отношеніи) слѣдуетъ упомянуть о семитическихъ христіанахъ, т. е. христіанахъ, которые говорятъ на языкѣ Магомета, но которые съ успѣхомъ сопротивлялись ученію Магомета въ теченіи болѣе двѣнадцати столѣтій. Это обстоятельство объясняется больше неприступностью обитаемой ими гористой страны, чѣмъ твердостью и возвышенностью ихъ характера. При видѣ мѣстностей, населенныхъ этими народами, можно убѣдиться, что маронитамъ, малькитамъ и несторіанцамъ лишь потому посчастливилось удержать крестъ среди высоко вздымавшихся волнъ мусульманскаго завоеванія, что ихъ родныя долины и ущелья хотя и были извѣстны завоевателю, но лежали такъ скрытно, что они не возбуждали ни въ комъ охоты овладѣть ими. Пока эти долины и ущелья оставались незамѣченными мусульманами и свободными отъ посѣщенія европейцевъ, миръ между

различными христіанскими сектами съ одной стороны и между управляющими и управляемыми съ другой почти не нарушался, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока христіанская Европа не сочла нужнымъ виѣшаться въ дѣла своихъ единовѣрцевъ въ Азіи. Первымъ даромъ любви, принесеннымъ Европою, была страшная вражда, которую посѣялъ здѣсь католицизмъ, и когда затѣмъ виѣшалась и дипломатія съ своими мнимогуманными стремленіями, то вскорѣ глазамъ представилось отвратительное зрѣлище ожесточенныхъ схватокъ между христіанами, говорящими на одномъ языкѣ и одного происхожденія, или же между христіанами и господствующей расой. Тамъ, гдѣ страсти постоянно возбуждены, гдѣ кулакъ всегда сжатъ,—тамъ не можетъ быть рѣчи о мирномъ духовномъ и матеріальномъ развитіи, и потому неудивительно, что эти христіанскіе арабы гораздо невѣжественнѣе и грубѣе армянъ и грековъ.

Вглядываясь въ жизнь *маронитовъ* между Тарабуломъ и Салдомъ, этихъ излюбленныхъ дѣтищъ Франціи и Рима, мы тотчасъ же замѣтимъ, что истинный виновникъ всѣхъ происходящихъ здѣсь неурядицъ—всесильное духовенство, которое, неограниченно властвуя надъ душою и кошельками вѣрующей паствы—а вѣрующіе здѣсь всѣ безъ исключенія—гораздо болѣе удручаетъ сирійскихъ христіанъ, чѣмъ тѣ тиранническіе указы, исходящіе изъ Константинополя, о которыхъ у насъ такъ много кричатъ, или чѣмъ прежній арабско-мусульманскій произволъ. Получивъ въ Римѣ кой-какое образованіе—нѣкоторые изъ нихъ болтаютъ по-французски, по-итальянски и по-латыни—эти христіане превосходно умѣютъ возбуждать къ себѣ симпатіи католической Европы, которая они искусно превращаютъ въ звонкую монету, такъ какъ ни одинъ богомолецъ, отправляющійся ко гробу Христову черезъ Ливанъ, не въ состояніи устоять передъ краснорѣчіемъ маронитскаго священника и закрыть передъ нимъ свой кошелекъ. Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствуетъ братья, снаряжаемая въ Европу для собиранія милостыни. Они просятъ на сооруженіе храма, школы или на возобновленіе часовни, но каково было бы негодованіе благочестивыхъ жертвователей, если бы они узнали, что ихъ деньги употребляются не на священные сооруженія, а на починку дома, на устройство новой террасы или увеличеніе конюшенъ епископа или патріарха. Вообще эти епископы и патріархи—важные господа, это римскіе паши въ полномъ смыслѣ слова, отличающіеся отъ настоящихъ пашей лишь тѣмъ, что ихъ слуги, изъ которыхъ одни носятъ трубки, другіе посохи, третьи дер-

жать стремя, что эти слуги не обыкновенные люди, но монахи и священники различных ранговъ. Зимній дворецъ патріарха въ Соукѣ или его лѣтняя резиденція въ Води-Кадиша скорѣе имѣетъ видъ роскошнаго жилища какого нибудь восточнаго деспота, чѣмъ жилища духовнаго главы, обѣднѣвшаго подъ вѣковымъ мусульманскимъ гнетомъ паствы.

Каковъ хозяинъ, таковы и слуги. Все, что было сказано о духовенствѣ, относится также и къ народу, съ тѣмъ лишь различіемъ, что первое дѣйствуетъ въ роли угнетателей и обманщиковъ, а второй — угнетаемый и обманываемый. По наружному виду маронитъ сильно напоминаетъ армянина, менѣе — грека; но его характеръ представляетъ смѣсь качествъ того и другаго. Живетъ ли онъ въ деревнѣ или въ городѣ, сапожникъ ли онъ, ткачъ, портной или земледѣлецъ, — маронитъ рѣдко бываетъ чѣмъ либо болѣе мелочнаго торговца. Угловатый, неуклюжій и безпомощный, подобно армянину, онъ, однако, не обладаетъ его выдержкою и постоянствомъ, и хотя онъ старается подражать въ коварствѣ и хитрости греку, но ему недостаетъ собственной изворотливости послѣдняго. Однимъ словомъ, этотъ народъ, численность котораго *minimum* простирается до 20,000 человѣкъ и предки котораго въ свое время дѣлали хороша дѣла съ крестоносцами, недостойны тѣхъ нѣжныхъ попеченій, которыми окружала его, по крайней мѣрѣ, въ прежнія времена католическая Франція. Французское правительство заблуждалось, видя въ маронитахъ какой-то рычагъ и опору для своего вліянія на востокъ. О *мелькитахъ*, греко-католическихъ арабахъ, которыхъ насчитывается едва 50,000 человѣкъ, вообще отзываются съ хорошей стороны. Они мало отличаются отъ своихъ магометанскихъ соплеменниковъ, какъ по наружному виду, такъ и въ главныхъ чертахъ характера. Они никогда не выпрашивали у европейцевъ протекціи, ревностно изучаютъ арабскій языкъ и столь же гордятся своей національностью, какъ и чалмоносные послѣдователи магометова ученія. Весьма возможно, что, благодаря такимъ качествамъ, мелькиты менѣе подвергались преслѣдованіямъ, чѣмъ прочіе хрістіане Ливана. Точно также и несторіанцы въ Курдистанѣ мирно жили въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій среди воинственныхъ курдовъ и навлекали на себя страшную, опустошительную войну, которую велъ противъ нихъ Бедрѣ-ханъ-бей, лишь послѣ того, какъ появились американскіе миссіонеры съ цѣлью распространить блага «истинной вѣры» на это хрістіанское пастушеское племя, жившее въ первобытномъ, но счастливомъ состояніи. Но даже и изъ-за этихъ «благъ» аме-

риканскіе священники стали враждовать съ англиканскими, и бѣдныхъ несторіанцевъ до тѣхъ поръ терзали ради этого святаго дѣла, пока они не попали въ лапы хищнымъ курдскимъ разбойникамъ и пока рѣки не окрасились кровью болѣе 100,000 христіанъ. Страшная катастрофа положила предѣлъ въ турецкомъ Курдистанѣ апостолической дѣятельности соперничавшихъ протестантскихъ миссій, но она повторилась еще съ большими ужасами въ Иранѣ. Здѣсь Римъ явился третьимъ бойцемъ на аренѣ прозелитизма. Бѣдные несторіанцы были совершенно изумлены тѣмъ, что они такъ внезапно возбудили къ себѣ вниманіе своихъ еврейскихъ единоувѣрцевъ, на которыхъ они сами обыкновенно мало обращали вниманія, такъ какъ ихъ собственныя понятія о христіанствѣ весьма сбивчивы и въ чужеземныхъ послѣдователяхъ этой религіи они видѣли не американцевъ, англичанъ и французовъ, но лишь франковъ и нехальданисовъ (т. е. не несторіанцевъ), слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, не христіанъ. Первоначально миссіонеры не могли даже отдать себѣ отчета о религіозныхъ вѣрованіяхъ этихъ древнѣйшихъ христіанъ, такъ какъ ихъ священники стоятъ на самой низкой степени образованія и, въ силу строго теократическаго устройства ихъ быта, ихъ патріархъ и прочее духовенство почитаются и уважаются не по степени ихъ учености и знакомству съ религіозными книгами (написанными на древне-греческомъ языкѣ), а по количеству ихъ стадъ и числу полей. Въ настоящее время прошло уже почти пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началось обращеніе между персидскими несторіанцами и, однако, результаты этого обращенія чисто отрицательныя, если не усматривать нѣкотораго успѣха въ томъ, что несторіанскіе священники бродятъ по Европѣ съ цѣлью собирать пожертвованія на храмы. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ въ одной Венгріи трое такихъ «епископовъ» съ длинными бородами и въ длинной одеждѣ изобличены были въ воровствѣ и высланы полиціею на родину.

Всѣхъ несторіанцевъ считается до 200,000 человекъ. Физиономія несторіанца носитъ крайне слабыя слѣды его семитическаго происхожденія, а по своему характеру онъ поразительно рѣзко отличается отъ живущихъ съ нимъ по сосѣдству мусульманъ. Несторіанецъ связанъ съ духовенствомъ, этой аристократіею страны, узамъ строго патріархальнаго устройства. Онъ ведетъ умиранный образъ жизни, застѣнчивъ, даже робокъ и обнаруживаетъ во всемъ своимъ существомъ слѣды того гнета, который давилъ его въ теченіи многихъ столѣтій, когда онъ находился подъ властью сассанидовъ, арабовъ, турокъ, монголовъ и пер-

совъ. Въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія вліяніе несторіанъ было громадно и простиралось на самыя отдаленныя страны восточной Азіи. Мервъ, Самаркандъ, Кашгаръ и Хотанъ были резиденціями епископовъ, и крестъ готовъ уже былъ выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ буддизмомъ. Нетрудно понять, что судьбы центральной Азіи были бы совершенно инныя, если бы исламъ тотчасъ былъ подавленъ при своемъ первомъ появленіи.

IV.

Въ высшей степени странно и, прибавимъ, печальна участь евреевъ въ различныхъ странахъ мусульманской Азіи, участь, которая, быть можетъ, по временамъ смягчалась, но вообще гораздо плачевнѣе участи христіанъ. Если Европа въ прошлые вѣка оскорбляла этихъ ходячихъ мумій азіатской исторіи, то это средневѣковое варварство до нѣкоторой степени объясняется ненавистью фанатиковъ противъ мнимыхъ враговъ Христа и его мучителей; но у мусульманскихъ народовъ, гдѣ исторія распятія отвергается и гдѣ Иса и Маріемъ (Исусъ и Марія) Корана почти не связаны съ іудеями, это не можетъ считаться основаніемъ вражды. Тѣмъ болѣе, конечно, странно, что ягуди, дшегудъ или чужуть (еврей) считается тамъ квинтъ-эссенціей всякой брани и наемѣшки, всякой злобы и презрѣнія; нѣтъ словъ даже, на столько сильныхъ, чтобы вполне выразить мусульманское презрѣніе къ евреямъ. Можно было бы думать, что причиною этою страстной ненависти служатъ кровопролитныя войны Магомета противъ арабійскихъ іудеевъ, но такое мнѣніе ошибочно потому что изъ десяти тысячъ магометанъ едва найдется одинъ, который бы зналъ, въ какихъ отношеніяхъ находился его пророкъ къ іудеямъ Аравіи. Замѣчательно, что сходство въ религіозныхъ обрядахъ у евреевъ и мусульманъ, какъ, напримѣръ, воздержаніе отъ употребленія въ пищу нѣкоторыхъ «нечистыхъ» животныхъ, обязательное закалываніе животныхъ, омованія и т. д., не могли, не смотря на тысячелѣтнюю совѣстную жизнь, не только сблизить между собою послѣдователей двухъ религій, но даже болѣе увеличило между ними пропасть, чѣмъ та, которая существуетъ, напримѣръ, между мусульманами и христіанами или буддистами. Еврей въ глазахъ мусульманъ вдвойнѣ невѣрующій, потому что онъ не признаетъ ни Магомета, ни Христа. Но это обстоятельство, повидимому, не имѣетъ боль-

шаго значенія—ненависть и презрѣніе, питаемое къ сына́мъ Израи́ля, традиціонны, это—печальное наслѣдіе, которое передавалось наро́домъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Еще болѣе удивительно то обстоятельство, что нынѣшніе евреи почти совсѣмъ не подаютъ повода къ этой ненависти и страшной враждѣ, такъ какъ по ихъ характеру имъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ христіанскимъ населеніемъ востока и они вполне заслуживаютъ лучшаго обращенія. По своимъ воззрѣніямъ еврей мало отличается отъ остальныхъ жителей востока. И онъ также слѣпой фаталистъ, и упорно держится за преданія; его религія также представляетъ пеструю смѣсь суевѣрій и фантастическихъ басенъ; онъ учитъ культъ священныхъ гробницъ, съ благоговѣніемъ смотритъ на слѣды ногъ, оставленные знаменитыми святыми, и т. д., но все таки вѣковой гнѣтъ не пригнулъ въ немъ до такой степени благородныхъ чувствъ, какъ въ христіанинѣ, раздѣлявшемъ съ нимъ одинаковую участь. Онъ трусъ, но не предатель, онъ страстенъ, мстителенъ, но возбуждаетъ въ чужеземцѣ своими ужимками и дѣйствіями скорѣе состраданіе, чѣмъ презрѣніе. Какъ повсюду въ обществѣ вслѣдствіе давленія извне возникаютъ семейныя отношенія и ряды отдѣльныхъ членовъ народа смыкаются тѣснѣе, такъ точно и у азіатскихъ евреевъ, но только въ еще большей степени, чѣмъ у евреевъ европейскихъ. Не смотря на многочисленность евреевъ въ Константинополѣ, трудно встрѣтить тамъ хотя бы одного еврейскаго нищаго. Съ десяти лѣтъ, или даже ранѣе, бѣднякъ-еврей старается зарабатывать свой хлѣбъ продажей спичекъ, либо въ качествѣ переводчика, разносчика, шаклера. Вообще еврей на востокѣ избираетъ совершенно такія же профессіи, какъ и на западѣ. Каждый еврей надѣется сдѣлаться «камондо» (турецкій Ротшильдъ), и если его надежда не сбывается, то онъ всего менѣе виновать въ этомъ; его выдержка и умѣренность примѣрны, и между тѣмъ какъ по улицамъ Перы и Стамбула шатаются по временамъ пьяные греки и армяне, — видѣть пьянаго еврея величайшая рѣдкость. Обладать такими качествами было необходимо, чтобы сохраниться хотя до нѣкоторой степени, особенно въ Турціи. Еврею приходилось тамъ терпѣть не только отъ магометанскаго, но и отъ православно-греческаго и католическаго фанатизма. Наименѣе удручали его турки, наиболѣе греки; казалось, какъ будто послѣдніе желали вымѣстить на еврей все, что вынесли они сами отъ турецкаго насилія. Это была единственная возможность для стѣсненныхъ восточно-христіан-

скихъ фанатиковъ отвести душу, такъ что, не смотря на терпимость Сулеймана, думавшаго спасти тысячи евреевъ отъ сѣкиры и костровъ испанской инквизиціи, путь ихъ далеко не былъ усыянъ розами. Такъ было прежде. Нынѣ же, когда вслѣдствіе покровительства запада греческое высокоуміе усилилось, а евреи пользуются лишь слабой и временной защитой Европы, вышеизображенное нами положеніе дѣлъ мало или совсѣмъ не улучшилось. Въ Турціи евреевъ дразнятъ словомъ «е-кересъ», и въ этомъ словѣ выражаются его продолжительныя страданія. «Que quilres»? т. е., «чего ты хочешь»? (Евреи въ Турціи говорятъ жаргономъ ихъ прежней испанской родины),—вотъ вопросъ, который составляетъ единственную защиту еврея противъ его притѣснителей. Когда мальчика учатъ или бьютъ напрасно, когда старика таскаютъ за бороду, вы услышите только жалостное: «Que quilres»?—«Что я сдѣлалъ тебѣ чего ты хочешь отъ меня?»

Бросивъ общій взглядъ на веѣхъ евреевъ отъ береговъ Босфора до далекаго Кокана, мы замѣтимъ, что чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ болѣе и болѣе уменьшается ихъ численность. Чѣмъ недоступнѣе какая-либо страна для могущественнаго вліянія Европы, тѣмъ менѣе живетъ въ этой странѣ евреевъ. Страны нынѣшней Оттоманской имперіи всегда служили для нихъ любимымъ мѣстомъ поселенія: въ средніе вѣка—восточная часть этихъ странъ, а нынѣ западная. Регенсбургскій равнинъ (Рабби Петахія), посѣтившій въ 1317 году своихъ азіатскихъ единоверцевъ, нашелъ, что въ Мосулѣ ихъ было слишкомъ 6,000 человекъ, въ Дамаскѣ 10,000, въ Низибѣ 8,000; кромѣ того онъ говоритъ, что въблизи Багдада на празднествахъ присутствовало 80,000 евреевъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время всѣ евреи въ азіатской Турціи составляютъ лишь половину этого числа. Багдадъ, который считается евреями древнимъ Вавилономъ, послѣ Константинополя и Салоникъ, есть самая большая еврейская колонія на востокѣ. Въ этомъ пашалыкѣ живетъ слишкомъ 20,000 сыновъ Израиля, но старая пѣснь:

«На рѣкахъ вавилонскихъ сидѣли мы и плакали»

не раздается уже тамъ, такъ какъ багдадскій еврей, живущій подъ сѣнью богатой и вліятельной общины, пользуется многими привилегіями, которыми завидуютъ его единоверцы, живущіе дальше къ востоку. Его занятія тѣ же, что и во времена калифовъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что новѣйшія учрежденія и новѣйшая наука лишили эти занятія прежняго блеска. Богатые купцы и откупщики регалій превратились въ ростовщиковъ,

картины восточн. нравовъ.

15

искусные врачи сдѣлались шарлатанами и дрогистами. Евреи занимаются лишь такъ называемыми тайными науками и волшебствомъ, и имъ какъ разъ на руку то понятіе мистическаго и загадочнаго, которое народъ въ Восточной Азіи связываетъ съ личностью еврея. Багдадскіе евреи занимаются также нѣкоторыми ремеслами, особенно крапленіемъ шелка, — искусство, вывезенное, если я не ошибаюсь, еврейскими эмигрантами изъ Бухары, — а также ювелирнымъ ремесломъ, въ которомъ они довольно искусны. Вообще говоря, евреи въ Багдадѣ хотя и составляютъ тамъ, какъ и всюду на востокѣ, отверженное племя, чувствуютъ, однако, себя гораздо безопаснѣе и свободнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ азіатской Турціи. Повидимому, въ нихъ еще живо воспоминаніе о могуществѣ Насси (еврейскаго царя) и Рошъ Гелюту (главы евреевъ въ эпоху плѣненія). Въ настоящее время мѣсто этихъ Насси занимаетъ не столько официальный Хахемъ Баши (оберъ-раввинъ), сколько богатые банкиры; одинъ изъ послѣднихъ — Даніаль, — Ротшильдъ азіатскихъ евреевъ, — могъ бы даже импонировать первому чиновнику султана.

Багдадскіе евреи говорятъ не на испанскомъ жаргонѣ, а на арабскомъ; въ Персіи же между евреями въ ходу персидскій языкъ съ сильной примѣсью еврейскихъ словъ. Обѣ народности считаютъ себя потомками евреевъ, оставшихся послѣ перваго плѣненія, а на югѣ Ирана я встрѣтилъ нѣсколько семействъ, которыя держали себя какъ патриціи. И, въ знакъ своего аристократическаго положенія, говорили по еврейски, конечно, съ сильной примѣсью персидскихъ словъ, не чуждыхъ и книжному еврейскому языку. Политическій и социальный бытъ иранскихъ евреевъ хуже, чѣмъ ихъ единовѣрцевъ въ Турціи, и это печальное явленіе объясняется большей анархіей, большимъ фанатизмомъ персидскихъ мусульманъ и ихъ большей алчностью. Даже тамъ, гдѣ существуютъ многочисленныя еврейскія общины, напр. въ Гамаданѣ, Ширазѣ и Тегеранѣ, евреи служатъ предметомъ глубокаго презрѣнія и выносятъ сильнѣйшій гнетъ. Еще въ послѣднее время ходили рассказы объ аутодафе, воздвигнутомъ въ Гамаданѣ, а во время моего пребыванія въ Тегеранѣ, одинъ ученый раввинъ спасенъ былъ отъ вѣрной смерти, только благодаря заступничеству французскаго посланника. Рѣшено было замучить на смерть этого бѣднаго человѣка ударами по животу, такъ какъ онъ былъ обвиненъ врагами въ колдовствѣ, вслѣдствіе котораго будто бы внезапно умеръ перворожденный ребенокъ любимой жены шаха. Раввинъ случайно прошелъ чрезъ

тегеранскія ворота, какъ разъ въ то время, когда умеръ ребенокъ; въ этомъ обстоятельстве усмотрѣна была причинная связь между этими двумя событіями, и равнинъ приговоренъ былъ къ смерти. Вслѣдствіе подобныхъ же нелѣпныхъ причинъ возникали другія преслѣдованія евреевъ въ Иранѣ, какъ напр. извѣстное избіеніе евреевъ въ Мешгедѣ гдѣ одна бѣдная еврейка, у которой болѣла рука, убила, по совѣту какого-то персидскаго шарлатана, уличную собаку, чтобы вложить въ ея внутренность свою больную руку; еврейку заподозрили въ дѣтоубійствѣ, въ которомъ евреевъ повсюду обвиняютъ, и тѣмъ она подвергла гибели себя и своихъ единовѣрцевъ. Евреи, насильственно обращенные въ исламъ, до сихъ поръ еще принуждены официально держаться религии страны, между тѣмъ какъ въ душѣ и внѣ Мешгеда они по прежнему молятся Іеговѣ.

Былъ ли я въ городѣ или въ открытомъ полѣ, я никогда не видѣлъ болѣе печальнаго зрѣлища, какъ группа евреевъ, которые живутъ или ѣдутъ вмѣстѣ. Въ особенности жалокъ ихъ видъ, когда они ѣдутъ съ караваномъ. Такая группа евреевъ, одѣтыхъ въ самую северную и грязную одежду, и сидящихъ на старыхъ, костлявыхъ клячахъ, тащится, какъ ночная тѣнь, вдали отъ главной свиты каравана. Бросая по сторонамъ робкіе, боязливые взоры, они всюду чуютъ недоброе, постоянно ждутъ опасности то въ видѣ пущеннаго камня, пули или внезапнаго сабельнаго удара, такъ какъ персъ можетъ напасть на нихъ просто ради потѣхи, забросать ихъ грязью и изорвать на нихъ одежду. При первомъ натискѣ всѣ, какъ испуганныя овцы, толпятся въ одну кучу и поднимаютъ руки, не для защиты, а для того, чтобы закрыть глаза. Только какой нибудь сѣдобородный старецъ осмѣлится произнести: «Mekun dschini aga!», т. е. «оставь, любезный господинъ!» Довольно замѣчательна сила привычки, а быть можетъ, и любви къ отечеству, пребывающихъ почти 20,000 евреевъ въ этой странѣ, гдѣ они живутъ въ постоянномъ страхѣ, гдѣ, для лучшей защиты отъ нападеній, они устраиваютъ въ своихъ домахъ, вмѣсто дверей, что-то въ родѣ печныхъ отверстій, влѣзая и вылѣзая изъ своихъ жилищъ въ согнутомъ положеніи и гдѣ — жестокая иронія! — влача столь печальное существованіе, они должны фигурировать въ качествѣ публичныхъ танцоровъ и пѣвцовъ. Быть персидскимъ евреемъ и по цѣлымъ часамъ плясать и пѣть предъ своими безсовѣстными мучителями и ненавистниками, это самая ужасная доля, какую я только могу себѣ представить.

Замѣчательно, что евреи живутъ даже среди бездушныхъ туреме-

*

новъ, похищающихъ людей; въ Мервѣ, гдѣ главнымъ образомъ раздается бряцаніе цѣпей, живетъ цѣлая колонія евреевъ. Еврей между туркменами, разумѣется, представляется полутуркменомъ, не считая обязательныхъ для этого пейсовъ и ермолки. У туркменскаго еврея есть своя палатка, своя лошадь и свои персидскіе рабы, которыхъ онъ порядкомъ колотитъ и мучитъ; его биржевой курсъ колеблется, смотря по удачѣ хищныхъ туркменскихъ набѣговъ, предпринимаемыхъ въ Иранъ. Всего болѣе изумляетъ полнѣйшая безопасность евреевъ среди этихъ безпорядочныхъ ордъ. Туркмень питаетъ къ нему, какъ къ знахарю, адскій страхъ, оставляетъ его въ покоѣ на томъ основаніи, что онъ не можетъ продать его, такъ какъ по ту сторону степи дѣти Израиля находятся въ такомъ презрѣніи, что ихъ нельзя даже сбывать, какъ предметъ торговли. Въ настоящее время въ Бухарѣ и въ другихъ городахъ центральной Азіи порядки, пожалуй, нѣсколько измѣнились, благодаря русскимъ, но кто видѣлъ прежде въ чравшанѣ еврея съ веревкой на ногахъ, еврея, который принужденъ сходить съ коня или съ осла, при встрѣчѣ съ правовѣрнымъ, и являться ежегодно, въ знакъ своей покорности, за полученіемъ отъ мѣстной власти двухъ официальныхъ плюхъ, тому покажется загадочнымъ, какъ можно было избрать отечествомъ подобную страну?

XVII.

Типы мусульманскихъ народовъ.

Если справедливо по отношенію ко многимъ столицамъ, что онѣ не даютъ настоящаго понятія о нравственныхъ и соціальныхъ качествахъ народа, то это справедливо еще болѣе относительно Константинополя, метрополи, въ которой сосредоточивается весь блескъ западной Турціи. Подобно тому, какъ стамбульскій діалектъ мягкостью звуковъ, массою чужихъ, заимствованныхъ словъ и искусственныхъ оборотовъ рѣчи отличается отъ простаго кореннаго турецкаго языка, такъ точно стамбульскій турокъ отличается отъ своего соплеменника въ Анатолиі. Платье дѣлаетъ человѣка, и потому лишь феска или чалма, длинная дшуббе и широкіе шаровары позволяютъ распознать на Босфорѣ турка въ конгломератѣ расъ, подвергавшихся стократному скрещиванію. Завитые волосы, стоячій воротникъ, фракъ и лайковья перчатки превращаютъ въ настоящаго европейца такого турка, признаваемого нашими туристами за прототипъ восточныхъ расъ. Константинопольскій турокъ не сохранилъ никакихъ слѣдовъ своихъ расовыхъ особенностей; ни личной угодъ, ни видъ глазъ, лба и подбородка, а равно его психическія свойства не изобличаютъ въ немъ туранца. Испорченность, шаткая мораль, отсутствіе благородства и патріотизма,—все это такія особенности нынѣшнихъ эфенди, о которыхъ мы не въ первый разъ говоримъ здѣсь, и которыя не въ первый разъ порицаются нами. Къ сожалѣнію, дѣйствительность представляется въ еще худшемъ видѣ, чѣмъ это можно было бы заключить изъ набросанныхъ нами до сихъ поръ очерковъ. Это особенный, воспитанный въ атмосферѣ тиранніи и произвола

классъ общества, который чуждъ нравственныхъ принциповъ, выработанныхъ старымъ міровоззрѣніемъ, но, не будучи въ состояніи найти для нихъ достаточной духовной замѣны, отдается неутолимой жадѣ наслажденій, ищетъ пировъ и домогается богатства, чтобы расточить его;—это тотъ классъ общества, для котораго не существуетъ ни религіи, ни нравственнаго кодекса, и который, блистая вѣншиимъ лоскомъ западной культуры, чувствуя себя свободнымъ отъ драконовскихъ законовъ восточнаго деспотизма, предается лишь низкимъ страстямъ. Этотъ приговоръ хотя и суровъ, но справедливъ, и онъ долженъ быть высказанъ уже потому, что очень часто турокъ смѣшиваютъ и отождествляютъ съ отвратительной каррикатурой, которую представляютъ собою эфенди. Но такое смѣшеніе—вопіющая несправедливость.

Мы согласны, что старинная азіятская поговорка: «El arab scherifetuk, el adschem zarifetun w'et turk kesifetun» — арабъ благороденъ, персъ нѣженъ, турокъ неуклюжъ,—довольно вѣрна, но къ этой неуклюжести слѣдуетъ прибавить порядочную дозу честности и прямоты, изумлявшей меня всякій разъ, когда мнѣ представлялся случай имѣть дѣло съ турецкимъ крестьяниномъ Анатоліи. Бѣдныя тѣни столь быстро удалившагося со сцены народа! Робкія жертвы неумѣлыхъ и безсовѣстныхъ чиновниковъ! достойные сожалѣнія образцы рѣдкой кротости и уступчивости! Кто могъ бы сохранить равнодушіе, войдя во дворъ каковаго нибудь турецкаго крестьянина въ Сивасѣ, Эгюрю или Харпутѣ? Этотъ крестьянинъ — потомокъ тѣхъ храбрыхъ героевъ, которые пришли изъ далекаго востока, чтобы основать на развалинахъ византійско-христіанскаго владычества имперію, о которой я рассказываю тебѣ, любезный читатель. Все вокругъ него и на немъ бѣдно, одежда, обувь и шапка изорваны, и только глаза и положеніе головы слабо напоминаютъ бывшаго хозяина и властителя. Его домъ въ упадѣ, поле не обработано, садъ запущенъ, мечъ заржавѣлъ, его рабочіи и извозныи скотъ захирѣли. Если вы спросите о причинахъ этой нищеты, то сначала онъ отвѣтитъ: «Kismet! Nasib!» (судьба), и только послѣ обстоятельныхъ распросовъ укажетъ на безпорядочное хозяйничанье константинопольскихъ властей, какъ на источникъ этого зла. Трудно найти въ цѣломъ мірѣ существо болѣе измученное и удрученное, чѣмъ этотъ народъ, котораго Европа, несправедливо отождествляя съ гнусными константинопольскими эфенди, считаетъ главнымъ орудіемъ тиранніи и виновникомъ вопіющихъ несправедливостей, причиняемыхъ христіанамъ. Бѣдный турокъ, крестьянинъ ли онъ, ремесленникъ или землевладѣлецъ,

очень мало виновенъ въ совершаемыхъ отъ его имени звѣрствахъ; по большей части онъ самъ даже бываетъ ихъ жертвой. Если бы освѣтить азіатскія страны яркимъ свѣтомъ статистики, то предъ нами получилась бы ужасающая картина страшнаго упадка турецкаго народа. Кромѣ частныхъ войнъ, эпидемій и распущенность, порожденная безсовѣстностью чиновниковъ и врожденнымъ нерадѣніемъ, производятъ страшную смертность между турецкимъ населеніемъ. Цѣлыя полосы, цѣлыя области, которыя еще въ началѣ этого столѣтія были заселены и находились въ цвѣтущемъ состояніи, нынѣ вымерли и лежатъ нетронутыми; пройдетъ еще полъ-столѣтія—и отъ вымирающихъ туземъ не останется въ Анатолиіи и слѣда. Развитіе русской власти на югѣ Кавказа, безъ сомнѣнія, способствовало тому, что въ подданство Оттоманской имперіи перешли многія туркменскія племена, которыя не могли уже продолжать вести кочующую жизнь на Араксѣ и Курѣ, и производить набѣги, и которыя пожелали стать подъ покровительство полулунія, не желая покидать своего исконнаго азіатскаго образа жизни. Но это приращеніе народонаселенія Анатолиіи, по моему мнѣнію, скорѣе послужитъ ей во вредъ, чѣмъ на пользу.

По истинѣ достойно сожалѣнія, что этому злу невозможно помочь. Османецъ на своей старой родинѣ, какъ мы видѣли, представляетъ собою, не смотря на многіе типическіе недостатки, все же прекрасное явленіе между народами стараго свѣта. Онъ великодушенъ, чистосердеченъ, проникнутъ совершенно патріархальными чувствами и гостепріименъ. Сколько разъ, возвращаясь подъ его убогій кровъ, я вспоминалъ, видя его простоту и честность, о счастливыхъ временахъ Гомера. «Откуда ты идешь? кто ты?» вотъ единственные вопросы, которые онъ задаетъ при прощаніи. Онъ дѣлитъ съ гостемъ лучшую комнату, лучший кусокъ и чувствуетъ себя серьезно оскорбленнымъ, если, при прощаніи, предложить ему деньги за его услуги. Я не забуду тѣ вечера, когда, для увеселенія своихъ гостепріимныхъ хозяевъ, я читалъ, при свѣтѣ лучины, изъ какой-то старинной испачканной книги. Старъ и младъ, женщины и дѣти, хозяева и слуги толпились вокругъ меня въ живописномъ безпорядкѣ; всѣ слѣдили за чтеніемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и даже послѣдній бѣднякъ, ради этого удовольствія, пріютилъ бы меня и моего коня на нѣсколько дней. По истинѣ горько видѣть турецкаго крестьянина томящимся подъ тяжестью гнета, которымъ давитъ его правительство, равно какъ и его собственное нерадѣніе и небрежность.

Въ нѣсколько лучшемъ видѣ представляется положеніе арабовъ,

этой второй категоріи мусульманскихъ подданныхъ Порты. Арабъ раздѣляетъ съ турками всѣ ихъ бѣдствія, но эти бѣдствія еще не совсѣмъ пригнули его къ землѣ. Благодаря своимъ національнымъ свойствамъ, онъ выше поднимаетъ свою голову и смѣлѣе смотритъ въ будущее. Если взять араба горожанина, промышленника или торговца, то мы тотчасъ увидимъ, что извѣстная фраза: «Nuhefai agab», т. е. сухопарые, тощіе арабы — не есть этнографическая колкость, но дѣйствительно имѣетъ свое основаніе въ физическихъ свойствахъ араба. Турокъ въ шутку говоритъ: «Аба порождаетъ всю разницу между арабомъ и его копьемъ». Но какъ у турка съ тучностью рука объ руку идетъ медленность мысли, такъ арабъ — я разумѣю обитателей степей — соединяетъ съ своимъ тощимъ видомъ умственную живость, подвижность духа и неукротимое стремленіе къ свободѣ. Кромѣ того, арабъ воздерженъ, одушевленъ сильнымъ сознаніемъ своего національнаго достоинства и смотритъ на турка, не смотря на то, что послѣдній въ теченіи многихъ столѣтій властвуетъ надъ нимъ и угнетаетъ его, какъ на существо низшее, какъ на варвара, котораго не могъ облагородить даже исламъ. Предсказывая поэтому арабу лучшую будущность, чѣмъ турку, мы оцѣниваемъ въ этомъ случаѣ его національныя качества и то самосознаніе его, которое такъ возвышаетъ его надъ прочими мусульманскими подданными Порты. Пока онъ не видитъ еще путеводной звѣзды, — но разъ какой нибудь переворотъ выдвинетъ этотъ народъ на первый планъ, то нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря упругости его духа, его большаго сродства съ западомъ, востокъ, подъ управленіемъ арабовъ, окажется болѣе способнымъ если не къ полному перерожденію, то, по крайней мѣрѣ, къ обновленію, чѣмъ подъ управленіемъ османовъ.

Защищенный на родинѣ естественными преградами, арабскій народъ сравнительно гораздо рѣже приходилъ въ соприкосновеніе съ христіанскимъ западомъ, чѣмъ даже обитатели самыхъ отдаленныхъ мусульманскихъ странъ. Для европейскаго вліянія открыты были только границы большаго полуострова, внутреннія же страны его, свѣдѣнія о которыхъ до насъ доходили лишь благодаря случайнымъ и немногимъ путешественникамъ, остались въ томъ же состояніи, какими они были въ прошлые вѣка. Даже европейскіе купцы, эти отважные піонеры запада, не нашли еще туда дороги. Можно судить поэтому, какія произойдутъ перемены, если, вслѣдствіе осуществленія гигантскихъ замысловъ относительно проложенія въ Азію путей сообщенія, пробуж-

дены будутъ изъ своего сна тѣ миллионы арабовъ, предки которыхъ оставили послѣ себя столь величественные памятники своей энергіи.

Но въ какую область я зашелъ? Не историческія гаданія занимаютъ меня, а изображеніе народныхъ типовъ. Поэтому оставимъ арабовъ съ ихъ широкой родною степью и взглянемъ на тѣ народности, которыя въ теченіи столѣтій бродятъ по старымъ дорогамъ между внутренней Азіей и восточными берегами Чернаго и Средиземнаго морей и еще до сихъ поръ ведутъ полукочующую жизнь. Наибольшій интересъ, безспорно, представляетъ собою та длинная цѣпь турецкихъ народностей, которая тянется отъ ледяныхъ береговъ Лены до береговъ Адриатическаго моря, звенья которой даже и нынѣ суть воплощеніе первобытной старины и составляютъ по отношенію другъ къ другу какъ отдѣльныя ступени послѣдовательнаго историческаго развитія.

Къ османамъ, подвергавшимся частымъ скрещиваніямъ съ чуждыми элементами и въ физическомъ отношеніи на половину переставшими быть турками, примыкаютъ на востокѣ иранскіе турки—это красивое племя, которое, не смотря на тѣсныя сношенія съ персами, продолжавшіяся въ теченіи слишкомъ шести-сотъ лѣтъ, сохранило однако многія черты своего первоначальнаго турецкаго типа. Они населяютъ почти весь сѣверный край нынѣшней Персіи и добрую половину Закавказья; они отличаются, съ перваго взгляда, отъ настоящихъ персовъ массивными формами тѣла, широкими чертами лица и нѣкоторой медленностью въ разговорѣ и въ мышленіи. Не смотря на продолжавшіяся въ теченіи многихъ поколѣній интимныя сношенія съ развязнымъ и умышленно-подвижнымъ сыномъ Персіи, иранскій турокъ не могъ, однако, вполне преобразиться въ перса. Онъ также лжетъ и обманываетъ, какъ и сынъ юга, но его ложь и обманъ менѣе искуссны и болѣе прозрачны. Его духъ и тѣло обладаютъ меньшей гибкостью, но за то тѣмъ болѣе способны они оказывать сопротивленіе, и такимъ—то образомъ при немъ остались всѣ тѣ свойства, которыя обезпечили за нимъ съ незапамятныхъ временъ роль властителя и воина. Упорно держится онъ за тѣ старинные обычаи, наклонности и привычки, которые занесены его предками изъ степей центральной Азіи. Его свадебныя и жалобныя пѣсни тѣ же, что и у обитателей степей, его увеселенія также сохранили свой древній характеръ. Тамъ, гдѣ пытались идти на перекоръ его національнымъ стремленіямъ, онъ покидалъ страну и переселенія предпочиталъ подчиненію. Мы видимъ это на западныхъ берегахъ Каспійскаго моря и въ Закавказьѣ, подчиненномъ въ началѣ этого столѣтія

русскому владчеству. Со времени русскаго завоеванія число терекмовъ, каракалтковъ, шахзевендовъ и другихъ полукочующихъ турокъ уменьшилось болѣе чѣмъ на одну треть. Народъ предпочиталъ въ этомъ случаѣ удалиться въ ненавистную ему страну, подвластную суннитскому султану, онъ согласился скорѣе обречь себя на вѣчную вражду съ курдами, чѣмъ подчиняться приказаніямъ «начальника» (рускаго чиновника). Турки, безъ сомнѣнія, служили для Ирана защитой противъ вѣншихъ нападений, но они были также и помѣхой умственному развитію ихъ новой родины.

Обстоятельство это достойно сожалѣнія, если принять во вниманіе способности иранца, о которыхъ не разъ уже была рѣчь. Потомки древнихъ персовъ, которыхъ, т. е. потомковъ, считается около трехъ милліоновъ, безъ сомнѣнія значительно измѣнили бы судьбу стараго свѣта, если бы ихъ не тормозили арабы и турки. Это племя во всѣхъ отношеніяхъ достойно нашего полнѣйшаго вниманія. По своему наружному виду персы мало отличаются отъ своихъ предковъ, изображенныхъ на памятникахъ Персе полиса, Накши Сустема, и м. др., памятникахъ, которымъ считается тысячи лѣтъ и которые возбуждаютъ наше изумленіе. О подвижности этого народца, его коварствѣ и хитрости можно много поразсказать. Продолговатое лицо перса, его тонкій носъ, красивый лобъ, все выраженіе лица его заставляетъ признать въ немъ человѣка способнаго. Его одежда, пища, обстановка его дома,—все обличаетъ въ немъ вкусъ и чувство изящнаго. Истинный персъ даже въ качествѣ погонщика гораздо живѣе и развязнѣе, чѣмъ турецкіе остряки по профессіи. Но какую пользу могло это принести ему, если тиранія, продолжавшаяся цѣлыя столѣтія, сдѣлала его воплощеніемъ лжи и обмана, если его умъ истратился на изысканіе обольныхъ путей и если, благодаря этому, вся нація обратилась въ какихъ-то сумасбродовъ? Эта печальная черта характера дополняется еще легкомысліемъ и непостоянствомъ. Персъ—остроумное дитя, которое не можетъ дорости до остроумнаго человѣка. Онъ можетъ высоко парить въ виду какой либо великой цѣли, но для того, чтобы осуществить ее, у него не хватаетъ ни силъ, ни терпѣнія.

Къ востоку отъ османовъ, къ западу отъ иранцевъ и къ сѣверу отъ арабовъ, пріютились въ гористой части сѣверной Мессопотаміи курды. Народъ этотъ живетъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, и такъ какъ вообще гористыя страны доступны иноземнымъ путешественникамъ и вліянію иноземной культуры въ меньшей степени, чѣмъ открытыя равнины, то нынѣшній курдъ мало отличается отъ того (kurduchoi),

котораго описываетъ добрый, старый Геродотъ. Курды, во всякомъ случаѣ, замѣчательный народъ, но чуждый романтизма старины, исполненный всѣхъ добродѣтелей и пороковъ первобытной общественной жизни, равно какъ и тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ съ перваго взгляда горныхъ жителей всѣхъ поясовъ и всякаго климата. Если ты желаешь любезный читатель, получить понятіе о странной фигурѣ курда, то представь себѣ человѣка съ загорѣлымъ лицомъ, суровыми чертами лица, смѣлыми глазами, орлинымъ носомъ и волнистыми черными волосами, въ остроконечной чалмѣ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ сукна, въ накинутаго на плечи яркой абѣ (верхняя одежда) со множествомъ складокъ, человѣка, для котораго длинное копье, щитъ и мечъ, а также огнестрѣльное оружіе новѣйшаго рода составляютъ необходимость. Какъ его библейское вооруженіе вяжется съ огнестрѣльнымъ оружіемъ бельгійскаго издѣлія, такъ точно суровый, дико воинственный видъ этого человѣка составляетъ контрастъ съ легкой, воздушной матеріей, изъ которой сдѣланъ его плащъ. Все въ немъ рассчитано, видимому, на то, чтобы утѣшить, и если курдъ, внезапно выскочивъ изъ какаго либо ущелья на разукрашенномъ конѣ, нападетъ на ничего не подозрѣвающаго мирнаго путника, то онъ почти всегда овладѣетъ своей добычей. «Раздѣйся и не трогайся съ мѣста» — значить на курдскомъ языкѣ пожелать добраго дня. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ совершенно спокойно отдать курду все свое достояніе и быть довольнымъ, что вы остались въ цѣлости.

Жилище курда, хозяйство и его повседневная жизнь также носятъ слѣды тысячелѣтней старины. Я прихожу въ восхищеніе, вспоминая о тѣхъ вечерахъ, которые я проводилъ среди курдовъ (живущихъ въ одномъ помѣщеніи съ животными), часто въ обществѣ сорока буйволовъ. Подъ бровомъ курды живутъ, конечно, только лѣтомъ. Испаренія нерѣдко отъ полъ-сотни буйволовъ наполняютъ все жилище, потому что чрезвычайно маленькое отверстіе надъ очагомъ, служащее и отдушиной, и дымовой трубой, допускаетъ лишь едва замѣтную тягу. Но доброму курду такое существованіе представляется *non plus ultra* человѣческаго комфорта, и если бы ему рассказать, что въ франкской землѣ животныя ночуютъ въ стойлахъ, а люди въ спальняхъ, то онъ, навѣрное былъ бы глубоко тронутъ и воскликнулъ бы жалостнымъ тономъ: «Бѣдные франки!» Его пища также соответствуетъ этой первобытной жизни. Молоко и ячменный хлѣбъ составляютъ его постоянную пищу, кото-

рая лишь иногда разнообразится сыромъ и копченымъ мясомъ. Лукъ и чеснокъ употребляются имъ для раздраженія горла, жаркое же онъ ѣстъ въ рѣдкихъ случаяхъ, не смотря на то, что онъ — скотоводъ по профессіи. Гостепріимство есть прекрасная черта курда и счастье окрестнаго населенія. Хотя эта добродѣтель далеко не выражается въ немъ такъ рѣзко, какъ у жителей далекой Азіи, тѣмъ не менѣе она достаточно сильна, чтобы облегчать сношеніе съ нимъ и путешествіе по его странѣ.

Какъ всякое культурное вліяніе, такъ даже и исламъ, эта исконная религія Азіи, не могъ проникнуть въ родныя ущелья курда и пустить тамъ корни. Мусульманская ревность курда весьма сомнительна. Они считаютъ себя магометанами ради удобства, не питаютъ непріязни къ христіанамъ и поклонникамъ дьявола; и сектаторство хотя и они дѣлятся на суннитовъ и шитовъ, служить для нихъ лишь предлогомъ къ удовлетворенію своей неукротимой страсти къ грабежамъ. И этотъ-то народъ, съ своими странными обычаями и суровыми нравами, составляетъ вѣтъ иранской семьи; это двоюродный братъ персовъ, языкъ которыхъ отличается отъ курдскаго лишь какъ нарѣчіе и съ которыми у него много общаго въ отношеніи умственной даровитости. Это особенно замѣтно среди турокъ; не одинъ знаменитый ученый или государственный человѣкъ османлисовъ первоначально былъ курдомъ. Съ точки зрѣнія космополитизма ислама такіе случаи неважны, но они не должны ускользать отъ вниманія этнографа, какъ важныя указанія.

Прежде чѣмъ мы возвратимся къ описанію турокъ, нить котораго прервана была, когда мы дошли до сѣверной границы Ирана, бросимъ взглядъ на афганцевъ, обитающихъ въ гористой мѣстности на востокъ Ирана. — Афганцевъ считали нѣкоторое время сродни евреямъ; набожные чтецы библіи и мечтательные дѣти Израиля воображали даже, что въ афганцахъ они обрѣли свои утраченныя десять коленъ. Такая честь, оказанная афганцамъ, безъ сомнѣнія, странна, но они и сами не мало содѣйствовали такому мнѣнію, такъ какъ они производятъ свою генеалогію по прямой линіи отъ царя Саула. Что касается этническихъ доводовъ въ пользу этого курьезнаго родства, то особенный вѣсъ придавался тѣмъ рѣзкимъ горловымъ звукамъ, которыми чрезвычайно богатъ афганскій языкъ; не меньшее вниманіе обращено было также на большой, изогнутый носъ, отличающій афганцевъ отъ всѣхъ остальныхъ жителей Азіи. Эта филологическая теорія не требуетъ серьезнаго

опроверженія; на основаніи ея весьма удобно было бы доказать индо-арійское происхожденіе афганцевъ. Еще менѣе убѣдительно *congru delicti*, представляемое носомъ, такъ какъ его вышины и орлиная форма совершенно отвѣчаютъ смѣлому, рѣшительному виду этого народа и вполне соотвѣтствуютъ какъ его дико-воинственному нраву, — чѣмъ евреи ни въ какомъ случаѣ не могутъ похвалиться, — такъ и его страстной любви къ свободѣ. Отъ афганца нельзя отнять мужественной красоты. Въ простой ли онъ холщевой пастушеской одеждѣ со множествомъ складокъ или въ полотнянномъ плащѣ, похожемъ на тогу и закинутаго, по римскому обычаю, на плеча, или же въ военномъ нарядѣ сердаря (начальника), — афганецъ всегда привлечетъ наше вниманіе и, какъ прототипъ азіатскаго воина, возбудитъ изумленіе. Это природный воинъ. Пастухъ, вмѣсто свирѣли, несетъ за спиной длинное ружье; земледѣлецъ, идя за плугомъ, держитъ при себѣ мечъ; купецъ ходитъ съ цѣлымъ небольшимъ арсеналомъ. Чѣмъ же долженъ быть воинъ! Онъ весь увѣшанъ новѣйшими и старомодными колющими, рубящими и метательными оружіями, и даже ложась спать, онъ не расстаётся съ большею частью этого оружія; эта рѣзко выраженная воинственность выработана какъ характеромъ окружающей афганца родной природы, такъ и его религіей, потому что со временъ гасневидовъ онъ долженъ былъ всегда стоять на военной ногѣ въ виду браминскаго пограничнаго населенія Индіи; но нынѣ въ этомъ уже нѣтъ болѣе необходимости, такъ какъ вмѣсто поклонниковъ Вишну явились англичане, а на сѣверѣ русскіе; противъ же численнаго превосходства и военного искусства британцевъ и русскихъ афганецъ ничего не можетъ сдѣлать. Независимо отъ воинственности и страсти къ грабежу, афганецъ раздѣляетъ и всѣ остальные свѣтлыя и темныя стороны азіатскаго воина; онъ грубъ и неотесанъ, суевѣренъ, однако гостепріименъ и до нѣкоторой степени честенъ; но такъ какъ онъ лишенъ высшихъ умственныхъ способностей, то при случаѣ онъ можетъ быть предателемъ и возгорѣть такою местию, какъ никакой другой народъ. Какъ мы видимъ, афганецъ отличается смѣсью добродѣтелей и пороковъ. Нынѣ онъ можетъ еще поднимать вверхъ свой щитъ и удовлетворять своему влеченію къ анархіи, но, какъ показываютъ событія, едва ли это продлится болѣе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

Теперь мы переходимъ къ туркамъ, *kat'etochen*, какъ можно называть туранскихъ обитателей центральной Азіи, хотя и тамъ городское

населеніе, составляющее, конечно, меньшинство, утратило отъ смѣшенія съ иранскими коренными жителями многія черты своего первоначальнаго турецкаго типа. Народамъ центральной Азіи, безспорно, свойственны особый типъ и особый характеръ, и такъ какъ они окружены полосой непроходимыхъ степей, то, благодаря своему замкнутому положенію, они безъ труда могли сохранить и этотъ типъ, и этотъ характеръ. Они жили такъ сказать на островѣ, лежащемъ среди материка, и если они покидали этотъ островъ, то или на короткое время для набѣговъ, послѣ которыхъ они возвращались съ добычей домой, или же они совершенно выселялись на западъ и на югъ Азіи, гдѣ устраивали себѣ новое отечество. Принимая во вниманіе нынѣшнія этніческія условія центральной Азіи, мы должны раздѣлить ея обитателей на двѣ главныя группы: осѣдлыхъ турокъ, извѣстныхъ подъ именемъ узбековъ, сартовъ или курамовъ, и на степныхъ обитателей, которые, какъ бы они ни назывались, стоятъ однако въ настоящее время въ тѣсныхъ родственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Турокъ-горожанинъ или земледѣлецъ сохранилъ мало слѣдовъ своей первоначальной національности. Его развившіеся въ ширину голова, конечности, носъ, лобъ и подбородокъ имѣютъ нѣчто турецкое, но въ его походкѣ и въ его дѣйствіяхъ, вслѣдствіе его постоянного прикрѣпленія къ землѣ, гораздо болѣе турецкаго, чѣмъ у его степнаго брата. Его нравы и обычаи также искажены чуждымъ ему мусульманскимъ вліяніемъ, характеръ же повседневной жизни его и даже его образъ мыслей сильно измѣнены вліяніемъ иранской культуры того народа, который былъ угнетаемъ имъ. Узбекъ въ Хивѣ, Бухарѣ, Коканѣ и въ восточномъ Туркестанѣ честный простякъ, человѣкъ, который, свыкшись съ деспотизмомъ въ своей собственной странѣ, никогда не окажетъ сопротивленія христіанскому завоевателю, будетъ ли онъ русскій или англичанинъ. Ему свойственны азіатское упрямство и настойчивость, но онъ дѣлается покорнымъ и послушнымъ, если его принуждаютъ къ тому неумолимыя обстоятельства. Подъ владычествомъ царя онъ сдѣлается въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій тѣмъ, чѣмъ сдѣлались нагайскіе татары въ Казани и въ Крыму, т. е. мирными и трудолюбивыми подданными Россіи.

Совершенно иное дѣло—номады. Мы находимъ въ нихъ то непреодолимое стремленіе къ свободѣ и къ вѣчному странствованію при самомъ первобытномъ образѣ жизни, которое издавна отличало степныхъ обитателей отъ крайняго сѣвера Азіи до границъ Ирана. Это

различіе въ психическихъ качествахъ обусловливается главнымъ образомъ протяженіемъ нѣкоторыхъ частей степной области, свойствами почвы и климатомъ, равно какъ и историческими переворотами, ареной которыхъ были нѣкоторыя степныя страны. Такъ, турмень, съ которымъ читатель, конечно, достаточно познакомился изъ моихъ сочиненій, представляетъ самую точную копію съ ужасной картины его родной степи съ ея страшными холодами, отвѣсно-палающимъ солнцемъ, глубокими песками и горько-солеными источниками. Каракалпакъ, живущій около болотистой дельты Оксуса, скотоводъ и земледѣлецъ, по своему наружному виду, по всему своему существу и по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ до того апатиченъ и угнетенъ духомъ, неуклюжъ и неповоротливъ, безцвѣтенъ и ограниченъ, какъ только можетъ быть человѣкъ, который долженъ проводить всю свою жизнь въ отравленныхъ міазмахъ болотистой страны, въ тростникѣ, достигающемъ до 12 футовъ вышины. Каракалпакъ всегда былъ невольнымъ номадомъ, котораго судьба съ Волги перенесла къ устьямъ Яксарта, а оттуда опять въ его нынѣшнее отечество.

Обозрѣвая болѣе обширную степную область на сѣверъ мы опять замѣтимъ, что и казакъ, неправильно называемый киргизомъ, есть совершенное порожденіе почвы, на которой его предки жили, быть можетъ, нѣсколько тысячелѣтій. На этой степи, далеко не представляющей столь ужаснаго вида, какъ степь гирканская, соленныя болота смѣняются свѣтлыми озерами, песчаная пустыня — хорошими пастбищами, тамарискомъ и черновникомъ; отсюда — не совсѣмъ дикій характеръ казака, который настроенъ веселіе и болѣе мирнымъ образомъ, чѣмъ турмень, который, не смотря на его извѣстную наклонность къ барантѣ (грабежамъ), никогда не былъ такимъ неисправнымъ, вѣроломнымъ и безсовѣстнымъ похитителемъ людей, какъ іомудъ, чаудоръ и теккеецъ.

То же самое можно сказать о кипчакахъ и кара-киргизахъ Кокана, которые бродятъ въ долинахъ западныхъ отроговъ Тянь-шаня, въ ущеліяхъ покрытаго снѣгомъ Алая и по «кровлѣ міра» (Памирское плато). Нѣтъ ничего удивительнаго потому, что они, соединяя въ себя свойства горныхъ и степныхъ обитателей, могли лучше сохранить среди суровой природы свой суровый характеръ. Турецкій типъ въ нихъ наименѣе искаженъ. По своимъ физическимъ качествамъ они представляютъ большое сходство съ калмыками и монголами; ихъ

обычаи и нравы составляют восточную границу или даже конечный предѣлъ распространения настоящаго турецкаго типа, потому что далѣе мы уже вступаемъ въ сферу буддистско-китайской культуры или въ среду обитателей восточнаго Туркестана, которые, не смотря на свое уйгурское происхожденіе сохранили, однако, менѣе слѣдовъ древне-турецкаго типа, чѣмъ кара-киргизы и кипчаки.

XVIII.

Современные мусульманскіе цари.

Султанъ, шахъ, хедивъ и ханъ—суть титулы богопомазанныхъ владетелиновъ мусульманскаго востока. Вообще они называютъ себя «тѣнью Бога на землѣ», хотя по праву это теократическое прозвище принадлежитъ только султану. Эти-то тѣни—не Бога, а прошлаго величія и минувшаго блеска, свинцомъ лежатъ на опустѣвшихъ нивахъ ихъ странъ и на бѣднѣйшихъ слояхъ народа. Они должны быть включены въ рядъ нашихъ очерковъ уже потому, что эти «тѣни» составляютъ главную причину бѣдствія, подъ гнетомъ котораго томятся ихъ народы, и потому что всякое улучшеніе въ печальной судьбѣ стараго свѣта зависеть отъ ихъ личности и отъ ихъ воли.

I.

Однажды, въ жаркій лѣтній день, въ 1858 году, я, находясь въ бухтѣ Чибуклу, на азіатской сторонѣ Босфора, лежалъ на лугу въ тѣни платана и предавался чтенію классически написаннаго историческаго сочиненія «Hescht Bihischt» (восемь раевъ). Восемь раевъ должны были изображать 8 эпохъ правленія первыхъ восьми султановъ оттоманскаго царствующаго дома. Я восхищался прелестными картинами и метафорами персидскаго писателя, когда сзади кто-то слегка касается меня и спросилъ «кто ты такой, и что за чтеніе въ такомъ неприличномъ положеніи? гдѣ научился ты такому невѣжеству»? Я быстро обернулся, взглянулъ на нарушителя моего спокойствія и

близокъ былъ къ мысли, что предо мной стоялъ потомокъ тѣхъ героевъ, о смѣлыхъ подвигахъ которыхъ, ихъ правительственномъ рвеніи и силѣ ихъ вѣры я только-что читалъ. На самомъ дѣлѣ, такъ и было. Предо мной стоялъ, хотя я и не предчувствовалъ этого, Абдуль-Азисъ-Эфенди, тогдашній наслѣдникъ Абдуль Меджида, человѣкъ, съ которымъ въ то время всѣ намѣренно избѣгали встрѣчи, такъ какъ разговоръ съ наслѣдникомъ престола при жизни государя могъ повлечь за собой печальныя слѣдствія и въ прежнія времена подвергалъ жизнь опасности.

— Я венгерецъ, возразилъ я, меня зовутъ Сешидъ Эфенди; я читаю, какъ ты видишь, тарихъ (историческое сочиненіе). Протяжное «о!» съ отгѣнкомъ презрѣнія было отвѣтомъ; затѣмъ эфенди смѣялся меня съ головы до ногъ, быстро повернулся и ушелъ далѣе своей дорогой, сопровождаемый значительной свитой, въ которой я распозналъ слугу съ знаками служащаго при императорскомъ дворцѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ человѣкъ, коренастаго и сильнаго сложенія, съ густыми, черными усами, — бороду наслѣдникъ престола отпускаетъ лишь послѣ вступленія на престолъ, — съ черными глазами и съ выраженіемъ упрямства въ чертахъ скучнаго лица — былъ Абдуль Азисъ Эфенди, бывшій правитель Турціи. Въ то время Абдуль Азисъ имѣлъ обыкновеніе ходить по этой дорогѣ въ свое имѣніе, находившееся неподалеку отъ этой бухты, чтобы вести тамъ болѣе привольную жизнь, освободившись отъ оковъ дворцоваго этикета и аргусовскихъ взоровъ шпионовъ, состоявшихъ на жалованьи его боязливаго брата. На берегахъ Босфора въ роскошныхъ палатахъ Дольмы Багче тогдашній наслѣдникъ престола чувствовалъ себя слишкомъ стѣсненнымъ, такъ какъ въ Турціи между наслѣдникомъ престола и царствующимъ государемъ всегда существуютъ несогласія и натянутость. Абдуль Меджидъ старался слыть представителемъ новѣйшей европейской культуры. Онъ былъ нѣжно настроенъ, любилъ нѣжныя идеи, нѣжныя чувства, тонкія манеры и цѣнилъ выше всего тонкій вкусъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Что же касается его брата, то уже изъ одного традиціоннаго противорѣчія онъ обнаруживалъ совершенно иное настроеніе. О немъ говорили, что для Турціи онъ гораздо болѣе ждетъ блага отъ старой правительственной системы и отъ стараго воззрѣнія на отношенія къ западу, чѣмъ отъ безусловнаго сліянія съ нимъ и слѣпонаго подраженія франкамъ. Если это не свидѣтельствуетъ въ пользу умственныхъ дарованій тогдашняго наслѣдника престола, то по крайней

и́търъ онъ твердо былъ въ своемъ убѣжденіи. Физическая сила значила въ его глазахъ болѣе, чѣмъ умственное превосходство. Пища, одежда и бесѣда нравились ему лишь тогда, когда онъ видѣлъ въ нихъ печать истой турецкой старины, и между тѣмъ какъ его братъ слушалъ симфоніи нашихъ великихъ артистовъ, разыгрываемыя европейскими виртуозами или заставлялъ разыгрывать оперы на своемъ роскошно обставленномъ небольшомъ домашнемъ театрѣ,—наслѣдникъ престола наслаждался, въ своемъ вышеупомянутомъ помѣстьѣ, атлетическими состязаніями, а иногда и самъ, одѣвъ пропитанные масломъ штаны, вступалъ въ борьбу съ какимъ либо изъ своихъ подчиненныхъ, желая доказать свое превосходство. Утомившись, онъ смотрѣлъ на пѣтушійные бои,—даже черкешенки должны были состязаться передъ нимъ, а скоморохи самого обыкновеннаго разбора представлять въ каррикатурномъ видѣ европейскіе обычаи, и чѣмъ незатѣйливѣе артистъ, тѣмъ живѣе было одобреніе, тѣмъ болѣе щедръ былъ его высочество наслѣдникъ престола. Въ этомъ помѣстьѣ отражалась вся та нравственная жизнь, которою жило старотурецкое общество въ прошлые вѣка.

Абдулъ Меджидъ, знавшій объ этихъ забавахъ, питалъ отвращеніе къ мужицкимъ наклонностямъ своего брата. Чтобы узнать его вкусъ онъ рекомендовалъ ему для украшенія его комнатъ одного искуснаго итальянскаго живописца, и не мало былъ испуганъ, когда нашелъ комнаты выкрашенными ярко-краснымъ цвѣтомъ, къ которому Абдулъ Азисъ питалъ пристрастіе. Абдулъ Азисъ, съ которымъ, какъ уже было упомянуто, избѣгало встрѣчи лучшее тогдашнее константинопольское общество, окружилъ себя своимъ собственнымъ обществомъ и приближенными, которые отвѣчали его простой турецкой натурѣ. Неврезъ-паша изъ Скутари, извѣстный развратникъ, котораго европейскія газеты все еще считаютъ живымъ, хотя онъ уже два года тому назадъ умеръ въ Вѣнѣ отъ чрезмѣрнаго пьянства, пользовался уже въ то время довѣріемъ Абдулъ Азиса и, въ соединеніи съ извѣстнымъ Решидомъ и Хозревымъ, много содѣйствовалъ превращенію этого турецкаго наслѣдника престола въ старо-турецкаго султана. Уже въ то время Абдулъ Азисъ страдалъ по временамъ слабостью, припадками бѣшенства, малокровіемъ, расширеніемъ желудка и другими недугами, которые были слѣдствіемъ невоздержной жизни. Объ этомъ сынъ Махмуда рассказывались подъ строжайшимъ секретомъ удивительнѣйшія вещи; вообще утверждали, что по своей вспычивости и деспотическимъ наклон-

носямъ онъ похожъ на своего отца, но что ему не доставало энергіи и мнимаго рвенія осчастливить свой народъ.

Съ такими-то задатками предпоследній султанъ Турціи вступилъ въ 1861 году на престолъ, послѣ смерти своего брата. Если принять въ соображеніе правило: *natura expellat furem, tamen usque resurret*, или турецкую поговорку: «природныя наклонности человѣка погребены подъ его душой» (т. е. нужно устранить первыя, чтобы добраться до послѣдней), то нѣтъ ничего удивительнаго, что султанъ остался тѣмъ же, какимъ онъ былъ, будучи наслѣдникомъ престола, — что его нравственные принципы и страсти стали проявляться даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ выѣстъ съ расширеніемъ его власти. Если прежде онъ давалъ чувствовать свои прихоти узкому кружку окружающихъ его лицъ, то теперь пришлось выносить эти прихоти всей странѣ, всему народу. Пока были въ-живыхъ Фуадъ и Аали, пока эти совѣтники, перешедшіе къ нему отъ брата, находились близъ него, до тѣхъ поръ вредныя для государства наклонности султана до нѣкоторой степени сдерживались. Абдулъ Азисъ ненавидѣлъ до глубины души этихъ двухъ сановниковъ и боялся ихъ до такой степени, что чувствовалъ себя нездоровымъ, когда они просили аудіенціи, но такъ какъ онъ не могъ и не смѣлъ отдѣлаться отъ нихъ, то первые годы правленія этого государя ни въ какомъ случаѣ не принадлежать къ числу самыхъ пріятныхъ для него. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство, именно, желаніе Наполеона III видѣть султана въ числѣ своихъ гостей на парижской выставкѣ; не исполнить желанія великаго франкского императора было бы неудобно. Поэтому Абдулъ Азисъ явился какъ диво въ Европу и былъ представленъ Фуадомъ пашей, которому поручена была роль посредника, европейскимъ дворамъ и европейскому міру. Читатель легко можетъ судить, каково было его турецкому Величеству отъ этихъ парадныхъ выѣздовъ. Ненавидя европейскіе города, европейское искусство, промышленность, науку и культуру, онъ долженъ былъ, однако, выслушивать отъ Фуада, этого истаго франка, поученія на счетъ того, какъ принимать депутацію невѣрныхъ, какъ выслушивать милостиво и благосклонно ихъ рѣчи. Нужно ли говорить, какую пользу могъ извлечь этотъ или родственныи ему по убѣжденію восточный государь изъ путешествія на западъ, изъ непосредственнаго соприкосновенія съ культурой? Это путешествіе по Европѣ не только не принесло пользы, но было весьма вредно и для султана, и для его страны. Выѣсто изумленія и уваженія къ Европѣ, выступили еще сильнѣе ненависть и зависть; такъ какъ въ турец-

номъ обществѣ всегда находятся люди, готовые позорить христіанскій западъ и унижать его на-счетъ восточной культуры, и такъ какъ такіе люди находили доступъ къ султану, то естественно, что государь, настроенный еще въ юношескихъ лѣтахъ въ духъ правовѣрія, еще болѣе утвердился въ своихъ антиреформаторскихъ стремленіяхъ. Между тѣмъ со смертью Фуада и Аали онъ освободился отъ двухъ докучливыхъ для него совѣтниковъ. Они были, послѣ Решида-паши, единственными людьми, которые были способны провести необходимыя для Турціи реформы. Абдуль Азисъ сталъ теперь самодержцемъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Свободный отъ дикаго контроля янычаръ и улемовъ, преслѣдовавшихъ его отца по пятамъ, свободный отъ страха предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, которое носилось предъ его братомъ, какъ грозный призракъ, но къ которому онъ былъ совершенно равнодушенъ, свободный, наконецъ, отъ совѣтовъ, предлагавшихся со всей вѣрнопопданнической преданностью упомянутыми государственными людьми, которые, какъ мы уже сказали, внушали ему глубокое отвращеніе и были терпимы лишь потому, что онъ не рѣшался замѣтить ихъ людьми менѣе способными, Абдуль Азисъ сталъ распоряжаться и властвовать, какъ ему было угодно, и выступилъ съ той извѣстной, правительственной властью, которая въ короткое время привела Турцію на край гибели и навлекла на нее извнѣ грозу, имѣющую разразиться раньше или позже надъ его имперіей. Начиная съ этого времени, Европа, къ своему изумленію, видѣла какъ на Босфорѣ каждый мѣсяцъ, не рѣдко каждую недѣлю, мѣнялись чиновники. Только что назначенные намѣстники смѣщались на пути къ мѣсту своего назначенія;—мѣста раздавались людямъ, которые не имѣли ни малѣйшаго понятія о предстоявшихъ имъ обязанностяхъ, милость слѣдовала быстро и безъ всякаго основанія за немилостью,—все это обусловливалось измѣнчивымъ настроеніемъ властелина, на котораго вліяли, и мать, и жены, и любимцы, и въ глазахъ котораго государственныя дѣла едва ли были серьезнѣе и важнѣе тѣхъ игръ и забавъ, которымъ онъ предавался, будучи наслѣдникомъ престола, въ вышеупомянутомъ помѣстѣ.

Правитель съ такими наклонностями не могъ сдѣлать Турцію лучшей, чѣмъ какой она стала, т. е. прямой противоположностью того, чѣмъ была подъ управленіемъ Абдуль Меджида. Природныя свойства тогдашняго ея правителя много способствовали упадку Турціи. Между тѣмъ какъ въ юности онъ предавался тѣлеснымъ упражненіямъ и атлети-

ческииъ играмъ, — теперь онъ избѣгалъ всякаго физическаго движенія и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ своемъ дворцѣ на мягкомъ диванѣ, не трогаясь съ мѣста. При скудномъ восточномъ образованіи и совершенномъ незнаніи европейскихъ языковъ, чтеніе замѣняется развлеченіемъ самаго примитивнаго характера, главнымъ же образомъ — объѣдомъ. На столъ подается отъ 40 до 50 блюдъ, и отъ этихъ яствъ султанъ вкушаетъ лишь столько, сколько останется на пальцѣ, послѣ однократнаго погруженія его въ пищу; также пьетъ онъ и кофе, равно какъ и изъ трубки онъ затягивается лишь одинъ разъ. Затѣмъ онъ посѣщалъ курятниѣ и весьма живописную картинную галерею, смотрѣлъ на представленія скомороховъ и т. д. Между тѣмъ какъ Абдулъ Меджидъ, хотя онъ часто бывалъ боленъ, обыкновенно проводилъ по часу ежедневно въ своей канцеляріи, — нынѣшній правитель рѣдко посѣщаетъ ее и подписываетъ официальные бумаги въ своихъ покояхъ. Къ государственнымъ дѣламъ онъ относился довольно равнодушно; лишь тогда проходила его апатія, когда дѣло шло о томъ, чтобы достать денегъ для удовлетворенія загоравшемуся въ немъ иногда военному честолюбію или для приданія себѣ большаго блеска сооруженіемъ новыхъ дворцовъ.

II.

Вторымъ по степени значенія въ ряду мусульманскихъ государей Азіи является Насръ-Эддинъ-Шахъ, царь персидскій, самодержецъ въ болѣе строгомъ смыслѣ, чѣмъ султанъ, ибо, какъ его и общество, вершину котораго онъ составляетъ, гораздо болѣе сохранило въ себѣ древне-азіатскихъ элементовъ, такъ и его царская особа обставлена болѣе яркими атрибутами восточнаго всемогущества. Онъ абсолютный монархъ, но не смотря на это, нельзя ни въ какомъ случаѣ позавидовать его земному величію. Какъ извѣстно, Насръ-Эддинъ-Шахъ выросъ въ постоянномъ страхѣ предъ ненавидѣвшимъ его отцомъ и предъ происками его матери, старавшейся лишить его жизни. Не удивительно поэтому, что этотъ страхъ, въ которомъ онъ росъ и который заставлялъ его дрожать, когда онъ былъ ребенкомъ, не могъ исчезнуть въ немъ, когда онъ сталъ правителемъ, прививъ его характеру нерѣшимость, превративъ его нравственно, не смотря на его зрѣлые годы, въ ребенка. Въ сравненіи съ своимъ царственнымъ братомъ на Босфорѣ,

Насръ-Эддинъ-Шахъ можетъ быть названъ человѣкомъ кроткаго нрава, государемъ съ хорошими наклонностями, восточнымъ человѣкомъ новѣйшаго изданія. Его занимала восточная и западная культура, онъ немного знакомъ съ исторіей и литературой своего народа и бѣгло заглянулъ въ нѣкоторыя европейскія науки, соответствовавшія его склонностямъ. Самъ онъ пишетъ персидскіе стихи, весьма посредственнаго, впрочемъ, достоинства, знакомъ нѣсколько съ главными историческими эпохами своей страны, и кое-что знаетъ изъ географіи. Вообще онъ имѣетъ болѣе ясныя понятія о франкскомъ обществѣ и франкской политикѣ, чѣмъ многіе изъ его подданныхъ и его предшественниковъ, и несравненно болѣе образованъ, чѣмъ нынѣшній властелинъ оттомановъ.

Нѣкоторыя изъ его преимуществъ неоспоримы; какой пользы ждать отъ нихъ, въ виду печальной пропасти между умственнымъ развитіемъ его самого и его народа? Персидская интеллигенція отстала отъ турецкой на цѣлое столѣтіе. Въ Турціи болѣе ста лѣтъ тому назадъ общество стало принуждено со школьной скамьи усваивать новѣйшія воззрѣнія, и оно невольно усваивало ихъ хотя отчасти, и, еслибы только неотсутствіе воли, Турція гораздо далѣе ушла бы впередъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Надъ Персіей же все-еще виситъ густой туманъ древне-азіатскаго міровоззрѣнія и древне-азіатскихъ мечтаній. Свѣтлые лучи культурнаго солнца запада еще не въ состояніи были разсѣять этого тумана; кромѣ того, самая страна слишкомъ мала, народъ слишкомъ бѣденъ, чтобы дозволить себѣ дорогую роскошь культурныхъ экспериментовъ,—и вотъ причина, что персъ, несмотря на свои выдающіяся умственныя способности, несмотря на всѣ свои преимущества предъ остальными восточными народами, все-еще страдаетъ многими недугами и недостатками азіатизма, все-еще представляетъ собою частицу древней Азіи съ ея пороками. При такомъ народѣ, конечно, ничего не значить лучшее міровоззрѣніе и болѣе просвѣщенный образъ мыслей его государя. Слѣды его дѣятельности могутъ обнаружиться лишь постепенно и въ незначительной степени; кромѣ того, при той же нерѣшительности и робости, которыя свойственны Насръ-Эддинъ-Шаху, неудивительно, что его слишкомъ пятнадцатилѣтнее правленіе прошло такъ безслѣдно. Быть можетъ, этому же содѣйствовали его разочарованіе и уныніе. Насръ-Эддинъ обнаруживаетъ странное нерасположеніе къ своему двору, къ своему правительству, къ всему, что его окружаетъ. Расходовъ на содержаніе его двора нельзя и сравнивать съ расходами султана, такъ какъ то, что послѣдній истратитъ въ Мѣсяцъ,

первому хватить на годъ. Въ его гаремѣ немного женъ, о дворцахъ не можетъ быть и рѣчи, — и вся роскошь персидскаго шаха ограничивается содержимымъ нѣсколькихъ сундуковъ, съ которыми онъ не расстаётся даже и тогда, когда отправляется на непродолжительную охоту. Это различіе въ индивидуальныхъ свойствахъ обоихъ правителей выражается и въ ихъ наклонностяхъ и удовольствіяхъ. Насръ-эддинъ весьма умѣренъ въ пищѣ и питіи; въ послѣднемъ же отношеніи онъ составляетъ похвальное исключеніе не только среди своихъ подданныхъ, но и въ образованной Европѣ. Пировъ, которые устраиваются во дворцѣ султана, никогда не бываетъ при персидскомъ дворѣ; между тѣмъ какъ Абдулъ Азисъ по цѣлымъ днямъ не покидалъ своего дворца, главное удовольствіе Насръ-Эддина составляютъ атлетическія упражненія, скачки и верховая ѣзда. Онъ отправляется на охоту въ самую суровую зиму, и не одному придворному приходится по недѣлямъ сопровождать въ дождь и стужу своего царственного властелина въ его прогулкахъ по горахъ Эльбурса.

Соединяя въ одно все сказанное о выдающихся чертахъ его характера, мы придемъ къ заключенію, что, при многихъ похвальныхъ свойствахъ, ему недостаетъ, однако, такихъ качествъ, обладая которыми, государь и самодержецъ могъ бы достигнуть полезныхъ результатовъ. Насръ-Эддинъ на столько мягокъ и на столько склоненъ къ справедливости, на сколько это возможно для перса, для восточнаго властелина. Напыщенность и сомнѣніе менѣе развиты въ немъ чѣмъ это можно было бы ожидать, принимая во вниманіе то, что его дѣйствія навязываются ему его властью и положеніемъ. Расточительность также не составляетъ его недостатка; его обвиняютъ даже въ противномъ. Благодаря своему здравому разсудку, онъ очень хорошо сознаетъ истинное положеніе нынѣшняго Ирана, чтобы предаваться тѣмъ обманчивымъ иллюзіямъ, которыми такъ охотно убаюкиваетъ себя его царственный братъ на Босфорѣ. Если говорятъ о варварствѣ и жестокостяхъ, совершаемыхъ въ его правленіе, то это слѣдуетъ приписать скорѣе господствующему духу и обычаямъ страны, чѣмъ его личной инициативѣ. Что касается нерѣшительности его характера, о которой идетъ такая дурная молва, то и въ этомъ отношеніи новѣйшія событія представляютъ несовѣмъ ничтожное свидѣтельство, говорящее въ его пользу, такъ какъ мы видимъ шаха ведущимъ и трудную, и неравную борьбу и съ ортодоксальнымъ духовенствомъ, и съ строго консервативнымъ древне-азіатскимъ міровоззрѣніемъ своего народа. Если можно обвинить персовъ во всѣхъ

тѣхъ порокахъ и недостаткахъ, которые характеризуютъ азіятскаго старовѣра, то на царя ихъ не можетъ падать ни малѣйшей вины, ибо всякій, кто хорошо ознакомится съ этой страной и ея обитателями, вполнѣ оцѣнитъ, какъ велика нравственная пропасть между послѣдними и ихъ властелиномъ.

III.

Отъ древней имперіи Хозроевъ, мы переходимъ теперь къ еще болѣе древней монархіи Фараоновъ на Нилѣ, чтобы познакомиться съ царствующей тамъ третьей особой изъ триумvirата полуевропеизированныхъ властелиновъ мусульманскаго міра. *Измаилъ паша* во всѣхъ отношеніяхъ интересная личность, въ сомнительномъ царскомъ блескѣ, въ которомъ вѣрно отражается ея обманчивое величіе. Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ трехъ государей онъ самый даровитый и даже самый счастливый въ виду успѣшности его дѣйствій, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени. Въ Азіи признаваемый папшей и сановникомъ султана, въ Европѣ же-самостоятельнымъ государемъ, этотъ внукъ Мегмета Али успѣлъ утвердить на Нилѣ свою власть и пустить Европѣ столько пыли въ глаза, что она признала его не только сомодержцемъ, но и мудрымъ государственнымъ человѣкомъ, самымъ цивилизованнымъ изъ мусульманскихъ государей. Кто видѣлъ, какъ Измаилъ паша толкается по переднимъ императорскихъ дворцовъ въ Константинополѣ,—а толкаться ему придется еще долго—какъ, согнувшись и скрестивъ на грудь руки, онъ стоялъ предъ Абдуль Азисомъ, котораго онъ сильно превосходитъ въ умственномъ отношеніи, какъ даже, послѣ многократныхъ приглашеній, изъ чувства почтенія, онъ не осмѣливается садиться,—тотъ едва ли признаетъ въ немъ «того вице-короля египетскаго» который при дворахъ берлинскомъ вѣнскомъ, парижскомъ и лондонскомъ умѣетъ держать себя со всѣмъ апломбомъ самодержавнаго властелина. Тамъ: поклоны, льстивыя имена, подкупы, здѣсь: грандіозные планы, завоеваніе половины цѣлой части свѣта, возстановленіе монархіи Рамзеса и т. д. и т. д! Это, конечно, рѣзкіе контрасты, но 45 лѣтній сынъ Ибрагима паши вполнѣ освоился съ ними. Онъ провелъ свою юность въ Парижѣ и на берегахъ Сены изучалъ искусство разыгрывать политическую комедію. Этотъ офранцузенный турокъ-арабъ, заключающій, слѣдовательно, въ себѣ смѣсь франскихъ,

туранскихъ и семитическихъ расовыхъ особенностей, надѣется обратить комедію въ дѣйствительность, если только великіе мастера европейской дипломатіи и парижскіе и лондонскіе банкиры не разстроятъ его плановъ.

Египетъ представляетъ больше интереса для Европы и для насъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если Каиръ, это зимнее мѣстопробываніе европейцевъ, одержимыхъ грудными болѣзнями, сталъ затѣвать въ послѣднее десятилѣтіе метрополию на Босфорѣ. Это, конечно, слѣдуетъ приписать личности нынѣшняго хедива, личности, которая можетъ имѣть большое значеніе для рѣшенія важнаго вопроса о способности мусульманъ къ цивилизаціи. Я совершенно раздѣляю мнѣнія многихъ, вполнѣ свѣдущихъ, писателей о положеніи современнаго Египта и о дѣйствительномъ значеніи реформъ, предпринимаемыхъ на берегахъ Нила. Всякій, знакомый съ Азією, не будетъ питать слишкомъ сангвиническихъ надеждъ, слыша о широковѣщательныхъ правительственныхъ объявленіяхъ, въ которыхъ говорится о благѣ народа, объ упрощеніи администраціи, управленіи финансами, устройствѣ судебной части, школьной реформѣ и попыткахъ поднять торговлю и промышленность. Не необходимо признавать одно: Измаилъ паша далъ самыя удовлетворительныя доводы своей религіозной терпимости: изъ всѣхъ бывшихъ и настоящихъ мусульманскихъ государей онъ одинъ оказываетъ полное вниманіе гауру и кадшру, и его забавляетъ, когда его остальные царственные братья обзываютъ его самого гауромъ. И въ настоящее время у Измаила паши христіанскій министръ иностранныхъ дѣлъ (Нубаръ паша), — христіанинъ (M. D'or), который вводитъ реформы относительно школы; христіане же стоятъ во главѣ управленія финансами, и такъ какъ онъ большею частію пользуется услугами христіанскихъ офицеровъ для расширенія своихъ владѣній на югѣ, то мы имѣемъ здѣсь замѣчательный фактъ, что способности христіанъ служатъ могущественнымъ орудіемъ распространенія полумѣсяца въ Африкѣ, гдѣ завоеванія ислама весьма значительны. Я повторяю: въ дѣйствіяхъ Измаила паши много сенсационнаго, крикливаго, но въ нихъ есть и кое что реальное и солидное. Вице-король находится нынѣ въ цвѣтущей порѣ жизни, и на его правленіе можно было бы возлагать самыя радужныя надежды, если бы только не было поводовъ опасаться, что раньше или позже онъ захочется, т. е. заболѣетъ тѣмъ недугомъ *in puncto resupio*, вслѣдствіе котораго его покровитель въ семихолмномъ градѣ такъ приблизилъ имперію османовъ къ катастрофѣ. Хотя Измаилъ паша давно уже сдѣ-

лалъ изумительный для азіята шагъ къ соединенію царскаго достоинства съ званіемъ купца и промышленника и «дѣлаетъ дѣла» на рисѣ и хлопкѣ, но съ другой стороны вице-король, кромѣ европейскаго меркантильнаго духа, изучалъ также и замашки нашихъ вельможъ, которымъ онъ и старается подражать. Его театръ, его *corps de ballet*, страшная роскошь при его дворѣ, субсидіи европейскимъ органамъ и кромѣ того богатые подарки, раздаваемые въ Константинополѣ,—все это стоитъ въ страшной дисгармоніи съ состояніемъ кассы вице-короля и съ прихода-расходною книгою торговца хлопкомъ. Вслѣдствіе сильныхъ колебаній баланса, хедивъ недавно принужденъ былъ передать свои акціи суецкаго канала англійскому правительству, — сдѣлка, которая не могла однако поправить финансовъ, и остается еще открытымъ вопросъ, долго ли будетъ продолжаться эта бессмысленная расточительность и не будетъ ли принужденъ западъ, не смотря на общепризнанныя способности нынѣшняго хедива, вѣшаться также и въ его дѣла?

IV.

Мы включаемъ хановъ или эмировъ, какъ они также называютъ себя, въ одну общую группу мусульманскихъ государей на томъ основаніи, что эти ханы даютъ намъ довольно вѣрную картину древне-историческихъ характеровъ, въ противоположность къ ихъ западнымъ царствующимъ братьямъ и единовѣрцамъ. И ихъ также коснулось европейское вліяніе, но только не лучи новѣйшей культуры, которые и не могли дойти до нихъ, такъ какъ Европа не расположена являться къ нимъ съ культурными миссіями, зная, по опытамъ, что прежде чѣмъ цивилизовать, необходимо завоевать; если же дѣло дойдетъ до завоеваній, то личность этихъ туземныхъ царей едва ли будетъ что либо значить.

Между нынѣ царствующими ханами эмиръ Ширъ Али ханъ, сынъ и преемникъ Достъ Магомета, безспорно, занимаетъ первое мѣсто въ отношеніи знанія положенія дѣлъ въ Европѣ и способности къ ихъ оцѣнкѣ. Еще въ нѣжномъ возрастѣ приходилось ему видѣть коренастыхъ сыновъ Альбіона въ красныхъ курткахъ и съ выбритыми усами, и очень давно странные франки возбуждали его удивленіе, и онъ смѣялся и издѣвался надъ ними, но въ то же время боялся ихъ. Съ нѣкотораго времени, именно послѣ несчастнаго похода англичанъ въ Афганистанъ

онъ началъ даже сомнѣваться въ дьявольскомъ всемогуществѣ франковъ, хотя его коварный отецъ старался разсѣять въ немъ эти сомнѣнія. Вступивъ на престолъ, онъ одумался, такъ какъ въ Афганистанѣ, какъ и вездѣ, для управленія нужны деньги, а денегъ, какъ извѣстно всей Азій и Европѣ, всего вѣрнѣе можно достать у англичанъ, поэтому-то нашъ афганскій властелинъ, отдѣлавшись отъ своихъ предубѣждений, устремилъ свои ищущіе помощи взоры отъ Пешавера на Калькутту. Таковы были начало и главная цѣль его стремленій къ цивилизаціи. Въ своихъ сношеніяхъ съ франками онъ имѣлъ, конечно, въ виду хорошую армію, хорошее оружіе и полную кассу для укрощенія своихъ строптивыхъ вассаловъ, а быть можетъ—также и для удовлетворенія собственной алчности, такъ какъ нынѣшній афганскій правитель главнымъ образомъ озабоченъ благами своей собственной семьи, между тѣмъ какъ интересы его династіи стоятъ у него на второмъ планѣ, въ виду неизвѣстности, въ которой находится его страна. Характеръ Ширъ Али хана въ высшей степени нерѣшительный; иногда онъ бываетъ жестокъ и безсердеченъ, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ своего талантливаго сына Якубъ-хана, котораго онъ оставляетъ въ живыхъ лишь изъ-за Англіи и ея субсидій; иначе онъ давно уже вывелъ бы его изъ тѣсной тюрьмы на плаху. Но иногда онъ обнаруживаетъ женское мягкосердіе и его можно растрогать до слезъ. Афганецъ по своей натурѣ, туремень по одеждѣ и своему образу мыслей, онъ считаетъ идеаломъ человѣческаго совершенства то, что у его народа считали 500 лѣтъ тому назадъ: талантъ полководца и все затмѣвающую храбрость. Къ политикѣ онъ мало имѣетъ склонности; страна же его въ послѣднее время была предметомъ серьезнаго общія мыслей между лондонскимъ и санкт-петербургскимъ кабинетами. Политическія соображенія могутъ ему, конечно, внушать тайныя симпатіи къ одному и антипатіи къ другому государству, но это едва ли, однако, можно видѣть на дѣлѣ, такъ какъ Ширъ Али способенъ брать субсидіи отъ обѣихъ соперничающихъ державъ, хотя ни къ одной изъ нихъ не расположенъ.

При всемъ томъ его участь гораздо сноснѣе, чѣмъ участь его *chefs frèges* по ту сторону Оксуса, изъ которыхъ двое, правители Кокана ¹⁾ и Хивы, совершенно подчинились иноземному владычеству, а жизнь

¹⁾ Въ то время, когда печатались эти страницы, Коканское ханство включено въ предѣлы русскаго государства.

третьяго муцафара Эддина бухарскаго висить на тонкой нити, благодаря великодушію его сѣвернаго сосѣда. Этотъ человѣкъ, истинный прототипъ древнихъ мусульманскихъ правителей, со всѣми ихъ добродѣтелями и пороками, но безъ печати ихъ матеріальнаго величія, предавался въ теченіи нѣкотораго времени нелѣпой мечтѣ о томъ, что ему удастся возстановить въ девятнадцатомъ столѣтіи блестящую эру самонидовъ и сельджуковъ. Какъ ни безумна была эта мечта, но онъ ревностно принялся за ея осуществленіе, будучи совершенно незнакомъ съ могучими переворотами и революціями прошлыхъ столѣтій. Онъ сомнѣвался даже въ существованіи Европы, и, подобно своему отцу, пришелъ въ ярость, когда осмѣлились назвать Англію, о которой онъ только что узналъ, такимъ же государствомъ, какъ и то, которымъ онъ править. Русскіе штыки скоро представили однако Муцафаръ Эддину печальныя доказательства его невѣжества и заблужденія; онъ былъ приведенъ къ покорности, и если онъ не совсѣмъ былъ уничтоженъ, то это благодаря расчетливости этого правителя-муллы. Онъ дѣйствовалъ согласно турецкой поговоркѣ: «цѣлуй руку, которую не можешь отрубить», и ему удалось, по крайней мѣрѣ на время своей жизни, удержать тѣнь власти. О томъ, что будетъ послѣ него, онъ не заботится повидимому; онъ послѣдній изъ своего рода и даже всѣхъ царей на тронѣ Моверахъ-унъ-Негера или Трансоксианы, и это, конечно, несчастье для него, но не для его народа и не для человѣчества вообще.

Затѣмъ остается еще на крайней восточной границѣ ислама одна царственная особа, съ которой я долженъ познакомить читателя. Это Эмиръ Якубъ Ханъ, новый правитель восточнаго Туркестана, который недавно, какъ бы на глазахъ запада, основалъ колоссальную имперію и такъ сказать отчасти древне-азіатскую историческую эпоху. Сынъ простаго таможеннаго чиновника, этотъ человѣкъ съ однимъ мечемъ въ рукахъ повергъ на землю драконовскія знамена могущественнаго китайскаго императора, отбросилъ прежнихъ завоевателей въ предѣлы ихъ владѣній и теперь править съ іерархической строгостью, живо напоминающею средневѣковыхъ мусульманскихъ властелиновъ. Эмиръ Якубъ Ханъ энергиченъ, бдителенъ, уменъ, храбръ, терпѣливъ и имѣетъ задатки стать великимъ человѣкомъ, но все его несчастье состоитъ въ томъ, что онъ играетъ свою историческую роль не въ 12 или 13 вѣкѣ, а 7 столѣтіями позже; и что ему приходится бороться не съ китайцами и другими азіатами, но съ могущественной Россіей и съ искусными европейскими политиками. При иныхъ условіяхъ изъ Эмиръ-Якуба могъ бы

выйти Чингисъ, и навѣрное Тимуръ. Во всякомъ случаѣ этотъ чело-
вѣкъ заслуживаетъ глубокаго изумленія.

Окинувъ взглядомъ эту портретную галерею восточныхъ правите-
лей, европейскій читатель придетъ къ убѣжденію, что судьба мусуль-
манскихъ народовъ ввѣрена не въ лучшія руки. На западѣ говорятъ:
«каковъ народъ, таковъ и царь», относительно же востока слѣдуетъ
сказать наоборотъ. Въ древнія времена были правители въ тѣхъ или
другихъ странахъ, которые, подъ вліяніемъ честолюбія или сознанія
обязанностей, связанныхъ съ ихъ патріархальной властью, дѣйстви-
тельно принимали къ сердцу благо и бѣдствія ввѣреннаго ихъ попече-
ніямъ народа и по праву носили въ памяти потомства, какъ знакъ отли-
чіе, прозвище «Великихъ». Но, со времени послѣднихъ пяти столѣтій,
число такихъ царей замѣтно уменьшается. Въ Персіи, со смертью шаха
Аббаса, не было ни одного выдающагося правителя. Вездѣ мы видимъ
исключительное преслѣдованіе личныхъ интересовъ, слѣпое удовлетво-
реніе личнымъ страстямъ, нигдѣ ни слѣда отеческой заботливости о
благѣ страны. Азія принуждена была сбросить съ себя нѣкоторыя части
своей старой одежды, но она еще не одѣла новой. То же самое слѣдуетъ
замѣтить и объ отношеніяхъ правителей къ ихъ народамъ, которые
гораздо болѣе нуждаются въ управленіи, чѣмъ народы запада, и судьба
которыхъ по-истинѣ заслуживаетъ сожалѣнія, если принять въ сообра-
женіе безсердечіе ихъ государей.

XIX.

Пословицы и поговорки.

Лучшимъ заключеніемъ очерковъ нравовъ могутъ служить тѣ выразительныя изреченія, которыя вытекаютъ изъ истиннаго, неподдѣльнаго національнаго духа и перешли въ плоть и кровь мусульманскихъ народовъ. Эти изреченія—вѣрное отраженіе міровоззрѣнія, нравственности и обычаевъ общества, повседневную жизнь, привычки и духъ котораго мы пытались изобразить на предъидущихъ страницахъ. Обращаясь по всему свѣту, эти пословицы, окруженныя сверхъ того традиціоннымъ ореоломъ прошлыхъ поколѣній, высоко цѣнятся. Османъ называетъ ихъ «Atalarsöci» (слова отцовъ), татаринъ «Bırankılar aitkân söci» (слова предковъ), арабъ же говоритъ о нихъ: «dharbî messel» (стереотипный примѣръ). Повсюду пословицы считаются квинтъ-эссенціей мудрости, служащей во всѣхъ случаяхъ и при всякихъ условіяхъ нормой, лучшимъ и единственнымъ регуляторомъ жизни. Въ письменномъ и разговорномъ языкѣ, во дворцѣ вельможъ и въ палатѣ номада произносятся эти пословицы: какъ ученые и образованные люди переполняютъ ими свои напыщенные произведенія, такъ и номадъ, особенно если онъ достигъ престарѣлаго возраста, носитъ съ этими пословицами, какъ съ какимъ либо талисманомъ. Житель степи, приводя «слово отцовъ», всегда принимаетъ серьезный видъ, и никакая логика и убѣжденіе не въ состояніи были бы заставить его согласиться съ истиной, противорѣчащей смыслу пословицы. Консерватизмъ, составляющій существенную сторону его характера, ни въ чемъ не выражается такъ рѣзко, какъ въ твердой и непоколебимой вѣрѣ въ мудрость и непогрѣшимость предковъ и ихъ изреченій.

Въ виду этого я считаю не лишнимъ привести здѣсь для нѣмецкаго

читателя небольшое собраніе этихъ характеристическихъ изреченій. Многія изъ нихъ, именно османскія и узбекскія, собраны мною и частью были уже обнародованы для ученаго міра въ моихъ нѣмецкихъ и венгерскихъ филологическихъ трудахъ, но для болѣе обширнаго круга читателей я привожу здѣсь эти пословицы въ первый разъ. Казанско-татарскія пословицы суть плодъ изслѣдованій моего бывшаго ученика, господина доцента. Балинта, который собиралъ ихъ во время своего пребыванія между татарами, калмыками и монголами. Наконецъ, другія пословицы заимствованы изъ превосходныхъ работъ нѣмецкаго ученаго Радлова, заслуги котораго такъ существенны въ области изслѣдованія турецкихъ южно-сибирскихъ нарѣчій.

Османскія пословицы.

1. Ремесло отца переходитъ по наслѣдству къ дѣтямъ.
2. Мелочная скарденность имѣеть своимъ послѣдствіемъ крупный ущербъ.
3. Не выжимай изъ угнетеннаго жалобъ, потому что онѣ выходятъ изъ него сами собой.
4. Богъ создалъ братьевъ вмѣстѣ, но онъ разъединилъ ихъ кошельки.
5. Наполненная пищею ложка имѣеть очень большую цѣну.
6. Ребенка, который не плачетъ, не накормятъ грудью.
7. Груша не далеко падаетъ отъ дерева.
8. Горькому бадиджану не вредить морозъ.
9. Маленькій подарокъ исходитъ отъ сердца, большой—отъ полнаго кошелька.
10. Кто ищетъ вредъ, найдетъ его даже у своего благодѣтеля.
11. Богъ даетъ человѣку лишь столько, сколько требуетъ его сердце.
12. Не покрывай мѣдью своего золотого имени.
13. Еслибъ ты былъ самъ огонь, то могъ бы опалить лишь такое пространство, какое занимаетъ твое тѣло (т. е. не угрожай мнѣ слишкомъ).
14. На землѣ не осталось бы ни одной туфли, когда-бъ онъ влѣзъ на дерево (т. е. если онъ уйдетъ, то не оставитъ никого, кто будетъ его оплакивать).
15. Для влюбленнаго даже Багдадъ не далекъ.

16. Чеснокъ—твой отецъ, чеснокъ—твоя мать, откуда у тебя этотъ запахъ? (Мы знаемъ твой родъ, а потому не важничай).
17. Дерево гнется только тогда, когда оно деревцо.
18. Лучше безвозмездно работать, чѣмъ безвозмездно ходить гулять.
19. Лучше разумный врагъ, чѣмъ глупый другъ.
20. Золото не ржавѣетъ.
21. Влюбленный слѣпъ и заключенъ между четырьмя стѣнами.
22. У глупаго—сердце на языкѣ, у умнаго—языкъ на сердцѣ.
23. Айвасъ и мясникъ понимаютъ другъ друга.
24. Даже вода не просочится между нами (столь тѣсная дружба связываетъ насъ).
25. Огонь зажигаетъ лишь тамъ, куда онъ упадетъ.
26. Остановись, если (на дорогѣ) ты встрѣтишь человѣка, но иди своей дорогой, если на тебя лаетъ собака.
27. Лишній запасъ пищи не повредитъ тебѣ.
28. Есть люди и людишки.
29. Кто не знаетъ малаго, тотъ никогда не увидитъ большого.
30. Кто садится на коня, полученнаго въ займы, тотъ скоро слѣзетъ съ него (потому что хорошую лошадь не дають въ займы, а скверная скоро утомится).
31. Кровь, которая должна вытечь, не останется въ жилахъ (т. е. будетъ то, что должно быть).
32. Смотри не на лошадь, а на ея нравъ.
33. Лошадь держитъ себя, смотря по хозяину (лакей богача дерзокъ и наглъ).
34. Отрывай уста только для добра.
35. Кто боится огня, тотъ остерегается и дыма.
36. Обоюдоострый, какъ персидская сабля.
37. Богачей пугаются даже горы.
38. Какъ только телѣга сломается, то найдется множество путеводителей.
39. То, что не пришло заблаговременно на умъ, является теперь.
40. Лишь бы только говорили обо мнѣ, а тамъ пусть сравниваютъ меня хотя бы и съ гнилымъ яблокомъ.
41. Жалѣй не мертвеца, но дурака.
42. Посмотри сначала на мать, а потомъ бери ея дочь.
43. Ухаживай за своимъ конемъ, какъ за другомъ, но садись на него какъ врагъ.
44. На молящаго не поднимается мечъ.
45. Не приобщайся къ голодному; онъ говоритъ: «я не ѣмъ», а между тѣмъ наполняетъ свое брюхо.
46. Повязавъ на мою здоровую голову (причиняя себѣ напрасныя страданія).
47. Открой свой ротъ сѣверному вѣтру (т. е. успокойся. Въ Констан-

тинополѣ въ жаркіе лѣтніе дни сѣверный вѣтеръ встрѣчается съ радостью).

48. Пища дороже, чѣмъ сырой матеріалъ (вслѣдствіе слишкомъ дорогихъ приготовленій).

49. Горечь уничтожается горечью.

50. Не развязывай мѣшка (не выдавай тайны).

51. Если умретъ лошадь, то останется мѣсто (которое она пробѣжала); если умретъ герой, то останется его имя.

52. Мой карманъ пустъ; но моя голова легка.

53. У него нѣтъ за спиной короба съ яйцами (значить: бей его!).

54. Между нами вѣдь не пробѣжала черная кошка (восточный человѣкъ считаетъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ раздора, если между двумя друзьями пробѣжитъ черная кошка).

55. Огонь есть плодъ зимы.

56. Кто уповаетъ на Аллаха, тотъ не будетъ оставленъ.

57. Малое рождаетъ большое.

58. Утренняя пѣснь лучше вечерней радости.

59. На невысоаго осла всякій можетъ сѣсть.

60. Открыто мое чело, чисто мое лицо. (По мнѣнію восточнаго человѣка, злодѣй, изъ стыда, надвигаетъ чалму на лицо).

61. Даже бобы не дѣлаются мокрыми у него во рту. (О болтливомъ, который ни о чемъ не умолчитъ).

62. Его нога окована въ водѣ (т. е. ему дали отпоръ).

63. Шерстью и огнемъ не шутятъ въ одно и то же время.

64. Слово «медъ» еще не дѣлаетъ уста сладкими.

65. Если намѣреваешься что либо сдѣлать сегодня, не откладывай до завтра.

66. Лучше сегодня яйцо, чѣмъ завтра курица.

67. Онъ не сидитъ на одной вѣткѣ. (Онъ не держитъ слова, но порхаетъ какъ птица):

68. Новая подпора не дѣлается, пока не свалится старая.

69. За копѣйку не выстроишь новаго купола. (Для многоаго надо многое).

70. Кому я не нравлюсь, пусть не выдаетъ за меня свою дочь.

71. Дочь торговца медомъ еще слаще.

72. Вотъ ты и попалъ на медовый цвѣтокъ. (Насмѣшекъ надъ человекомъ, который желаетъ что либо выманить у скупца).

73. Э! э! онъ рассказываетъ мнѣ басни.

74. Должникъ блѣднѣетъ, но не умираетъ, (когда его зовутъ).

75. Наживай, но не болтай объ этомъ. (Не выставляй на показъ своихъ богатствъ).

76. Спроси у торговца перцомъ, какой вредъ приносятъ ласточки. (Не довѣрай простоватой наружности).

77. Такіе горестные дни имѣютъ одинъ такой новый годъ.

78. Столько недостатковъ можно найти и у дочери священника.
79. Мы знаемъ изъ какой глины ты сдѣланъ.
80. Даровому коню въ зубы не смотреть.
81. Отъ такой жары не устоитъ и ледъ (такія оскорбленія возмутятъ самую холодную натуру).
82. Быть можетъ вторая посылка будетъ лучше первой (пусть онъ говоритъ, можетъ быть онъ скажетъ что нибудь лучшее).
83. Пустыми словами никого не накормишь.
84. Одинъ цвѣтокъ еще не составляетъ лѣто.
85. Одно яблоко еще не составляетъ зимы.
86. Это комета, которая не всегда показывается.
87. Одинъ злодѣй можетъ навредить семи окрутамъ.
88. Ради *одного* купца нельзя устроить никакого дѣла.
89. Нужно перенести ударъ судьбы.
90. Изъ-за *одной* розы садовникъ ухаживаетъ за тысячею шипами.
91. Если у тебя нѣтъ долговъ, то возьми на себя ручательство (а у тебя есть они). Если у тебя нѣтъ заботы, то составляй завѣщаніе (а у тебя она есть).
92. Въ домѣ, гдѣ два пѣтуха, солнце поздно восходитъ.
93. Чтобы поѣсть одинъ день, надо два дня поработать.
94. Онъ мѣняетъ цвѣтъ, какъ хамелеонъ.
95. Однимъ камнемъ не убьешь двухъ птицъ.
96. На льду писано (не прочно).
97. Наказывай старшаго, чтобы младшій былъ умнѣе.
98. Внезапное счастье недолго длится.
99. Не смотри на начало, а на конецъ дѣла.
100. Опредѣленіе судьбы непременно исполнится.
101. Спроси объ этомъ у дѣтей (о чемъ либо общеизвѣстномъ).
102. Не плотно прибитая доска сносится вѣтромъ (покинутый не возвращается болѣе).
103. Еще не заиграетъ музыка, а онъ уже пляшетъ (преждевременная радость).
104. Передъ толпой не разсыпаютъ крупу.
105. Не стучись въ чужія двери (прося о помощи), потому что скоро постучатся и въ твои.
106. Дитя растетъ, глупый становится умнымъ,—все измѣняется.
107. Не отъ долгой жизни зрѣетъ умъ, но отъ частыхъ путешествій.
108. Нѣтъ лучше вѣсовъ, какъ осторожный глазъ; никто не знаетъ больше того, кто знаетъ свои собственные ошибки.
109. Кто много знаетъ, тотъ много заблуждается.
110. Что дарить пастухъ? смолу.
111. Не бранись, тапонаглю придетъ! (извѣстная личность, повсюду возбуждавшая страхъ).

112. Я ничего не ѣлъ жесткаго, чтобы у меня могъ болѣть животъ (у меня нѣтъ краденаго добра, чтобы мнѣ бояться).

113. Переверни гуся, чтобы онъ не сгорѣлъ (говори о чемънибудь другомъ, потому что ты нагоняешь на меня тоску).

114. Пока живетъ тѣло, не всѣ надежды исчезли.

115. При побояхъ не выбираешь ударовъ.

116. Достаточно взять въ руку травы, чтобы сманить съ холма верблюда (и мелкій противникъ вреденъ).

117. Ёшь и пей съ другимъ, но не вступай съ нимъ въ торгъ.

118. Кто скрываетъ свою болѣзнь, тотъ не найдетъ 'лекарства.

119. Что можетъ онъ знать о приличіи, если онъ какъ съ крыши свалился.

120. Онъ счастливо переплылъ море и утонулъ въ ручьѣ.

121. Лучше быть битымъ на просторномъ мѣстѣ, чѣмъ ѣсть въ узкомъ помѣщеніи.

122. Если я не могу зажечь море, то я по крайней мѣрѣ заставляю его кипѣть (я наношу вредъ врагу, хоть и небольшой).

123. Онъ не знаетъ, гдѣ свадьба, а несетъ горшки.

124. Кто бросится въ море, тотъ ухватится и за змѣю.

125. Другъ трогаетъ до слезъ (печальной истиной), врагъ доводитъ до смѣха (лестью).

126. Въ морѣ не продается рыба.

127. Помѣшанный происходитъ не отъ сладкой тѣвы (а отъ чело-вѣка).

128. Не подавай врагу повода.

129. У помѣшаннаго каждый день байрамъ (праздникъ).

130. Врага наиболѣе терзаетъ дестъ.

131. Кто проситъ совѣта, тотъ перейдетъ гору,—кто не принимаетъ совѣтовъ, тотъ заблудится.

132. Еслибъ былъ только одинъ нищій, то его легко было накормить однимъ даже сахаромъ.

133. Не дѣлается различія между тѣмъ, кто принесъ воду, и тѣмъ, кто разбилъ кружку (заслуги не оцѣниваются). Пока лисица научится хитрить, ее убьютъ.

134. Портной переселяется: у него игла на головѣ (игла все его имущество).

135. Портной не чинитъ своего собственнаго платья.

136. Капля по каплѣ и составитъ прудъ.

137. Гдѣ упалъ, тамъ и всталъ.

138. Нѣтъ неизлѣчимой болѣзни.

139. Только со вчерашняго дня ты сталъ чертомъ, не пожирай же сегодня еще и людей (ты еще новичекъ въ этомъ дѣлѣ, поэтому не берись еще за другое).

140. Кто присоединяется къ всаднику, который ѣдет на верблюдѣ, тому нужны большія ворота.
141. Когда ты уходишь на рынокъ, гдѣ продается рисъ, то не опускай дома хлѣбнаго дѣла.
142. Нищему дали огурецъ, но онъ нашелъ его кривымъ и не взялъ его (нищие не довольны).
143. Если есть дшами (большая моленная съ минаретомъ), не молятся въ мечети (небольшая моленная).
144. Только въ такомъ случаѣ, если принести въ жертву сердце, можно овладѣть сердцемъ.
145. Влюбленный, не знавшій горя, не оцѣнить и счастья.
146. За свои дѣла ты достоинъ кары, и потому платись.
147. Горло (ѣда) есть источникъ жизни.
148. Душу за душу, голову за голову (что дашь, тѣмъ тебѣ и отплатятъ).
149. Сердце слѣдуетъ за сердцемъ.
150. Какъ бы долго не бродила эта лисица, но она все таки попадетъ къ скорняку.
151. Ты вѣдь не оставленъ въ пещерѣ съ десятью сиротами! (что ты такъ убить горемъ!).
152. Кто говоритъ правду, того выгоняютъ изъ девяти селъ.
153. Гора не сходится съ горой, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется.
154. Если у тебя процессъ съ судьей, то да поможетъ тебѣ Богъ.
155. Девять слѣпцовъ съ одною палкой.
156. За добро всегда платилось и будетъ платиться зломъ.
157. Безобразному верблюду къ лицу, если чехоль на немъ лежитъ криво (т. е. его платье соответствуетъ его виду).
158. Отъ иноземца такъ же жди вѣрности, какъ отъ яда здоровья.
159. Пусть мы сидимъ согнувшись, но будемъ говорить прямо.
160. Мясо должно быть съ кровью, какъ воинъ долженъ быть мужественъ.
161. До неба больше, чѣмъ одинъ или два шага.
162. Сдѣлай доброе дѣло, брось его въ море; если не найдутъ и рыбы, то Богъ все таки увидитъ его.
163. Платить добромъ за добро есть долгъ каждаго, но за зло платить добромъ только честный человѣкъ.
164. Рукой дари, ногой ищи (нищи).
165. Смерть явилась въ міръ, пославъ напередъ головную боль (блѣзнь вообще).
166. Никому не показывай свой посѣвъ.
167. Дѣлай, что можешь.
168. Онъ жнетъ свою пшеницу даже на скалахъ.
169. Онъ шелъ, куда вела его судьба (онъ искалъ смерти).
170. Безъ опредѣленія судьбы человѣкъ не умираетъ.

171. Общая бесѣда обращается въ праздникъ.
172. Старый другъ не будетъ врагомъ.
173. Настоящая работа оканчивается въ шесть дней.
174. Кривой корабль ѣдетъ по прямому пути.
175. Сдѣлать все, что было можно, еще немного.
176. Еслибы дешевые товары годились куда нибудь, то на лоскутномъ рынокѣ все блѣстѣло бы.
177. Земледѣлецъ хочетъ дождя, путешественникъ же—сухой погоды.
178. Не откладывая случая сдѣлать добро.
179. Чужой ротъ—не мѣшокъ, не завяжешь.
180. По мосту, чрезъ который перешли другіе, тянемся и мы.
181. Изъ большого количества тѣста получается большая краюшка хлѣба.
182. Мясо не отдѣляется отъ ногтя.
183. О ранахъ, нанесенныхъ рукой, забываютъ; раны же, причиненныя языкомъ, остаются.
184. На доброе слово отвѣчаютъ добромъ, на злое—зломъ.
185. Когда осель состарится, то онъ не считается въ стойлѣ главнымъ.
186. Отважный человѣкъ не глядитъ ни вправо, ни влево (т. е. онъ говорить прямо то, что думаетъ).
187. Не заставляй веселаго человѣка говорить (онъ или не станетъ обращать на тебя вниманія или будетъ говорить о томъ, что для тебя непріятно).
188. Не думай ни о комъ, кури трубку и будь веселъ!
189. Иное дѣло купить дома, иное дѣло—на базарѣ.
190. Не трогай того, чего самъ не положилъ.
191. Нельзя ѣсть хлѣбъ, который еще сидитъ въ нечи.
192. Сперва подумай, потомъ говори.
193. Необразованный—не человѣкъ.
194. Отдыхъ послѣ работы сладокъ.
195. Рука—не вѣсы.
196. Кто не пробовалъ чужой руки, тотъ считаетъ себя храбрымъ.
197. По прихоти судьбы у одного спѣлая дыня, а у другаго не спѣлая.
198. Бѣдность есть огненная рубашка (приготовленная изъ огня).
199. Онъ видѣлъ жаркіе и прохладные дни.
200. Хвастаться въ чужихъ странахъ все равно, что пѣть въ банѣ (съ высокимъ сводомъ, отчего каждый звукъ отдается звучнымъ эхо).
201. Не имѣющій родины не имѣетъ друзей.
202. Взглянемъ въ зеркало судьбы и посмотримъ, какія картины оно покажетъ намъ.
203. Откроемъ глаза, потому что иначе намъ откроютъ ихъ другіе.
204. Въ село, которое видишь предъ собой, незачѣмъ брать проводника.
205. Только соловей умѣетъ цѣнить розу (жители востока полагаютъ, что соловьи печальны вслѣдствіе ихъ любви къ розѣ).

206. Онъ крадетъ даже цвѣтъ у глазъ.

207. Не осмѣивай своего сосѣда, потому что ты не развяжешься съ нимъ.

208. Многое можетъ еще случиться, пока восходитъ солнце.

209. Не замедли сходить туда, куда тебя звали, а также куда тебя и не звали, но и тамъ не засиживайся.

210. Что далеко отъ глазъ, то еще дальше отъ сердца.

211. Даже на горахъ, вопреки нашимъ ожиданіямъ, выпалъ снѣгъ. (Если природа непостоянна, то отчего не можетъ быть непостояннымъ и человѣкъ).

212. Кто хочетъ имѣть розу, тотъ хочетъ и ея шиповъ.

213. Нѣтъ розы безъ шиповъ, гіацинта безъ складокъ.

214. Пройдетъ гнѣвъ, явится рассудокъ.

215. Вѣра внушаетъ рвеніе.

216. Глаза обманщика всегда влажны.

217. Никакая благосклонность не удовлетворитъ завистливаго сердца.

218. Честно нажитое добро не пропадаетъ.

219. Даже горы не въ состояніи побѣдить заранѣе пущенную молву.

220. Слова правды горьки.

221. По слову «hak» (Богъ) останавливаются даже рѣки.

222. Кто торгуетъ нечестно, тотъ плохо кончитъ.

223. Во всякомъ дѣлѣ знаніе больше имѣетъ цѣны, чѣмъ невѣжество.

224. Изъ малаго всегда можетъ сдѣлаться много.

225. Каждый говоритъ о своей собственной родинѣ.

226. Онъ бѣжитъ, а все-таки стучить въ барабанъ. (Онъ бѣжитъ изъ трусости и при этомъ кричитъ).

227. Жми каждому руку, не бей никого по плечу.

228. Человѣкъ безъ таланта все равно, что дерево безъ плода.

229. У каждого человѣка въ головѣ заботы, у мельника—вода (составляющая его заботу).

230. За каждымъ «вверхъ» слѣдуетъ «внизъ», за уходомъ—приходъ.

231. Знаніе облагораживаетъ.

232. Одинъ нуждается въ другомъ.

233. Двое голыхъ только въ банѣ подъ-стать другъ другу.

234. Тебѣ сказали только, чтобы ты пилъ, но не говорили, чтобы изсушилъ цѣлый источникъ.

235. Никому не давай конца нити! (Не выдавай тайны ни однимъ словомъ).

236. Если двое отрекаются отъ своей религіи (т. е. ложно клянутся), то третій лишится жизни.

237. Въ одну шкуру не могутъ влѣзть два льва.

238. Это такъ же полезно, какъ открыть вечеромъ сводъ (въ комнатѣ).

239. Это такъ же полезно, какъ копать колодезь иглою.

240. Его нитку унесли на рынокъ (объ немъ скажутъ, кто онъ).

241. Два раза выпить—все равно, что разъ поѣсть.
242. Въ домѣ священника добиться пищи такъ же трудно, какъ извлечь слезу изъ глазъ мертвеца.
243. Если двое говорятъ между собою, не вмѣшивайся третьимъ.
244. Къ одному столбу нельзя привязать двухъ лошадей.
245. Для одной головы дано двѣ руки.
246. Подъ мышкою не найдется мѣста для двухъ дынь.
247. Кто долго выбираетъ между двумя мечетями, тотъ, наконецъ, останется безъ молитвы.
248. Быть можетъ, о царь мой, что и море воспламенится (если ты того хочешь).
249. Не просѣивай слишкомъ тщательно, не тки слишкомъ густо. рись за все слишкомъ усердно).
- Человѣкъ то тверже камня, то нѣжнѣе розн.
251. Тотъ, кто разъ промокъ, не боится дождя.
252. Разъ краснѣетъ просящій, дважды—отказывающій.
253. Бережетъ не столько рука (работа), сколько зубъ.
254. Человѣкъ то потрясаетъ горами, то не можетъ справиться съ песчинкою.
255. Злой духъ человѣка есть человѣкъ.
256. Базаръ слѣдуетъ назвать первымъ базаромъ.
257. Кто тихо идетъ, тотъ достигнетъ своей цѣли.
258. Онь бѣжитъ съ лопатою на пожаръ (т. е. онъ намѣренъ воровать).
259. Если бы онъ былъ даже дождь, то онъ не оросилъ бы ничего поле (такъ негоденъ онъ).
260. Гладкій камень не обростаетъ мхомъ.
261. Не бери воду изъ 72 долинъ.
262. Хищная птица недолго живетъ.
263. Ловкій воръ неожиданно нападаетъ на своего хозяина дома.
264. Сперва найди товаръ, а потомъ требуй пошрины.
265. Неправильный счетъ возвратится назадъ и изъ Багдада.
266. Между тѣмъ какъ онъ спасался отъ дождя, его настигъ градъ.
267. По одежѣ протягивай ножи.
268. Человѣкъ старѣется, но не сердце.
269. Кто ѣстъ змѣй, тотъ не найдетъ для себя врача.
270. Земля—железо, небо—мѣдь (всѣ глухи къ моей мольбѣ).
271. Даже земля имѣетъ уши.
272. Не вмѣшивайся въ запутанныя дѣла.
273. Остатки отъ хлѣба принадлежать дервишу.
274. Негодай трусливъ.
275. Если увеличивается число воровъ, то тому виною нерадѣніе судьи.
276. Когда ты покупаешь домъ, то приобрести сначала сосѣда.

277. Если бы у тебя былъ врагъ только муравей, то и въ такомъ случаѣ будь остороженъ.

278. Врагъ не молится за врага.

279. Не спрашивай у больного, хочетъ ли онъ супу.

280. Лысый и человѣкъ съ золотистыми локонами, слѣпецъ и обла-
дающій красивыми глазами—всѣ умрутъ.

281. Кошка называетъ грязнымъ мясо, до котораго ей не достать.

282. Гдѣ нѣтъ кошки, тамъ много мышей.

283. Каждому воздается по его дѣламъ.

284. Острая сабля не разрѣзаетъ своей ножны.

285. И безумно влюбленному часто слѣдуетъ отказать.

286. Не слѣдуетъ выпускать скверныхъ монетъ, также какъ и сквер-
ныхъ словъ.

287. Кому удалось слышать маленькій барабанъ, тотъ хочетъ послу-
шать и большой.

288. Пока мы не увидимъ зла, мы не съумѣемъ оцѣнить добра.

289. Негодность—болѣзнь не заразительная.

290. Отечество не тамъ, гдѣ мы родились, но тамъ, гдѣ насъ хоро-
шо кормятъ.

291. Не хорошо, если бы каждый зналъ свое положеніе.

292. Чѣмъ отличается безсердечный господинъ отъ бѣднаго чело-
вѣка?

293. Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, а въ своемъ бревна не замѣ-
чаемъ.

294. Одинъ любитъ жирное, другой—кислое.

295. Одинъ не находитъ моста надъ водою, другой не находитъ во-
ды для питья.

296. По друзьямъ можно судить о человѣкѣ.

297. Жалоба одного не трогаетъ другого.

298. Не плѣшивой ли головѣ гребень изъ слоновой кости?

299. Кто самъ упадетъ, тотъ не плачетъ.

300. Лучше лишиться жизни, чѣмъ добраго имени.

301. Какъ бы ни красива была крестьянская дѣвушка, но она не
можетъ быть граціозной.

302. Взгляни на этотъ тюкъ и купи этотъ холстъ.

303. Для войны не ссужаютъ въ долгъ мечомъ.

304. Если получишь гуся, не жалѣй курицы (т. е. отдай ее за по-
дарокъ).

305. Сосѣдъ считаетъ курицу сосѣда за гуся.

306. Склони голову на твердый камень.

307. Послѣ какого дня не слѣдовалъ вечеръ? (Гдѣ безконечная ра-
дость?)

308. Если ты выгонишь меня черезъ ворота, то я войду къ тебѣ
черезъ дымовую трубу.

309. Не рой другому колодезя, самъ въ него попадешъ.
310. Ходи по снѣгу, но не оставляй слѣдовъ (воруй искусно).
311. Только Богъ оказываетъ истинную поддержку.
312. Даже у муравья есть собственная воля.
313. Этотъ путь ведетъ отъ сердца къ сердцу.
314. Кто входитъ безъ руки (подарка), тотъ выходитъ, не добившись справедливости.
315. Его желудокъ полонъ, но глазъ его голоденъ.
316. Онъ знаетъ, какую жилу надо перерѣзать (онъ знаетъ, откуда что можно получить).
317. Орелъ получилъ стрѣлу, но украшенную его собственными перьями (онъ самъ вредитъ себѣ).
318. Кто любитъ сливки, у того есть своя корова (тотъ носитъ свою корову въ карманѣ). (Говорится о томъ, кто любитъ ѣсть на чужой счетъ).
319. На не заслуженное благословеніе никто не отвѣтитъ: аминь.
320. Что опредѣлено намъ судьбою, то явится предъ нами воочію (на блюдѣ).
321. Человѣкъ не можетъ быть безъ недостатковъ.
322. Крылья для муравья—предвѣстіе гибели (предостереженіе для лицъ, задающихся высокими планами).
323. Что кому за дѣло, если онъ втайнѣ прихрамываетъ (т. е. негодуешь).
324. Умъ 40 арабовъ не наполнить собою даже фигового зернышка (по мнѣнію турокъ).
325. Крѣпость слѣдуетъ завоевать изнутри.
326. Вѣсть объ опасности быстро распространяется.
327. Гдѣ нѣтъ овцы, тамъ главную роль играетъ коза (на востокѣ мясо овцы считается лакомымъ блюдомъ).
328. Умѣренность есть неисчерпаемый кладъ. Если бы предоставить дѣвушку самой себѣ, то она пошла бы даже къ музыканту.
329. Лучше совсѣмъ не спать, чѣмъ видѣть страшные сны.
330. Одинъ кусокъ не насытитъ, но онъ усладитъ душу.
331. Сперва выбери слово, а потомъ говори.
332. Слово за словомъ—составится рѣчь.
333. Слова не утаишь въ мѣшокъ.
334. У посредника—широкій мѣшокъ (такъ какъ онъ раздаетъ не свое).
335. Имущество—заноза въ сердцѣ.
336. Свѣча не свѣтитъ внизъ.
337. Если ты отрубилъ на площади хвостъ своему ослу, то одинъ найдетъ этотъ хвостъ короткимъ, другой—длиннымъ.
338. Истинное искусство состоитъ въ томъ, чтобы изобразить горе подъ видомъ радости.

339. Печь есть цвѣточный садъ зимы.

340. У кого есть печать, тотъ Сулейманъ (Сулейманъ, сынъ Давида, герой одного восточнаго мифа, пользовавшійся покровительствомъ ангела).

341. Копья въ мѣши не утаишь (дурная привычка всегда обнаружится).

342. Любовь не терпитъ товарища.

343. Не высовывай языка въ обществѣ, не вытягивай руки во время путешествія. (Не разговаривай въ обществѣ, не дари во время путешествія).

344. Кушай плодъ, не спрашивая, съ какаго онъ дерева. (Пользуйся даже краденнымъ добромъ).

345. Отъ араба я не хочу ни сахара, ни плюхъ.

346. Если захочешь, то можешь сдѣлаться и флейтистомъ.

347. Гдѣ раздѣлся, тамъ и одѣлся.

348. Не принимай питья изъ рукъ глупаго, если бы это былъ даже нектаръ.

349. То, что ты даешь (милостыню), то зачтется тебѣ на томъ свѣтѣ.

350. Не сгораешь ни вертелъ, ни жаркое (все сохраняетъ надлежащій видъ).

351. Что поѣшь, то и пожнешь.

352. Онъ даетъ столько шерbetу, сколько дозволяетъ его кровавая жила (онъ бранитъ его, насколько онъ можетъ вынести).

353. Быть въ движеніи полезно.

354. Хорошая воля,—счастливый успѣхъ.

355. Если ты не желаешь обращать вниманія на слова сильныхъ міра, то будешь томиться подъ гнетомъ страданій.

356. Это такъ же полезно, какъ курить ладаномъ въ Атмейданѣ. (Атмейданъ—большая площадь въ Константинополѣ, гдѣ упражняются въ метаніи стрѣлъ).

357. Для него достаточно одной туфли, чтобы устроить себѣ байрамъ.

358. Не истончай такъ дѣла, не то оно можетъ порваться.

359. Кто встаетъ въ гнѣвѣ, тотъ садится съ ущербомъ.

360. Гнѣвъ (местъ) слаще меда.

361. Онъ ищетъ издохшей лошади, чтобы снять съ нея подкову. (О скупцѣ).

362. Былъ околѣлъ,—общество разошлось.

363. Побили мудреца, а на моей спинѣ отозвалось.

364. Его связали шерстяными нитками (онъ въ опасномъ положеніи).

365. Кто любитъ плавать, тотъ носитъ ложку съ собою.

366. По средѣ судятъ—каковъ будетъ четвергъ.

367. Рись въ водѣ не поднимается вверху.

368. Если пища сварена, не подбавляй въ ней воды.
369. Только богачъ красивъ и въ почетѣ.
370. Иное дѣло сахаръ, иное дѣло глауберова соль (хотя цвѣтъ ихъ одинаковъ).
371. По платью нельзя судить о храбрости.
372. Шпора звенить и шумить, но только деньги всѣмъ распоряжаются.
373. Свинецъ въ уши дьяволу! (чтобы онъ не могъ слышать,—поговорка, употребляющаяся въ томъ случаѣ, когда приходится повторить какую нибудь неприличную фразу).
374. Осторожно подавай милостыню, чтобы не сдѣлать какого либо зла (когда подашь какому нибудь недостойному).
375. Не говори того, чего не можешь сдержать.
376. Кто даетъ милостыню, тотъ долго живетъ.
377. Не смотри на тѣло, а на душу.
378. Спрашивай, да спрашивай, и дойдешь до Каабы.
379. Даже вода скорѣе успокоится, чѣмъ врагъ.
380. Юношѣ слѣдуетъ молчать, старику—говорить.
381. Терпѣливый слуга пользуется любовью господина.
382. Не поднимай штаны, пока не дойдешь до рѣки.
383. Онъ говоритъ, что онъ не ѣстъ чесноку, но если онъ попадется ему, то онъ не оставитъ и шелухи.
384. Слишкомъ крѣпкій уксусъ вредитъ даже сосуду, въ которомъ онъ хранится, (Вспыльчивый человѣкъ—больной человѣкъ).
385. Что откладывается, то не исполняется.
386. Онъ жертвуетъ своей головой, но не тайной.
387. Кто боится воробьевъ, тотъ не разсыпаетъ зеренъ.
388. Пусть тотъ, кто слушаетъ, будетъ умнѣе того, кто говоритъ.
389. Не заботься сегодня о томъ, что ты завтра будешь ѣсть.
390. Хозяинъ доволенъ, а мажлерь—нѣтъ (о слугѣ, который бережливѣе своего хозяина).
391. Настанетъ утро—явится удача.
392. Твоя борода посѣдѣла не на мельницѣ (не притворяйся молодымъ).
393. Не здоровайся съ глухимъ два раза. (Самъ виноватъ, если онъ не слышитъ тотчасъ, какъ ему говорятъ).
394. Позднее раскаяніе напрасно.
395. Терпѣніе превращаетъ шелковичное дерево въ шель.
396. Доска, не имѣющая хозяина, унесется, если не вѣтромъ, то горнымъ ручьемъ.
397. Красива вода въ стаканѣ, хорошъ корабль въ мастерской.
398. Слово «упало на ноги» (не сбылось).
399. Вѣрный другъ лучше роднаго.
400. Муха знаетъ торговца, продающаго лакомства.

401. Твое молчаніе пріятнѣ музыки. (О болтунѣ).
402. Муха мала, но подѣйствовала на желудокъ.
403. Онъ положилъ свой капиталъ на спину кошки (т. е. отдалъ его въ ненадежныя руки).
404. Кто скоро ходитъ, тотъ запутается въ своей одеждѣ.
405. Прикажи лѣнтяю, и онъ самъ тотчасъ посовѣтуетъ тебѣ (сдѣлать это).
406. Куй желѣзо, пока горячо.
407. Разумъ поздно является къ турку.
408. У садовника не покупается зелень.
409. Жди въ монастырѣ, достанешь супу. (Терпѣніе приводитъ къ цѣли).
410. Заяцъ слышалъ, что гончая стала хромать (поэтому онъ гордо ходитъ).
411. Рѣдка, засѣянная рѣже, лучше засѣянной густо (не всегда хорошо то, что дѣлается въ большомъ количествѣ).
412. Онъ извлекъ воду даже изъ камня. (О настойчивомъ и трудолюбивомъ человѣкѣ).
413. Богатому человѣку трудно сдѣлать подарокъ.
414. Только земля удовлетворяетъ глазъ скупца.
415. Сошлись виѣсты среды за 9 лѣтъ.
416. Не присоединяйся къ каравану, если ты сидишь на хромомъ ослѣ.
417. Пока будутъ скупцы, ни одинъ негодяй не останется голоднымъ.
418. На сладкія рѣчи даже змѣя выходитъ изъ гнѣзда.
419. Неожиданно свалился камень на голову.
420. Не наступай спящей змѣѣ на голову.
421. Онъ ждетъ помощи отъ летающей птицы. (Напрасная надежда).
422. Отъ него идетъ пыль, какъ отъ мѣшка съ мукой, только тогда, когда его бить палкой (только силой можно съ нимъ что нибудь сдѣлать).
423. Наша мука просѣяна: повѣсимъ сито на гвоздь.
424. Издали даже барабанъ издаетъ хорошій звукъ.
425. Дешевый укусъ слаще меда.
426. Изъ дешеваго мяса получается невкусный супъ.
427. Выколачивай пыль изъ нищенскаго плаща! (Этимъ указывается на беззащитность бѣдняка, противъ котораго каждый позволяетъ себѣ дѣлать, что угодно).
428. Каковъ его уходъ, таковъ мой приходъ; каково его тѣсто (приготовленное въ ожиданіи меня), такова моя ѣша.
429. У него есть состояніе, значитъ, онъ можетъ быть милосерднымъ.
430. Мыломъ, которое ты далъ, нельзя всетаки смыть этой грязи.
431. Онъ спѣшитъ подняться на верхъ, какъ масло.
432. Голодный медвѣдь не пляшетъ.

433. Голодный зѣваетъ, влюбленный тянется (если онъ не достигъ своей цѣли).
434. Голодной курицѣ снится хлѣбное поле.
435. Ожиданіе причиняетъ больше мученія, чѣмъ огонь.
436. Вечеромъ онъ предается пьянству, утромъ—карточной игрѣ, и всетаки онъ надѣется попасть въ рай.
437. Щедрость не уменьшаетъ богатства.
438. Съ чѣмъ пришелъ, съ тѣмъ и ушелъ.
439. Приобрѣтая почетъ у человѣка необразованнаго.
440. Ышь меньше и будь для себя слугой.
441. Кто меня почитаетъ, я тому слуга, кто меня презираетъ, я для того господинъ.
442. Раздраженный оселъ бѣжитъ даже лучше лошади.
443. Бѣлыя деньги отложены на черные дни.
444. Въ текучей водѣ не застывается грязь.
445. Хромой скоро устаетъ.
446. Бѣлая или черная собака, а все-таки собака.
447. Человѣкъ пестръ внутри (а не снаружи, какъ животное).
448. Совѣстливость есть полурелигія.
449. Хитростью можно овладѣть даже львомъ, силою же не словишь и сверчка.
450. Не слѣдуетъ подниматься съ помощью чужой веревки къ источнику.
451. Съ низкаго мѣста даже холмъ кажется горой.
452. Личность посла неприкосновенна.
453. Отъ цѣлованія руки не убудетъ рта.
454. Снарядъ работаетъ, а похвала принадлежитъ оружію.
455. Золотую руку не обрѣжетъ ножъ.
456. Сирота самъ обрѣзываетъ себѣ пуповину.
457. Много есть жалѣющихъ сиротъ, но мало берегущихъ ихъ.
458. Не обсыпай веревку мукой (не занимайся пустяками).
459. Не довѣрай своему другу, потому что онъ набиваетъ твою кожу соломою.
460. Коли себя самого табу маленькой иглой, а чужого большой иглой.
461. Кто ходитъ около меда, тотъ запачкаетъ имъ пальцы (кто можетъ, тотъ воруетъ).
462. Что сказано однимъ, то распространяется между тысячею людей.
463. Изъ-за одной блохи онъ сжегъ все одѣяло (о человѣкѣ, который приноситъ большія жертвы).
464. Чтобы получить грошъ, онъ бросаетъ петлю на звѣзды. (О скупцѣ).
465. У меня есть плащъ, я раскладываю его и ложусь. (О холостякѣ).
466. Десяти отшельникамъ достаточно одной ложки.

467. Съ одной овцы двухъ шкуръ не деруть.

468. Соловья посадили въ золотую кѣтку, но онъ воскрикнулъ: «о моя родина!»

469. Неудача поучительнѣе тысячи совѣтовъ.

470. Только во время дождя узнается цѣна плаща.

471. Большая голова имѣетъ большія заботы.

472. Горшокъ перевернулся и попалъ на крышку (т. е. часто случай наводитъ на то, чего долго ищешь).

473. Какъ бы ни была велика мечеть, но имамъ будетъ проповѣдывать только о томъ, что онъ знаетъ.

474. Если мечеть рушится, то все таки останется алтарь (т. е. слѣды красоты остаются).

475. Его колоколъ набили травой (его опровергли).

476. Не бросай въ болота камня (потому что ты запачкаешься).

477. Не бери въ дорогу ребенка: онъ будетъ смѣяться, когда у тебя свалится клажа.

478. Чрезмѣрные ласки надѣдаютъ возлюбленной.

479. Бесполезно чинить гнилое зданіе.

480. Гвоздь выбивается гвоздемъ.

481. Не живи тамъ, гдѣ нѣтъ ни врача, ни судьи.

482. Голоса справедливости слушаетъ даже безумный.

483. Побѣдитель правъ.

484. Кто въ банѣ, тотъ потѣетъ (всякая причина имѣетъ слѣдствія).

485. Домашняго вора трудно поймать.

486. Расположеніе духа скрыто подъ душой (т. е. исчезаетъ вмѣстѣ съ жизнью).

487. Кожевникъ обдѣлываетъ только ту кожу, которую онъ находитъ пригодной для себя (каждый берется за воспитаніе человѣка лишь тогда, если онъ расположенъ къ нему).

488. Языкъ безъ костей.

489. Свѣтъ есть жирный хвостъ (напр. хвостъ ангорской овцы), кто умѣетъ его ѣсть, тотъ останется въ выгодѣ.

490. Между друзьями отшѣривай центнерами, а въ торговлѣ лотами.

491. Если ты падаешь, то обнимай землю.

492. Лицо нищаго черно, но его кошелекъ полонъ.

493. Соперникъ не вредить, если онъ чистосердеченъ.

494. Красоту нельзя побѣдить силой.

495. За силой обыкновенно не слѣдуетъ ни какого объясненія.

496. Когда овца отдѣляется отъ стада, то ее похищаетъ волея.

497. Не смотри на того, кто говорить, но на то, какъ онъ говорить.

498. Если палецъ отрубленъ по закону, то это не больно.

499. Именно береженный глазъ засоряется.

500. Онъ везетъ воду подъ соломой (т. е. секретничаетъ).

501. Заяцъ угрожаетъ горѣ, но она ничего объ этомъ не знала.

502. Сытый голодного не понимаетъ.
503. Умному достаточно понюхать розу.
504. Въ крайне важныя дѣла вмѣшивается дьяволъ.
505. Влюбленному нуженъ кивокъ головы, дервишу внутренняя побудительная причина (чтобы привести его въ возбужденное состояніе).
506. Нога носить печаль неразумной головы (неразумная голова носитъ съ своей печалью?).
507. Разумъ заключается не въ возрастѣ, но въ головѣ.
508. Богъ въетъ гнѣздо птицѣ, не имѣющей пріюта.
509. Воинъ на чужбинѣ долженъ имѣть короткій языкъ и быть сутуловатымъ (т. е. долженъ много терпѣть и мало говорить).
510. Конецъ разлуки есть свиданіе.
511. Онъ прошелъ черезъ обручи судьбы (т. е. онъ много испыталъ).
512. Надъ состарѣвшимся волкомъ издѣваются собаки.
513. Вмѣстѣ съ сухимъ сгораетъ и сырое.
514. Кто красивъ? спросили вѣрна. «Мои птенцы», отвѣчалъ онъ.
515. Каштанъ освободился отъ скорлупы и теперь относится къ ней съ презрѣніемъ.
516. Глазъ видитъ—сердце желаетъ.
517. Сердце сильно томится, пока глазъ не увидитъ.
518. Прекрасно то, что любить сердце.
519. Прежде чѣмъ войдешь, подумай о выходѣ.
520. Одними словами не сдѣлаешь сыра.
521. Обращать горе въ веселье,—вотъ искусство жить.
522. Лучше носить камъ съ умнымъ человѣкомъ, чѣмъ быть въ обществѣ дурака.
523. Кто пьетъ вино въ долгъ, тотъ бываетъ дважды пьянъ (разъ во время питья, другой разъ при платежѣ).
524. Каждого ягненка вѣшаютъ за его собственную ногу.
525. Въ сердцѣ каждого человѣка сидитъ на сторожѣ левъ (сильная страсть).
526. Не считай всякаго, у кого есть борода, за своего отца (не суди по наружному виду).
527. Талантъ внушаетъ любовь, добродѣтель—уваженіе.
528. Если у лжеца сгоритъ домъ, ему никто не повѣритъ.
529. Ленивая лошадь сильнѣе брыкается.
530. Если бы каждый принесъ свой умъ на рынокъ, то въ концѣ концовъ онъ купилъ бы все-таки свой умъ (каждый доволенъ своимъ умомъ).

Узбекскія пословицы.

(Извлечено изъ моихъ чагатайскихъ филологическихъ этюдовъ).

1. Кто держится двухъ кораблей, тотъ навѣрное утонетъ.
2. Позоръ хуже смерти.
3. Кто плачетъ отъ души, тотъ исторгнетъ слезы даже у слѣпца.
4. Лошадь въ тощемъ состояніи, герой на чужбинѣ (представляютъ жалкій видъ).
5. Умный не споткнется дважды объ одинъ и тотъ же камень.
6. Хвали хоть тысячу разъ русскаго, глаза его будутъ все-таки голубые (т. е. не красивы, по мнѣнію узбековъ).
7. Молодой человѣкъ можетъ умереть, старикъ же долженъ умереть.
8. Слишкомъ лстивый языкъ скоро залѣчиваетъ раны.
9. Воробьевъ бояться—не сѣять пшена.
10. Моя дочь, я говорю тебѣ, но слышать должна моя невѣстка.
11. Если оселъ легко навьюченъ, то у него является желаніе опуститься на землю.
12. Произнесенное слово нельзя уже проглотить.
13. У кого сердце переполнено, у того скоро развязывается языкъ.
14. Дымъ поднимается лишь отъ дерева.
15. Кто скоро говоритъ, тотъ скоро раскается.
16. Лучше живая мышь, чѣмъ мертвый левъ.
17. Кого Богъ убилъ, того пророкъ толкаетъ своимъ посохомъ.
18. Одинъ говоритъ 19, другой—однимъ менѣ двадцати.
19. Кто сидитъ на конѣ, тотъ не знаетъ отца (вооруженный всадникъ не падитъ самыхъ близкихъ своихъ родственниковъ).
20. Если ты умрешь, то и могила твоя должна быть удобной (просторной).
21. Люди говорятъ другъ съ другомъ, животныя лижутъ другъ друга.
22. Человѣкъ хватается за языкъ (ловится на словѣ), животное за рога.
23. Что вошло въ человѣка съ молокомъ, то выходитъ изъ него вмѣстѣ съ душою (съ молода привившіеся недостатки уничтожаются только съ жизнью)
24. Открытый ротъ никогда не бываетъ голоднымъ.
25. Золото прельстило даже пророка Ілію.
26. Когда выпадетъ снѣгъ, не радуйся, потому что за нимъ наступитъ холода. Если тебя посѣтитъ попъ, не радуйся, потому что онъ тотчасъ обратится къ тебѣ съ своими просьбами.
27. Для хорошей лошади достаточно одного хлыста, для дрянной и тысячи ихъ мало.

28. Кого не утоляетъ питье, того, конечно, не утолитъ лизанье.
 29. Прекрасная надежда есть половина счастья.
 30. Еслибы рука могла дать все, что общаетъ языкъ, то скоро не было бы ни одного нищаго, и каждый былъ бы царемъ.
 31. Двое муллъ составляютъ одного человѣка, но одинъ мулла равняется только женщинѣ.
 32. Кто годенъ на что нибудь, тотъ уже въ 15 лѣтъ—взрослый человѣкъ; кто ни на что негоденъ, тотъ и въ 40 лѣтъ—дѣтя.
 33. Мое здоровье есть мое богатство, моя болѣзнь есть мое несчастье.
 34. Кто хочетъ крови, тотъ найдетъ и жилу.
 35. Путешествіе, хотя бы и дальнее, всегда пріятно.
 36. Дѣвушка, хотя бы она была и безобразна, все-таки пріятна.

Казанско-татарскія пословицы.

(По *Валинту*).

О томъ, что случилось въ твоёмъ селѣ, узнай въ сосѣднемъ селѣ; о томъ, что сдѣлалось въ твоёмъ домѣ, спроси у сосѣда.

Голодный злобно гнѣвенъ.

Отъ ѣды никто не умираетъ.

Не спиши, потому что опоздаешь.

Гдѣ валяется лошадь, тамъ остаются волосы.

Не бей лошадь, но погоняй ее овсомъ.

Пей много вина, но не будь слишкомъ пьянъ.

Когда разобьется телѣга, будутъ дрова. Когда умретъ быкъ, будетъ мясо.

Кто тихо идетъ, тотъ догонитъ зайца.

Тише ѣдешь—дальше будешь, скорая ходьба не долго длится.

Высказанное слово, какъ и отрѣзанный ломоть, всегда возвращаются на прежнее мѣсто.

Отъ смерти не спасаютъ даже деньги.

Собака лаетъ, а волкъ спокойно идетъ своей дорогой.

У кого нѣтъ работы, тому нечего и ѣсть.

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

У женщинъ волосъ долотъ, да умъ коротокъ.

Въ чьихъ саяхъ сидишь, того и пѣсню пой.

Если невѣстка рѣжетъ хлѣбъ, то тещѣ кажется, что она рѣжетъ криво.

Тещѣ кажется, что у невѣстки большой животъ.

Не каждый день каша съ масломъ.

Если ты отправишься въ дорогу на день, запасись провизіей на недѣлю.
 Глазъ робокъ, рука смѣла.
 Не прибѣгай къ помощи царя, минуя Бога.
 Добрыя слова лучше богатства.
 Лучше быть слугой богатаго, чѣмъ сыномъ бѣдняка.
 Плунъ вверхъ, на твое же лицо упадетъ.
 Не посѣянный хлѣбъ не родится.
 На больнаго садятся мухи.
 Щука умретъ, а зубы ея останутся.
 Палка придаетъ силъ жеребенку.
 Не хорошо найти что нибудь вмѣстѣ съ дуракомъ и дѣлиться съ нимъ чѣмъ нибудь.
 За свадьбой слѣдуетъ палка.
 Терпѣливый переноситъ, нетерпѣливый жалуется.
 Слѣпая курица принимаетъ куколь или василекъ за пшеницу.
 Здоровая голова находитъ шапку.
 Хотя медъ и сладокъ, да незачѣмъ кусать себѣ пальцы.
 На одну лошадь не надѣваютъ двухъ сбруй.
 Укуси какой угодно изъ пяти пальцевъ, одинаково будетъ больно.
 Сегодня «милый братъ», завтра ѣдой чеснокъ, послѣ завтра собачье отродье.
 Хваленая дѣвушка позорится въ день свадьбы.
 Съ овцы получается шерсть, съ человѣка—подать.
 Сытая собака кусаетъ своего хозяина.

Алтайскія пословицы.

(По Радлову).

Не думаешь ли ты словить птичку небесную? Не думаешь ли ты пой-
 мать рыбу морскую?
 Кто видѣлъ, чтобы рога козла достигали до неба?
 Кто видѣлъ, чтобы хвостъ верблюда доходилъ до земли?
 Ястреба (узнають) по полету, молодца—по походкѣ.
 Кто не умѣетъ ходить, тотъ портитъ дорогу. Кто не умѣетъ говорить,
 тотъ портитъ слово.
 Не тысячу ли дорогъ есть для иноходца? не тысячу ли словъ найдеть
 хитрець?

Окунь безъ соуса,—дуракъ безъ мозга.

Если ты видишь, что лягушка идетъ — не требуй, чтобы она бѣжала рысью.

Слова старика прячь въ мѣшокъ, слова человѣка, пользующагося уваженіемъ,—въ карманъ.

Въ шубѣ человѣкъ, но кто его знаетъ? Подъ чапраномъ лошадь, но кто ее знаетъ? (Нужно стремиться все узнавать въ точности).

Вмѣсто того, чтобы было много и дурно—пусть будетъ мало и хорошо.

Изготовь новое (платье) и одѣнь, почини старое и одѣнь.

Въ вѣтренный день нѣтъ покоя, въ безпокойный день нѣтъ сна.

Хотя домъ и плохъ, но онъ всетаки твой; хотя это и постная пища, но все таки это твоя каша.

Пуля, пущенная плохимъ стрѣлкомъ, хватаетъ лишь на сажень.

Кто чтитъ своего господина, тотъ будетъ господиномъ; кто чтитъ богача, тотъ будетъ богатымъ.

Что бы ты ни ѣлъ,—ѣшь, лишь бы твои зубы не кусали камня.

Какова бы ни была твоя одежда—носи ее, лишь бы солнце не сожгло тебѣ спину.

На чемъ бы ты ни ѣхалъ—доѣзжай, лишь бы твои ноги не касались земли.

Когда я варю мясо, то для тебя не останется похлебки; изъ двухъ словъ для тебя нѣтъ ни одного.

Старая лошадь идетъ на убой; старый человѣкъ служить предметомъ насмѣшекъ.

Сухая ложка ротъ деретъ.

У кого высокія мысли, тотъ не дойдетъ къ вечеру; кто дѣлаетъ большіе шаги, тотъ не дойдетъ до двери.

Лучше мужчина съ небольшой головой, чѣмъ женщина съ золотой головой.

Когда лошади ржутъ, онѣ узнаютъ другъ друга; когда люди разговариваютъ, они узнаютъ другъ друга.

Узда человѣка длинна, копыто лошади плоско.

Моя пища скудна, моя голова плѣшива.

Благоразуміе хотя бы величиною съ труть—лучше пошлаго ума хотя бы и величиною съ верблюда.

Ворона, желавшая подражать гусю, вывихнула себѣ ногу.

Когда ты видишь что либо новое, не выходи изъ себя отъ радости; когда ты видишь что либо старое, не пренебрегай имъ.

Лучше сегодня легкія съ печенкой, чѣмъ завтра кишки съ брюшнымъ саломъ.

Шею холостяка ѣстъ вошь, а его сбереженія поѣдаетъ собака.

Не точи того, что не будетъ рѣзать,—не принуждай слушать того, кто не хочетъ.

Когда ты собираешься умирать, не выкидывай тотчасъ свой хлѣбъ.

Прежде чѣмъ покинуть какое либо мѣсто, посѣй сначала на немъ что нибудь.

Прежде чѣмъ любоваться красотой, разузнай сначала о внутреннихъ достоинствахъ.

Герой падаетъ на полѣ брани,—бѣшеный умираетъ (отъ болѣзни).

Кто борется съ морозомъ, тотъ платится ухомъ; кто борется съ господиномъ, тотъ платится головой.

То что человѣкъ умный сдѣлаетъ въ шесть дней, то хитрый сдѣлаетъ въ пять дней.

Повинную голову мечъ не сѣчетъ.

Случится не такъ, какъ разсудить разумъ, а какъ Богъ велитъ.

Если скверная собака зажирѣетъ, то пусть никто не стоитъ подлѣ нея.

Если дурной человѣкъ разбогатѣетъ, то каждый долженъ остерегаться его.

Въ сердцѣ женщины живетъ блестящей наружности мужчина, одѣтый въ кольчугу.

Въ сердцѣ мужчины живетъ осѣдланый огненный конь.

Воротникъ изъ стараго мѣха напоминаетъ мнѣ о прошломъ.

Воротникъ изъ новаго мѣха напоминаетъ мнѣ о хорошемъ времени.

Примиритель для народа—всеравно, что пуговица на шубѣ.

Кто имѣетъ только одну лошадь и съ ней участвуетъ въ скачкѣ, тотъ походить на человѣка, который въ ободранной шубѣ вступаетъ въ единоборство.

Когда ты держишь въ рукахъ ножъ, не вступай въ споръ.

Когда у тебя поводъ въ рукахъ, не вступай въ драку.

Кто дерется, тотъ устааетъ,—кто ссорится, тотъ изнемогается.

Не ходи на охоту съ чужеземцемъ!

Не вступай въ дѣла съ человѣкомъ чужаго отца.

Пока не видишь воды, не снимай сапогъ.

Кто въ желѣзномъ платьѣ, тотъ умретъ.

Кто въ кожаномъ платьѣ, тотъ долго будетъ жить.

Когда ты ѣдешь, не спиши,—когда ты ѣдешь, не останавливайся я.

Гдѣ ѣздить—тамъ дорога.

Гдѣ живутъ—тамъ народъ.

Весной бывають скачки, осенью—единоборство.

Безъ племени нѣтъ человѣка—не помѣрѣи нѣтъ сапогъ.

Вмѣсто того, чтобы давать въ руки дурнаго—положи это на дорогу, по которой идетъ добрый.

Дурному человѣку не дѣлай ничего хорошаго.

Помажь спину лошади на стертомъ мѣстѣ.

Дурной человѣкъ приноситъ пользу на войнѣ.

Не говори: отъ знатнаго человѣка не исходитъ ничего дурнаго.

Не говори: дурное не рождаетъ знатнаго человѣка.

Если что либо лежитъ около хорошаго, къ тому пристанетъ хорошее;
если что либо лежитъ около дурного, къ тому пристанетъ дурное.

Иное дѣло быть скорымъ на языкѣ, иное дѣло имѣть быстрыя ноги.

Если ты зарабатываешь деньги, то ты дѣлаешь это для потомства;
когда же ты зарабатываешь на пищу, то ты дѣлаешь это для желудка.

Иди по дорогѣ, хотя бы и по окольной.—женись на дѣвушкѣ, хотя бы и на беременной.

Кто ловить рыбу, тотъ не будетъ богатъ; кто лежитъ на землѣ, тотъ не будетъ сухъ.

Коротко обрѣзывай желѣзо, въ длину руби дерево.

Если нѣтъ отца,—сынъ ни на что негодится; если нѣтъ матери,—дочь нигде не годится.

Прежде чѣмъ ты слѣдишь за дѣвушкой, поддержи лучше раскаленный уголь.

Лошадь—по полнотѣ, человѣкъ—по платю.

Кто много стрѣляетъ, тотъ еще не стрѣлокъ.

Кто много говоритъ, тотъ еще не краснорѣчивъ.

Далекое можно слышать, близкое можно видѣть.

Корень дерева въ землѣ.

Корень человѣка въ народѣ.

Рука человѣка повинуется, рука Бога повелѣваетъ.

Кто сдѣлалъ подарокъ, тотъ старается получить такой же подарокъ.

Не бери дѣвушку, у которой дурная мать; не входи въ домъ, гдѣ дурная дверь.

Кто умеръ, того не спасетъ ни какой шаманъ.

Кто умираетъ отъ голода, того не спасетъ ни какой богатъ.

Скрыпучее вьючное сѣдло не даетъ покою лошади.

Глупецъ хвалитъ свою жену.

Умный хвалитъ свою собаку.

У кого поносъ—за тѣмъ слѣдуетъ собака,

За шуткомъ слѣдуютъ люди.

Молоко бѣжитъ изъ кастрюли.

Безсмысленный человѣкъ не удержишь въ своей болтливости.

Безъ песку нѣтъ рѣки.

Безъ бога нѣтъ народа.

Безъ воротника нѣтъ шубы.

Безъ закона нѣтъ народа.

Кто чтитъ сановника, тотъ не останется въ забвеньи.

Кто чтитъ вліятельнаго человѣка, тотъ не повредитъ себѣ.

Не ставь себя выше начальника.

Будь послушнымъ старшимъ.

Кто чтитъ высокопоставленныхъ лицъ, тотъ долго будетъ жить.

Клеветника пожираетъ палка.

Клеветникъ уничтожается.

Онъ продаетъ свою душу.

Лжець постепенно исчезаетъ.

Онъ скрывается во мракѣ.

Ѣшь хлѣбъ съ солью!

Говори о невинныхъ предметахъ.

Кто соединилъ двѣ головы, того Богъ назоветъ утѣшеніемъ.

Кто обезчестилъ двѣ головы, того Богъ назоветъ наказаніемъ.

Завистливый не имѣетъ рубашки.

Если есть что нибудь, хватай какъ волкъ.

Если нѣтъ ничего, будь сухъ какъ сухая жила.

Что заработано, то отцу и матери.

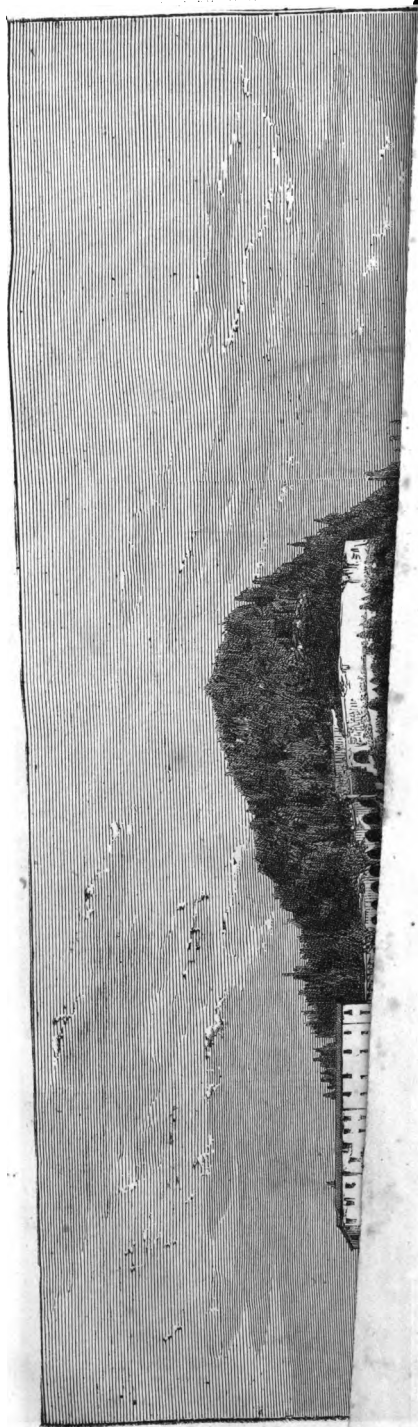
Чему я научился, то мнѣ самому.

Изъ двухъ людей одинъ выше.

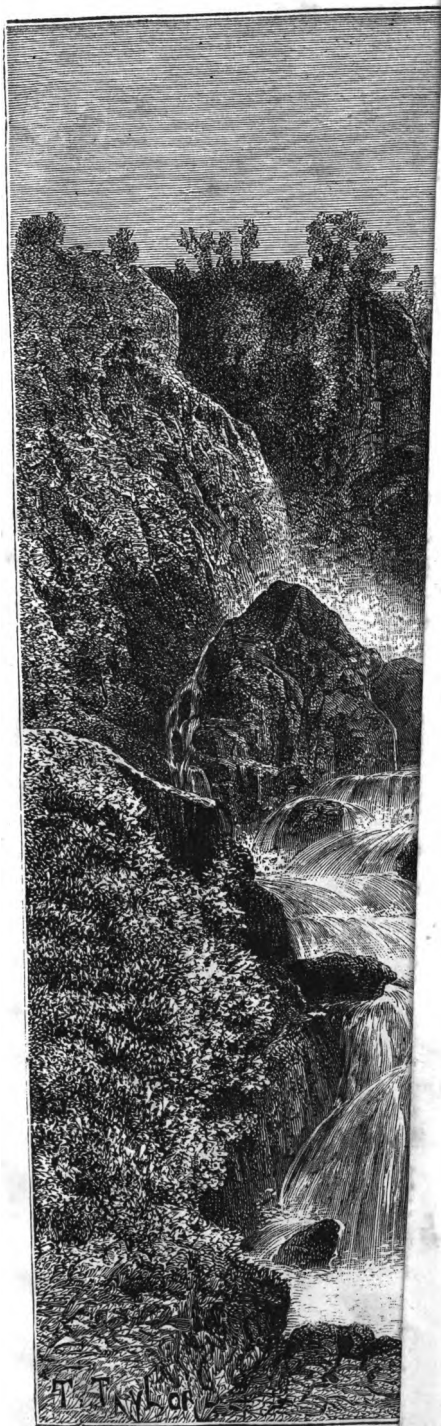
Если только одинъ человѣкъ, то онъ выше себя на длину своей шапки.

Не-за-чѣмъ спрашивать навоза тамъ, гдѣ нѣтъ скота.

T. Taylor del.

I

